

АНДРЭ
НОРТОН

ПОВЕЛИТЕЛЬ
ЗВЕРЕЙ

АНДРЭ

НОРТОН

ПОВЕЛИТЕЛЬ
ЗВЕРЕЙ

ИЗБРАННЫЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АНДРЭ НОРТОН

том шестнадцатый

*Повелитель зверей
Повелитель грома*

романы

Издательство «Зеленоградская книга»,
г. Зеленоград
1994г.

ББК 84.7 США
Н49

Нортон Андрэ

Повелитель зверей: романы/Пер. с англ. — Зеленоград:
Издательство «Зеленоградская книга»,
1994г. — 384 стр. Вып. 24.

Издательство «Зеленоградская книга» представляет диологию Андрэ Нортон **ПОВЕЛИТЕЛЬ ЗВЕРЕЙ**. Хостин Шторм, потомок земных индейцев, обладающий даром общения с животными, попав после окончания галактической войны на полуосвоенную окраинную планету Арзор, дважды предотвращает возникновение войны между аборигенами планеты и колонистами, попутно обнаруживая спрятанные древней цивилизацией сокровища технологии — так называемые «Запечатанные пещеры». Благополучно пройти все испытания землянину помогает команда зверей, составляющая вместе с ним одно целое.

Печатается с разрешения автора и его литературного агента. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом без разрешения — запрещена. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с ведома издателя.

Н $\frac{4701000.000 - 7}{480 (03) - 94}$ Без объявления

ББК 84.7 США
ISBN 5 — 86314 — 030 — 5

THE BEAST MASTER
© 1959 by Andre Norton
LORD OF THUNDER
© 1962 by Andre Norton

- © Издательство «Зеленоградская книга», 1994г.
- © Пер. с англ. «Повелитель зверей», В. Шербаковой, 1994г.
- © Пер. с англ. «Повелитель грома», В. Шербаковой, К. Прилипко, 1994г.
- © Оформление Д. Аввакумов, 1994г.

ПОВЕЛИТЕЛЬ ЗВЕРЕЙ

*Посвящается Отису Луису Эрнсту,
солдату,
инженеру,
собирателю индейского фольклора
1914-1958*

Глава 1

— Транспорт в тот сектор уходит завтра. Мои бумаги в полном порядке. Я прошёл все формальности, у меня имеются все разрешения. Не так ли, сэр? — молодой человек вежливо улыбался. На нём была зелёная форма Галактических командо, грудь украшал значок — маска оскаленного льва.

Старый офицер тихо вздохнул. И почему все спорные вопросы приходится решать лично ему? Коммандер был колонистом четвёртого поколения на Сириусе. Космополит по убеждениям, терпимый ко всем расам. Но что-то заставляло его думать: никто так и не прошупал этого мальчишку, так и не выяснил, что же у него на уме. Даже психомедики, проводившие его обследование. Коммандер, не читая, пролистал документы Выпускника. Он знал их наизусть.

«Хостин Шторм. Ранг: Повелитель зверей. Раса: американоиндеец. Планета происхождения: Земля, Солнечная система».

Вот откуда шло раздражение Коммандера. Земля! Колыбель всей космической Конфедерации, Земля ныне представляла собой кусочек голубого радиоактивного шлака. Последний десант завоевателей из Ксика уничтожил её. А здесь, в Центре Сепарации, он должен теперь утрясать неурядицы ветеранов, кто остался без крова, без службы, без корней.

Ведь любые земельные наделы, равно как всемерная помощь и поддержка планет Конфедерации не смогли стереть из памяти уцелевших землян воспоминаний о

погибших и чувства изломанности собственных жизней. Многие спасённые сходили с ума прямо здесь, в Центре. Попытки ассимилировать их с колонистами приводили потерпевших только в ещё большее отчаяние. Порой они убивали из личного оружия сначала друзей и близких, а потом и себя. В конце концов пришлось насильно разоружить все оставшиеся группы землян. Эта мера немного помогла. Однако душераздирающих сцен страданий Коммандер насмотрелся вдоволь. Особенно за последние два месяца.

Правда, случай Хостина Шторма далеко не рядовой (впрочем, все земляне были теперь на особом учёте). И всё-таки, даже до ужасного вторжения завоевателей Ксика, таких как Хостин Шторм на всей Земле было совсем немного. Человек пятьдесят, не более. Из них спаслось лишь несколько. Надо обладать редчайшим сочетанием умственных и душевных способностей, чтобы стать Повелителем зверей. Люди такой профессии всегда были на особом положении.

— Мои документы, сэр, — снова заговорил Шторм.

Он говорил без малейшего нажима. И всё же Коммандер не мог позволить поторопить себя. Шторм был подозрительно спокоен во время пребывания в Центре. Он не заволновался, даже когда ему в качестве испытания подсунули посылку с Земли, отправленную ещё до трагедии и пришедшую слишком поздно, догнавшую Шторма на пути с базы, где он выполнял задание. Собственно говоря, Шторм не только не противился действиям персонала Центра, но и всячески помогал. Он даже сам попросил врачей обследовать своих животных. Это не вызвало трудностей. Лечащие врачи настороженно следили за ним, ожидая срыва, истерики, шоковой депрессии. Срыв неминуемо должен был настигнуть Шторма. Но ничего подобного не случилось. И врачи вынуждены были представить Шторма к выписке из Центра.

Возможно, всё дело было в его происхождении. Чисто-

кровные америндейцы умели переносить удары. Даже такие удары. Но Коммандер раздражённо продолжал сомневаться. Мальчишка слишком скрытен. Допустим, его освободят из Центра, он устроит какую-нибудь катавасию, вовлечёт в неё других, что тогда?

И Коммандер, продолжая думать о том, что будет тогда, сказал:

— Я вижу, вы выбрали местом вашей репатриации планету Арзор?

— Да, сэр. Справочные данные об Арзоре таковы. Климат сходен с климатом моей родной планеты. Основное занятие — разведение и выпас якобыков. Представители Арзорских поселений уверили, что я, с моей квалификацией Повелителя зверей, легко получу там работу.

Вполне удовлетворительный ответ, простой и логичный. Коммандер снова тихо вздохнул. Возможно, он подозревает землянина безосновательно. Даже закладывая разрешение на выезд в прорезь компостера, Коммандер медлил. Но возразить было нечего. Штурм взял протянутые документы и вскочил, всё также улыбаясь. Он улыбается только губами, отметил Коммандер, а глаза у него остаются тёмными и холодными.

— Благодарю за содействие, сэр. Я ценю вашу помощь, — изобразив что-то вроде прощального взмаха рукой, землянин удалился. Коммандер так и не решил, правильно ли он поступил, отпустив Штурма.

Покинув здание Центра, Штурм развил бурную деятельность. Для отлёта ему оставалось только получить штамп «Выезд разрешён», а всё остальное он подготовил заранее. Упакованные вещи уже были погружены в багаж. Там же, в секторе погрузки, юношу поджидала вся его команда. Верные друзья, никогда не сомневавшиеся в нём и не анализирующие его поступки — даже с самыми благими намерениями. Подобная преданность делала для Штурма вполне достаточным общество этих существ. Только с ними он чувствовал себя теперь человеком, а не

очередным экземпляром для клинических исследований.

Хостин Шторм происходил из племени Дайни, что значит «люди». Впрочем, светлокожие пришельцы когда-то окрестили предков Шторма другим именем — Навахо. Древние индейцы его племени были отличными наездниками, искусными мастерами, создававшими украшения из металла и прекрасные шерстяные вещи. Среди Навахо были чудесные певцы, охотники, пастухи, воины. Навахо умели выживать в пустыне и были накрепко привязаны к своей скудной, но горячо любимой земле.

Хостин Шторм смял в себе воспоминания о земной жизни. Его с нетерпением поджидала команда, небольшая, потешная, преданная. Он открыл дверь комнатки и лицо его оживилось.

— Са-а-а... — свистнул он. Тотчас же раздались ответные свист и шипение. Захлопали крылья, зашуршали по полу когти, вполне способные превратить тело в кровавые лохмотья, и на услужливо поставленное плечо к Шторму опустилась чёрная орлица. Настоящая африканская чёрная орлица, разведчик номер один в «Группе сопротивления номер четыре» — так называлась команда Шторма.

Орлица наклонила голову и ласково потёрлась клювом о щеку Шторма. А по его ногам, словно по деревьям, уже карабкались два тёплых царапающихся комочка. Смешно цепляясь коготками за ткань формы, они быстро добрались до рук, и Шторм обнял двух меркотов.

Баку, Хо, Хинг, — приветствовал их Шторм. А где же Сурра? Орлица Баку представляла собой воплощение силы и величественной мощи. Великодушная и царственная, к чему обязывало орлиное происхождение. Меркоты Хо и Хинг, напротив, были весёлыми озорниками, они обожали компанию и вечно что-нибудь беззлобно подворовывали. Но Сурра! Сурра всегда вела себя как императрица, долг которой — вызывать поклонение.

Много поколений назад предки Сурры жили в песчаных пустынях. Это были пугливые кошки с желтоватой шёрст-

кой и мощными лапами, как бы одетыми в «сапожки», — так было легче не тонуть в песке. Ушки всегда настороже, как у лисиц, мордочки тоже узкие, лисьи, много веков они жили бок о бок с людьми и последние ничего или почти ничего не знали про осторожных кошек песчаных дюн. У них было замечательное чутьё и острейший слух. Что позволяло прятаться при малейшей опасности.

Когда Служба Животных только создавалась, её целями было поставлять командам первооткрывателей новых миров множество живых существ, чьи инстинкты могли пригодиться больше, чем человеческие навыки или мощь машин. В те времена песчаных кошек подвергли тщательному изучению, а затем скрещиванию с другими видами кошек и обучению жизни не только в условиях пустыни. Сурра как раз была прямым потомком искусственно выведенной расы космических кошек-разведчиков. Шкурка цвета жёлтого песка, по-лисьи вытянутая мордочка, широкие пушистые лапы для того, чтобы удержаться на зыбкой почве. Но размерами Сурра превосходила далёких предков раза в четыре. Она была высотой со взрослую пуму. А насколько она разумна, не догадывались даже те, кто выводил новую породу.

Шторм протянул руку к кошке. Сурра милостиво позволила погладить себя по голове.

Со стороны могло показаться, будто бывший вояка из числа Галактических командо с сидящей на плече орлицей спокойно гладит кошку по голове, а вокруг него суетятся два весёлых меркота. В целом же в компании царила невысказанная тревога, её чувствовали все. Человека и зверей связывало нечто большее, чем просто язык. Это было безмолвное единство; изредка это единство выступало как боевая единица. Но всегда участники группы выступали как полностью равноправные компаньоны.

Баку распустила крылья, издав протестующий клёкот. Она предчувствовала клетку, которую ненавидела и в которую всегда отправлялась только после применения

силы. Орлице не нравилась мысль Шторма о дальнем путешествии в космическом корабле, потому что Баку могла переезжать только в клетке. Шторм поспешил сообщить, какой прекрасный новый мир ждёт всю компанию. Он мысленно воспроизвёл все, что узнал в архиве о планете Арзор. Горы и долины, полные дикой свободы и первозданной красоты.

Баку сложила крылья. Меркоты довольно замурлыкали. Они были вдвоём, а остальное их мало заботило. Однако Сурру не так-то просто было уговорить мысленными картинками. Для переезда ей надо было надеть ошейник с поводком. А всякие ограничения свободы вызывали в ней упрямое сопротивление. Но по-видимому представленные Штормом картины прекрасной страны убедили не только орлицу, но и кошку. Сурра сама направилась в дальний угол комнаты и вернулась, неся в зубах ненавистный ошейник с волочащимся по полу поводком.

— Йат-та-хей, — как всегда тихо и ласково сказал Шторм. — Йат-та-хей. Очень хорошо, молодец.

Они вылетели на военном пароме, перебрасывающем на родные планеты новобранцев, различные боевые формирования и другие мелкие группки военных. Эта война закончилась разгромом завоевателей с Ксика. Но она же обескровила Конфедерацию, измотала людей, которые теперь возвращались на свои планеты под красными, жёлтыми и голубыми светилami в надежде восстановить мирную жизнь.

Шторм отстегнул ремни кресла и повернулся к Сурре. Она тихонько ворчала, шурша подстилкой. Шторм улыбнулся и на этот раз улыбка согрела его глаза. Он заговорил с кошкой на языке, считавшемся ныне мёртвым.

— Подожди, бегунья по пескам. Мы вновь заточим стрелы, установим моленные светильники и вознесём наш зов к Древним и Вечноживущим Богам. Мы по-прежнему на тропе войны.

И в глубине тёмных глаз землянина мелькнул огонёк,

столь настороживший Коммандера-сирианца: будь даже вся Галактика погружена в мирный сон, Хостин Шторм вёл себя так, будто продолжает войну и намерен продолжать её до конца.

На борту парома оказалась и компания жителей Арзора. Это были потомки первопоселенцев, четвёртое поколение. Шторм прислушался к их разговору, автоматически фиксируя в памяти детали и сведения, которые могли бы пригодиться позднее. Все ехавшие относились к одной социальной группе — пионеры, проводившие жизнь в борьбе с планетой, почти три четверти которой приходилось на долю дикой, совершенно неосвоенной природы. На планете разводили животных, служивших единственной статьёй экспорта, — якобыков. Скромные состояния арзорцев накапливались по мере продаж мяса якобыка и ни с чем не сравнимого материала из выделанных шкур. Чудо-материя блестела и была нежной на ощупь, словно шёлк, но отталкивала воду как старомодная резина.

Стада якобыков обожали пастись на лугах. С виду якобык достаточно хрупок, с пушистым торсом, укрытым голубоватой гривой и безволосой узкой задней частью туловища. Но в случае опасности якобык вполне способен защитить себя. Бифштексы из мяса якобыка — несравненное блюдо. Ткань, сотканная из его шерсти также не имеет аналогов по всей Галактике.

А в это время светловолосый человек — Шторм слышал, как другие звали его Рэнсфордом, — говорил:

— У меня двести акров земли в долине Вэйкинд, прямо за холмами. Мне бы команду объездчиков и тогда бы...

— Найми Норби, — кивнул сосед по лавке. — У них ни один якобык из молодняка не отобьётся. Сам Куэйд нанимает Норби, если только ему удаётся договориться с ними.

— А я и не слыхал об этом, — заметил третий пассажир, также арзорец. — Нет, я всё же предпочитаю нанимать постоянных объездчиков. Норби — не такие, как мы.

Шторм не слушал дальше, он окунулся в нахлынувшие мысли. Имя «Куэйд» не было для Шторма пустым звуком. Когда-то, единственный раз в жизни, Шторм уже слышал это имя.

— Так ты что, веришь этой чуши, будто Норби относятся к людям враждебно? — резко оборвал речь третьего пассажира сосед Рэнсфорда. — Мы с братом всегда нанимаем Норби, а у нас очень трудное пастбище возле самых Пиков! Да всего двое Норби лучше углядят за скотом, чем целая дюжина объездчиков, которых можно нанять в Кроссине. Если хочешь, я по именам перечислю, кто из них...

— Спустись с трибуны, Дорт, — перебил его Рэнсфорд. — Мы все знаем, как вы, Лансины, неровно дышите к Норби. И я согласен, все Норби действительно хорошие следопыты. Беда только в том, что скот, который они пасут, пропадает. Слышал о таком?

— Да, слышал. Но ведь никто не доказал, что скот пропадает именно потому, что его крадут Норби. Если любой, кого ты осмелишься задеть плечом, вышибет тебе зубы в отместку, то нечего валить на Норби. Да если с Норби обращаться по-человечески, они самые надёжные помощники! Горцы Мясоеды куда злее Норби.

Шторм вмешался в беседу, надеясь вернуть её снова к личности Куэйда:

— Горцы Мясоеды — это ведь те, кто ворует скот?

— Они самые, — кивнул Рэнсфорд. — Послушай-ка, ты и есть тот Повелитель зверей, которого послали из Центра в наше поселение? Тогда мы тебя просветим прямо здесь, мы наслышаны, кто ты такой и что умеешь. Так вот, Горцы Мясоеды — гроза пастбищ. Они налетают на чье-нибудь стадо, загоняют и отбивают молодняк, который потом перепродают. Пастухи не могут уследить за каждым акром пастбищ. Поэтому приходится нанимать Норби. Они хорошие следопыты, знают пастбища и горы.

— А где же Горцы Мясоеды продают украденный скот? — спросил Шторм.

— Это хотел бы знать любой владелец якобыков, любой объездчик, любой пастух этой планеты. У нас есть только один космопорт, через который не пропускают ничего, что избежало бы двойной проверки, вдоль и поперёк. Разве что где-нибудь в холмах есть тайный космопорт, куда контрабандисты заходят за угнанным скотом. Но так или иначе, Мясоеды налетают на стада.

— Или налетают не Мясоеды, а Норби, — вмешался третий пассажир. — А потом, когда мы начинаем задавать вопросы, куда делся скот, Норби вопят о нарушении прав, о незаконных притязаниях...

— Балвин, это неправда! Стал бы тогда Брэд Куэйд нанимать Норби, как же! Его клан живёт в округе Бэйсин со времён Первого Корабля, он истоптал эту землю до ярда. Налёты с гор Лимпиро — вот что заставило Куэйда изменить мнение.

Шторм пристально разглядывал собственные руки, покоившиеся на столике. Загорелые, худые руки, левую пересекал тоненький неровный шрам. Неподвижные руки спокойного человека. Никто из сидящих не заметил внезапного блеска в опущенных глазах Шторма. Он услышал то, чего ждал. Брэд Куэйд, тот, ради встречи с кем Шторм проделал столь долгий путь. Брэд Куэйд, за которым тянулся кровавый долг из мира, больше несуществующего.

Брэд Куэйд, к которому Шторм стремился, чтобы спросить с него этот кровавый долг. Когда-то, будучи ещё маленьким любознательным мальчиком, Хостин Шторм дал великую клятву другому человеку, сильному и разумному. Гораздо более сильному и разумному, нежели те, кто причислял себя к цивилизованным расам. Потом разразилась война и Шторм вынужден был участвовать в ней. А потом он проделал путь в половину галактики...

«Йат-та-хей, — он произнёс это не вслух. — Очень, очень хорошо».

Таможенный и иммиграционный досмотр на Арзоре оказался пустой формальностью, коснувшейся только лич-

ности прибывшего землянина, да и то интерес таможенников был направлен не на Шторма, а на его животных и орлицу Баку. В глубоком космосе легенды об Отрядах Зверей обрастали такими неожиданными подробностями, что никто из таможенников, наверное, не удивился бы, заговори Сурра человеческим голосом или выпусти Баку лазерный луч из когтя на лапе.

Жители Арзора миновали таможню при полном вооружении. Бластеры и нидлеры были запрещены, однако у всех взрослых мужчин на поясах болтались трубки лучевых станнеров, а некоторые не выпускали этого оружия из рук. Вполне простительная традиция, подумал Шторм, на Земле такое тоже встречалось. Однако пластикретовые стены зданий порта были не земными. Точно так же не был земным купол неба розовато-лилового оттенка; но налетевший с дальних красно-рыжих гор ветер обещал долгожданную свободу.

Под этим ветром Баку приподняла крылья, а Сурра настороженно поводила мордочкой. Шторм остановился, нюхая воздух широко раскрытыми ноздрями. Сурра сделала то же самое. Ветер принёс запах, очень стойкий, неотвязный.

По всей планете паслись якобыки. Попадая в этот мир, люди, зависевшие на других планетах от механического транспорта, обнаруживали, что здешняя жизнь устроена совсем по-другому. Для машин необходимо топливо, запчасти, в новые миры машины приходится ввозить за астрономические суммы денег. Но кое-где сохранился самовоспроизводящийся вид транспорта, средство передвижения, которое когда-то верно служило на родной планете, и которое звёздные эмигранты променяли на другое. Но которое осталось благодаря чьей-то любви к природной красоте и грации. Лошади. Их завезли на Арзор в порядке эксперимента. И для лошадей равнины Арзора стали родным домом. Через три поколения арзорских поселенцев лошади распространились по всему Арзору,

изменив жизненный уклад и поселенцев и коренных жителей планеты.

Индейцы племени Дайни веками существовали бок о бок с лошадьми. Это племя хранило в крови дружелюбие к лошадям. Налетевший ветер принёс вместе с запахом якобыков запах лошадей. Шторм вспомнил свой первый выезд. Ему было три года и он чувствовал себя потерянным на равнине огромного крупа старой смирной кобылы.

В загоне близ космопорта паслось достаточно лошадей. Шторма удивил их облик. Здешние лошади не походили на маленьких вьючных пони, к каким был привычен индеец Шторм. Они были гораздо выше и расцветка их была непривычна. Серые или светлые шкуры, украшенные чёрными или красными пятнами, контрастировали с тёмными гривами. Или наоборот, вороной окрас и светлые гривы-хвосты. До сих пор Шторму не приходилось скакать на таких лошадях.

Баку взлетела на ветку ближайшего дерева, Сурра и меркоты устроились возле обширного пня. Шторм подошёл к ограде корраля.

— Симпатичный табун, правда? — стоявший внутри корраля человек снял широкую соломенную шляпу и открыто улыбнулся. — Я их пригнал из Кардола несколько дней назад. Пока что я не снимаю путы, лошадок только завтра будут приучать к наездникам. Нужно подготовить их к аукциону.

— К аукциону? — Шторм залюбовался молодым жеребцом. Длинный шёлковый хвост, упругие бока, животное двигалось, явно наслаждаясь собственной лёгкостью и свободой. Серая блестящая шерсть в рыжую крапину, светлые подпалины на брюхе и груди, красноватые грива и хвост.

Шторм так увлёкся рассматриванием жеребца, что не заметил, как хозяин корраля рассматривает самого Шторма. В этой части галактики редко попадались коммандо в полном обмундировании. Чаще всего солдаты Конфедера-

ции носили простую бляху-значок в виде львиной морды. Направленный на Шторма внимательный взгляд подметил больше, чем могла рассказать зелёная форма Конфедерации.

— Этот табун предназначен на племя, незнакомец. Нам приходится привозить лошадей с планет, где их когда-то разводили. Так что это не чисто земные лошади, а немного другая порода. Я собираюсь выставить этот табун на большой весенний аукцион в Ирравади Кроссин.

— Ирравади Кроссин? Это в округе Бэйсин, не так ли?

— Точно так, незнакомец. А ты сам чем думаешь заняться? Возьмёшь кусок земли или пока что поработаешь у кого-нибудь на ранчо?

— Думаю поработать на ранчо для начала. Можно ли здесь устроиться пасти скот?

— Ты ведь уволился из каких-то войск, да? И с нашими условиями, по-моему, не знаком. Ездить на лошади умеешь?

— Я землянин, — слова Шторма не вызвали никакой реакции. Только лошади топали по загону и фыркали. Шторм, не сводя взгляда с красно-серого жеребца, продолжил. — Да, я умею ездить на лошади. Мой народ объезжал лошадей. И у меня квалификация Повелителя зверей.

Но на хозяина корраля это сообщение не произвело впечатления:

— И что с того? Ты лучше покажи, как едешь на лошади. Если умеешь, я тебя нанимаю, прямо сейчас. Это мой корраль, меня зовут Пат Ларкин. Платить буду лошадьми. А коня для работы объездчиком ты получишь бесплатно, таковы условия договора.

Шторм уже перепрыгивал через ограду корраля.

— Погоди, они же совсем дикие, — поймал его за руку Пат Ларкин.

— Да? — засмеялся Шторм. — Но я ведь должен доказать, что не даром буду есть свой хлеб.

И он направился к жеребцу, которого приметил.

Глава 2

Шторм распахнул ворота прямо перед красно-серым жеребцом. Тот несколько мгновений не осознавал, что свободен, шагая вперёд по инерции.

Ларкин глазом не успел моргнуть, как Шторм обнял жеребца, запустив руки в пышную гриву и наклоняя голову коня к своей. Животное попыталось вырваться — индеец ласково дунул коню в ноздри, не ослабляя хватки.

Жеребец дрожал, но не сопротивлялся. Шторм погладил благородную морду, почесал за ушами, ласково прошёлся ладонью вокруг широко раскрытых глаз, огладил высокую шею, бока, круп. Каждый мускул, каждая клеточка тела животного ответили на тёплое прикосновение загорелых человеческих рук.

— Есть кусок верёвки? — тихо спросил Шторм Ларкина. К этому времени тот был уже не единственным зрителем, подошли и другие владельцы лошадей. Один из них протянул плотный моток верёвки.

Шторм перекинул верёвку через жеребца, связал на конской груди большую петлю и вскочил на коня, обхватив его ногами и крепко держась за гриву.

Не то чтобы жеребец протестовал. Он всего лишь пустился вскачь в открытые ворота. Жёсткая грива хлестала Шторма по лицу. Но он не отпускал конскую шею, он шептал проникновенные заклинания, соединявшие когда-то людей его рода с лошадьми, позволявшие животным преодолеть страхи, подчиняясь нежной силе.

Вскоре космопорт остался позади, словно рассыпанная нитка жемчужных огоньков на жёлто-красном ландшафте. Ласковым поглаживанием, тихим словом, убедительной настойчивостью интонации Шторм, наконец, заставил жеребца успокоиться. Конь перешёл с испуганного галопа на спокойный шаг, и некоторое время спустя Шторм неторопливой рысью прискакал в корраль.

Возле круглого ствола толстого дерева, где отдыхала команда Шторма, уже собралась толпа зевак. Жеребец

почуял незнакомый запах и вновь задрожал, занервничал. Шторм не стал останавливаться, шепнув коню ободряющее словечко. В их сторону направилась Сурра.

Конь взвился и прыгнул к Сурре, явно собираясь атаковать. Шторм сжал его шею ногами, зашептав на ухо коню очередную команду. Сурра поступила не менее убедительно. Подняв передние лапы к морде коня, она оскалилась, жёлтые злые глаза оказались прямо напротив вспененной конской морды. Жеребец замотал головой и понурился. Шторм засмеялся.

— Так вы нанимаете меня? — крикнул он Ларкину. Тот, не скрывая восхищения, ответил:

— Парень, всякий раз, как тебе захочется заночевать в моём владении, знай — я нанял тебя укротителем необъезженных лошадей. Если бы я своими глазами не видел, как ты управляешься, я не поверил бы во все эти байки, будто Повелители зверей могут всё. Этот жеребец твой на весь путь до самого Кроссина. А кто у тебя вот эти звери?

— Баку, африканская чёрная орлица, меркоты Хо и Хинг, и Сурра, песчаная кошка. Все они с Земли.

Услышав своё имя, Баку распустила крылья, а меркоты высоко подняли мордочки, как бы принюхиваясь.

— Кошки с лошадьми не уживаются.

— Разве? — усмехнулся Шторм. — Вы говорите так, потому что видели, как Сурра знакомилась с жеребцом. Но она прекрасно обучена ладить со всеми. К тому же она великолепная разведчица.

Ларкин усмехнулся:

— О'кей, сынок. Ты настоящий Повелитель зверей. Мы выступаем в степь сегодня после полудня. У тебя снаряжение готово?

— Я успею всё собрать.

Шторм завёл жеребца в корраль и отпустил его к другим лошадям.

Перегон табуна был продуман до мелочей. Шторм и сам был не промах, но даже он через два часа езды по степи

отметил чёткую слаженность работы небольшой группки наездников. Ветераны сопровождения Рэнсфорд и Лансин скакали рядом со Штурмом из чистого желания поскорее ввести новичка в привычную для них обстановку. Свою поклажу они сложили в купленную тележку на двух колёсах, прицепленную к фургону. Когда поклажа была упакована, меркоты взобрались поверх тюков. Сурра и Баку пожелали следовать собственным ходом — бегом и на крыльях.

Штурм последовал совету Лансина, купив собственное снаряжение в небольших лавочках близ Порты. Он выбрал то же, что и старожилы. Он купил широкие брюки из шкуры йориса, прошитой нитями из шерсти якобыка. Ткань была плотная как металл и почти такая же прочная. Затем он приобрёл высокие ботинки из такого же, но вдвое утолщённого материала. Зелёную тунику он сменил на рубашку из шерсти якобыка. Подражая старожилам, он не стал зашнуровывать застёжки на груди, оставив телу возможность вольно дышать под мягкой одеждой.

Покидая Центр, он вынужден был оставить бластер, взяв взамен обычный лучевой станнер и охотничий нож, как и у всех пионеров. Зеркало в лавочке отразило высокого юношу в широкополой шляпе на густых тёмных локонах. Штурм лишний раз подивился, насколько же одежда меняет человека. И чуть позже снова вспомнил об этом, когда Ларкин не узнал его при сборах.

— Вы наняли меня укротителем, помните? — улыбнулся Штурм.

Ларкин хмыкнул:

— Парень, ты словно родился где-нибудь посреди Бэйсина! Подожди, это что, все твои вещи? Ты без седла!

— Не нужно седла.

У Штурма было седло собственного изобретения — лёгкая подстилка, попона... И когда он взнуздal прирученного красно-серого жеребца, те, кто видел сцену объезды, не стали спрашивать, где седло.

На Арзоре все намёки на галактическую цивилизацию заканчивались за границей космопорта. Но вот кучка зданий осталась позади. Группа держала путь на юг. Шторм вобрал в себя терпкий воздух и взглянул на горную грядку впереди. В розовом небе прошелестели крылья — это Баку пробовала на вкус дикую свободу нового мира. Сурра, позёывая, развалилась в тележке. Её время открытий, ночь, ещё не пришло.

Дорога быстро превратилась в выщербленную от времени каменную кладку. Но Шторм знал, что и это временно. Ларкин собирался пересечь степь напрямую, чтобы, сэкономив время, захватить большую часть короткого сезона, когда в степи ещё есть растительность, для выпаса табуна. Стояла весна, время, в которое степь сплошь покрыта толстыми жёлто-зелёными растениями, мягкими, пока есть влага. Но через три или два месяца, или даже того быстрее, горные ручьи, питающие степь, высохнут. Растительность увянет, и стада некуда будет выгонять на выпас до самой осени — очередного влажного сезона. Осенью на несколько недель снова вернётся трава.

Они стали лагерем на ночёвку, и Ларкин назначил караульных, менявшихся каждые четыре часа.

— От кого караулить? — удивился Шторм. Рэнсфорд пояснил:

— Может быть, здесь, где ещё соблюдают закон, и не от кого. Но Пат правильно делает, что приучает нас к дисциплине загодя. В диких местах некогда будет учиться. Наше стадо хорошее, за него дали бы кучу денег в Бэйсине. Если Горцы Мясоеды подберутся к стаду и напугают животных, они легко смогут отбить сотню-другую голов. И, несмотря на слова Дорта Лансина, следует опасаться и Норби, которые не больно-то расположены работать, зарабатывая себе лошадей. Племена с окраин тоже не прочь отбить молодняк, потому что в их старых табунах всегда нужна свежая кровь на племя. Вот и они тоже рыщут в поисках поживы. И потом, всегда надо помнить про

йорисов. Эти твари лакомятся мясом, но всегда убивают больше лошадей, чем им нужно на ужин. Просто от возбуждения убивают и не могут остановиться. Если йориса не остановить, эта гигантская ящерица перекусает весь табун своим скорпионьим хвостом, будет жалить пока никого не останется.

Потянувшись, Сурра вскочила с подстилки и подошла к Шторму. Короткий обмен быстрыми взглядами — и Шторм был предупреждён о близкой опасности. Запахи всех мужчин в отряде были уже хорошо знакомы Сурре, так же, как и запахи всех лошадей, ручных и необъезженных. Сурра чужала что-то незнакомое вне лагеря. Рэнсфорд, кивнув в сторону опустевшей подстилки, спросил:

— Ты что, кошку тоже выставил в дозорные?

— Да. Думаю, йорис не справится с нею. Са-а-а!.. — Шторм свистнул, подзывая Хо и Хинга. Те вскочили в круг света возле костра, вскарабкались по ногам Шторма к нему на грудь и принялись любовно облизывать лицо юноши.

— А эта парочка чем у тебя занята? — полюбопытствовал Рэнсфорд. — Коготки у них, вроде, длинные, но для драки они слишком малы.

Шторм погладил меркотов — серые мордочки с чёрными «очками» вокруг живых глазёнок. Ну прямо бандиты в масках.

— Это у нас диверсанты, — сказал он. — Они выкапывают улики, от которых кто-нибудь пытался избавиться, у них нюх на спрятанное. Из вражьего лагеря они всегда приносят замечательные трофеи. А сколько бывает спрятано в их норах наворованного! Это и представить себе невозможно, сколько они могут стащить, когда попадаетесь вражеская диспозиция.

Рэнсфорд присвистнул:

— А это не они обезвредили пост на Сальтаире, дав нашим парням возможность победить деморализованного противника и прорвать окружение? Слушай, тебе с ними надо добраться до Запечатанных Пещер. Вдруг они разыщут вход. Тебе тогда правительственную премию дадут.

— Что такое Запечатанные Пещеры? — в Центре Шторм узнал об Арзоре всё, что можно было почерпнуть из хранилища информации в Агентстве Эмиграции. Про Запечатанные Пещеры там ничего не было.

— Ну, Запечатанные Пещеры — это что-то из области сказок. Но эти сказки упорно гуляют по горам. Ты должен услышать, что рассказывает Брэд Куэйд. Он дружит с Норби, даже был удостоен чести выпить чашу крови с каким-то их большим вождём. Норби и рассказали Куейду о пещерах. Туземцы утверждают, будто за горами есть большие города. Или что-то, что когда-то было городами. То ли Норби не всегда были такими дикими, то ли мы на этой планете не первые поселенцы. Тех, кто построил города, Норби называли «древними людьми». Якобы они потом ушли в пещеры, а входы за собой запечатали. Помню как-то учёные из Гальвади — большие умники! — прислали экспедицию. Но это было в сухой сезон, они не нашли воду. А потом грянула война, поиски входа в пещеры прекратили, учёные убрались. Но они объявили, что для того, кто найдёт вход в Пещеры, учреждена награда в четыреста акров земли плюс беспошлинный ввоз товаров в течение четырёх лет.

Рэнсфорд поглубже закутался в плед и положил голову на седло:

— Об этом, парень, здорово мечтается, когда объезжаешь стадо в степи.

Шторм уложил меркотов в своё одеяло. Они тут же зарылись под него, тихо мурлыча. Баку дремала на перекладине фургона, выставив чуть вперёд когтистую лапу. И меркоты, и орлица будут спокойны, пока Шторм не призовет их к действию.

Жеребец, которого Шторм назвал Дождь-в-Пыли из-за особенностей его окраса, был совсем ещё не обучен ночной выездке. Поэтому землянин оседлал другую лошадь, хорошо объезженную, которую он также взял у Ларкина, и отправился на ней в путь без малейшего

колебания. За прошедшие годы ночь столько раз служила ему укрытием, что и сейчас, подумал Шторм, её прихода можно не опасаться.

Время дежурства Шторма было почти на исходе, как вдруг Сурра заволновалась. Безмолвно и бесшумно в уме кошки проскочила искра тревоги, пойманная Штормом. На севере передвигается нечто опасное. Но что? Или — кто?

Он повернул коня в направлении, откуда Сурра почуяла угрозу. Кошка взвилась от ярости и предупреждающе зашипела. Шторм уловил ответный возглас из лагеря. Это меркоты и орлица спешили на помощь. Он сорвал с пояса фонарик и, включив его на полную мощность, посветил перед собой. Луч наткнулся на отблески, разбрасываемые чешуйчатой змеиной головой, готовой к схватке. Йорис!

Лошадь под Штормом заупиралась, хрипя от страха перед жутким запахом громадной ящерицы. Зловещее шипение достигло Шторма. Шторм не боялся ни за себя, ни за Сурру. Песчаная кошка привыкла к любым сюрпризам в самых разных мирах.

Но перепуганная лошадь могла понести, поэтому Шторм прыгнул наземь, отпустив поводья и двигаясь так, чтобы оказаться между ящерицей и перепуганным табуном. Несколько коней уже кинулись врассыпную, тяжело стуча копытами.

Частью разума, не занятой подготовкой к сражению, Шторм успел удивиться, почему это йорис напал на стадо в необычной обстановке. Отличный охотник, йорис не стал бы заходить к лакомому мясу с подветренной стороны, пугая собственный обед своим же запахом. Ни одна ящерица не может состязаться в беге с перепуганной лошадью. Значит, заходя с подветренной стороны во время охоты, йорис мог рассчитывать исключительно на внезапность нападения. Нет, здесь что-то не так.

Чешуйчатая тварь поднялась на задние лапы, стараясь передними достать Сурру. Но слепая ярость взбесив-

шейся рептилии не могла причинить вреда гибкой Сурре, неуловимо уворачивавшейся от когтей всего в каком-нибудь сантиметре от мёртвой хватки ящерицы.

Индеец издал особый свист — свист общей тревоги, и Баку не заставила себя ждать. Наверное, она учуяла схватку. Ночь — не самое лучшее время для орлиной охоты, но теперь вмешательство Баку могло существенно помочь. Баку просто рвалась убивать. Острые, кривые — словно смертельные кинжалы — когти орлицы зацарапали по чешуе ящерицы. Крылья лупили по глазам твари. Пытаясь сбросить непрошенного седока, тварь замотала головой, выгнув шею назад всего на мгновение, которого Шторму вполне хватило, чтобы сделать выстрел, так как йорис обнажил уязвимую щель. Ведь заряд, выпущенный из станнера, способен обездвижить существо гораздо больших размеров, чем йорис. Тварь, получив такой удар в нежную шею, зашаталась, словно драчун, получивший по носу, замолотила передними лапами по воздуху и в конвульсиях упала.

Шторм занёс нож над горлом ящерицы. Им двигал охотничий инстинкт. Тягучая тухлая кровь облепила пальцы. Теперь эта большая ящерица-йорис больше не выйдет нарушать правила охоты.

Даже убитый, йорис наводил ужас на табун, напрочь перепуганный одним только запахом твари. Кинувшись прочь, животные в панике разбежались по всей степи. Произойди нападение йориса где-нибудь подальше, Ларкин уже не собрал бы обратно в табун множество коней. Но так как жеребцы, разбежавшиеся по округе, ещё не были привычны к долгим выгонам и не приспособились к одиночному выпасу, их легко можно было вновь сбить в кучу, хотя бы в течение суток-двух, которые могли бы пойти на путешествие, а не на сбор коней по степи.

На следующий день, уже после полудня, Ларкин подсккал к фургону с поклажей и позвал одного из ветеранов, прибывшего чуть ранее него.

— Дорт! — лицо Ларкина осунулось, глаза запали. — Я услышал, вниз по реке Таларп есть лагерь охотников Норби. Мы могли бы нанять у них несколько объездчиков. Тогда под присмотром оказался бы вдвое больший участок степи.

Ларкин соскочил с коня и направился к фургону-кухне, чтобы взять что-нибудь из еды.

— Ты ведь немного знаешь «речь-на-пальцах», язык жестов. Съезди по реке, найди Норби. Скажешь вождю, что я заплачу жеребцом из табуна или парой годовалых кобыл.

Повар протянул Ларкину миску, тот жадно отхлебнул из неё.

— Ну, ребята, сколько пригнали сегодня? — Ларкин повернулся к Шторму.

— Семерых, — индеец указал на невысокий корраль, который был возведён специально для отбившегося и распуганного йорисом молодняка, пойманного в степи. — Возможно, некоторых из них придётся объездить для верховой езды. На имеющихся у нас конях всю работу не выполнить.

— Ну да! — разозлился Ларкин. — Ты и представить себе не можешь, как быстро могут бежать эти четвероногие идиоты. И как далеко.

— Могу. Если их умышленно напугать.

Шторм обождал реакции на свои слова. Когда Ларкин и Дорт изумлённо посмотрели на него, землянин продолжил:

— Йорис, который напал сегодня ночью на стадо, шёл с подветренной стороны.

Дорт Лансин согласно закивал:

— Парень говорит дело, Пат. Вполне можно подумать, что эта тварь нарочно распугала нам полстада, будто специально хотела всех разогнать.

— Если поверить этой гнусности... — Пат Ларкин схватился за трубку станнера. Глаза сощурены, улыбку как ветром сдуло.

— Кого ты хочешь уложить, Пат? — сердито рассмеялся Дорт. — Если кто-то и подогнал к твоему стаду йориса, так этот умник давно уже рыщет по степи, собирая твоих коней. Или ты думаешь, он останется рядышком с тобой и подождёт, когда ты его наконец поймаешь? Не стоит обвинять собственных наездников...

— Зато Норби могут найти его по следам. Дорт, с тобой поедет Шторм. Он хотя и молод и чужак, но голова на плечах у него имеется. Если по дороге вам попадутся отбившиеся кони, сгоняйте их. Правда, я не знаю, кто их будет пасти, пока вы прогостите у Норби. Шторм, а твоя дрессированная кошка не сможет приглядеть за ними в степи? Если бы не нападение йориса, я всё равно нанял бы кого-нибудь из Норби следить за табуном.

Приноровившись к конскому галопу, Сурра легко пробежала рядом со всадниками весь путь до низовьев реки. А Баку обеспечивала поддержку с воздуха как зоркий вперёдсмотрящий. Она и увидела первой лагерь охотников Норби вдали. Чтобы привлечь внимание землянина, Баку опустилась на скалу впереди всадников. Затем резко снялась и полетела на юг, прямо к лагерю Норби. Шторм и Дорт повернули коней за орлицей.

Почувяв близость воды, лошади ускорили шаг, топоча по извилистой тропе между кустов пыхтуна. Наполненные дурманящим семенем плоды этого растения свисали с веток будто надутые матерчатые шары-муфточки. Сурра пробиралась впереди кавалькады, почти неразличимая в траве, но чутко ловящая шорохи любых существ, которые могли быть опасны.

Внезапно Дорт остановился и взмахнул рукой. Индеец также остановил коня. Сурра распласталась в траве, Баку опустилась рядом с ней.

— Нас заметили? — тихо спросил Шторм.

— Да. Но мы не увидим наблюдателя Норби, пока он не захочет показаться нам на глаза, — Дорт отпустил поводья и, поднеся ладони ко рту, издал протяжный крик: — Иа-а-а-а!

У Норби гортань устроена так, что издаваемые ими звуки невозможно симитировать. Просто понимать речь Норби — и то уже трудная задача для уха, привыкшего к человеческим словам и способу их произношения. Однако между людьми и Норби практиковалась весьма гибкая система общения, которой и воспользовался Дорт. Он живо зашевелил пальцами, да так, что невозможно было различить один условный жест от другого. Но вскоре стало совершенно очевидно, что безмолвное послание Дорта было принято и понято: над пнём неподалёку поднялась зыбкая тень, предоставив Шторму возможность лицезреть живого Норби как он есть, а не на экране три-ди-визора.

В Центре Шторм просмотрел все фильмы об Арзоре, какие только там были. Они были реалистичны и красочны, они давали полную возможность новичку заранее подготовиться к встрече с диким миром и с тем, чтобы обживать этот мир. И всё-таки между самым достоверным и объёмным изображением в три-ди-визоре и живым объектом имелаась колоссальная разница.

По земным стандартам этот Норби был высоким, почти семи футов. Он поглядывал на Шторма свыска, но при всём своём росте был не по-земному тош. Две руки, две ноги, правильные, даже симпатичные черты вполне человеческого лица, красноватая кожа, почти такого же оттенка, что и арзорская почва. Лишь одно физическое отличие заставляло пришельцев с первого взгляда изумлённо замирать перед Норби. На голове Норби росли рога! Прямо на темени красовались два белых рога цвета слоновой кости, около шести дюймов в длину, закручивающиеся к безволосому затылку; впрочем, и вся голова аборигена была лишена волос.

Считая неприличным в упор разглядывать туземца, Шторм усилием воли отвёл глаза от рогов на голове Норби. Он решил обязательно выучить «речь-на-пальцах», язык жестов. Вон как проворно снуют пальцы Дорта. Подавив интерес к рогам, Шторм принялся рассматривать наряд туземца.

На Норби сияла кольчуга из шкуры йориса, она делала туземца неуязвимым от плеч до бёдер, где края кольчуги, представившей при ближайшем рассмотрении сложенную пополам шкуру йориса, расходились, обнажая ноги, чтобы обеспечить движение. Норби носил также высокие ботинки, но не обычные, как у поселенцев, не желающих ранить ноги о колючие кустарники. На талии Норби кольчуга была укреплена дополнительной полосой непробиваемой шкуры йориса — поясом. На этом прочном поясе висели несколько матерчатых мешочков. Они заменяли Норби карманы и были расшиты красными, синими и голубыми блёстками. Таким же орнаментом были украшены ножны, нож в которых по размерам приближался к мечу. В шестипалых руках Норби держал оружие, с которым Шторм был хорошо знаком. Очень вытянутый, необычной формы, но всё-таки — лук.

Сочетание оружия, одежды и украшений несло информацию, к какому клану относится именно этот Норби. Самой важной деталью наряда было ожерелье, у этого Норби похожее на большой воротник. От одного плеча до другого свешивались ряды отполированных зубов йориса. Если стоявший перед поселенцами Норби сам добыл все эти трофеи при помощи одного лишь своего ножа и лука, то такой охотник может украсить любую компанию бойцов в любой точке галактики.

Дорт опустил руки. Теперь настала очередь Норби. Он «заговорил», шевеля пальцами. После краткой «реплики» Норби выхватил стрелу из колчана и с поразительной быстротой вложил её в лук.

— Присмотри за своей кошкой! — шепнул Дорт.

Шторм свистнул. Сурра поднялась из своего травяного укрытия и прошествовала к Шторму, не обращая внимания на просвистевшую над нею стрелу. Дорт снова попытался что-то объяснить на пальцах. А Шторм применил свой метод убеждения. Он вытащил кошачью подстилку, положил её на плечо и, соскочив с лошади, наклонился.

Сурра, ласково потёршись у ног, вскочила на плечо Шторма и ткнулась мордочкой в щеку индейца.

Глава 3

Норби удивлённо уставился на Шторма. Жёлтые глаза с вертикальными разрезами зрачков запульсировали, то расширяясь, то сужаясь. Над головами всадников раздался птичий клёкот. Это Баку предупреждала, что она как всегда на посту. Норби снова «заговорил», заработал пальцами, одновременно издавая непонятные звуки, больше похожие на грубый щебет, нежели на речь. Его пальцы отбарабанили некий вопрос, обращённый к Дорту.

— Если можешь, позови свою орлицу, — скомандовал Шторму тот. — Это нам пригодится. Кажется, на Норби ты со своим зверьём произвёл впечатление.

Шторм оторвался от почёсывания за ушами Сурры и распрямился, готовя плечо к привычной тяжести большой птицы. Он свистнул и тут же рядом зашумели крылья. Баку сделала несколько показательных кругов и мягко, не задев громадными когтями ни одного лишнего дюйма человеческой плоти, опустилась на плечо Шторма. Под нещадными лучами арзорского полуденного светила птичье оперение переливалось иссиня-чёрными оттенками, лишь возле клюва, быстрого и острого, сиял жёлтый ободок.

— Са-а-а-а, — свист послужил предупреждением и для Сурры и для Баку. Усатая мордочка и оперённая голова одновременно повернулись к Норби. Звериные глаза рассматривали аборигена с интересом, присущим разумным существам.

Дорт шёпотом проговорил:

— Подействовало! Но пусть они так и ведут себя, пока мы не выйдем из лагеря Норби.

Кивнув, Шторм перевёл взгляд туда, где мгновение назад стоял Норби. Никого. Шторм в душе гордился своим умением сливаться с ландшафтом и маскироваться

в считанные секунды. Но до этого Норби даже Шторму с его мастерством было явно далековато.

Дорт спешился.

— Лагерь ниже по реке. Пошли. Только с заряженным оружием туда нельзя. У Норби это считается неприличным.

Он вынул из кобуры станнер и выстрелом в воздух разрядил оружие. Шторм сделал то же со своим. Баку снова взлетела, Сурра шла перед ними на расстоянии полуметра. Она как бы торила путь. И только подёргивание её хвоста выдавало некоторое волнение по поводу происходящего вокруг. Вскоре они почуяли запах незнакомой пищи, незнакомого жилища. Из-за поворота донеслись странные звуки.

Лагерь Норби даже на вид был непривычен. Он состоял из нескольких полукруглых хижин, накрытых тентами. Остов хижин изготавливался из полос дерева кальма. Наструтанные сырыми, они поначалу гибкие как бумага. А высыхая, твердеют как сталь. Шкуры, которыми покрывали такой каркас, принадлежали охотникам каждой семьи, являя собой зримое подтверждение охотничьей сноровки клана. Синева переливающихся шкур якобыков соперничала с металлическим блеском выделанных и невыделанных кож йориса, перевитых полосами красного меха речных родентов. Самая высокая хижина была украшена богаче остальных: понизу покрытие шкур окаймлялось отделкой из перьев каких-то неизвестных птиц. Кайма переливалась словно бриллиантовая.

Женщин не было видно совсем. Обычно ведь всегда у входа в хижину стоят женщины и с любопытством разглядывают пришельцев. Здесь же у входа в каждую хижину стояли мужчины-Норби. Взрослые, старики, юноши, но все — с оружием в руках. Норби-разведчик, встреченный людьми у ручья, поджидал возле хижины, обитой сияющими перьями. К ней стали неспешно собираться и остальные Норби. Они делали это безучастно, словно не замечая пришедших.

Дорт остановился перед хижинной вождя. Шторм также остановился поодаль, напустив на себя такой же безучастный вид, как и Норби. Он насчитал двадцать покрытых шкурами хижин. Каждая даёт приют целой семье, то есть в каждой хижине живут пятнадцать, а то и больше туземцев. У Норби мужчина, женившись, переходит в семью жены на правах старшего сына. Он становится главой семьи, только когда его собственных детей станет больше, чем было в семье до того, как он пришёл туда. Поэтому семьи у Норби большие и связи в них весьма запутаны.

По стандартам Норби селение, куда попал Шторм, по численности скорее соответствовало населению среднего городка. Возле хижины вождя возвышался тотемный столб с изображением замля, священной птицы, которой возносились молитвы. Имя замля было написано и под изображением.

Дорт затейливой комбинацией пальцев отбарабанил вежливое приветствие безучастным Норби, шепнув при этом Шторму:

— Позови свою птицу, видишь, у них такая же на тотеме.

— Вижу, — отозвался Шторм. — Это люди клана замля. Поэтому их так изумляет мой живой тотем.

Он вновь свистнул и Баку вновь спустилась с небес. Правда, на этот раз появление птицы не прошло столь торжественно. Опустившись, Баку внезапно издала воинственный клич, хотя обычно она этого не делала. К тому же орлица нахохлилась, будто встречая опасность, и выставила когти в сторону хижины вождя.

Землянин кинулся к ней, пытаясь нагнать орлицу, шествующую к хижине вождя в полной боевой готовности. Что привело Баку в такую ярость, Шторм не мог понять. Но вот из-за полога хижины раздался ответный клич, вызов Баку был принят. Но прежде чем Баку ринулась в атаку, Шторм схватил её за волочащиеся по земле кончики крыльев. Орлица заклекотала, захлопала крыльями. Шторму пришлось удерживать её силой, совмещая физическую хватку с ментальным контролем.

В то же время вождь Норби еле сдерживал свою птицу, тоже рвавшуюся в бой и тоже кричавшую от злости. Но вот кто-то из Норби накинул на разъярённого замля полог и тот затих. Зелёную священную птицу Норби унесли в хижину. Тогда Баку немного успокоилась. Шторм обмотал ей лапки ремешком и усадил на руку так, чтобы она не смогла вырваться. Повернувшись к вождю Норби, Шторм увидел, с каким интересом тот рассматривает орлицу. Пальцы вождя зашевелились. Дорт перевёл:

— Вождь Кротаг хочет знать. Эта птица — твой тотем?

— Да, — кивнул Шторм. Он надеялся, что на Арзоре этот кивок означает то же, что означал на Земле. Согласие.

И тут в голосе переводившего Дорта прозвучало потрясение:

— Шторм! Вождь ещё говорит, чтобы ты показал свои шрамы. У тебя есть хоть какой-нибудь шрам? Для Норби это знак отличия, он означает, что ты настоящий воин. Если у тебя кроме тотема найдётся шрам, вождь, возможно, посчитает тебя за равного.

Шрамы у Шторма были. Он расшнуровал застёжку рубахи, обнажив левое плечо. Загар был прочерчен белой неровной линией. Всё, что осталось от встречи с чересчур прытким центурионом на планетке, звезда которой была всего только бледной точкой в арзорском небе.

Шторм заговорил, обращаясь к вождю:

— Я воин. И мой живой тотем не раз спасал мне жизнь.

Кажется, вождь понял Шторма, так как в этот раз повёл речь не только на пальцах, он заговорил, сопровождая высокую щебечущую речь жестами. Дорт засмеялся.

— Сработало, Шторм! Они будут с нами вести «беседу-с-питьём». Так они лучше узнают, какой ты отважный воин.

В результате высоких переговоров Ларкин нанял в лагере Норби пятерых следопытов для отслеживания и сбора отбившихся от табуна коней. Для Норби выгода заключалась в получении «Высоких-Высекающих-Гром-

Из-Гор». То есть, лошадей, которыми Ларкин готов был заплатить за работу.

Теперь, когда люди и нанятые Норби разбились на пары, собирая разбежавшийся табун, Шторм всё больше убеждался в правильности собственной догадки. Табун распугали и разогнали умышленно. Коней обнаруживали маленькими группками, собранными в лощинах и оврагах.

Однако само отсутствие каких-либо следов было подозрительно. Как-то за спиной Шторм уловил ворчание — Норби в это время ловко отлавливали жеребят, — «Сами, наверное, распугали табун, спрятав отбившихся животных где-нибудь в укромном месте. Так что «заработать» обещанных Ларкиным жеребца и трёх или четырёх кобыл им будет совсем нетрудно».

Днём позже Шторм всё ещё размышлял над этим. Он скакал по степи, ветер поднимал ему в лицо красноватую пыль. Индеец закутался в шарф, так было легче дышать. Собранных в степи коней сгоняли теперь к месту сбора всего табуна. Шторм умело направлял их. С другой стороны коней погонял другой всадник. Шторм еле различал его — просто маленькая движущаяся вдаль точка, заметная в основном из-за белого окраса коня. Это скакал Колл Бистер, которому Шторм был в общем-то обязан. Именно Бистер в своё время отловил в дикой степи и доставил Ларкину Дождя, жеребца, на котором сейчас скакал Шторм. Но как человек, Бистер не вызывал у Шторма симпатии. Бистер был злейшим противником любых контактов с Норби. К тому же он почему-то невзлюбил Шторма, и до сих пор Повелитель зверей не мог понять, из-за чего.

На ночных привалах землянин всегда держался обособленно. У него был неотразимый довод, объясняющий, почему он сторонится компании, — животные, которых он должен размещать отдельно от чужих. Однако самого Шторма повсюду принимали радушно: его умение обращаться с лошадьми снискало ему добрую славу, открыв любые двери. Когда Ларкин поручил Шторму объездить

несколько молодых лошадок взамен растерявшихся в степи, многие наездники отложили поиски, чтобы увидеть, как Шторм приручает их.

Здесьним всадникам пришёлся по вкусу незлобивый характер Шторма, прилежная работа в качестве пастуха, его умение ладить с животными. Шторм при желании мог бы стать первым среди степных наездников. Они мирились даже с его замкнутостью, которая за месяцы пребывания в Центре превратила его прямо-таки в непробиваемого молчуна. Однако для пионеров, чьи корни уходили в неизвестное прошлое, трагедия Земли была отголоском чего-то экзотически далёкого. А для землянина утрата родины была живой трагедией, и естественно, что индеец глубоко страдал. Поэтому суровость Шторма лишь добавляла его облику некое сходство с коронованной особой, находящейся в изгнании. По крайней мере в глазах простых арзорских пастухов.

Шторм подружился по-настоящему только с Дортом и Ларкиным. Во время степных разъездов Дорт учил Шторма «речи-на-пальцах», рассказывал о верованиях Норби. Шторм внимал ему, как способный ученик слушал бы опытного учителя. А Ларкин долгими вечерами у костров беседовал со Штормом о лошадях, и тема эта была для обоих нескончаема.

Дорт и Ларкин были добры с ним, юноша видел это. Больше степени дружелюбности он и сам не мог ни с кем допустить.

Но вот Бистер! Он начал представлять некое неудобство, которое Шторму весьма не хотелось бы преодолевать. Нет, он не боялся Бистера. В открытом бою Бистера можно было легко победить, так как бойцом тот был горячим и глупым.

В открытом бою — да! Шторм вытряхнул пыль, забившуюся под шарф. Почему-то эта мысль пришла ему в голову именно сейчас, когда Бистер остановился вдали, как бы поджидая, когда Шторм приблизится.

Шторм никогда не начинал стычки первым. Но и никогда не уклонялся, услышав вызов. Сейчас он даже хотел выяснить отношения с Бистером. Всё равно когда-нибудь их придётся выяснять на кулаках.

Появился ещё один всадник и помахал Шторму рукой, в перчатке из кожи йориса. Норби по совету Шторма также обернул вокруг лица шарф. Но несмотря на закрытое лицо подъехавшего, Шторм узнал Горгола, младшего из разведчиков-Норби, нанятых Ларкиным.

«Пыль — много. Дорога — высохшая». Из вежливости пальцы Горгола двигались медленно. Ведь Шторм ещё плохо понимал «речь-на-пальцах». Шторм зашевелил пальцами в ответ:

«Облака — над горой — возможен дождь — скоро».

Норби оглянулся на восток, покачал головой:

«Приходит дождь — приходит грязь».

Ларкин опасался дождя. Осадки с гор обильны, в степи образуются непроходимые места, опасные как для животных, так и для людей.

«Твой живой тотем — хороший охотник». Норби не спрашивал, он констатировал факт. Его невысокий жеребец топал рядом с Дождём, Норби плавно покачивался в такт шагам коня. Он поравнялся со Штормом так изящно, будто произвёл маневр для конного смотра. Шторм кивнул в ответ. Пальцы Горгола коснулись двух амулетов, свисавших со шнурка на шее. Что-то тёмное и блестящее.

«Я не воин — пока — только охотник. Был высоко — в горах — убил Злого Летуна».

«Я не знаю — Злых Летунов. Я из другого мира. Что это такое — Злой Летун?»

Норби развёл руки, показывая размах крыльев.

«Большой! Птица — злая птица — охотится на лошадей — охотится на Норби — убивает», — пальцы Горгола изобразили нечто вроде ножниц, символизирующее смерть от птицы. Затем Норби снова благоговейно притронулся к своим амулетам. Шторм протянул ладонь жестом вежливой просьбы и Норби согласно снял с шеи шнурок. Шторм

рассмотрел, что же добыл Горгол у Злого Летуна. На шнурке висели два когтя, несомненно птичьи. По сравнению с когтями Баку, эти были громадны, они должны принадлежать исполинской птице. Уложенный на ладонь Шторма, коготь протянулся от запястья до ногтя среднего пальца. Шторм вернул Горголу амулет и зашевелил пальцами.

«Ты — великий — охотник. Злого Летуна — нелегко — убить».

Даже закрытое шарфом лицо Горгола засияло от удовольствия:

«Я убил — но я не воин — я охотник».

Хвастается, мальчишка, подумал Шторм. Если он убил такое чудовище, то может считаться отличным воином. Впрочем, Дорт говорил, что Норби никогда не хвастают.

«Ты — владелец стада?» — продолжил Норби.

«Нет — я не имею своих стад. И своих пастбищ — тоже».

«Ты можешь — стать охотником. Убей — Злого Летуна. Убей — йориса. Продавай — их шкуры».

«Я нездешний. Норби охотятся на своей земле. Пришелец — не имеет земли для охоты».

Шторм засомневался, дойдут ли такие сложные материи до Норби, будучи высказанными языком жестов. Но ещё в Центре, а позже в порту Арзора, юношу предупредили: закон об охотничьих землях — о территориях — один из немногих законов, которые слабенькое и невлиятельное правительство планеты соблюдают неукоснительно. Правда, Норби защищены этим законом. Пастухи-люди имеют право убить йориса или какую-либо другую тварь, если та напала на стадо. Но любое горное животное убивать нельзя, для людей это табу, так же, как и посещение территорий, принадлежащих Норби, без позволения хозяев. Однако Горгол как будто не знал о запрете:

«Твой тотем — птица-воин. — У племени Кротага тотем тоже птица-воин. — Ты можешь охотиться на землях племени Кротага. — Никто не скажет тебе — нельзя».

В душе Шторма что-то шевельнулось. Он не позволял себе эмоций с того самого дня, когда, вернувшись в казарму после трёхмесячной вылазки во вражеские тылы, узнал, что его родины больше не существует. Индеец нервно завожился в седле. Конь под ним понимающе фыркнул, будто Дождя тоже грызла изнутри боль. Однако лицо землянина оставалось бесстрастным. Шторм поборол в себе неожиданную растроганность и желание горячо поблагодарить Горгола за участие. И тут его слух полоснул хриплый от пыли голос Бистера.

— Не поздно ты догнал своих лошадок, а, Шторм? Скольких поймал, много? Этот козёл поможет тебе найти ещё больше, он наверняка припрятал где-нибудь парочку-троечку.

Шторм напрягся в безмолвной ярости. Он не любил Бистера и не намерен был больше оставлять выходки этого человека безнаказанными. Это стало ясно, хотя причину неприязни землянин по-прежнему не мог объяснить. Шторм не знал, что глаза, обычно непроницаемые, на этот раз обнаружили его чувства. Колл Бистер поймал взгляд Шторма и всё понял. Он размотал шарф, сплюнул на землю и продолжил:

— Ты, может, думаешь, что у этих козлов хватает смекалки самим всё это придумать? А, Шторм?

Шторма больше занимала правая рука Бистера. Из-под ладони свисал хвост плётки, выделанной из ремней шкуры йориса двойной толщины. Поза самого Шторма была расслабленной, руки на седле, а не на поясе, где приторочено оружие. Однако Шторм чувствовал, что разговор ещё не настолько напряжён, чтобы молниеносно менять видимую расслабленность на собранность.

— Мы в одиночку не соберём всех распуганных животных. Норби из племени Кротага помогают нам.

Правая рука Бистера приподнялась, выпуская наружу ещё несколько хвостов плётки, как будто тот нацеливался хватить ею усталого коня. Но Шторм не поверил этому.

Резким движением юноша послал Дождя вперёд. Поэтому Бистер попал по ноге Шторма, защищённой прочными штанами, а не по обнажённому бедру Горгола.

Для Бистера было неожиданным то, что его удар не достиг цели, и то, что последовало за этим. Неуловимым рывком индеец бросил Бистера наземь. Рука, державшая плеть, онемела почти до плеча и сама собой разжалась. Бистер с рёвом вскочил и тут же был уложен обратно мощным нокдауном. Шторм раздумывал, как вести бой дальше, но, к его изумлению, Бистер не бросился на него снова. Он поднялся и застыл, тяжело дыша, но не делая попыток сцепиться.

— Мы ещё встретимся... Я слышал про таких, как ты, Шторм. Вы, коммандо, можете убивать голыми руками. Отлично. Встретимся в Кроссине. Вот тогда и посмотрим, чего ты стоишь против станнера. Я ещё посчитаюсь и с тобой и с твоим рогатым дружкой, — Бистер сплюнул.

Такой неожиданный поворот событий умерил злость Шторма. Не в правилах Бистера было отступать. И землянин не мог быть уверенным, что противник отступил окончательно и не нападёт снова. Неужели индеец ошибся, оценивая Колла Бистера? Шторм посмотрел тому в глаза. Бистер стоял красный, но несколько не испуганный. Он просто клокотал от ненависти! Тогда почему же он прекратил драться? Юноша не шевельнулся, видя, как Бистер карабкается в седло. Пусть враг сам выберет время новой встречи. Шторм позволит сделать это за себя, потому что важно оттянуть время и узнать, в чём же причина ненависти Бистера. Тот, заматывая шарф вокруг квадратной челюсти, прошипел:

— Мы ещё увидимся, попомни!

Шторм пожал плечами. Мало ли что бывает между пастухами, когда нечего делать.

— Смотри за табуном, Бистер, — коротко бросил он. — Ты гони со своей стороны, я гоню со своей. И не нарывайся на неприятности.

Бистер усакал. Шторм, глядя ему вслед, обернулся, вспомнив о Горголе. Норби подъехал ближе. Глаза его были полны любопытства.

«Он начал первым — но не стал драться — почему?»

«Я знаю столько же, сколько и ты, — Шторм подумал и добавил. — Я не знаю. Но он не любит Норби». Лучше предупредить парня, вдруг ему доведётся встретить в степи этого остолопа.

«Мы — Норби — знаем об этом. Он думает — будто Норби крадут лошадей. Что мы прячем лошадей, а потом — как бы — находим их для Ларкина. Такое могли бы делать Нитра — дикое племя с гор. Но племя Кротага не способно на это. У нас — договор с Ларкиным — мы соблюдаем договор».

«Кто-то распугал табун Ларкина. Он же — наверное — спрятал разбежавшихся лошадей».

«Правильно. Может быть — это беглые преступники. Их много прячется в горах. Они не Норби — но ездят по землям Норби. Норби воюют с ними. И убивают!» — от волнения Горгол пришпорил коня и помчался загонять норовистых лошадок в кучу. Шторм не спеша поехал следом. Ему незачем было лезть в чужие ссоры-раздоры. У него была собственная цель, ради которой он явился на Арзор, нанялся в пастухи, добрался до округа Бэйсин. Табун Ларкина уже разбежался по степи. Этой неприятности Шторм не мог избежать, раз она уже случилась. Но создавать новые трудности из-за Бистера или из-за вражды между поселенцами и Норби было никак нельзя.

К вечеру грянул долгожданный дождь. Но когда утих последний раскат грома и гроза сменилась ровным ливнем, у объездчиков не стало других желаний, кроме одного: удержать табун.

Сурра забралась под навес фургона. Меркоты, давно обосновавшиеся там, недовольно заворчали, когда к ним влезла мокрая кошка. Даже Баку слетела вниз, ища укрытия от воды. Такого водопада на памяти команды не случалось. Поэтому Шторм один носился по грязи, помо-

гал мостить выбоины на пути ветками и травой, наводил переправы у речушек, переводил заарканенных лошадей там, где Норби находили место для брода.

На второй день дождя Шторм понял, что без Норби отряд не прошёл бы и мили. Кажется, даже непролазная грязь не утомляла проводников-Норби и их лошадей. Табун, собранный со всей степи, был усталым и покорным. А туземцы не выказывали никаких признаков усталости, скача день-деньской по грязи с лассо и кнутом.

Но третий день выдался ясным, погонщики повеселели. Пронёсся слух, что через два дня пути отряд достигнет города, где состоится аукцион лошадей. Эту весть встретили с радостью.

Глава 4

Почва впитывала влагу со скоростью дренажного насоса. Дневной жар и влага вызвали бурный рост степной растительности. Теперь лошадей можно было пасти только с риском, что они утонут в грязи или повредят, вывихнут или растянут суставы ног. Кроме того у Шторма появилась новая забота — следить за Хо и Хингом, которые так и норовили зарыться в землю с энергией крошечных экскаваторов. Невозможно было представить, что через шесть-семь недель зелёное великолепие степи снова превратится в безжизненную равнину.

— Что, здорово? — Дорт на своём жеребце преодолевал небольшой холмик, догоняя Шторма. — Но через месяц вся красота высохнет, останутся опять песок да скалы, да кусты колючки. Нигде природа не меняется так быстро, как здесь.

Впереди расстился жёлто-зелёный ковёр, испещрённый точками белых, золотых и пурпурных цветов.

— А в долине Бэйсин растительность исчезает так же быстро? Поэтому приходится всё время перегонять скот, да?

— Если бы в этих землях имелось достаточно воды, здесь была бы трава круглый год и повсюду. В долине Бэйсин хватает воды, растения там с длинными корнями. Там хорошо пасти скот весной и осенью. Но удержать стадо в Бэйсине очень трудно. Якобыки едят очень много, им нужны большие пастбища. У моего отца семьсот акров земли, он выпасает две тысячи голов скота ежегодно.

— А ты сам родился на Арзоре? — это был первый личный вопрос Шторма.

— Конечно. У моего отца тогда был небольшой надел ниже по пути на Квипаву. Он сам там родился когда-то. Мы из первопоселенцев, — гордо сообщил Дорт. — Нас здесь уже три поколения, и на всех приходится пять поместий: одно поместье моего отца, другое принадлежит нам с братом, потом поместье моей сестры с мужем, это на полуострове, потом поместье дяди Ваггера и ещё двух его сыновей, называются Боргти и Рифт, это вон там, на Холмах Кормбал.

— Неплохое местечко для возвращения издалека, — Шторм взглянул в сторону гористого горизонта на востоке. Его тянуло туда с той самой минуты, как он увидел горы.

— Да, это вообще прекрасная страна. Широкая. Можно ездить, куда хочешь. Когда я служил в Вооружённых Силах, то побывал на Грабаджане и Вульфетри, ещё кое-где. Люди живут там скученно и тесно. Такое не по мне, — Дорт перехватил взгляд Шторма и с любопытством, вытеснившим вежливость, спросил: — А тебе, похоже, знаком мир, подобный этому? Ты ведёшь себя как дома.

— Да, у меня когда-то был такой мир. Немного другой расцветки, но пустыня, горы, равнины, всё было очень похожее. Короткая весна с буйством зелени, сухое жаркое лето, палящее солнце, простор...

Дорт понимающе сверкнул глазами:

— Это была никакая не война! А самое настоящее убийство! — лицо его покраснелось, он кипел от гнева.

Шторм пожал плечами:

с

— Этого уже не изменишь, — он натянул поводья и жеребец затрусил веселее.

— Слушай, парень, а ты слышал, что ветеранам выдают льготные наделы земли?

— Да, слышал. Сто акров поселенцу, имеющему квалификацию.

— Для землянина — двести акров, — поправил Дорт. — Ну так, слушай. У меня с братом поместье неподалёку от развилки Стаффы. За развилкой земля ничья до самых гор Пасо Пикс. Если ты не собираешься и дальше работать у Ларкина, то можно вместе проехать до Стаффы. Посмотришь, какие там земли. Это хорошие места. Правда, малость суховато, но Стаффа не пересыхает даже летом. Ты мог бы добиться, чтоб тебе нарезали землю прямо рядом с Пасо Пикс. У Брэда Куэйда тоже есть участок неподалёку от тех мест.

— Куэйд? А я слышал, что у него поместье в Бэйсине.

— В Бэйсине у него большое поместье. Его клан ведь тоже из семейств Первого Корабля. Хотя Куэйд частенько с кем-нибудь не ладит и часто мотается по другим планетам. Он привозил сюда коней с Земли, пробовал разводить на Арзоре овец, но с земными овцами у него ничего не вышло. Овец заели паразиты — жучки-гробли, ещё в самый первый год, как Брэд привёз скот с Земли. А возле Пасо Пикс у него поместье небольшое, формально принадлежащее сыну.

Шторм внешне был безразличен, внутри же он весь напрягся:

— Разве у Куэйда есть сын?

— Есть. Логан ещё совсем ребенок, и они с Брэдом не слишком ладят. Мальчик не любит пасти стада, водится с Норби, умеет вести разведку не хуже самих Норби. Пробовал вступить в Вооружённые Силы, поднял на ноги всю комендатуру Хейдса. Но его не взяли служить по возрасту. Вот Брэд и выделил ему дикие земли возле гор, чтобы мальчишка провёл своё первое сражение с дикой приро-

дой. Это было два года назад, и до сих пор никто не слышал, чтобы Логан одержал в этой войне победу, — Дорт усмехнулся. — Вот так-то. Высматриваешь орла в небе, а заканчиваешь с курицей в руках.

Послышался окрик Ларкина:

— Эй, вы, парочка! Загоняйте скот с двух сторон. Собираем их в кучу прямо здесь!

Шторм загонял справа, Дорт — слева. Стоянка, объявленная днём, означала, что Кроссин, город, где пройдёт аукцион, уже всего на расстоянии нескольких часов пути. Ларкин хотел, чтобы кони отдохнули перед завтрашним перегонном до Кроссина и выглядели свежими на аукционе.

Итак, размышлял на скаку Шторм, у Брэйда Куэйда есть сын. Это несколько расстраивало планы Шторма относительно Куэйда. Он собирался разыскать Куэйда и вызвать его на бой. Теперь же... Нет, разыскать Куэйда всё равно необходимо. Какая разница, есть у него семья или нет? Шторм не мог ответить, какая разница, и перестал об этом думать.

Ему нравилось работать. Он был занят и радостно выполнял свои пастушьи обязанности. На подходе к Кроссину погонщики повеселели. Даже Норби запищали на своём языке несколько оживлённей, и не сразу снялись из лагеря даже после того, как получили расчёт от Ларкина за выполненную работу. Здесь компании людей предстояло разделиться. Ветераны Вооружённых Сил, ехавшие с погонщиками от самого космопорта, разъезжались отсюда по своим поместьям, или спешили в Кроссин наниматься на работу к богачам, которые должны были прибыть на аукцион. Торговля лошадьми, как правило, совмещалась с наймом рабочей силы. Подобные крупные сборища людей проходили в Кроссине дважды в год, собирая полстраны на торги, ярмарки, карнавалы и завязывание деловых контактов.

Индеец сидел возле костра, меркоты резвились у его ног. Подсел Ларкин.

с

— Шторм, я слышал, ты хочешь взять надел земли?

— Пока нет. Может быть, потом. Дорт говорит, что можно взять землю неподалёку от Пасо Пикс, у развилки Стаффы. Я сначала хочу съездить и осмотреть эти места, — Шторм не придумал лучшего объяснения своему нежеланию стать привязанным к чему-то. Но сказанное было не хуже любой другой придуманной причины.

Ларкин обрадовался:

— Возле Пикс очень хорошие пастбища. Я и сам подумывал о тех местах. Конечно, я и на лошадях зарабатываю неплохо. Но их стало невыгодно привозить с других планет. Можно, конечно, купить и привезти на Арзор таких, на каких мы сейчас ездим, это порода с Арголя. Но такие лошади невыносливые. А с Земли уже ничего не привезёшь. Вот я и задумал новое дело. Кое-какие лошади у меня в табуне совсем неплохи. Некоторые прямо здесь, пригнанные тобой. Ещё у меня есть лошади второго поколения, выведенные уже на Арзоре. И есть несколько жеребцов, взятых у Норби.

Займусь-ка я их скрещиванием. Вдруг да выведу новую породу. Такую лошадь, которой воды нужно мало, которая питается одной колючкой, которая не выбивается из сил, преследуя якобыка целые сутки. Ты, сынок, умеешь ладить с животными, ты мне пригодился бы как партнёр и помощник в деле. Поезжай, посмотри на земли возле Пикс. Если тебе там понравится, разыщи меня осенью, здесь же, на аукционе. И мы договоримся, как будем работать.

Снова у Шторма в душе что-то шевельнулось, пробивая запреты, которые он сам себе установил. Уже в третий раз ему предлагали устроить свою жизнь. Горгол, Дорт и вот теперь Ларкин. Шторм выбрал в качестве защиты собственной свободы передвижения тактику вежливого выжидания. Этому он научился в Центре.

— Сначала я хочу посмотреть землю. Давай поговорим об этом осенью, хорошо, Ларкин?

Пока не наступит осень, Шторм обязан разыскать Брэда Куэйда. Возможно, даже не одного только Брэда, но и вместе с сыном.

Шторм уступил уговорам Дорта съездить вечером в Кроссин — поддался частично потому, что хотел отвлечься от собственных мыслей. Свою команду Шторм оставил в лагере, сам же вместе с Лансиным и Рэнсфордом отправился в город. Кроссин сиял огнями и не был похож на остальные арзорские посёлки.

Арзорские поселения походили на земные тех времён, когда на Земле ещё были первые поселенцы. Каждая деревня свежестроенная, казалось, дерево домов ещё не просохло. Такого Шторм не видел ни на одной планете. Если бы не аукцион, Ирравади Кроссин тоже был бы подобен большой деревне. Но сейчас город гудел от оживления. В нём не было ни покоя городов, виденных Штормом на Земле, ни законности и дисциплины, царивших в Центре.

Не успели землянин и компания привязать коней к столбу возле бара, как у них на глазах разыгралась драка. Двое мужчин выхватили из-за поясов станнеры и уложили друг друга на месте. Шторм с товарищами прошли мимо, оглябая ещё одну кучку людей, готовившихся выяснить отношения с помощью кулачного боя.

— Ребятишки расшалились к вечеру, — ухмыльнулся Дорт.

— Никто из местных ещё не додумался перезаряжать станнеры батареями от бластеров? — спросил Шторм.

— Догадались, — мрачно ответил Рэнсфорд. — Преступники так и делают. Но им от нас далеко не уйти. Мы сами следим, чтобы не было убийств. Так что бластеры сразу отнимают. Если детишкам нравится развлекаться со станнерами — пожалуйста. Правда, потом часами мучаешься от адской головной боли, но это уж каждый имеет право выбрать. Многие предпочитают кулачную драку. Но никаких бластеров!

— Как-то раз я видел схватку, где наездники дрались кривыми ножами, они добыли лезвия у Норби, — подхватил Дорт. — Жуткое месиво! Победителя отправили на лечение в психиатрический госпиталь на Истабу. Норби, когда встречают врага, дерутся на таких ножах до смерти. Но мы не вмешиваемся в местные обычаи.

— Войны между племён — что-то вроде религиозного ритуала для Норби, — поддакнул Рэнсфорд. — Мальчики племени Норби обязаны заиметь шрамы от сражения до женитьбы и даже до того, как их представят старейшине племени. Прежде чем кто-нибудь из Норби становится главой семьи, он должен пройти множество военных ритуалов... Эй, парень, полегче-ка!

На Дорта налетел какой-то пьянчуга, почти сбив его с ног. Дорт отбросил его коротким и сильным рывком. Тут откуда-то вывернулся второй человек, лучше владевший собой, несмотря на опьянение. Он вытащил станнер, но направил его не на Дорта, а прямо в Шторма.

Старая выучка космического коммандо подсказала точное решение. Правой рукой землянин вышиб станнер из рук нападающего и оружие взлетело ввысь до того, как пьяные пальцы сумели нажать курок. Однако напавший не отступил, подавшись вперёд, всей грудью на юношу. И налетел прямо на выставленный кулак, после чего мешком осел в пыль.

Никто их прохожих даже не успел ничего разглядеть, что за шум, поскольку драка закончилась слишком быстро. Шторм, дыша лишь немного чаще обычного, потирал руки и размышлял, глядя на недавнего нападавшего. Не требует ли местный этикет, чтобы после драки соперники познакомились друг с другом? И надо ли оказывать помощь тому, кого уложил, или не обязательно? Относить ли куда-нибудь в сторону тело или оставить его там, где бывший противник пожелал прилечь?

Взяв противника за подмышки, Шторм оттащил тело к стене ближайшего здания. Мужчина оказался грузный,

тащить было тяжело. Распрямившись после уборки тела с проезжей части, Шторм уловил быстрое движение невдалеке. Неясная фигура мелькнула и пропала. Но Шторм не сомневался в том, что это был Бистер собственной персоной! Его силуэт ясно высветился под окнами кафе. Может, этого типа подослал Бистер? Почему же тогда он сам не стал драться?

Шторм понял, что его трясут за плечо. Это был Дорт.

— Что ты сделал с этим бедолагой? Великие Рога, да ты, кажется, просто похлопал его по плечу, а он тут же и свалился как вареный. И ты проделал такое без станнера?

— Легко и быстро, — подтвердил Рэнсфорд. — Ты что, служил в отряде коммандо, а, Шторм?

— Да.

Однако Рэнсфорд не выглядел столь восторженным:

— Ты здесь особенно-то не лезь на рожон, дружище. Не успеешь показать, каков ты в драке, как половина наездников примчится посмотреть, так ли ты хорош, как о тебе говорят побитые. Бластеры, конечно, запрещены. Однако, если за неудобным гонится целая шайка, от приёмов кулачного боя бывает мало проку.

Дорт запротестовал:

— Да Шторм никогда ещё никого пальцем не тронул! Ты видел, чтобы он напился хоть однажды? А почему ты вырубил этого парня, Шторм?

— У него были недобрые глаза. Он по-настоящему хотел драки.

— Да, он слишком быстро вытащил станнер, Дорт, — согласился Рэнсфорд. — К тому же он целился в парня. Первый начал, ясно. Но ты, Шторм, не спеши выхватывать станнер, если грянет заваруха.

— Да отвяжись ты от Шторма, Рэнни, — рассердился Дорт. — Что он, по-твоему, на пальцах должен был уговаривать того пьянчугу, не приставай, мол, а то хуже будет.

Рэнсфорд хохотнул:

— Ну, в драке, допустим, Шторм применил не «речь-на-пальцах», а весь кулак и без слов. Но моё дело предупредить. В городе сегодня жарко, а Шторм чужак. Множество приехавших не прочь поучить новичков обычаям.

— Я привык к такому обращению, — усмехнулся землянин. — Но всё равно, Рэнсфорд, спасибо. Я буду осмотрителен. И я никогда не лезу в драку от нечего делать.

— Это лучшее из того, что ты делаешь, малыш. Оставь тебя одиноким, и ты будешь таким же мирным и добрым, как твоя кошечка. Но ведь она тоже не замурлыкает, когда ей наступят на хвост, правда? Однако мы пришли в Собрание. Пойдём-ка посмотрим, кто нынче приехал в город.

Шум, яркие огни, распахнутые двери, света внутри больше, чем на улице во время карнавальная иллюминации. Здесь, понял Шторм, собраны все достижения местной культуры. Бар, театр, клуб, где можно завязать знакомства, биржа, где обмениваются ценностями и новостями. И кроме того, место встречи уважаемых людей, прибывших на аукцион в Ирравади Кроссин.

Дым, огни трубок и зажигалок, запахи пищи и спиртного, разогретых людских тел и конского пота — весь этот букет буквально ударил вошедшим в ноздри. Если бы индеец приехал сюда один, он уже повернул бы обратно в лагерь. Здесь его не привлекало ничего из увиденного. А Дорт уже пробирался сквозь толпу, держа курс к длинному столу, где шла игра в Кор-сал-слам. Эта азартная гадость два года назад распространилась по мирам Конфедерации со скоростью света, и теперь Дорт стремился попытать счастья в неё.

— Рэнсфорд! Ты когда вернулся?

Чья-то рука легла на плечо Рэнсфорда. Тот обернулся. Шторм разглядел, что руки незнакомца были такие же загорелые, как и его собственные. И такой же браслет на запястье! Индеец онемел от неожиданности. На незнакомце был браслет — кето — какой носят в племени Дайни,

или Навахо. Такой носит и сам Шторм. Этот браслет может надевать только воин-лучник из народа Навахо. Почему браслет носит какой-то арзорский поселенец?

Шторм бессознательно приготовился к схватке, расставив ноги попрочнее и изучая экипировку противника. Рэнсфорд и незнакомец немного подались вглубь, а Шторм остался у стены, чтобы не обнаружить себя.

С лица незнакомец был так же смугл, как и землянин. Однако он не был индейцем-навахо, пусть даже волосы его были как у Шторма, чёрные и прямые. Сильное, симпатичное лицо прорезали насмешливые складочки у большого рта, который смягчал жёсткую линию упрямого подбородка. Под кустистыми бровями ярко синели глубоко посаженные глаза. Шторм расслышал, как его товарищ воскликнул в ответ:

— Куэйд! — Рэнсфорд затряс протянутую руку. — Я только что явился. Гнал табун Ларкина от самого Порта. Знаешь, Брэд, а у него есть неплохие жеребята, в этом табуне.

— Вот уж новость, так новость, — засмеялся Куэйд. — Ладно, Рэнни, мы рады, что ты цел и невредим. Я слышал разговоры про ту заварушку...

— Наш отряд с Арзора прибыл уже к шапочному разбору. Всего одно сражение, ну, и пришлось слегка грязь разгрести. Слушай, Брэд, пойдём-ка лучше, я тебя познакомлю...

Но Шторм уже отступил в тень, за фигуры вновь пришедших. Рэнсфорду его не было видно. Иногда бывает полезно оказаться меньше ростом, чем все эти поселенцы.

— Странно, — удивился Рэнсфорд. — Только что он был здесь. Знаешь, Куэйд, отличный парень. Гнал с нами табун Ларкина. И видел бы ты, как он управляется с лошадьми. Сам он не здешний — с Земли.

Улыбка сошла с лица Куэйда:

— С Земли? Ох, эти проклятые твари с Ксика!

Последующая тирада Куэйда была расцвечена сочета-

ниями, доселе Шторму не знакомыми. Все планеты, по-видимому, развивают собственную систему ругательств. Куэйд, между тем, продолжал:

— Чтоб эти твари, превратившие Землю в шлак, сами зажарились, до хрустящей корочки! Твой землянин заслуживает самого лучшего, что у нас есть. Познакомь меня с ним, сейчас каждый хороший ездок на счету. А ты, я слышал, собираешься отбыть в Вэйкинд?

Шторм держался поодаль. Он был изрядно удивлён и пристыжен тем обстоятельством, что его руки на поясе слегка дрожали.

Эта встреча была вовсе не такой, какой он её видел в своих планах. Ему нужно было встретить Куэйда безо всяких любопытствующих зевак, и чтобы у каждого было по бластеру, а лучше по ножу! И встреча Шторма с Куэйдом не пройдёт, как большинство арзорских стычек, бескровной. Это будет встреча не на жизнь, а на смерть. Шторм уже собирался выйти прочь, как вдруг остановился, услышав зычный крик:

— Куэйд, а Куэйд!

Обладатель баса был таких размеров и с таким брюхом, что Куэйд рядом с ним смотрелся как тощий Норби.

— Что тебе, Думарой? — теплота, звучавшая в голосе Куэйда при разговоре с Рэнсфордом, моментально куда-то исчезла. Шторм часто слышал подобные раздражённые интонации в годы службы. Так начинают беседу, которая переходит в драку. Шторм, не в силах обуздать любопытство, замер.

— Твой недоумок, твой недоделанный сын, Куэйд, носится по степям, где его не ждут, и всюду суёт свой нос. Пас бы он лучше свой скот, а то его упасёт кто-нибудь другой.

— И этот кто-нибудь, Думарой, уж не ты ли сам? — чистый лёд прозвенел в голосе Куэйда.

— Возможно. К тому же твой щенок нагрубил моим мальчикам, встретив их у Пик Рейндж.

Ответ Куэйда выплеснул столько злости, что со всех сторон к ним повернулись посетители. В воздухе явно запахло дракой.

— Думарой! Твой загонщик обидел Норби! И получил за это. Ты же сам знаешь, к чему может привести конфликт с местным населением! Или ты хочешь, чтобы Норби дали клятву на ноже извести тебя?

— Норби, Норби! — с отвращением прошипел Думарой. — В моих владениях с Норби не нянчатся. И мы не спрашиваем всяких сопляков, как себя вести и с кем. Может быть, вы там все любители козлов и рады чесать им рожки. Но мы-то знаем, что верить Норби нельзя.

— Клятва на ноже... — начал было Куэйд, но Думарой перебил его:

— И что — клятва на ноже? Долго они будут выполнять свою клятву, если мои парни быстренько очистят все мои владения от этих козлов и их поселений. Это будет им хорошим уроком. К тому же козлы быстро бегут прочь, если им дать по зубам.

Куэйд схватил противника за ворот рубахи из шкуры якобыка и дёрнул ткань к себе:

— Слушай, Думарой! Мы у себя в горах соблюдаем закон. Мы не какие-нибудь Горцы Мясоеды. Если к тебе во владения давно не наведывались офицеры Корпуса Мира, так ты их скоро дождёшься.

— Лучше держи в своём станнере заряд от бластера, когда едешь воровать скот у соседей, — Думарой встряхнул мощными плечами, освобождаясь от хватки Куэйда. — Мы сами ведём свои дела и никому не позволяем лезть в них. И если твои любимые козлы хотят скакать и впредь, пусть скачут подальше от наших владений. И для них же лучше не ловить диких бычков близ наших земель. А что до твоего сына, Куэйд, я на твоём месте поговорил бы с ним покрепче. Если Норби разозлить, они не разбираются, что за человек их обидел, до тех пор, пока не всадят в него стрелу. И я здесь специально, чтобы объяснить: отсюда, из

Бэйсина, управлять нашими владениями на Пикс не будет никто. Если кому-то не нравится, как мы там живём — пусть убирается с нашей дороги. Не ваше дело, что там происходит за холмами. А ваши ручные козлы не принадлежат к сильным кланам. Сильные кланы — дикие. И они, может быть, ещё зададут жару вашим Норби. Между дикими племенами горных туземцев и вашими равнинными козлами Норби готовится большая война. Я слышал, как вождь дикого горного клана Нитра, старый Маккэг, разводил в горах свою там-там магию, выстукивая, что в последнее время слишком много скота теряется неизвестно по чьей вине. Когда между племенами туземцев пролетит стрела войны, нам бы очень не хотелось, чтобы ваши козлы искали убежища на наших территориях. Ты умный человек, Куэйд, сам сообрази, чем это может грозить.

Шторма такой поворот разговора озадачил. Начав со ссоры, Думарой вместо того, чтобы обострять скандал, свёл предмет спора к обсуждению вреда от туземцев. Это было так же странно, как и поведение Бистера, который хотел драться со Штормом, но почему-то уклонился. Для Шторма было очевидным, что опасность затаилась до поры, но не ушла.

Глава 5

Шторма так захватили собственные размышления, что он не заметил подошедшего Брэда Куэйда. Тот смотрел прямо на индейца. Голубые глаза внимательно изучали землянина, в них промелькнула какая-то тень, похожая на узнавание. Но это же невозможно, ведь насколько он знал, они с Куэйдом до сих пор никогда не встречались. Однако арзорец остановился именно перед Штормом, и юноша отступил в надежде, что мутноватое уличное освещение скроет его лицо.

Раздался чей-то крик, предупреждающий об опасности.

Не крикни невидимый друг — Шторм, возможно, оказался бы проткнутым насквозь. Длинный охотничий нож, каким пользуются Норби, скользнул из темноты прямо в середину груди индейца. Выучка коммандо выручила его и тут. Шторм слишком долго жил в постоянной опасности. Он резко пригнулся, нырнул понизу к стене дома, и что-то пронеслось как раз над тем местом, где он только что стоял. Неясная фигура метнулась в ближайшие кусты, длинное лезвие отчётливо сверкнуло в лунном свете.

— Он не задел тебя?

Шторм опустил руку на собственные ножны. Распахнутая дверь Собрания осветила вышедшего на крыльцо Брэда Куэйда. Тот переспросил:

— Он не задел тебя? Я видел у него в руках нож.

— Не задел, — юноша поднялся. Он отвечал таким же бесстрастным тихим голосом, каким говорил в Центре. — Благодарю вас, сэр.

— Меня зовут Брэд Куэйд. А ты кто?

Но Шторм не мог заставить себя пожать протянутую руку. Ведь он все эти годы представлял себе встречу с врагом. Но сейчас всё шло совсем не так. Полностью сбитый с толку, Шторм хотел только одного: поскорее убраться подальше. Пусть в аллеях стерегут убийцы со всего Ирравади Кроссина. Его имя вряд ли что-либо могло сказать Куэйду, но точной уверенности, что Куэйд ничего о нём не знает, у Шторма не было. А выдуманное именем индеец не мог назваться, потому что его месть не могла быть совмещена с каким бы то ни было обманом. Поэтому он поклонился, показывая, что непожатие руки входит в обычай народа, к которому принадлежит землянин. Обычаи этикета широко менялись от планеты к планете, акцент же Шторма был универсален.

— Я — Шторм.

— Ты с Земли! — веско сказал Куэйд, и Шторм не стал этого отрицать.

— Да.

На пороге Собрания появился человек и позвал Куэйда: — Брэд, эй, Брэд! Ты хотел поговорить со мной.

Пока Куэйд оборачивался, индеец растворился в ночи, уверенный, что поселенец не станет его преследовать по всему городу.

Осторожно, обходя людные места и избегая возможных встреч, землянин добрался до конюязи. Он перевёл дыхание лишь когда вскочил на Дождя и поскакал к окраинам, в душе надеясь никогда больше не появляться в этом городе.

Месяцами он продумывал встречу с Брэдом Куэйдом до мельчайших деталей. Он, Шторм, должен был выбрать время, место и бросить полновесный вызов человеку, чей воображаемый облик абсолютно не соответствовал тому, кого он встретил сегодня. Куэйд настоящий совсем не был похож на хладнокровного негодяя, за которым охотился Шторм.

Их поединок не мог произойти на оживлённой улице города, кишашего поселенцами. Шторм хотел подстеречь Куэйда в таком месте, где наличие свидетелей не сможет спасти жизнь его врагу.

Но Шторму не нравились все эти доводы. Честно говоря, он и сам не понимал, почему отступил сегодня. Да, он сегодня отступил, встретив Брэда Куэйда! Хотя индеец прибыл на Арзор только для того, чтобы разыскать Куэйда. Но враг, которому Шторм поклялся отомстить, совершенно не походил на того Брэда Куэйда, которого юноша наконец-то встретил. Его действия были так же загадочны, как и поведение Бистера.

Шторм пришпорил Дождя и конь послушно перешёл в галоп. Куэйд, конечно, заслуживал уготованной землянином расправы. Но ведь именно Куэйд увидел, что индейцу грозит опасность и предупредил его об этом. Впрочем, то обстоятельство, что Куэйд спас юноше жизнь, не освобождало от необходимости посчитаться с ним за старое.

В эту ночь Шторм спал беспокойно. А рано утром он

пошёл наниматься к Ларкину объездчиком для перегона стада. Ларкин вернулся с торгов пополудни, весьма довольный. И он привёл с собой человека, чья тёмно-коричневая форма Топографа была Штурму хорошо знакома. Во время подготовки и обучения мастерству Повелителя зверей Штурм занимался под руководством людей этой Службы. Штурм был совершенно изумлён, увидев, как Ларкин ведёт этого человека в лагерь.

— Соренсон, археолог, — представился пришедший. Он говорил на чётком галактическом диалекте, только слабое пришепетывание выдавало уроженца Лидии.

— Штурм, Повелитель зверей, — отрекомендовался Штурм. — Чем могу быть полезен, доктор Соренсон?

— Ларкин сказал, что вы ещё не подавали заявки на владение землёй и пока не планируете получать надел. В таком случае, не хотите ли вы принять участие в поисковых исследованиях?

Это предложение полностью решало затруднения Штурма, но он ответил уклончиво:

— Я нездешний. И пока ещё не знаю страну.

— У меня есть проводник-Норби, он хорошо знает страну. Однако Ларкин сообщил, что у вас есть команда, пока не задействованная. В работе со мной как раз понадобится команда, может быть, ваша.

Штурм указал на поклажу:

— Да, у меня есть команда. Меркоты, африканская орлица, песчаная кошка.

Сурра лениво развалилась на мешках. Меркоты возились рядом. Баку сидела на краешке коробки. Соренсон осмотрел компанию и кивнул:

— Это мне подойдёт. Мы держим путь в пустыню. Вы слышали что-либо о Запечатанных Пещерах? Вполне вероятно, что их вход расположен в районе гор Пикс.

— Но я слышал, что Запечатанные Пещеры — всего только местная легенда.

— У нас более точная информация, полученная не так

давно. Для мест, куда мы направляемся в соответствии с разрешением правительства на поиски, пока не составлены карты, и помощь вешей команды может быть весьма существенна.

Вмешался Ларкин:

— Парень, это хорошее дело. Ты собирался осмотреть район Пикс и места вокруг. Я могу заплатить тебе за работу лошадьми. Ты сможешь продать их на аукционе, или оставляй себе того жеребца, что ты объездил, и ещё чёрную кобылу для смены. Ещё двоих лошадей я тебе добавлю. Если тебе там понравится, застолби участок, а зарегистрируешь его, когда вернёшься обратно.

— Плату за работу в поисковой группе вы можете получить в правительственной гарантии на землю, — добавил Соренсон. — Это вам пригодится, если вы захотите обосноваться на планете. Или получить право на беспошлинный импорт.

Шторм хотел было воспротивиться. Он не любил, чтобы его подталкивали. Но с другой стороны, поисковая экспедиция уведёт его от Кроссина, от убийцы, покушавшегося вчера вечером, от Куэйда, с которым неизвестно, как поступить теперь. К тому же где-то рядом с горами Пикс обитает Логан Куэйд, а с ним Шторм жаждал познакомиться поближе.

— Ладно, договорились, — сказал Шторм и тотчас пожалел, что согласился, потому что Соренсон торопливо заявил:

— Мы выступаем завтра утром, Шторм. Уж извините за спешку. Дожди в горах идут недолго, а нам нужно будет запастись водой. Эта местность довольно засушлива и мы должны будем покинуть её до сухого периода. Так что собирайте свою поклажу, будем укладываться.

Со стороны города к лагерю подъехали двое. Шторм разглядел их — Рэнсфорд и... Брэд Куэйд! Они разглядывали лошадей возле фургона, но Куэйду достаточно было повернуться и Шторм не ушёл бы незамеченным.

— Где мне найти вас, чтобы собираться к выходу вместе?
— быстро спросил он Соренсона.

— К востоку от города, у речной развилки, там, где заросли ярвинга, завтра в пять утра.

— Я приду, — он повернулся к Ларкину. — Я возьму с собой Дождя и кобылу. О продаже на аукционе остальных лошадей договоримся, когда я вернусь.

Ларкин улыбнулся:

— Хорошо, сынок. Доберёшься до Пикс, хорошенько всё осмотри. Выбери кусочек земли получше. А годика через три-четыре мы с тобой будем хозяевами, и у нас будут жеребята, которые смогут побить любых, даже привезённых с Земли. А теперь, вон та кобылка хорошо подходит для тяжёлых переходов, она выносливая. И ещё, у меня в фургоне много чего, нужного для твоего похода, пойдём-ка подберём что-нибудь.

Доброта Ларкина не так волновала Шторма как необходимость убраться подальше от Брэда Куэйда. Но уйти было просто.

— Шторм! — повелительно окликнул его Рэнсфорд. — Послушай-ка, Брэд мне рассказал, что на тебя уже нападают с ножами. Ты что, влез в какие-то неприятности?

— Нет. По крайней мере, я ничего не знаю.

Рэнсфорд нахмурился:

— Я узнавал, что за человек напал на тебя. Его никто не знает. Ты уверен, что тот, кого ты уложил на моих глазах, не поджидал именно тебя?

— Не знаю. Я никогда не встречал его раньше. Да я и не видел его лица, только отблеск ножа.

Невдалеке Брэд Куэйд расседлывал свою лошадь и вот-вот мог подойти.

— Дорт порасспросит людей, — продолжал Рэнсфорд. — Он знает девятерых из любых десяти, и если кто-то тебя отслеживает, нам станет известно. Тогда и подумаем, что делать.

Ну почему все лезут в его дела? Шторм тронул Дождя с

места, дал мысленное указание команде собраться к отъезду и поехал прочь. Ему не хотелось прятаться, но побыть в одиночестве было просто необходимо. Все вокруг — Ларкин, Рэнсфорд, Дорт, даже Норби Горгол строили радужные планы относительно его, Шторма, будущего и намекали, что с радостью помогут этого будущего достичь. Землянин не понимал, зачем это им нужно. Впрочем, зачем было нужно Бистеру нападать на него, юноша тоже не мог понять. Пытаясь не выказать раздражения, индеец ответил:

— Если кто-то и выслеживает меня, с завтрашнего утра ему будет трудно. Я уезжаю вместе с экспедицией Топографической Службы.

— Вот это разумно, малыш, — выдохнул Рэнсфорд. — Хотя, возможно, и тот, кого ты вчера уложил, наутро сообразит, что сглупил и погорячился, перепив кактусовой водки. Далеко ли вы направляетесь с экспедицией?

— К горам Пикс.

— К горам Пикс? — это спросил подошедший Куэйд. И он заговорил на наречии, которое Шторм уже никогда не надеялся услышать. — Куда едет человек из племени Дайни?

— Я не понимаю, — быстро сказал Шторм на общегалактическом языке.

— Понимаешь... — покачал головой Куэйд. — Ты землянин. И ты из племени Навахо.

— Да, я землянин. А теперь живу на этой планете. Но я не понимаю вас.

Куэйд заговорил резко, но без раздражения:

— Ты всё понимаешь. Краем уха я расслышал, что ты едешь в составе поисковой экспедиции в район Пикс. Насколько там хороша земля, увидишь сам. Неподальёку оттуда живёт мой сын. Если увидишь его... — он умолк на мгновение, обдумывая, как бы получше выразиться. — В общем, я буду рад, если вы подружитесь, ты и Логан. Ты землянин и к тому же Навахо. Так что удачи тебе, Шторм. Если что-то понадобится, заезжай ко мне.

И Куэйд вскочил в седло, не дожидаясь ответа.

Молчание прервал Рэнсфорд:

— Если встретишь Логана, Шторм, то сразу знай, этот парень — бешеный, как стая йорисов. Он вечно по уши в неприятностях. Это и обидно. Куэйд самый благодушный — но только до тех пор, пока ты ему не лжёшь и хорошо работаешь. А со своим сыном не может ужиться. Недельку побудут вместе и доводят друг друга до белого каления. Логан Куэйд обожает охоту, подолгу живёт у Норби. Парень в жизни не сделал ничего дурного, такой же добрый, как его отец. И всё-таки не ладит с ним. А Куэйд очень нуждается в помощи в работе, жаль, что сын не может ему помочь. Если услышишь что-нибудь хорошее о Логане, по возвращении не забудь рассказать об этом Куэиду. Ему будет приятно. Да и ты ему понравился. Ну, желаю удачи, парень. В Топографической Службе хорошая зарплата, на эти деньги ты вполне сможешь купить себе право импорта. Удачи!

Землянин ничего не понимал и был просто ошарашен. Какое дело Шторму до симпатии, возникшей к нему у Брэда Куэйда, противника и врага индейца? Шторм не хотел ничего знать об этой симпатии. Но юноша ясно понимал: дважды он встретился с этим человеком на несколько минут и дважды у него было выбито из рук преимущество напасть первым, бросить вызов. Он искал Куэйда-врага, но никак не этого загадочного друга. Шторм занялся сборами к походу, чем, слава Богу, хоть немного отвлёкся.

Он быстро сортировал вещи, раскладывая их по коробкам и мешкам. Сурра сидела рядом. Меркоты сновали под руками. Это он оставит у Ларкина до самого возвращения, это пригодится в пути. А что здесь? Он держал в руках небольшой свёрток, остальные вещи уже были сложены. Запечатанный в пластик, свёрток пролежал два года нетронутым. Напоминание о том, несуществующем мире.

Шторм тихо задумался. Память вела его забытыми

дорогами. Это было ещё до восстановления в Центре. И этого, будучи в Центре, землянин не позволял себе помнить. Шторм разрезал вощённую бечёвку. Он не знал, что внутри свёртка. Это была посылка, пропутешествовавшая за ним по космосу слишком долго. Её послали с Земли, но пока она искала адресата и не находила его в просторах Галактики, стало известно, что возвратить её уже некуда.

Шторм привык к тому, что его всегда окружают чужие, люди чужой расы — как в арзорском лагере, или чужаки в городе, или наставники Центра. Что все они могут знать о Древних Богах, о том, что говорят Древние Боги человеку и какими словами? Хотя бы тот Коммандер в Центре, что никак не желал пропустить документы землянина! Смог бы он понять, каков был, допустим, дед Шторма? Исполнитель старинных песен, чьи верования лежали вдали от общепринятых, кто видел то, чего не замечали другие, и слышал то, что остальным было не слышно.

Дед был против того, чтобы Шторм посещал муниципальную школу. Он не хотел, чтобы Шторм учился, как не хотел подражать белым. Наука, которой его учили белые, отделяла мальчика от древних знаний, которыми владел его дед. Хорошее и плохое, Шторм всё воспринимал жадно, взалёб, не разбираясь. До тех пор, пока не стал понимать, что может выбирать между злом и добром невзирая на внешние проявления. Но это случилось уже позднее, когда он почти перестал воспринимать тот источник внутренней силы, который поддерживал душу его народа. Дважды Шторм отступался от того, чему его учил старый Нат-Та-Хей, дед.

Первый раз он принял знания белых. Второй раз, юношей, он поступил на Службу и покинул Землю. С тех пор всегда между его собственной дорогой в жизни и тем, чему научил его Нат-Та-Хей, стояли чужие верования. Но что-то в Шторме всё же осталось от веры деда, прорастая теперь. Он слышал в себе звуки старых песен, слов, музыки, наполовину позабытых, наполовину скрытых в

памяти. Налетевший с дальних гор ветер пробудил в нём отзвуки того мира, из которого пришла эта запоздавшая посылка.

Шторм снял бечёвку. Обёртка соскользнула, Хо и Хинг вцепились в неё, с любопытством изучая новые запахи.

Это были запахи вещей, которые Шторм не ожидал больше увидеть когда-либо. Шерстяное покрывало с красным, белым и сине-чёрным орнаментом. Оно пахло песками пустынь, пылью и овечьим потом. Шторм вдохнул, вспоминая.

Из покрывала выпали металлические предметы. Ожерелье из голубых, зелёных и чёрных камней в серебряной оправе. Кето — наручный браслет. Конча — пояс. Это были предметы костюма воина племени Дайни, образцы кузнечного искусства его племени. Пальцы мастера, создавшего эти вещи, рассыпались в прах столетия назад, а украшения жили.

Шторм понял то, о чём давно догадывался. Дед простил внука, избравшего другой путь, ушедшего дорогами белых людей. Дед прислал это последнее доказательство собственного прощения. Или — последнее средство влияния на внука, отбившегося от верований племени. Наверное, старый Нат-Та-Хей предчувствовал не только свою смерть, но и гибель Земли. Вот он и послал сыну своей старшей дочери самое большое своё богатство — живое свидетельство древней крови, ценности, сохраняющие прошлое, которое дед так защищал. Их трудно было уберечь под натиском нового стиля жизни, и дед завещал внуку хранить их дальше.

Откуда-то из глубин ночи пришла старая мелодия. Эту песню пели, чтобы укрепить боевой дух воина.

Ступи на тропу Убивающего зверя.

Надень мокасины воина, натянувшего тетиву лука,

Надень мокасины воина, готовящего врагу смерть.

Этот свёрток Шторм решил не оставлять у Ларкина. Он

вытащил украшения. Ожерелье повесил на шею — холодное серебро прильнуло к коже. Кето — браслет — лёг на запястье. Пояс — кончу — Шторм не стал надевать, просто оставил его свёрнутым в дорожной сумке.

Потом юноша накинул на плечи покрывало. Он ещё никогда не примерял покрывала вождя. Материя обняла его плечи знакомым и ласковым теплом. Словно доброта забытых рук укачивала Хостина Шторма, беженца и чужеземца, утратившего дом и племя. Утратившего!

Шторм подставил лицо веющему с гор ветру, повернулся к востоку и зашагал сам не зная куда. Его освещали две маленькие арзорские луны. Взобравшись на холм, Шторм сел, скрестив по-индейски ноги, его мысли витали далеко от Арзора. Между людьми племени Дайни и землёй, на которой они жили, всегда существовала прочная связь. Индейцы предпочитали умереть от голода, но не покидали горы и пустыни той земли, где жили.

Шторм не разрешал себе вспоминать об этом. Никогда! Он с силой ударил кулаком по коленям. Но не ощутил боли. Что такое физическая боль по сравнению с болью, живущей в его душе? Он был сбившимся с пути изгнанником, на Арзор его привела старая клятва, которую он не мог не исполнить. Но теперь непонятно было, как её исполнять. Если не мстить Куэйдду, старая вера будет попрана. И он, Шторм, утратит силу древних магических обрядов, дающих ему силу воина. И всё-таки! Сейчас он не мог вызвать Куэйда на поединок. Время ещё не подошло, может быть. Во всяком случае он чувствовал себя обезоруженным.

Он не знал, сколько провёл времени в размышлениях. В розовом небе проступили красно-оранжевые полосы. На Земле утро начиналось не так.

Но Шторм принял решение. Он вытащил из ножен нож, достал станнер. Это были орудия войны и солнце должно было благословить их. Его дед, певец древних песен, имел право просить Богов дать силу. У Шторма такого права не

было: это не была земля племени Дайни и Далёкие Боги были слишком далеко, а, возможно, и не захотят его услышать. Но юноша верил, что будет услышан.

Шторм запел:

Красота вокруг меня...

Он идёт, окружённый красотой...

Боги вокруг меня...

Он идёт, окружённый красотой...

Наверное, слова были не те, что в старых песнях. Может быть, его дед применял другие приёмы, чтобы достичь Силы. Но Шторму казалось, что Боги слышат его пение таким, как оно есть.

Глава 6

Ветерок стих. У ног Шторма кружила Сурра, негромко ворча и нежно бодая лбом руку. Он выронил ножны. Меркоты завозились неподалеку в траве. В небе появился чёткий силуэт крыльев. Баку приветствовала новый день, кружа в свежем потоке воздуха. Шторм вздохнул и его одиночество испарилось. Он вернулся в лагерь, чтобы забрать вещи и попрощаться.

Краткого взгляда на действия Соренсона было достаточно, чтобы убедиться: Топограф понимал, что нужно брать с собой в дорогу, не хуже Ларкина. Поисковая группа была невелика. Сам Соренсон, местный житель Мак Фойл, хорошо знающий страну, и три Норби. Среди них Шторм безо всякого удивления узнал Горгола. Шторм поприветствовал юного охотника взмахом руки и повёл свою кобылу в общий табун.

Фойл оглядел прибывшее пополнение с лёгким недоумением. На кобыле красовался небольшой, соединённый с седлом шест для Баку. Меркоты вскарабкались в свои путевые сумки прямо по крупу лошади. Сурра вышагивала

рядом и было ещё поразительней видеть, как большая кошка попадает в такт лошадиной поступи.

— Ну и наездников ты привёл, парень. Кто это у тебя? Обезьяны, что ли? Я слышал про обезьян, только сам их не видел.

— Это меркоты.

Фойл поправил уздечку, осмотрел сбрую на кобыле, затем подвёл свою собственную лошадь.

— Эти зверьки с Земли, да? Симпатичные какие, прямо два щеночка. Что они у тебя делают полезного?

— Копаются в чём-нибудь, — улыбнулся землянин. — У них длинные когти. Если нужно, малыши работают почти так же быстро как землеройки. Они всегда приносят что-нибудь такое, что по их мнению составляет ценность. Но иногда они что-нибудь могут и украсть, — Шторм щёлкнул пальцами. Хо и Хинг подмигнули из своих сумок.

— Я слышал, как о тебе говорили в городе. Ты — Шторм, не так ли? Ещё ребята рассказывали, как ты уложил одного наездника, нанимавшегося к Горлунду. Говорят, ты просто похлопал его по макушке.

— Это трюк команды, — усмехнулся Шторм. — Тот наездник слишком устал и захотел прилечь. Только он сделал это в неправильном месте. Да и направление выбрал неудачно.

Фойл оглядел Шторма с головы до ног и, кажется, остался доволен осмотром.

— С виду ты не очень сильный. Но такие и находят приключения в первую очередь. У тебя прямо чутьё на них, ребята не зря говорили. Хотел бы я, чтобы ты показал при мне своё умение драться.

Фойл натянул повод и повернул своего коня прочь.

Едва выступив, они спустились к реке. Сурра выказала недовольство тем, что пришлось переправляться вплавь. Так они и переплыли реку — лошади в один ряд с песчаной кошкой, которой Шторм бросил верёвку. Сурра вцепилась в неё зубами. Группа переправилась через Ирравади, держа курс на дальние горы, проступающие на востоке.

Соренсон не только знал толк в организации экспедиций. Он ещё умел командовать. Вскоре Шторм узнал, что это уже третья экспедиция, организуемая Топографической Службой в Запечатанные Пещеры.

— В этих местах труднее всего добывать воду, — рассказывал Соренсон. — Путешествовать можно только в сезон дождей, весной или осенью. Затем надо уходить, пробыв в пустыне четыре короткие недели. Или же в другое время года придётся везти с собой воду и пищу для лошадей, а это невозможно, потому что дорого. Служба не может пускаться в такие траты на основании одних только местных слухов. В одну из экспедиций мы провели удачное исследование в местечке Крабайоло, это в отрогах гор Пикс. Мы нашли несколько резных предметов инопланетного происхождения. Эти находки вызвали сенсацию в научных кругах. Некоторые авторитетные исследователи теперь готовы финансировать наши экспедиции, правда, не слишком продолжительные. Если я обнаружу что-то действительно уникальное, денег будет отпущено больше, на постоянную работу. Их тогда будет достаточно, чтобы основать постоянный лагерь, поисковый отряд. Мне рассказывали, что в том направлении, куда мы держим путь, легче всего найти воду.

— А те вещи, которые вы нашли, какую ценность представляют они?

— Ты когда-нибудь видел образцы культуры Ло Сак Кай?

— Не припоминаю.

— Это уникальная резьба, найденная на предметах в провинции Ло Сак Кай Альтаира-Три, с очень сложным узором. Она принадлежит искусству высокоцивилизованного общества и является несомненным результатом длительного развития техники резьбы. Такую резьбу выполняли только на Альтаире-Три. Образец, который мы нашли здесь, повторяет рисунок с альтаирских резных вещей из Ло Сак Кай.

— Мне кажется, вариантов рисунков не может быть очень много, — возразил Шторм. — И около двух тысяч планет славятся искусством резьбы. А из них около двадцати пяти представляют искусство негуманоидных рас, высокоразвитых и умелых. Кроме того, в космосе множество исчезнувших цивилизаций. Рисунки могут быть похожими безо всякой связи между расами.

— Это логичный довод. Но взгляни вот на это, — Соренсон указал на кето — браслет на запястье Шторма. — Эта вещь земного происхождения. Она может представлять собой культовый атрибут некоего племени.

— Это знак отличия воина-лучника, созданный моим народом во времена, когда люди моего племени жили в пустынях.

— Эти люди были доминирующей расой на твоей земле?

Шторм усмехнулся:

— Кажется, они так и думали. Но это было ошибкой. Они были хозяевами лишь небольшой части континента, к тому же не очень много лет. А в общем, нет, они не были доминирующей расой. Затем их страну наводнили белые люди, считавшие местное население варварами и навязавшие свою машинную цивилизацию.

— Из этого следует, что браслет, который ты носишь, не является общепринятым предметом обихода на Земле?

— Нет.

— А что бы ты сказал, если бы обнаружилось... Где ты воевал, Шторм?

— Лев, Ангол...

— Хорошо, допустим, Лев. Представь, что во время пребывания на Лье ты обследуешь кучу глины и обнаруживаешь в ней точно такой же браслет. При этом ты, конечно, уверен, что ни один галактический корабль в обозримом прошлом в этой местности не был, и никакой другой землянин не мог обронить и зарыть этот браслет на Лье. К какому выводу ты придёшь?

— Что земляне побывали в этой местности до меня, или

что некий торговец со Льва пробовал сбывать здесь предметы старины с других планет.

— Верно. А если при этом обнаружатся доказательства того, что браслет появился на Лье задолго до того, как Земля освоила космические полёты?

— Я предположил бы, что Земля освоила космические полёты до того, как это стало известно историкам. Или что Землю посещали пришельцы других миров.

Соренсон решительно кивнул:

— Вот видишь, ты инстинктивно цепляешься за мысль, что этот браслет — с Земли. Ты не допускаешь мысли, что такую же вещь мог создать представитель чуждой расы, выполнив такой же узор.

Шторм снова усмехнулся:

— Вы совершенно правы, сэр. Наверное, это говорит национальная гордость.

— Или ты совершенно прав, и космические пришельцы побывали на Земле задолго до космических полётов землян. Вот и наши ученые столкнулись с этой проблемой. Узор, известный в весьма ограниченном районе Альтаира-Три, найден за полгалактики от места изготовления и является, согласно легендам местных жителей, принадлежностью чуждой цивилизации. Можно, конечно, предположить, что некая цивилизация некогда совершала межзвёздные перелёты. А много веков спустя земные колонисты нашли следы её деятельности. Но тогда почему мы до сих пор не нашли саму эту цивилизацию, а только следы её деятельности? Что произошло с этой империей, или конфедерацией? Война? Упадок? Чума, которую они переносили на своих кораблях от системы к системе? Может быть, ответы на эти вопросы ждут в Запечатанных Пещерах. И мы найдём их!

— Вы уверены, что мы доберёмся до Запечатанных Пещер?

— Да. У нас не просто хорошие проводники. Нас ждёт один здешний житель — он встретит нас в долине Кривых

Рогов. Он утверждает, что сам разыскал вход в одну из пещер. Норби, как правило, сторонятся этих мест. Но их шаманы совершают возле Запечатанных Пещер свои церемонии, делая это в разное время года. Магия усиливает боевую мощь воинов перед сражением, таково местное поверье. Определённый ритуал, проведённый близ пещер, даёт воину вдвое больше силы, а противника делает вдвое слабее, не зависимо от того, находится противник в пределах полёта стрелы или на расстоянии трёх дней конного перехода. Молодёжь Норби посещает горы Пикс и Пещеры, когда нужно добиться звания воина. Юный Горгол присоединился к нам именно с этой целью. Так что Пещеры для Норби имеют важное религиозное значение. Наш проводник, Бокатан, — шаман одного из кланов. Он уже трижды бывал в тех местах и верит, что Запечатанные Пещеры и обитающие в них существа разрешат ему прийти и в четвёртый раз, и что чужеземцы только помогут открыть вход в Пещеры. Так что нашу экспедицию он благословил.

— Но достаточно ли авторитетен Бокатан, чтобы убедить в нашей необходимости остальных Норби? Если нет, нас ждут неприятности.

— Наверное, он достаточно авторитетен. Законы Арзора запрещают раскопки. И на территории местных жителей нам нельзя заходить без приглашения. Но в данном случае мы вне опасности. Влиять на развитие здешних племён нельзя, пока они сами того не захотят. Я клятвенно обязался выполнять массу таких условий, когда выбивал разрешение на экспедицию. Бокатан отдельно проверял меня. Кроме того на территориях Норби живут несколько охотников — у них лицензии на охоту за йорисами. Они расскажут нам о местных обычаях, так же как и поселенцы в тех местах. За холмами и горами живут племена, которые не контактируют с пришельцами. У них могут быть совсем другие правила, неизвестные пока нам.

— Получается, что во владения и селения Норби нельзя

попасть, если на это нет правительственного разрешения?

— Оно у меня есть. Но приглашение должно исходить от самих Норби из клана, владеющего территорией.

Шторм отвёл взгляд. В экспедиции он выполнит все условия контракта, это несомненно. Но когда экспедиция закончится, кто помешает ему в одиночку отправиться, например, на юг? Его команда будет с ним, как выживать во враждебных мирах, он знает, в своё время побывав в таких странах, где не только население было враждебным, но и сама планета расставляла смертельные ловушки на каждом шагу.

По мере продвижения экспедиции в глубь страны Шторм изучал жизнь дикой пустыни, выполнял обязанности разведчика. Он вошёл в эти обязанности с той лёгкостью, с какой рука входит в знакомую перчатку. С помощью Горгола и других Норби он овладел «речью-на-пальцах», языком жестов. Однако с разговорным языком Норби Шторм не справился. Что лишний раз подтвердило правило, выученное им на примерах неудач с другими местными языками: не надо имитировать речь туземцев, это чаще всего невозможно. Вот и попытки Шторма воспроизвести щебечущий диалект Норби слишком резали ухо собеседникам.

Но несмотря на отсутствие речевого общения, Норби одобрительно относились к Шторму, воспринимая его лучше, чем Соренсона или Фойла. Шторм несколько раз пробовал стрелять из луков, принадлежащих Норби. Знакомое ещё по Земле оружие, но тетиву лука, изготовленного для взрослого Норби, Шторм не смог растянуть. Лук Горгола был податливей и легче. И когда выпущенная Штормом стрела легла точно в центр мишени, нарисованной на оленьей шкуре, Норби церемонно поднесли землянину маленький лук, сделанный как раз под него. Кроме лука ему подарили колчан стрел, их наконечники были сделаны из какого-то камня, блестящего словно драгоценный.

£

Горгол объяснил на пальцах:

«Военные стрелы — если они поразили врага, их не заряжают второй раз. Ты — воин, они — твои».

Горгол пробовал уговорить индейца последовать ещё одной традиции Норби. Татуировать вокруг шрамов от ран красные ободки. Например, пометив таким образом свой шрам на плече, Шторм мог бы гордо демонстрировать это украшение в любой компании воинов.

Шторм и Горгол выходили в дозор на пару. С высоты их продвижение прикрывала орлица Баку, а Сурра вприпрыжку сопровождала всадников. Меркоты путешествовали в дорожных сумках, притороченных к спине Дождя. Эта парочка высывалась на каждой остановке, чаще всего отправляясь в собственную разведку. Они возвращались по первому зову Шторма, обычно таща какой-нибудь сюрприз — сладкий корень растения, блестящий камушек или что-нибудь столь же интересное.

Привычка меркотов тащить Шторму всё, что им покажется ценным, была вскоре замечена остальными членами экспедиции. Так что в конце концов Шторма стали просить ежевечерне у костра выворачивать сумки Хо и Хинга, чтобы всенародно раздать назад чужие вещи, которые в тот день любопытные зверьки посчитали достойными внимания.

Но несколько раз Хо и Хинг находили нечто действительно ценное. Однажды они принесли странный камень, похожий на глаз. Такие порой находили в сухих руслах арзорских речушек. Вытянутый, словно капля, медового цвета, и с искрой посередине, камень на местном языке так и назывался — «глаз». Он был не совсем такого цвета, как глаза Сурры, жёлто-медовый, а искра в середине рубиновая, но по форме такой же. Переливы цвета внутри капли менялись от красного к жёлтому, от медового к зелёному.

В другой раз, дней десять спустя после выхода из Ирравади Кроссин, Хо и Хинг принесли наконецник стрелы. Это было уже после переправы. Наконецник,

сделанный из молочнобелого камня, Норби такими не пользовались, поселенцы тоже. Разве что у поселенцев заведутся меркоты, притаскивающие всякое и копающиеся бог знает в чём. Охотничьи стрелы здесь изготавливали из жёлто-зелёного камня, а военные стрелы делали из прозрачного или голубоватого хрусталя. По крайней мере у Норби. Эта же вещь была чужой, хотя и являла собой произведение искусства.

Даготаг, проводник Норби, осмотрел наконечник, но дотрагиваться до него не стал. Шторм так и держал вещь на весу, пока Даготаг жёсткими жестами сообщил:

«Это Нитра — племя из-за гор. Это стрела — воина. Нитра приходят сюда — чтобы завоевать звания и почести для своих воинов. Нитра для этого — убивают чужаков».

«Они ваши враги?» — уточнил Шторм.

«Мы их враги, — кивнул Даготаг. — Мы — племя Шошонна. Нитра — враги всем — пришедшим издалека. Может быть — они станут врагами тебе. Могут взять руку лучника-врага — как доказательство воинской силы!»

В жестикуляцию вмешался Соренсон:

«Нитра едят ПЛОТЬ?» — археолог трижды суеверно сплюнул.

«Нет! — вновь заработал пальцами Даготаг. — Нитра берут трофеи. Отрезают руку лучника — для дома шамана. Но Нитра не едят ПЛОТЬ. Только злые люди едят ПЛОТЬ. Нитра — хорошие воины, они — не злые люди, которые слушаются чёрных ночных духов».

«Но Нитра могут убить нас?» — настаивал индеец.

«Да — если выследят. Но это может случиться с кем угодно и когда угодно. Мы должны быть — внимательными».

В лагере готовились ко сну. Норби распаковывали спальные мешки, укладывая колчаны со стрелами (по пять штук на случай тревоги ночью) поблизости от изголовья. Шторм шепнул Соренсону:

— Если на нас попытаются напасть ночью, нас есть кому

предупредить. Ни одно живое существо не проберётся мимо Сурры незамеченным.

Индеец подбросил принесённый меркотами наконечник стрелы, поймал его. Края наконечника были зазубрены как у гарпуна. Попад в плоть, такой наконечник останется в ране, так как извлечь его будет крайне тяжело. Оружие не безобидней бластера. Как бы узнать, где Хо нашёл его, и как давно он там находился? На самом деле это реликт давно прошедших дней, или владелец наконечника обронил его совсем недавно.

Шторм приказал Сурре быть начеку. Завтра утром Баку осмотрит окрестности. Её зрение намного превосходит человеческое. Да и нечеловеческое тоже. Так что группа была застрахована от неожиданного нападения. Впрочем, от неожиданностей в этой стране не был застрахован никто. Путь экспедиции лежал через каньоны, пустыни, обрывы. Добирались то на лошадях, то пешком, то вплавь. Чем выше изыскатели поднимались в горы, тем больше неприятных неожиданностей следовало ожидать. Землянин не понимал, какой соблазн мог заставить людей стремиться в эти пустынные горы.

Когда Соренсон и Мак Фойл отдежурили своё, настало время Шторма держать наготове лук и стрелы. Костёр ещё не угас, и индеец решил принести обычную жертву новому оружию — немного собственной крови. Он накалил каждый наконечник в языках пламени, затем каждой стрелой уколол себя в руку. Выступившие капельки крови упали на тёмную землю. Так «приручали» новое оружие на Земле, отдавая кровь земным духам. Почему он, Шторм, думает, что оно приручится здесь? Что духи Арзора возьмут его кровь?

На плечо Шторма легла худая ладонь.

«Зачем ты сделал это?»

Землянин не знал, как на языке жестов показать слова «удача» или «невезение». Он попытался объяснить на примере того, что знал:

«Отдашь кровь — стрела летит в цель — враг падает. Кровью платят за хорошую стрелу».

«Это правда! Ты — чужеземец — но ты думаешь как Норби! Может быть — внутри тебя живёт Норби. Дух Норби — летает в космосе — хочет вернуться в свой клан — входит в человека и возвращается — человеком с виду. Такое возможно, — тёмные пальцы коснулись кожи Шторма там, где остались уколы от стрел. — Снаружи ты — чужеземец. Внутри — Норби — который вернулся домой».

«Может быть», — юноша боялся обидеть Норби несогласием.

«Это должны знать те — в Запечатанных Пещерах. Они — тоже летали — далеко. Как ты. Может быть, они — такие как ты».

Горгол говорил с уверенностью человека, хорошо знакомого с теми легендарными людьми; и землянин задал новый вопрос:

«А Горгол знает запечатанных людей?»

Вопрос вызвал целый поток объяснений. По словам Горгола получалось — по крайней мере так понял Шторм, — что три сезона дождей назад юный Норби покинул племя и направился к Пещерам. Горгол собирался добыть доказательства того, что он уже взрослый и может выходить в походы наравне с мужчинами Кротага. По обычаю он должен был вызвать на поединок воина другого племени, правда, если бы ему повезло найти воина того же возраста и с теми же потребностями во враждебном племени. Либо Горгол должен был без помощи взрослых убить одного из четырёх обитающих на Арзоре зверей, представляющих опасность для жизни. Как подсказал ему «человек внутри», то есть разум, лучше было предпринять охоту на зверя. Горгол держал тогда путь к восточным отрогам гор, примерно туда же направлялась теперь и экспедиция.

Тогда он и обнаружил следы Злого Летуна, огромной птицы, которую Норби ненавидят за нечистоту, но

уважают за бойцовские качества. Рассудив, что для завоевания почёта среди мужчин своего племени лучшего объекта борьбы не отыскать, Горгол пять дней шёл по следу, подбираясь к высокогорьям, где злая птица устраивает гнездовья.

Как это заведено у Злых Летунов, птица напала на Норби сама. Она преследовала Горгола, пока не согнала его с вершины, где было её гнездо, в долину. Всё время он оборонялся и ему повезло одержать победу. Правда, самому Горголу тоже досталось. Не очень страшная, но всё-таки рана. Горгол обнажил ногу до колена. Вдоль голени тянулся голубоватый шрам длиной в добрых десять дюймов.

Поэтому из-за раны Горгол вынужден был ещё несколько дней оставаться в долине. К счастью, сухой сезон ещё не наступил, так что он сумел разыскать воду в горах. Пока Норби отлёживался в небольшой расщелине, изредка выходя на разведку, он обнаружил рядом вход в пещеру, который был закрыт. Причем, закрыт такими техническими средствами, какими не располагают ни Норби, ни поселенцы.

Горгол покинул это место как только смог передвигаться. Обитателей Запечатанных Пещер ни в коем случае нельзя тревожить. Но когда-нибудь Горгол наберётся отваги и снова пойдёт туда, чтобы попытаться открыть Запечатанную Пещеру.

«Обитатели Запечатанных Пещер — добры к людям — кто соблюдает законы. Они послали в голову Горгола знания — как убить Злого Летуна. Они послали знания — где вода — когда нога не могла идти. Старые сказания говорят — Обитатели Запечатанных Пещер были добры к Норби всегда. Я тоже так думаю. Я мог умереть там, если бы они не помогли мне — своим волшебством. Они закрыты от солнца. Они — спят. Но они всё равно — помогают».

«Ты сможешь вновь найти ту долину?»

«Да. Но туда нельзя идти — пока не разрешат обитатели Пещер. Я охотился за птицей. Поэтому обитатели пропустили меня. Они знали, что я — не потревожу их. Если пойти туда, можно разбудить их. Они рассердятся. Нужно идти — только когда они позовут».

Шторм уважал чужие убеждения. Каждый имеет право верить в то, во что верит. Однако сказанное Горголом подтверждало то, что говорил Соренсон. Шаман Бокатан вызвался проводить экспедицию в горы, говоря, что обитатели Запечатанных Пещер сами разрешили ему привести чужестранцев. И так как местность, где Горгол одержал свою охотничью победу, лежала в том же направлении, куда двигалась экспедиция, может быть, они и в самом деле обнаружат Запечатанные Пещеры.

Глава 7

Плечи юноши приятно щекотало солнце. Он, лёжа на краю скалы, разглядывал в бинокль дальнюю тропу. Светлую одежду из шкуры якобыка Шторм перестал носить уже давно — как только понял, что его собственная тёмная кожа менее отличима на фоне скал, чем наряд из переливчатой шерсти.

Экспедиция продвигалась вперёд по единственно возможному пути — узкому проходу среди крутых стен. Лучшего места для засады не придумаешь. Возможно, следовало пройти это место в темноте, хотя и рискуя жизнями людей и лошадей. Соренсон принял предложение Шторма, как человека, не раз выходившего из подобных опасных переделок. Они остановились вечером, дали лошадям отдохнуть и поpastись. Затем после захода солнца экспедиция снялась с места и шла ещё час. Таковы правила поведения на вражеской территории. Теперь никакой разведчик не мог обнаружить их новую стоянку: ночной лагерь экспедиция разбила далеко от места первой остановки «на ночь». Знакома ли была эта тактика мест-

ным жителям, землянин не знал и не хотел думать об этом.

Он чувствовал, что за экспедицией наблюдают. Реальных доказательств тому не было, но вся его команда вела себя беспокойно. Теперь индеец целиком зависел от своих птицы и кошки, надеясь на предупреждение, если начнётся нападение на лагерь.

Резко крича, появилась Баку. Взмахивая крыльями, она спутнула целый выводок травяных курочек. Издали приближался кто-то на коне. Если это не проводник Бокатан, то наверняка кто-то взял для поездки лошадь Бокатана. Всадник приблизился. Белая звезда на лбу коня была обведена красной каймой. В центре рисунка была двойная точка. Шторм бесшумно натянул лук.

— Хо-о-о-у!

Это прозвучал клич Норби. Даготтаг поднялся из-за скалы, приветствуя подъезжающего Бокатана. Наконец-то у экспедиции появился проводник.

Они вошли на запретные территории до наступления темноты и остановились на ночь у берега узкого горного потока. Вода была красной от ила, вниз неслись вырванные с корнем растения и даже небольшие деревца. Соренсон, критически оглядев место стоянки, заявил:

— Никогда ничего не бывает слишком хорошо. Мы вынуждены дожидаться горных ливней, чтобы пополнить запасы воды. Но тот же ливень превратит этот ручей в такой бурный поток, что лагерь будет сметён в считанные секунды. Завтра нам придётся двигаться вдоль ручья, чтобы весь день было чем поить лошадей. Будем надеяться, что уровень воды за это время не поднимется, а убудет.

На следующий день ещё до полудня, не смотря на уменьшение уровня паводка, Бокатан приказал двигаться прочь от ручья, используя как проводник другой ориентир, несказанно удививший всех. Это был низкий чёрный брус. протянувшийся под прямым углом на северо-восток.

Шторм прикинул размеры этого искусственного сооружения. Брус имел около фута в ширину и поднимался над

почвой на несколько дюймов. Он был клинообразной формы, узкой стороной кверху. На ощупь ни металл, ни камень. По крайней мере раньше Шторму не доводилось видеть такие металлы и камни. Назначение этого предмета оставалось загадкой. Он пружинил под пальцами, но ни грязь, ни листья не прилипали к его поверхности. Ножом брус также невозможно было поцарапать.

Сурра подозрительно фыркнула, приняхиваясь к искусственному сооружению, но дотрагиваться до него не пожелала, а лишь брезгливо тряхнула головой.

— Похоже на рельс, — Мак Фойл хлестнул лошадь. Та не подходила к рельсу ближе, чем Сурра.

Соренсон остановился, чтобы заснять рельс на Три-ди. Бокатан стал жестом подгонять всю группу. Надо было миновать опасное место как можно скорее.

«Вверх! — приказывал Бокатан. — Мы должны миновать отверстие в земле до захода солнца. Тогда мы окажемся в долине Запечатанных».

Скалы вокруг были так высоки, что солнечные лучи совсем не проникали на дно каньона. Тени от скал на глазах сгущались в непроглядную темноту. Группа ехала вдоль чёрного «рельса» в гору.

Шторм вспоминал древние верования. С точки зрения собственного боевого опыта он отрицал суеверье. Но люди его племени считали, что коснувшись умершего, взяв какие-либо вещи мертвеца или проведя некоторое время под одной крышей с мёртвым, человек принимает на себя тяжёлое клеймо смерти, становится проклятым. Этот чёрный «рельс» был сделан умершими и вёл живых в страну мёртвых. Индеец нащупал в мешочке, подвешенном к ремню, предмет, который соорудил сегодня днём на привале, и который мог ему пригодиться на этот раз.

Поправив покрывало на плечах, юноша достал из мешочка серебристый кусочек дерева, к которому прикреплялись два пера из хвоста Баку. Наконечником стрелы Шторм обточил этот кусочек, так⁴полагалось с

незапамятных времён. Он приложил свою молитвенную палочку к «рельсу». Орлиные перья на магическом предмете смотрели строго вверх.

Одна магия против другой. Шторм подбодрил коня. Дождь мелкими шажками двигался вперёд. Каньон сузился. Группа добралась до места, которое Бокатан называл отверстием в земле.

Если бы впереди не было видно яркого пятна солнечного света, Шторм запротестовал бы против входа внутрь туннеля. Вход чернел словно раскрытая пасть. Сверху арка была утыкана равномерно расположенными свисающими остриями из того же материала, что и «рельс». Было непонятно, для чего эти выступы служили на самом деле, по виду же они напоминали зубы, готовые безжалостно сомкнуться. Землянин пожалел, что не может подобно Баку миновать эту преграду по воздуху.

Хотя туннель оказался довольно коротким, с открытыми входом и выходом, воздух внутри всё равно был спёртым, словно ни одно дуновение ветерка не проникало внутрь. Сурра преодолела туннель в несколько прыжков. Лошади помчались за ней, остановившись, лишь когда выбрались на свет, в яркий солнечный день новой долины, открывшейся перед ними. Впереди простирались завалы камней, заросли диких лиан, сплошь покрывших громадные блоки всё того же чёрного материала, из какого был сделан «рельс».

— Чёрт ногу сломит, — заключил Мак Фойл, оглядывая спуск.

— Это какая-то постройка, — сказал Соренсон, доставая три-ди камеру, чтобы заснять панораму. — Возможно, это сооружение предназначено для защиты от непрошенных гостей.

Бокатан приказал не останавливаться:

«В долину — если ночь застанет здесь — плохо».

Не без колебания Соренсон подчинился. Шторм спешился и взял поводья коня, готовясь помочь Мак Фойлу

нести поклажу. Норби также спешили и шли впереди, прокладывая путь среди завалов. Пробираясь между глыбами чёрного материала, землянин думал, что доведись группе задержаться здесь до темноты, лучшей ловушки не отыщешь.

Мак Фойл догнал Шторма, ведя под уздцы навьюченную лошадь.

— Хотел бы я знать, что здесь произошло, когда образовались эти завалы. Похоже, какой-то сумасшедший палил из бластера, да так, чтобы добиться наибольших разрушений.

Стараясь не воспринимать развалины как западню, из которой нужно поскорее выбраться, Шторм огляделся. Особенно рассматривать было нечего, но Мак Фойл, кажется, был прав. Такие разрушения могло причинить разве что землетрясение. Простое течение времени не могло бы так разрушить никакую постройку, особенно капитальную. Хотя таких же разрушительных результатов можно добиться, воюя. Но никогда Норби не стали бы развязывать войну с целью добраться до обитателей Запечатанных Пещер.

— Может, конечно, здесь дуют ураганные ветры, — снова заговорил Мак Фойл. — А ещё такое мог сделать поток воды. Очень сильное наводнение.

— Или несколько больших наводнений, — Шторм указал на стены туннеля. Там ясно различались следы воды, нёшейся в одном направлении. — Вполне возможно, что туннель служит для оттока воды из долины.

— Даже если первоначально туннель не был предназначен для этого, то теперь через него происходит именно отток. Бокатан говорил, что в долине есть озеро. Несколько сильных ливней способны достаточно повысить уровень воды, которая немедленно найдёт через что вытечь, — ответил Соренсон.

Развалины тянулись добрых полмили. Держа направление на высохшее русло реки, процессия подошла к

отвесному обрыву. Чёрный «рельс» уходил в глубь спуска. Наверное, так было и когда постройки из чёрного материла ещё стояли неразрушенными.

Экспедиция преодолела спуск и поднялась из низины, выбравшись на широкую дамбу, которая перегораживала большое озеро с коричневой водой. Выход из долины терялся за противоположным берегом озера. Может, когда-то здесь был город? Соренсон стянул с головы шляпу и вытер пот с пропылённого лица.

— Может быть, мы так и не разыщем Запечатанные Пещеры, друзья. Но кое-что мы уже нашли. Останавливаемся здесь, ребята. Я хочу провести три-ди съёмку, пока ещё светло.

Они остановились на ночь возле небольшой бухточки. Шторм взялся полить почву репеллентом для отпугивания насекомых. Он отметил, что Норби остановились неподалёку от людей, расположив палатки внутри кружка, образованного светом от костра.

Мак Фойл осмотрел холмы вокруг и сообщил:

— Если мы начнём раскопки, то здесь можно много чего выкопать. Но, наверное, лучше этим заняться мне, Шторму и Соренсону. Норби не любят работать лопатами.

Соренсон ответил:

— У нас есть карта, мы будем работать по ней. Возможно, следует копнуть в одном-двух местах. Несколько найденных образцов помогут произвести впечатление на наше руководство. Но если мы здесь найдём что-то действительно ценное, то понадобится постоянное жилище и дюжина лет, чтобы расчистить всё это место.

Он обратился к проводнику:

«Бокатан — эта вода в озере — уходит во время засушливого сезона — или остаётся?»

Бокатан озадаченно развёл руками:

«Бокатан бывал здесь — только во время дождей. Я не видел этой местности — во время засухи. Думаю — вода не уходит в засуху».

— Я тоже так думаю, — довольно сказал Соренсон. — Это значит, что здесь можно оставаться круглый год и спокойно работать.

— Если только воды не станет слишком много, — вмешался землянин. — Судя по следам воды на скалах, здесь бывают наводнения. И вода доходит очень высоко.

Но археолога это сообщение не больно-то испугало.

— Если это и так, можно расположить лагерь повыше, на скалах, севернее. Вон там есть удобная возвышенность, на краю долины. Вряд ли вся эта местность бывает под водой во время дождей. К тому же весь последний месяц шли обильные ливни, а посмотрите, на каком уровне держится вода в озере.

Однако первый же ночной дождь опроверг умозаключения Соренсона. Это был обычный для сезона дождей ливень, но вода в озере поднялась настолько, что лагерь целиком залило. Пришлось спешно перебираться. Остановились ближе к развалинам, так как там нашлось подходящее возвышение.

Но эта мера означала, что нужно готовиться к ещё более худшему. Дождь означал, что воины враждебного племени Нитра не нападут на экспедицию. Однако Норби всё равно тревожились. Война и наводнение в равной степени считались посланием Небесных Громовержцев. И оставаться в местности, где путь к отступлению отрезан из-за наводнения, было неразумно. Экспедиция оказалась прижатой к скалам в северной части долины.

Норби втроём отправились на разведку, чтобы осмотреть возвышенность там, куда не доходила вода во время сильных дождей. Штурм и Мак Фойл отвели лошадей подальше от озера в горы. А Соренсон и Бокатан отправились к предполагаемому входу в Пещеры. Нужно было обстоятельно узнать, насколько опасно оставаться в долине.

В то утро лошади повиновались нехотя. Штурму не хватало содействия Сурры. Но песчаная ко~~шка~~шка исчезла.

Скорее всего она укрылась где-нибудь от дождя. Когда индеец не давал ей никаких указаний, Сурра действовала согласно собственным инстинктам. Баку тоже не было видно с самого рассвета.

Почти все лошади были выведены на возвышенность, когда Шторм услышал удивлённый возглас Мак Фойла. Юноша помог преодолеть подъём последнему животному — это была его собственная кобыла.

И тут началось буквально светопреставление. Как будто сама природа, вытащив огненный меч, принялась размахивать им направо и налево. Шторм словно попал под ураганный огонь превосходящих сил противника, обладающего нечеловеческой яростью.

Сплошной пеленой с чёрного неба пал ливень. Шторм не мог даже различить голову коня в этой водяной завесе. Было нечем дышать, вода била по всему телу. Вспышки молний со всех сторон чередовались с оглушительными раскатами грома. Конь под Штормом храпел и рвался прочь. Шторм не смог совладать с ним и перепуганный конь понёсся сквозь сплошной поток падающей воды, так что задыхающийся всадник мог только сильнее прижиматься к взмыленной шее жеребца.

Внезапно дождь перестал бить по телу, беснуясь где-то рядом и заполняя грохотом весь мир. Было по-прежнему темно, только молнии распарывали небо. Шторм увидел невысокий уступ, нависавший прямо над ним. Он подпрыгнул, но сорвался со скользкого камня и покатился вниз. Потоки грязи увлекали его, лились на него сверху, облепливая тело, и вскоре почти задавив. Юноша потерял сознание. Когда он вновь открыл глаза, было всё ещё темно. Шторм осторожно попытался пошевелиться. Темнота была непроглядной и пугающей, как и зловещая непроницаемая тишина, окутавшая всё вокруг. Индеец, в полубоморочном состоянии, попытался вырваться из грязи. Подсохшая корка надломилась, и ему удалось освободить верхнюю часть тела.

Кажется, ни одна кость не сломалась. Всё тело болело, но двигать руками и ногами он мог. Мало помалу землянин расчистил вокруг себя достаточно места, чтобы вытащить ноги из грязи. Теперь надо было попытаться вспомнить, что же случилось до того, как он потерял сознание.

Шторм позвал и услышал в ответ жалобный испуганный стон. Он позвал ещё, повторяя слова, которыми он объяснялся с лошадьми, которые говорил Дождю в тот самый первый раз, когда объезжал жеребца. Сам Шторм уже мог встать на ноги и теперь обследовал всё вокруг себя на расстоянии вытянутых рук. Потом юноша вспомнил про фонарик на поясе, зажёл его и посветил впереди себя. Свет слабо отразился от твёрдой поверхности. Землянин стоял перед высокой каменной стеной, верх которой терялся во тьме. Это мог быть свод некой пещеры, достаточно большой. Затем в луче света показался Дождь, испуганный, с пеной на губах, глазами навывкате. Шторм поспешил протянуть руку и потрепать коня по холке.

Ему ужасно не нравился запах вокруг. Ещё на входе в туннель, возле края долины, воздух был тяжёлым и затхлым. Теперь же Шторм чувствовал, как с каждым вдохом всё труднее становится дышать. Инстинкт гнал Шторма прочь из пещеры — или каменного мешка, если это был каменный мешок. Шторму стоило немалых усилий сохранять самообладание.

Справа от него вверх уходила каменная стена, позади громоздилась осыпавшаяся почва, которая и преградила выход. Шторм посветил фонариком под ноги. Потoki воды закручивались в воронки, вытекая из-под обрушившейся почвы. Взглянув выше, вверх по свежему обвалу, индеец заметил серый лоскутик почти под самым потолком. Это могло быть только небом.

Шторм приказал коню успокоиться и стал карабкаться вверх. Он продвигался медленно, дюйм за дюймом, боясь нового оползня, который вполне мог похоронить его заживо. И вот наконец Шторм добрался до отверстия в

обвалившейся породе и вдохнул сырой, свежий от дождя воздух. Обвалившаяся почва была достаточно податлива, и он принялся раскапывать отверстие, достаточное, чтобы выбраться наружу.

Под руку попался большой обломок камня. Шторм порадовался, что ни один из таких камней не задел ни его, ни жеребца во время обвала. Быть похороненным в пластах глины — неприятно. Но быть раздавленным под камнями — ещё неприятнее. Индеец отбросил камень, затем ещё один, закрывавший выход как пробка бутылку. Он разгребал землю, постоянно оглядываясь назад, чтобы выяснить, не прибывает ли вода в пещере. Но если уровень воды и поднимался, то медленно. Может быть, именно в эту пещеру стекает вода из озера или это просто просачиваются ручейки дождя? Шторм не мог припомнить, в каком точно направлении помчал его Дождь, когда грянула буря.

Он откатил целую глыбу корней и веток, перемешанных с грязью — и на него обрушился пронизывающий дождь. Ощутить струи воды на теле было теперь приятно, они уносили с собой усталость и грязь.

Шторм высунулся из отверстия. Видимость из-за дождя была весьма ограниченной. Но то, что землянин смог разглядеть, заставило его судорожно вздохнуть. Перед ним лежала местность, совершенно не похожая на ту, что он помнил до дождя и обвала.

Шторм наполовину свешивался с края каменного вала, под которым плескалась необъятная водная поверхность, испещрённая ударами дождя. В этом бульоне крутились вырванные с корнем деревья, а неподалёку, придавленный обломком скалы, лежал труп чёрной кобылы, которую Шторм захватил для смены. У животного была размножена голова и переломаны ноги.

Тело лошади было единственным неподвижным островком среди бушующей воды. И к этому островку жался маленький живой комочек, беспомощно цеплявшийся за придавленную боком кобылы сумку. Увидев этого пуши-

того бедолагу, Шторм вскочил и расстегнул ремень, стаскивая с него ножны и кобуру станнера. Но только с третьей попытки он дотянулся ремнём до сумки на боку мёртвой лошади. Меркот проворно вцепился в ремень и взобрался по импровизированной лестнице в безопасные объятия Шторма.

Это был Хинг, насколько Шторм смог рассмотреть, Хинг не пострадал. Что теперь с Хо, юноша боялся даже подумать. Сумка, в которой путешествовал Хо, висела сбоку от седла и теперь была придавлена мёртвым лошадиным телом.

Хинг обнял Шторма за шею, жалобными стонами передавая всю горечь своих злоключений. Индеец, насколько это было возможно, отряхнул с меркота налипшую грязь и отнёс малыша в пещеру. Завёрнутый в одеяло, Хинг утих, и Шторм снова выглянул из своего укрытия.

Расширять вход в пещеру не имело смысла, так как прибывающая вода в озере могла добраться и до отверстия. Кроме того, копать лучше было бы при свете и в отсутствие дождя. То есть, утром. Поэтому в настоящий момент, рассудил Шторм, не остаётся ничего иного как ждать, пока небеса не выльют всю влагу. Надо полагать, её там скопилось много, но ведь не настолько же много, чтобы лить вечно!

Так в ожидании прошли часы. Серая дымка сменилась безлунной темнотой ночи. Полулёжа на валу, Шторм силился разглядеть хоть точку света на холмах. Огонь означал бы сигнал от других участников экспедиции, огонь означал бы, что они уцелели, что в наводнении выжил не только он.

Наверное, Шторм заснул. Его разбудил солнечный свет. Хинг отирался рядом, занимаясь утренним туалетом. Он почти по-человечьи фыркал, выказывая недовольство по поводу собственной грязной шёрстки, обычно тщательно ухоженной.

Вода в затопленной долине понемногу спадала, что

свидетельствовало о наличии стоков. Какая-то рыже-коричневая, цвета местной глины, тварь суежилась возле убитой лошади. Шторм прикрикнул на тварь и бросил в неё комком грязи. Тварь спряталась.

Голос Шторма отозвался в дальних горах смутным эхом. Землянин снова закричал, на этот раз он звал на помощь. Снова и снова звал он, пережидая между криками, чтобы услышать отзывающихся товарищей. Но их не было слышно. Так что Шторму оставалось только продолжить раскопки. В частности, обследовать убитую кобылу — и выяснить, что же случилось с Хо.

Глава 8

Шторм стащил с трупа кобылы поклажу и отнёс вещи в пещеру. Хинг дежурил у входа. Боец из меркота никакой, но отпугнуть шакалов-стервятников Хинг вполне может. Выставив охрану, Шторм отправился осматривать местность. Он подобрал обломок дерева, чтобы опираться на него в местах, где грязь скользила под ногами. Дважды по мере его продвижения юноша замечал то шакалов, то птиц-стервятников. И Шторм спешил к тем местам, откуда ретировались спугнутые им животные и птицы, чтобы узнать, что служило им пищей.

Первый раз Шторм обнаружил убитую лошадь, на которой ехал Соренсон. Второй раз это оказалось какое-то местное животное, захлебнувшееся в потоке воды. Землянин несколько раз останавливался, звал на помощь, звал Баку. Но никто не отзывался.

Солнце поднималось всё выше, постепенно подсушивая грязь. Шторм даже сумел добраться до противоположного края озера. Слой мутной воды покрывал примерно пять шестых долины, полностью затопив низину, откуда накануне экспедиция вошла в долину. Никаких признаков спасшихся индейцев не обнаружил. Ни дымка от костра, ни ответа на призывные крики.

Развалины также были затоплены, лишь несколько вершин камней торчали из воды тут и там. На них Шторм разглядел мелких животных — обитавших в долине зверьков-травоедов. Шторм уже собирался повернуть назад к пещере, как вдруг с неба послышался знакомый шум крыльев. И вот показался чёрный силуэт. Баку! Шторм засвистел, и орлица сделала круг над его головой.

Она скользнула над его головой, своим обычным способом указывая направление. Но добираться туда пришлось бы прямо через озеро, а Шторм не мог довериться этой мутной жиже, полной всплывших сучьев и невидимых преград. И всё же он вошёл в воду по пояс, пробуя путь впереди шестом. Баку опустилась на одну из торчавших над водой развалин довольно далеко от Шторма. Он крикнул, Баку заклекотала в ответ, но не поднялась. Этот обломок Шторм заметил ещё накануне — останки древней обвалившейся стены. Промеры шестом показали значительную глубину, и Шторму ничего не оставалось как отправиться к указанному островку вплавь. Вода была холодная и пахла гнилью; Шторм плыл, разгребая мусор перед собой, задыхаясь от зловония чёрной густой жижи.

Наконец его ноги коснулись твёрдого камня и Шторм выбрался на островок. Он ожидал найти следы наводнения. Но увидел другое — поле битвы! Трое убитых — Соренсон, Бокатан и Даготаг. Боевые стрелы пронзали грудь каждого. И у каждого была отрублена правая рука. Судя по всему, их убили в сумерках, пока Шторм выбирался из заваленной пещеры.

Старые поверья гласили, что нужно убратся прочь и не беспокоить мёртвых. Но нужно было понять, что же случилось и отдать последний долг тем, с кем он делил тяготы жизни в эти дни. Шторм подошёл ближе. Что-то шевельнулось неподалёку, над землёй еле-еле приподнялась мохнатая головка. На мокрой шерсти налипла грязь, перемешанная с запёкшейся кровью. Шторм бросился вперёд.

Сурра заскулила. Шторм осмотрел рану на её голове — страшно, но не опасно. Видимо, напавшие решили, что песчаной кошке хватит и этого. Далеко не впервые в жизни землянин пожалел, что его команда не может говорить так же внятно, как действовать. Он мог только осмотреть место битвы и додумать детали случившегося.

Насколько он мог судить, Соренсон и двое Норби, захваченные потоком, спаслись на этом островке, потому что это было единственное возвышение в обозримой близости. А нападение произошло позже, уже после бури. Убийцы проникли в лагерь и ограбили свои жертвы. Оружие всех убитых исчезло.

Шторм раскрыл индивидуальную аптечку и принялся обрабатывать рану Сурры. Она повиновалась, только время от времени слабо всхлипывала. Шторм обрабатывал рану неспешно, стараясь протянуть время перед предстоящим неприятным делом. Но потом он всё-таки заставил себя оторваться от затихшей Сурры и подойти к убитым. Содрогаясь, индеец уложил скрюченное тело Соренсона рядом с трупами Норби. Рыть могилу было нечем. Помогая себе обломками дерева, Шторм с собачьим упрямством копал влажную землю, засыпая тела товарищей глиной, ветками, камнями. Он закончил похороны к полудню, когда солнце превратило долину в паровую баню.

Сурра уцелела, Баку была жива, в пещере Шторма ждали Дождь и Хинг. Землянин плохо знал боевые традиции Норби, однако надеялся, что племя Нитра — если только на его товарищей действительно напали Нитра — не имеет обычая прочёсывать местность. Возможно, туземцы поверили, будто расправились со всей поисковой группой. Шторм должен перевезти Сурру повыше в горы на севере, захватив Дождя и Хинга. Он изо всех сил стал думать, насколько ему необходимо отлучиться, чтобы привести за Суррой коня, и как он будет изо всех сил спешить сюда. То же самое он вполголоса повторял Сурре.

На обратном пути юноше пришлось проплыть всего

несколько футов, пока он вновь не достиг дна — так стремительно спадала вода. В пещере всю проводил раскопки Хинг, очевидно, в поисках ценных корней. Его активность помогла проложить тропу для коня, который с жадностью напился из озера и накинудся на прибитые водой пучки травы.

Нагрузив жеребца уцелевшими припасами, процессия выступила в путь. Хинг восседал на крупе коня, Баку летела над ними, Шторм следовал рядом с конём, чуть поотстав. Отступившая вода обнажила полосу гравия и несколько каменных плит. Шторм оставил на них сумку с Хингом и Баку, а сам с Дождём поплыл к возвышению, где находилась Сурра.

Коню понадобилось растолковать, что Сурра поедет на нём верхом. Ведь он привык к тому, что кошка — вечный соперник в беге, существо на четырёх лапах, скачущее рядом. Шторм не знал, как жеребец воспримет Сурру в качестве наездницы, и успокаивал Дождя уговорами и похлопыванием по холке, пока тот не притих. Тогда Шторм подозревал Сурру, она подошла и вспрыгнула к нему на грудь, оказавшись неожиданно тяжёлой.

К удивлению Шторма, конь и не подумал освободиться от двойной ноши. Неуклюже придерживая Сурру, Шторм направил коня назад и вскоре все трое выбрались на возвышение, оставив позади канаву-след из мгновенно подсыхающей жижи.

Добравшись до полосы гравия, Шторм первым делом достал неприкосновенный запас. Выходя в экспедицию, он взял с собой совсем немного препаратов и еды в личном багаже, так как Соренсон сделал в Ирравади Кроссин солидные закупки запасов пищи. Сумки, снятые землянином с погибшей кобылы, содержали крохотную долю того, что может потребоваться Шторму и его команде, прежде чем найдётся выход к какому-нибудь поселению или корралю или временному пастбищу. Из оружия у Шторма были станнер, лук, подаренный Норби, и нож на поясе.

Что до еды, то пакет с неприкосновенным запасом был почти на исходе, в нём находились только остатки того, что Шторм использовал, находясь ещё на Службе. Ещё у него остался спальный мешок, покрывало с Земли, аптечка, наполовину израсходованная на лечение Сурры, фонарик, ручной нагреватель с тремя батареями и фляжка.

А воду надо было кипятить постоянно, химикаты-обеззараживатели сгнули вместе с запасами экспедиции. Однако Шторму доводилось довольствоваться и меньшим, когда он с командой выходил на охоту и проявлял разумную экономию.

Здесь водились зверьки, которых можно было считать двоюродными братьями земных кроликов. Одного такого, большого, индеец и команда выследили, подстрелили и съели с большим аппетитом. Кроме того они заметили тут оленеподобных коз и травяных курочек. Все животные Арзора кочевали вслед за водой. То же самое вынужден будет сделать и Шторм, отправившись вслед за водой от засухи.

Юноша, насобирав травы, устроил подстилку для Сурры и сел рядом. Хинг возился поблизости, жалостливо вереща. Сумка, в которой был Хо, так и не нашлась, и Хингу явно не хватало друга. Землянин ободряюще погладил жёсткую шёрстку и оглядел южный край долины. Между ним и туннелем всё ещё простиралось водное пространство. Выход был преграждён водой, которая могла подняться ещё выше. Шторм усадил Хинга на колени и потянулся к биноклю.

Осмотр южного направления оказался неудовлетворительным. Шторм никак не мог понять, что там не в порядке, но что-то было не так. Произошла некая неуловимая перемена, но землянин не понимал, какая именно. Он методично рассматривал одну скалу за другой. На некоторые ловкий человек смог бы взобраться, но затащить на них Дождя явно будет невозможно. Туннель на севере остался единственным выходом из долины, но добраться туда можно было только по бездорожью.

Одиночество не было Шторму в новинку. Большую часть жизни он шёл своей собственной, обособленной дорогой. Порой душевное одиночество было легче преодолеть с его звериной командой, чем, например, находясь в человеческом муравейнике, каким был Центр. Но в этой долине присутствовало нечто, не встречавшееся Шторму доселе ни на одной из чужих или открыто враждебных планет, где землянин учился выживать среди злобы, где каждое движение могло обнаружить его перед неприятелем, но не обязательно перед лицом лёгкой или быстрой смерти. Нечто чуждое таилось в насыпях оползней, в горных глыбах. Шторм не удивился бы, обнаружив смертельную угрозу под любой кочкой. Местность буквально дышала смертью. В воздухе носился запах смерти; само тело Шторма, все его чувства стремились прочь отсюда. Если бы не Сурра, которую пока нельзя было перевозить далеко, Шторм поспешил бы убраться из долины по-дальше.

Ему так хотелось развести костёр! Не только для того, чтобы просушить вымокшую одежду и вещи, а подступающая сырая ночь прошла бы уютнее, но ещё и потому, что огонь — сам по себе оружие против неизвестных врагов, оружие старейшее и надёжнейшее. Шторм тихонько запел, выводя голосом древнюю мелодию. Он пел песню защиты от крадущегося в ночи врага. Индеец не помнил точных слов, но верил, что звуки, которые сейчас так свободно изливались из его души, — те самые, нужные.

Примостившаяся на каменной глыбе орлица встрепенулась. Сурра подняла голову и наострила уши. Шторм выхватил станнер и прижался к скале. Справа его прикрывал каменный уступ, небольшая, но защита. Левой рукой Шторм достал нож. Если последует атака, драться придётся в рукопашную. Лучник в такой тесноте не сможет натянуть тетиву для выстрела. А выстрелить из станнера...

— Й-и-ро-о-у-у-у!

Это был клич, который Шторм слышал часто, но воспроизвести не умел. Звук эхом отдавался в скалах. К

Шторму бежала чья-то фигурка, смутная и далёкая, она была почти скрыта холмами. Казалось, это просто тени в долине переходят одна в другую. Шторм не расслабился, но и на курок станнера не стал нажимать. Солнце уже почти скрылось за холмами. Наконец бежавший появился в поле зрения Шторма. Это был Горгол. Правая рука его была прижата к груди. Добежав, он упал на подстилку из травы рядом с Суррой. Неповреждённой левой рукой Горгол «заговорил», объясняя Шторму, что случилось:

«Враги — после наводнения — убили — все мертвы».

«Я знаю, — жестами ответил Шторм. — Дай мне осмотреть твою рану, воин».

Возле каменного выступа было ещё светло. В свете уходящего дня Шторм осмотрел Горгола. К счастью, стрела прошла навывлет и ни один из стекловидных зазубренных зубцов не обломился внутри мышцы. Шторм промыл рану остатками чистой воды и перевязал. Затем он достал блок концентрата из НЗ и, отломив кусок, протянул порцию Горголу.

Когда Горгол снова открыл глаза, Шторм задал очень важный вопрос:

«Нитра ушли? Или они ещё здесь?»

Горгол отрицательно покачал головой. Недоеденная порция НЗ так и осталась зажатой в его зубах, пока он жестикулировал:

«Это — не Нитра. Убивали — не Нитра — и не Норби».

Шторм привстал, глядя в темноту. На миг им овладели смутные страхи — а вдруг это вышли обитатели Запечатанных Пещер? Вдруг это их охрана или какое-либо следящее устройство оставлены в долине и всё видят? Но тут землянин заставил себя улыбнуться над собственным разыгравшимся воображением. Соренсон и другие были убиты стрелами, у Горгола также была рана от стрелы. Что бы ни утверждала наука утраченной родины Шторма, он больше верил в приметы, бытовавшие у его народа.

«Так это не Норби?»

«Не Норби — и не Нитра, — Горгол ещё раз повторил жест, удостоверив Шторма, что тот понял верно. Потом Норби задвигал раненой правой рукой, стараясь подкрепить важность сказанного. — Люди, пришедшие издалека. Похожи на тебя».

Да, подумал Шторм, но зачем тогда они использовали стрелы? Зачем, соблюдая ритуал местных племён, отрезали убитым руки?

«Ты видел их, Горгол?»

«Я видел. Я лежал за скалой — вода поднялась очень, очень высоко.

Люди пришли — когда дождь кончился. Они носили это, — Горгол дотронулся до собственной кольчуги из шкуры йориса. — У них были луки — как у Норби. Как Норби — но это не Норби. Я думаю, это — Горцы Мясоеды. Они крадут лошадей — крадут якобыков. Они убивают — и говорят — что убили Норби. Они делают на убитых такие же отметины как Норби. Они выстрелили — Горгол упал — как будто мёртвый. Но перед этим один из них был убит Горголом».

Глаза Горгола засияли, он развёл пальцы и стал загибать их, показывая, сколько было врагов:

«Горгол — теперь воин. Но их было слишком много. Когда стрела врагов нашла Горгола — он упал как мёртвый — враги не стали карабкаться и смотреть — и вправду ли Горгол убит».

— Горцы Мясоеды! — повторил Шторм вслух. Наверное, Горгол понял этот возглас, потому что жестом снова показал: да, они.

«Они всё ещё поблизости?» — индеец переспросил Норби.

«Нет — ушли, — Горгол указал на север. — Они живут там — я думаю — они не хотят — чтобы люди знали — где прячутся Горцы. Он убивают — тех кто знает».

Что ж, теперь идти на север нет смысла ещё и по этой причине, решил Шторм. А Горгол продолжал:

«Они повезли на лошади пленного — связанного. Может быть — им нужно убить его — для того, чтобы умиловить злых духов... — Горгол замаялся и повторил жест ужаса, который как-то употреблял в разговоре с Норби Соренсон. — ПЛОТЬ».

Шторм слышал, что некоторые племена Арзора, чтобы умиловить злых духов (или чтобы подкормить злых духов), едят пленников, добытых при определённых условиях. Но для большинства племён такой обычай олицетворял оскорбление традиций, и между каннибалами и их противниками никогда не прекращалась вражда. Для Норби символом зла было само упоминание ПЛОТИ, вот почему Горгол, естественно, подумал о каннибальских обычаях.

Землянин уточнил:

«Нет. Горцы Мясоеды не едят пленных. Этот человек — из долины?»

«Он пастух».

«Разве поблизости — есть кто-нибудь из владельцев стад? Если так — мы можем найти их — рассказать об убийстве — которое совершили Горцы».

Горгол повернул лицо к югу:

«Много солнц нужно — чтобы добраться до поселенцев. Может быть — мы пойдём туда. Но не ночью — Горгол не знает — этой местности. А в горах — Нитра. Их воины ходят тихо, очень чуткие — и очень быстрые», — наверное, он имел в виду какое-то другое качество воинов Нитра, но его взгляд говорил, что чужеземцу этого не понять.

— Согласен, — сказал Шторм вслух и жестом.

Уже почти стемнело. Шторм развернул спальный мешок, убедился, что Горгол устроен удобно, и сам свернулся калачиком рядом с Суррой. Та спала, но Шторм не раз убеждался: острый слух песчаной кошки предупредит его в случае любой опасности.

Уже почти рассвело, когда индеец проснулся от слабого сигнала тревоги, поданного Суррой. Он мгновенно проснулся и вскочил — этому приёму юноша обучился так

давно, что выполнял его совершенно автоматически. Тот, кто приближался к ним, не вызывал у Сурры воинственных чувств, один лишь интерес. Шторм пристально прислушался, стараясь не замечать тяжёлое дыхание Горгола, да шуршание гравия под копытами Дождя, переступавшего с ноги на ногу. Затем донёсся новый звук — постукивание, столь далёкое, что он не расслышал бы его без предупреждения Сурры.

Уже было достаточно светло, чтобы разглядеть, кто там идёт, и Шторм приготовил к бою станнер. Он взял на прицел смутный силуэт, про который мог теперь с уверенностью сказать: это не лошадь. Такие очертания имело только одно животное на Арзоре, и если бы Шторму посчастливилось убить его, у них с Горголом появилось бы вкусное мясо. Минутой позже Шторм уже свеживал убитого якобыка, годовалого телёнка, достаточно упитанного, чтобы организовать настоящее пиршество. Что делал одинокий якобык в дикой местности, осталось для Шторма загадкой. Эти равнинные животные всегда паслись целыми стадами, и в нормальных условиях их невозможно было застать ни в горах, ни в одиночестве.

Позже Горгол объяснил Шторму, в чём дело. Они разожгли костёр — землянин со всех сторон загородил пламя большими камнями, чтобы их не было видно издали. Ломтики бифштекса были нанизаны на прутики, и Горгол, следя за равномерным прожариванием лакомства, жестами рассказал:

«Якобык был украден. Недобрые люди — прячут якобыков. Может быть, этот отбилсЯ — от украденного стада — во время перегона — а может быть, его напугала буря».

Шторм жадно накинулся на мясо. Со всеми этими кражами лошадей и якобыков было не в порядке только одно. Куда воры могли девать украденное добро на Арзоре? Продать якобыков с выгодой можно только вдали от Арзора. Космопорт на планете один-единственный, и каждое вывозимое животное регистрировалось в экспор-

тно-импортных ведомостях. Поселенцы первыми распознавали новичка, не слишком умеющего считать своё стадо, молва о нем облетала владельцев, едва такой недотёпа ступал на Арзор. Какой же смысл красть то, что нет никаких шансов продать? Шторм обратился к Горголу, зная, что даже при неверном жесте Норби сообразит, что имеет в виду землянин.

«Зачем якобыыков крадут — нельзя ведь нигде продать...»

«Может быть, не на продажу. Планета большая, — Горгол обвёл левой рукой полукруг, показывая размеры планеты. — Якобыыков угоняют — далеко-далеко. Лошадей тоже. Горгол знает — где прячутся Горцы Мясоеды. Норби — забирают лошадей — с тайных пастбищ Горцев. Гуrol из клана Горгола — взял у Горцев трёх лошадей — в прошлый засушливый сезон. Гуrol большой охотник — и воин».

Итак, Норби совершают набеги на тайные пастбища Горцев. Эта маленькая информация говорила о многом. Предположим, что Норби занимаются этим полезным делом для собственного удовольствия или развлечения. Потому что любой Норби не пропадёт в бескрайних степях один, безо всяких лошадей и якобыыков. Зато если в здешних просторах затеряется чужак, без лошади и без запасов, ему придётся несладко. Но всё равно, главным вопросом оставался прежний: как Горцы реализуют добытое?

Возможно, где-то существует тайный космопорт, где и продают краденое. При этой мысли Шторм напрягся и сощурил глаза. Сурра, ловя его настрой, хрипловато рыкнула. Им приходилось бывать в тайных космопортах. Один такой Шторм обнаружил самолично и вызвал туда истребительный эскадрон, который навёл порядок в порту и разобрался с его хозяевами. Тот порт служил для откачки с планеты пищевых ресурсов. Славная была охота, сказал себе Шторм.

Но предположим, что его догадка о тайном космопорте

на Арзоре верна. Официально звёздная война завершена. За прошедший в Центре страшный год Шторму были представлены доказательства её окончания. Но если здесь есть космопорт, то у него, Шторма, есть шанс вырваться и нанести хотя бы один удар по тем, кто лишил его собственной планеты. Шторм начал напевать вполголоса. В этот момент встреча с Брэдом Куэйдом казалась ему чем-то незначительным, крошечным фактиком, полузабытой неважностью. Если бы только его догадка была верна!

Землянин повернулся к Горголу. Тот наблюдал за восторженным возбуждением Шторма так же, как Сурра, — сузив пристальные глаза.

«Есть ли лошади — у Горцев?» — спросил Шторм.

«Да».

«Тогда — подобно Гуролу — мы можем узнать — как далеко — эти лошади довезут нас».

Губы Горгола дрогнули. У Норби это означало широкую улыбку:

«Доброе предложение. Горцы пролили кровь нашего племени. Нужно взять у них взамен — несколько рук их воинов».

В это мгновение Шторм понял, насколько он был близок к огромной ошибке! Землянин мог разорвать все дружеские отношения с аборигенами, если бы, как он первоначально хотел, двинулся на юг и пошёл против обычая Норби мстить за пролитую кровь. Конечно, это мелочь по сравнению с преступлением, о котором он догадывался, и помимо прочего это отвлечёт его от полузабытой необходимости свести счеты с Брэдом Куэйдом.

Глава 9

Шторм желал выйти как можно скорее, но ему хотелось, чтобы Сурра отдохнула хотя бы ещё день, прежде чем ей придётся вернуться к тяготам похода. Рана Горгола тоже давала себя знать. Осмотрев пациентов, индеец выработал

новый план разведки. Вначале он в одиночку осмотрит южные отроги и убедится, что на возможном пути отступления не окажется воинов Нитра. Перед выходом юноша провёл соответствующие приготовления.

Жиром якобыка, смешанным с красной глиной и пылью, собранной с гальки, индеец раскрасил лицо и грудь. Ломаные полосы образовали что-то вроде маскировочной сетки. Это был одновременно и камуфляж и боевая раскраска.

Горгол с любопытством наблюдал за процессом росписи по лицу.

«Ты знаешь приёмы магии воина?»

Шторм оглядел полосы на груди и улыбнулся. Под боевой раскраской его улыбка была не видна.

«Я знаю приёмы магии воина. Это магия воинов — моего племени».

Повинуясь голосу крови, Шторм надел на шею амулет и застегнул пояс — кончу — атрибуты его наследия. И принялся осматривать оружие.

Индеец мог использовать лук, так как обе руки его были невредимы. Горгол с этим оружием пока не справился бы. А оставить Норби с одним лишь длинным ножом для защиты Шторм не мог. И он отстегнул кобуру со станнером. Местные жители были суеверны насчёт чужого оружия, полагая, что между оружием и хозяином всегда существует связь. Но бывали случаи, когда оружие дарили от чистого сердца. Считалось, что тогда «волшебство» переходит к новому владельцу неповреждённым. Шторм не знал тонкостей церемонии дарения оружия у Норби, поэтому положился на свою интуицию.

Точно так же, как в то утро, когда он собирался в экспедицию, Шторм взял станнер в обе руки, затем протянул его к небу, к солнцу, к земле и наконец протянул его Горголу, показывая знаками, что совершает дар.

Глаза с вертикальными зрачками блеснули, однако Горгол не притронулся к станнеру. Станнеры были пред-

метом импорта извне, их стоимость в глазах аборигенов была баснословна. К тому же Норби редко покупали станнеры из-за сложностей с заменой зарядов. Поэтому принять такой дар от иноземца для местного жителя означал неслыханную честь. Шторм знал, что, работая пастухом, Горгол сталкивался с этим оружием, но всё-таки решил объяснить:

«Нажимаешь здесь. Целься вот так».

Горгол кивнул и гордо распрямился, пока Шторм пристёгивал ему на пояс кобуру.

Землянин закинул колчан за спину и остановился под повелительным жестом Горгола. Норби не мог стрелять из лука одной рукой, поэтому он передал Шторму половину своих охотничьих стрел. Боевые стрелы — это святое для воина, передавать их другому не имело смысла, так как они подвели бы в опасный момент. И так, вооружённый и в боевой раскраске воин Навахо поднял руку в приветствии и покинул лагерь. Баку сопровождала его, летя над головой.

От воды по-прежнему исходил затхлый запах. Теперь вместо воды всё чаще встречалось просто месиво грязи. Местами приходилось перепрыгивать через подсохшие трещины. Шторм пошёл по краю долины, не пытаясь переплыть озеро. В воде плавали останки животных, погибших в наводнение. Но трупов лошадей Шторм так и не разглядел. Кони Мак Фойла и троих Норби из Кроссина куда-то исчезли, как, впрочем, и все грузовые тюки экспедиции. Если же какая-то из лошадей не погибла в потоках воды, она, очевидно, стала добычей ночных налётчиков.

Когда он достиг южного края долины, где начинался туннель, юноша стал часто останавливаться, чтобы рассмотреть окрестности в бинокль. Теперь была ясно различима перемена в очертаниях горных вершин. Но худшее открылось, лишь когда Шторм вскарабкался на один из облитых потоком грязи обломков развалин.

Туннель исчез под оползнем. Отрыть проход вновь можно было разве что взрывом, но вряд ли на Арзоре имелась взрывная техника. Человеку, возможно, удалось бы преодолеть горный массив, но только с риском быть погребённым под новым оползнем — почва была мягкая и скользкая. Однако затащить на эти кручи коня нечего было и думать. Несомненно, кому-то было необходимо перерезать этот выход из долины. И всё-таки Шторм не переживал: ведь он уже принял решение до того, как узнал, что путь к отступлению отрезан.

Часом позже Горгол безразлично выслушал рассказ Шторма. Баку, несомненно, могла перелететь через горы, но это было несущественно. Сам Горгол намеревался идти на север. Шторм пообещал, что Сурра и Дождь останутся на месте лагеря, им будет выдан небольшой запас питания, а двое воинов выступят утром на розыски тропы, по которой сюда пришёл заблудившийся якобык. Поскольку якобыки не умеют лазить по скалам, тропа, сгодившаяся для этого животного, подойдёт и для того, чтобы по ней из долины выехала лошадь.

Шторм, по его собственному разумению, был специалистом в обнаружении следов. А уж Горгол, казалось, видел следы даже на голых скалах. Он различал малейшие пометки на камнях, находил волоски из шкуры якобыка, примечал отпечатки копыт в подсыхающей грязи. Узенькая тропка слегка забирала вверх. Над ними кружила Баку, порой совершенно исчезая в небе, но не подавая сигнала о какой-либо помехе на пути.

Наконец они вышли к проходу между скалами, узкому, как щель. Горгол поднял маленький кисет из шкуры якобыка, обронённый между камней. От кисета пахло какой-то травой.

«Люди издалека — жуют это. Получают — красивые сны», — Горгол протянул кисет Шторму. Тот вдохнул незнакомый аромат. Запах был резкий, но приятный. Шторм никогда не нюхал такой травы. Он пожурил себя

за невежество: кисет мог бы рассказать о тех, кто его потерял.

«Трава для красивых снов — растёт на Арзоре?» — спросил он.

«Нет, Шаман — пробовал такую — из стойбища Горцев Мясоедов. От травы в голове — тряска. Много снов — плохо. Это вещь злых духов — она недобрая».

Шторм убрал находку за пояс. Наверняка в кисете какой-то наркотик, возможно, действующий на местных жителей более сильно, чем на пришельцев извне.

«Кто-то ехал здесь — на лошадях».

Узенькая полоска дёрна сохранила отпечатки конских копыт, по которым позже в другом направлении протопал якобык. И все прошедшие здесь лошади были подкованы, что говорило: ни одна из них не принадлежала Норби.

На другом конце тропы они обнаружили, почему якобык обратился в бегство в горы. На тропе лежал убитый йорис, рядом с ним — добела обглоданные кости якобыка. Но ящерица ненадолго пережила свою жертву, найдя смерть тут же. В огромной сморщенной туше тут и там зияли отверстия от выстрелов.

Горгол двигался перебежками от одного выступа в скалах до другого. Так он подобрался ближе к туше йориса и остановился, разглядывая. Шторм догнал его и тоже остановился перед убитой ящерицей. Увиденное потрясло его не потому, что почти пол черепа твари было снесено напроць, а потому, что ему был известен только один вид оружия, действующий подобным образом. И это оружие было категорически запрещено к применению с конца войны.

«Слайсер!» — выдохнул Шторм. Вот и ещё доказательство тому, что его вчерашняя догадка верна. Шторм посмотрел на лук в руках и усмехнулся. Противопоставлять лук и стрелы даже станнеру нелепо. Выступать же с луком и стрелами против слайсера так и просто смешно. Естественно, все преимущества на стороне владельца слайсера,

штуки, которая режет противника на мелкие дольки в считанные мгновения.

Горгол привстал, оглядываясь вокруг. Подобранной палочкой он потыкал рану на голове йориса и попытался перевернуть череп так, чтоб высвободить челюсти. Из проткнутой кожи хлынула струя зелёной жидкости. Горгол зашипел, словно рассерженный Хинг. Отбросив палочку, он объяснил:

«Это яд йориса — у них сейчас — брачный сезон».

Это значило, что ящерица опасна даже после смерти. Во время брачного сезона в клыках йорисов-самцов скапливается сильный яд. Он особенно опасен для чужаков, приводя как правило к смертельному исходу каждого, кто прикоснётся к нему. Отныне следовало убивать ящериц, едва те попадутся на глаза, не дожидаясь атаки.

С высоты маленького плато Шторм осмотрел из бинокля местность перед ним. Открывшийся вид был весьма необычен. Землянин ожидал найти развалины, такие же, как в долине с озером. Но каменные скалы сбегали здесь вниз ровными террасами — как огромные ступени, покрытые густой растительностью. В южном направлении шла широкая дорога — наверное, по ней гоняли украденные стада. Во всяком случае узенькая тропа, по которой пришли сюда Шторм с Горголом, для перегона стад явно не годилась.

Шторм всматривался в перспективу новой долины, увеличивая приближение в бинокле. Можно было различить довольно большое стадо пасущихся якобыков. Издали эти животные выглядели как тяжеловозы — передняя часть туловища покрыта густой и пышной шерстью, на голове крупные рога — всё это создавало обманчивое впечатление мощи, особенно в сравнении с гладкой и узкой задней частью туловища.

Якобыки были хорошо видны. Однако рядом не было никаких лошадей и объездчиков. Видимо, высокие скалы вокруг долины сами по себе служили достаточной изго-

родью, скрыться было нельзя, и необходимость в пастухах отпала. Впрочем, в разгар брачного сезона у йорисов, подумал Шторм, охрана всё же была бы полезна.

Эта долина была шире предыдущей, скалы противоположного хребта Шторм сумел разглядеть только при помощи бинокля. Там сходили вниз такие же уступы-террасы. Их устилала высокая яркая трава и никаких признаков наводнения и осыпей, разрушивших соседнюю долину, не было.

Но то, что Шторм рассчитывал здесь найти, отсутствовало. Это место было всего лишь удобным загоном для украденного скота. И если бы не йорис, убитый из слайсера...

Горгол сжал руку Шторма. Тот послушно повернул голову в направлении, куда указывал друг. В глубине долины якобыки уже не щипали траву, а бежали врассыпную. То есть, самцы неслись, неуклюже наскакивая друг на друга. А самки и молодняк сбились в кучу, головами наружу — типичный приём защиты.

Всадники! Их было трое, на чёрных лошадях, меньших по росту, чем те, которых Шторм видел в табуне Ларкина. Таких лошадей держали Норби. Но ехавшие на них не были Норби. И одеты они были не в обычную для Арзора одежду — штаны из шкуры йориса и рубашка из шерсти якобыка, а в чёрные балахоны.

Следуя взглядом за группой всадников, Шторм припал на одно колено. Издали казалось, будто их чёрные балахоны припорошены пылью долгой дороги. Худшие подозрения Шторма при виде этой одежды подтвердились: это был враг! Все детали сложились в целостную картину — вражья форма, возня вокруг похищенных якобыков. Неудивительно, что исследовательская группа была уничтожена так, чтобы это показалось ритуальным убийством какого-нибудь местного племени. И обвинить во всём диких Норби! Такое прекрасное прикрытие могли использовать никто иные, как завоеватели с Ксика.

— Са-а-а-а, — Горгол научился издавать звук, которым Шторм созывал свою команду. Больше на земном языке Горгол ничего не освоил. Он энергично тыкал пальцем в северном направлении, как бы приглашая Шторма взглянуть туда в бинокль.

Однако не якобыки, по-прежнему сбитые в кучу, были предметом интереса Горгола. Эти животные всегда однозначно реагировали на вторжение чужаков на пастбище. Недавняя буря прорезала в северных склонах извилистую щель, жёлто-рыжий край которой тянулся до самого подножья. Прячась в этом углублении, невидимый из долины, за происходящим наблюдал ещё кто-то. Шторм добавил увеличение и разглядел почти сливающуюся по цвету с почвой фигуру. Худое смуглое тело, как у Норби. Но голова у наблюдателя была непохожа на голову Норби. То есть, хотя на безволосом черепе и завивались назад рога, они не были привычного цвета слоновой кости, как у Горгола или других Норби. Они были выкрашены в синезелёный цвет.

Шторм выжидательно посмотрел на Горгола. Тот поднялся из-за скалы, чтобы лучше разглядеть незнакомца. Безучастный с лица, Горгол тем не менее засверкал глазами, ухватился больной рукой за подбородок и скривил губы. По традициям его племени такое поведение означало усмешку и готовность к бою. Здоровой рукой Горгол изобразил жест, обозначающий «Нитра».

Но был ли то одинокий Нитра-разведчик? Или он прокладывал дорогу целой группе соплеменников? Для Норби одинаково возможны были оба предположения. Юный охотник мог выйти поискать удачу в одиночку, надеясь на военные трофеи. Отряд охотников мог обнаружить спрятанные стада якобыков и отправиться брать с Горцев свою законную дань. Укрывшись на террасах, вооружённые воины могли причинить прячущимся внизу, в долине, значительный ущерб.

«Он один», — подал знак Горгол. Шторм не умел

говорить на языке Норби. Горгол тоже освоил только клич сбора команды. И всё-таки они объяснялись, наполовину понимая друг друга не только по жестам, но и по движениям губ. Шторм оторвался от бинокля и спросил:

«Так это не военный отряд?»

Горгол энергично задвигал подбородком и покачал головой в знак эмоционального отрицания:

«Он один»:

Если бы Сурра была с ними! Она легко выследила бы чужака, незаметно прокравшись по террасам. Теперь же предстояло решить, выслеживать ли далее тех троих всадников в долине или нет. Вмешательство в происходящее в долине могло закончиться тем, что разведчик Нитра получил бы возможность отрезать Шторму и Горголу путь к отступлению. Но и выяснить, куда направляются три всадника, следовало так же обязательно. Шторм решил добраться до северной точки плато, мимо убитого йориса. Там, укрываясь за красноватой скалой, он рискнул приподняться. По цвету он почти сливался с местностью, так что с дороги внизу невозможно было его различить.

Широкая долина внизу в этом месте сужалась наподобие горлышка бутылки. Если там и были какие-то сооружения похитителей, они, скорее всего, были замаскированы под естественный рельеф местности. Никаких строений Шторм не разглядел, казалось, внизу нет ничего кроме дикой растительности.

Хотя, пожалуй, одно растение выглядело очень странно. Строго вверх, разбрасывая блики от солнца, среди ветвей торчал стержень, который Шторм безошибочно определил как искусственную вещь.

Он пристально рассматривал направленную в небо иглу, уже понимая, что сама машина скрыта под слоем почвы и травы. Так укрыть механизм, несомненно, стоило больших усилий. Всё это указывало на то, что пилот, совершивший мягкую посадку в долине, был чрезвычайно опытным. Очевидно, маскировку соорудили сразу после

посадки, а произошло это наверняка довольно давно: космический корабль стал как бы частью ландшафта. Если бы Шторм увидел корпус, а не только антенну, он опознал бы марку и принадлежность корабля. Хотя и сейчас, судя по очертаниям замаскированной узкой части можно было заключить, что в долине спрятан не мощный грузовой корабль, а скорее, лёгкий шлюп-разведчик или быстроходный челнок. На таком в случае опасности можно легко и беспрепятственно скрыться прочь. Впрочем, независимо от типа корабля, Шторм знал, какой опознавательный знак увидел бы на борту. Знак завоевателей с Ксика.

Но значит ли это, что Шторм обнаружил колонию завоевателей, основанную ещё во времена, когда Ксик был в полной силе? Или на Арзоре прячется кучка завоевателей, укрывшаяся от обязательной капитуляции со сдачей оружия? Этого Шторм определить не мог.

Рядом со Штормом возник Горгол. Он указал на север:

«Нитра идут. Может быть, они охотятся — ищут трофеи», — его вытянутая ладонь замерла в воздухе: Норби увидел замаскированный корабль. Глаза Горгола сверкнули, выдавая изумление.

«Что это?»

«Вещь с далёких небес», — Шторм применил местное понятие для обозначения космического корабля.

«Зачем она здесь?»

«Горцы — привели злых людей».

По лицу Горгола снова пробежала злая усмешка.

«Вещь с далёких небес — не должна находиться — в землях Норби, — Горгол зашевелил пальцами здоровой руки, подкрепляя возмущение быстротой жестов. — Норби выпьют кровь злых людей с далёких небес. Норби ходят и говорят напрямую. Норби дают клятву воина. Вещь с далёких небес не должна быть здесь, возле обиталища Тех-Кто-Выбивает-Гром-в-Горах. Они могут рассердиться! Люди с далёких небес не ходят и не говорят прямо, как Норби. Их вещь с небес — тоже!»

Это угроза, понял Шторм. Норби позволили построить космопорт в одном-единственном месте на планете, вдали от гор, которые отданы Норби в полноправное владение. Для того, чтобы поселенцам не грозила месть жителей планеты, инопланетные корабли могут садиться или взлетать только там. Если распространится весть, что в горах спрятан тайный космопорт, что он расположен в сердце владений Норби, на Арзоре начнётся кровопролитие. Юноша опустил бинокль и зажестикублировал, отвлекая Горгола от корабля.

«Я — воин, — он указал на шрам на плече. Затем коснулся перевязанной руки Горгола. — Горгол — тоже воин. У меня боевой шрам, полученный не от воинов Нитра, и не от воинов моего племени. Я получил шрам в бою против тех злых людей, — палец Шторма прочертил воздух в направлении корабля завоевателей. — Горгол ранен теми же злыми людьми. Они едят ПЛОТЬ».

Шторм употребил самое страшное оскорбление, имеющееся в языке Норби. Горгол, уставившись жёлтыми глазами прямо на Шторма, спросил:

«Ты клянёшься именем Тех-Кто-Выбивает-Гром-в-Горах?»

Шторм вытащил нож из чехла и, вложив рукоятку в ладонь Норби, направил острие себе в грудь, туда, где поблескивал амулет.

«Если Горгол не верит, пусть воткнёт нож в мою грудь».

Норби отдёргнул нож, взвесил его на ладони и подал обратно Шторму. Глядя, как индеец убирает нож в чехол, Горгол сказал:

«Я — верю. Но это — плохая вещь. Ты, чужеземец, должен воевать против злых людей, чтобы не нарушить клятву воина».

«Да, это так. И я сделаю всё, что смогу. Но сначала мы должны узнать больше о злых людях в долине».

«Сейчас там охотятся Нитра, — Горгол повернулся к долине, — а мы можем двигаться только днём. Твои глаза не умеют видеть в темноте».

Шторм облегчённо вздохнул. Если Норби решил выследить вражеских разведчиков, с этим лучше не спорить. К тому же пожелания Норби совпадали с планами землянина.

Шторм предложил:

«Моя большая кошка — сможет выследить Нитра — пока мы будем следить за злыми людьми».

Горгол охотно согласился. Он видел Сурру в действии. Последний раз осмотрев вражий корабль — новый осмотр ничего существенного не добавил — друзья двинулись к месту лагеря, планируя активные действия на завтра.

Глава 10

Когда они вернулись на место стоянки, было уже почти темно. И всё-таки Шторм воздвиг между костром и выходом в долину стенку из камней для лучшей маскировки. Горгол помогал строительству одной рукой.

В пещере, где чуть не засыпало землянина, было бы безопасней. Но до пещеры надо было идти через всю долину, а воздух в ней, как помнил Шторм, был совсем плохой, вентиляция слабая. Шторм представил себе смерть от удушья и перестал думать о более надёжном убежище.

Жеребца выпустили на тропу. Если бы кто-нибудь из разведчиков Нитра в долине заметил коня — или если бы его заметил какой-нибудь похититель якобыков — то оба решили бы, что это животное, отбившееся от их табуна, или из уничтоженного лагеря поисковой группы. Но решившего подобраться к коню ночного вора встретила бы недремлющая Сурра. Кстати, подумал индеец, вот так, в виде приманки, коня при случае вполне можно использовать.

Шторм высказал это соображение Горголу и тот одобрил идею: Дождь — настоящее сокровище для каждого, кто понимает, конь для вожда, лакомая добыча, если кто разглядит его в бинокль.

Они поужинали, и Шторм начал обсуждение планов.

«Где-то должна быть дорога, — жестикулировал Шторм в свете костра. — Тропа, по которой мы шли — не для большого стада. Нужно найти ту, большую дорогу».

«И большая дорога не проходит через эту долину», — убеждённо ответил Горгол.

Предварительный осмотр долины раньше, до наводнения, подтверждал этот вывод. К тому же поисковая группа не обнаружила в горах пастбищ для якобыков. Шторм вынул нож из чехла и принялся на земле чертить план местности, насколько он представлял и насколько видел сам. Он объяснил, что делает, Горголу и тот, сообразно собственному опыту обращения с военными картами, стал поправлять, советовать и задавать вопросы.

Объединив усилия, они изобразили обе долины и стало ясно, что между ними нет никакого сообщения, кроме узкой кромки обрыва, по которому перебирались они сами. Очевидно, большая дорога должна находилась на юго-востоке или юго-западе, между вершинами, которые в свою очередь разделяют две долины.

Горгол задумчиво окинул взглядом утасяющий костёр:

«Нитра выходят на разведку в темноте. Норби тоже хорошо видят ночью. Ночные вылазки пугают противника, они хороши против Горцев Мясоедов. Твои глаза плохо видят ночью. Но глаза большой кошки — хорошо».

Этот полунамёк побудил Шторма к немедленному действию. Разведчики Норби не стали бы задерживаться в окрестностях лагеря противника. Так и тот шпион племени Нитра, которого Шторм видел днём, вполне мог провести ночь где-нибудь в укрытии, а ближе к утру на лошадях, украденных в табуне, добраться до расположения постов, выставленных завоевателями с Ксика. Это излюбленный приём местных разведчиков — выходить в предутренние часы. Такой разведчик подвергал себя смертельному риску, зато мог узнать очень многое.

Однако существовала и маленькая возможность другого

рода, зависящая от везения и некоторых обстоятельств, лежащих вне логики. Шторм и сам часто действовал вопреки шансам на удачу, и всё-таки побеждал. Сейчас он собирался рискнуть, как в старые добрые деньки. Знакомая дрожь возбуждения пробежала по его нервам. Впрочем, индеец подумал, что ему всего лишь передаётся азарт жёлтых искр в глазах Сурры, изготовившейся к молниеносному прыжку.

Горгол вздохнул:

«Ты собираешься идти? Лучше спускаться вниз попозже, в час замя».

«Ты пойдёшь со мной?»

«Горгол теперь воин. Впереди большая охота. Я пойду твоей тропой».

У них был запас мяса якобыка, Шторм добавил к трапезе две порции концентрата из НЗ. Этого было достаточно, чтобы продержаться без еды целый день перехода, не чувствуя измождения.

Потом землянин отдал мысленное распоряжение Сурре. Песчаная кошка устремила в ночь, лёгкая и сильная. Хинга индеец усадил на плечо. Баку не могла ничем помочь до наступления утра, в темноте орлица не могла летать. Когда утром понадобится её помощь, Шторм позовёт.

По тропе, проложенной якобыками, они добрались до верхнего плато. Сурра шла впереди. Кто-то, вдвое меньше её по размерам, метнулся прочь от туши убитого йориса, оставляя за собой запах, столь же противный, как зловоние, распространяемое разлагающейся тушей. Песчаная кошка чихнула, брезгливо фыркнула, отплёвываясь, и скрылась в зарослях впереди, словно желая обтереть с боков липкий запах.

Вскоре Шторм признался себе, что не будь рядом Сурры и Горгола, столь чётко ориентирующихся ночью, его план наверняка провалился бы. Густая растительность на плато скрывала небо, усиливая темноту и не позволяя держать

направление. Шторм одной рукой придерживал Хинга, другая рука лежала в ладони Горгола. Многочисленные ветки задевали Хинга, от чего зверёк постоянно сползал вниз. Когда процессия достигла долины, лицо Шторма было всё исцарапано, несколько раз в темноте он больно налетал на торчащие сучья.

К рассвету группа укрылась на террасе. Горгол и Сурра могли и дальше передвигаться так же легко. Но Шторм знал, что им нужно подойти как можно ближе к краю открытой местности. Либо отказаться от дальнейшей разведки и уйти.

Якобыки на ночь сбились в плотную кучу и отошли далеко в глубь долины. Попадись на их пути всадник — они убегут. Но встретиться с ними пешему — далеко не столь безопасно. Об этом Шторму говорили ещё Дорт и Рэнсфорд. Якобыки любопытны и агрессивны, особенно когда подрастают молодые бычки, которых охраняют взрослые. Пешеход, заподозренный ревнивым якобыком, подвергает себя большой опасности.

Они уже почти добрались до замаскированного космического корабля, когда Шторм заметил пришедшую издали вспышку света. Наверное, долгое пребывание в безопасности вдаль от людей сделало обладателя источника света весьма беспечным: прямо над большим холмом что-то открыто блеснуло, залив светом гряды скал на севере. Землянин не мог ошибиться. Это не было вспышкой атомной лампы, какие применяют на Арзоре. Это было устройство, хорошо знакомое Шторму по событиям, произошедшим когда-то на расстоянии в полгалактики от Арзора.

Взяв антенну замаскированного корабля как точку отсчёта, Шторм засёк местонахождение вспышки. Он сжал пальцами запястье Горгола и потянул Норби за руку в безмолвном знаке тревоги, который они условились применять, ещё только собираясь в разведку. Горгол послушно отозвался. Индеец пригнулся ещё ниже, проби-

раясь дальше чуть ли не ползком. Хинг перебрался к нему на спину. Сурра по-прежнему кралась впереди.

Норби остался под защитой кустов, а Шторм с животными вышел на равнину и пополз к кораблю. К счастью, здесь не паслись якобыки, а трава была такой высоты, что Шторм порой привставал с четверенек, оглядываясь вокруг, чтобы не сбиться с нужного направления. Наконец он добрался до края углубления, где скрывался корабль.

Почва под руками была довольно рыхлой, видимо, её набросали совсем недавно. Шторм высунулся вперёд, чтобы разглядеть скрытый корабль, и, посветив фонариком, увидел, что кто-то недавно обкапывал корабль, расчищая дюзы и корпус. Очевидно, этот быстроходный челнок был зарыт в почву не только, чтобы скрыть его от посторонних глаз, но и потому, что здесь не было твёрдого основания, чтобы удержать посаженный корабль в вертикальном положении до старта.

Однако то, что теперь почва была наполовину убрана, означало только одно: кто-то раскапывал корабль, чтобы вскоре стартовать на нём. Шторм вновь провёл лучом фонарика по корпусу в надежде определить поточнее тип корабля. Однако все люки были плотно задраены. Землянин осветил дюзы. Если бы можно было оставить здесь Хо и Хинга! Они провели бы такие раскопки под станинами, что корабль можно было бы разбалансировать и тем самым помешать взлёту. И ближайшие планы завоевателей с Ксика были бы нарушены. Но у Шторма остался только один меркот, и время для диверсий было ограничено.

Однако Хинг изо всех сил рвался в дело. Он соскользнул с плеча и мелькнул тёмным клубком, скрываясь от рук юноши, тщетно попытавшегося поймать непоседу. Шторм позвал, но Хинг уже копал землю вокруг дюз, яростно и быстро. Он только буркнул что-то в ответ. Но потом, повинаясь приказу, Хинг вернулся, явно недовольный тем, что его оторвали от работы.

Шторм успокоил меркота и указал на переплетение

креплений, которыми был привязан корабль. Меркот радостно замурлыкал, переходя к новому виду деятельности. Конечно, не сплетение канатов, накрывшее корабль, удерживало его от дрейфа в почве. И всё-таки теперь, когда Хинг, как выяснилось, мог осуществить подкоп, появилась надежда, что ослабив привязь канатов, им удастся поколебать корабль. В борьбе с противником такого рода хороши все средства. И меркот был готов к труду.

На обратном пути к Горголу лучшее, что мог сделать Шторм — это распрямлять примятую по пути к кораблю траву. Чем он и занимался, запутывая следы, которые, увы, не мог уничтожить полностью. Отпечатки его ног перемежались с отпечатками лап Сурры, а иногда они шли след в след. Таких следов не оставляло ни одно существо на Арзоре, так что каждый выследивший их, был бы озадачен.

Горгол встретил Шторма рукопожатием — это продолжался их безмолвный разговор. Горгол сообщил, что обнаружил укрытие. Им оказался небольшой проход между двумя террасами, тянувшийся куда-то вдаль. Они пробрались туда, по-прежнему ведомые Суррой, а чуть позже их нагнал Хинг. Меркот взобрался на руки к землянину и не успокаивался до тех пор, пока юноша не согласился с благодарностью принять очередное выкопанное зверьком подношение, которое Хинг бережно нёс как неоценимое сокровище под язычком.

Они решили дождаться рассвета. Если со стороны Нитра не последует никаких действий до этого времени, дальше можно было не опасаться. Конечно, разведчик Нитра, увиденный ими накануне, мог решить, что штурмовать убежище — слишком опасная работа. Шторм заснул, он умел засыпать в краткие перерывы между вылазками. Но он тут же вскочил на ноги — сна ни в одном глазу, — едва только огненная вспышка прочертила небо. Затем последовала ещё одна вспышка. И ещё одна.

Первая огненная стрела попала на что-то горячее — взвился огромный язык пламени. Вместе с падением

следующих зарядов до Шторма донёсся чей-то крик, наверное, испуганной лошади. Пламя расстиралось над землёй на высоте примерно пяти футов. Наверное, это горела изгородь корраля. Шторм вспомнил, что рассказывал Ларкин о строительстве временных загонов. Чтобы избежать нападения йорисов, изгороди строили из колючего кустарника, он хорошо отпугивает ящериц. Но зато этот же кустарник, будучи высушенным, отлично горит.

Послышались испуганные крики, стоны, храп. Лошади, разбежавшиеся по всему корралю, теперь устремились в одну точку. Это означало, что в прогоревшей изгороди появился выход наружу. Или кто-то открыл дверь корраля.

Горгол ухватил Шторма за плечо. Это был знак: смотри! Освобождённые лошади неслись вскачь, пытаясь убежать от огня, выбивая копытами громкую дробь. Они неслись прямо на наблюдателей, и Горгола уже подмывало поймать на скаку жеребца или двух. Норби легко мог это сделать с помощью станнера, в то время как лук Шторма был сейчас бесполезен.

Потом они услышали высокий вопль — как будто чьё-то горло исторгло последний хрип. Может, это кричал тот Нитра? Или кто-то из местных жителей, объезжавший лошадей и попавший под копыта перепуганного табуна? В отблесках горящей изгороди стали видны фигуры, бегущие зигзагами вдоль долины. Шторм понял, почему они делают именно так. Бегущие рассыпались, занимая позицию обороны, делая это со всей воинской сноровкой.

Новый сноп пламени выжег дорожку почти до самого корабля. Луч прожектора сопровождал бегущий табун. Одна из лошадей несла на спине седока. Или — нет? Шторм не мог сказать наверняка, но конь, который, казалось, нёс наездника, поскакал в сторону Шторма с почти разумной догадливостью.

Прожектор снова выхватил табун, однако теперь лошади разбежались, вперёд вырвались два-три коня, увлекая за собой остальных.

Прогредел оглушительный залп и фиолетовое пламя врезалось в дёрн где-то вдали по левую сторону. Шторм вскочил, Сурра прижалась к нему, немая от ярости. Нового залпа не было, но разрушения после первого были хорошо видны. Целились по бегущим, но не по лошадям. Горгол! — заволновался Шторм. Необходимо вернуть Норби сюда, в безопасное укрытие. Теперь не время ловить лошадей — кто-то искусно стрелял из лучевого орудия. А ведь Горголу ничего не известно об оружии массового поражения, имевшемся у завоевателей с Ксика.

Индеец нагнулся к Сурре, обнял её, слегка касаясь пальцами острых ушек, и сосредоточился на мысленном приказе. Он не имел права рисковать Суррой, но Горгола надо было спасти.

«Найди Норби. Приведи его сюда...»

Сурра заворчала. Новый сноп огня упал справа. Их безопасность была в руках того, кто управлял оружием, и зависела как от точности наводки, так и от мощности выстрела. Опытный стрелок мог устраивать из обстрелов целые спектакли. Шторм повидал их немало, воюя с армиями Ксика в других мирах.

Сурра сжалась, готовая выполнять приказ. Шторм опустил руку, и песчаная кошка скрылась в траве. В горле защипало — это воздух донёс гарь от выжженной выстрелами земли.

Мимо Шторма пронеслись лошади — одна, другая, третья. Он различал только мелькание силуэтов. Скоро лошади добегут до стада якобыков и как следует разгонят его по долине. Скорей бы Сурра нашла Горгола и привела его назад!

Снова прогредел залп и горячий воздух захлестнул глаза огнём. Лошади в ужасе метнулись назад. Но три из них теперь бежали медленнее. На одной был наездник. Горгол? Но где тогда Сурра? Остаться на виду у стреляющего было безумием, но среди насмерть перепуганных лошадей угроза жизни наездника тоже была велика. Поймать же одну из этих несчастных лошадей было невозможно.

Шторм наблюдал за долиной, стараясь угадать, куда придёт следующий выстрел. Стрелок намеренно давал нечастые залпы. Они ни разу не достигли ни террас позади землянина, ни спрятанного корабля в долине. Если бы только вернулся Горгол! Они сразу отошли бы в безопасное место. Шторм, при всём боевом настрое, умел правильно оценивать превосходящие силы противника.

Молнии луча пролегали всё ближе, разрезая пространство на сектора, как части веера, сходящиеся в одной точке. Было похоже, будто стрелку отдано указание прочесать огнём всю долину от западного предгорья до укрытого корабля. Шторм зажал уши ладонями: очередной залп смешался с предсмертным воплем какого-то животного. Наверное, луч разрезал лошадь на части! Но выстрелы не могли остановить бега животных, пытавшихся скрыться.

Неужели захватчики с Ксика уничтожали собственных животных только для того, чтобы расправиться с замеченным разведчиком (или разведчиками) Норби, которые тоже пытались спастись? Шторм знал, что такая садистская расправа вполне в их духе. Он заставил себя подняться и, подавляя возмущение, смотрел на бойню. Увиденное сегодня всего лишь добавит несколько пунктов к счёту, который он давно составил против этих существ из другого мира. Против тех, кого и людьми-то назвать нельзя.

А лошади всё падали, и Шторма уже бил озноб от каждого страшного крика агонии. Сурра и Горгол! Он не знал, как они смогут спастись. Разве что они уже забрались на безопасное место повыше...

Хинг взвизгнул, цепляясь коготками за кожу, и теснее прижался к груди Шторма. Шторм подался назад — и ощутил на ладони тёплое прикосновение пушистой морды и шершавого язычка. Сурра! Шторм протянул руку в темноту и нащупал твердую кольчугу из шкуры йориса. Горгол!

Норби был едва различим в темноте. Он, склонившись, тащил чьё-то безжизненное тело — худого и, по-видимо-

му, невысокого человека. Шторм ощупал добычу Горгола. Обрывки рубашки из шкуры якобыка, ремень как у землянина. Спасённый не был ни Норби, ни Нитра. Это был кто-то, одетый как поселенец.

Индеец забросил безвольную руку себе на плечо. Теперь он и Горгол могли нести спасённого вдвоём, распределяя тяжесть на двоих равномерно. Они поднялись на террасу выше. Спасённый вдруг немного оживился и попытался идти самостоятельно. Однако его попытки помочь передвижению не столько содействовали, сколько раздражали.

Они миновали ещё две террасы, останавливаясь передохнуть через равные промежутки времени. Сумятица в долине стихала, хотя смертоносный луч всё ещё метался взад-вперёд. В долине, кажется, просто не осталось никого в живых. Но, похоже, стрелку этого было мало.

Ещё одна терраса, и ещё. Теперь они были совсем близки к выходу из долины. Спасённый что-то тихо бормотал и постанывал. Наверное, он не был полностью в сознании. На все вопросы Шторма он говорил невпопад. Однако он теперь гораздо твёрже держался на ногах и точно повиновался указаниям.

Добраться до верхней террасы и пройти по ней было нелегко. И если бы заросли на ней были такими же густыми, как в долине, отряд продвигался бы недопустимо медленно. Они как раз дошли до края плато, где камнем лежала туша убитого йориса, когда небо начало сереть. Сурра, возглавлявшая шествие, вдруг метнулась назад, подавая знак, что впереди опасность.

Будь Шторм уверен, что впереди кто-нибудь из местных жителей — Норби или Нитра, — он приказал бы Сурре расчистить путь. И песчаная кошка прекрасно справилась бы с задачей. Но пират с Ксика, вооружённый слайсером или каким-нибудь другим лучевым оружием, представлял слишком большую опасность, чтобы рисковать Суррой. Шторм знаком приказал Горголу остановиться, а сам пополз вперёд.

✱

Его снова спасло тонкое чутьё Сурры. Впереди был надёжно укрыт вражеский часовой. Он прятался в расщелине скалы и мог в любой момент выбраться оттуда безо всякой опасности для себя. Следовало как-то выманить его из укрытия, иначе пройти здесь будет невозможно. Индеец, тоже прячась за скалой, осмотрелся. Теперь он окончательно понял: захватчики не пожалели лошадей, лишь бы убить хоть кого-то из людей. Срочность и мощь расправы говорили, что охота шла за тем, когло спас Горгол. Возможно, это был тот самый пленник, которого несколько дней назад, когда ещё была жива экспедиция, видели у пиратов Норби.

Однако, несомненно, выход из долины теперь был перекрыт. Следующим логичным поступком противника могло стать методичное прочёсывание террасы за террасой. Тогда охотники спокойно загнали бы жертву к выходу из долины — прямо под стволы своих бластеров. Такой приём Шторм расценил как пример хорошей стратегической подготовки. Хотя на этот раз приём использовали против него. Что же, солдат с Ксика никогда нельзя было упрекнуть в отсутствии сообразительности.

Но кем же был их спасённый, что завоеватели считали его такой важной птицей? Или его надо было убить по той же причине, по какой уничтожили поисковую экспедицию, — чтобы не оставлять в живых свидетелей, знавших расположение базы завоевателей? Впрочем, сейчас было неважно, почему они убивали. Сейчас было важно, чтобы Шторм и его отряд вырвались из долины до начала прочёсывания или до того, как пост впереди будет усилен.

Шторм, опустив голову, осматривал нижнюю террасу и раздумывал, какую бы уловку применить. Он во всех деталях представлял, как там сейчас жмётся в своей расщелине часовой. И землянин изо всех сил послал нечто, чему не мог подобрать названия, — неслышный зов. За Сурру он был спокоен, Хинг слушался, пока был на руках или слышал команду. А вот Баку! С рассветом она кружит

где-то в воздухе, ища Шторма. Услышит ли она этот зов?

Нечто невыразимое, что Шторм не мог точно назвать, связывало сейчас его и команду, образуя из человека и животных единое целое, предназначенное для одной цели. Они так давно были вместе, что их жизни и силы стали общими. И теперь юноша полагался на всех, прося о помощи, смысла которой они не понимали. Баку, приди, Баку! Индеец бросил этот неслышный крик в небо. В небо, всего лишь небольшой клочок которого виднелся между скал. Вполне, впрочем, достаточный клочок, чтобы вместить силуэт парящей птицы.

Глава 11

Баку! Шторм представил уходящую ввысь прочную нить, которая приведёт к нему с неба крылатое создание. По-земному времени почти год назад землянин пробовал дать птице такое же задание. Тогда Баку исполнила его. Сумеет ли Шторм приказать Баку теперь? Сурра нервно топталась рядом, индеец чувствовал, как в ней копится напряжение, как её дикая воля присоединяется к его, усиливая обращённый в небо зов. Затем песчаная кошка почти неслышно заворчала — Шторм не столько расслышал, сколько уловил угрозу извне.

Он поднял голову, глядя в светлеющее небо. Казалось, он звал Баку уже несколько часов, хотя в действительности прошло всего несколько мгновений. Часовой захватчиков был на своём посту, в нише, оглядывая пространство снизу и слева от землянина.

— А-а-ху-у-у-у-у! — этот клич могли испускать большие родственники Сурры, выходя на охоту. Когда-то такой же клич издавали воины пустыни, выступая в поход. У команды Шторма это был боевой сигнал.

Сила удара орла зависит от того, насколько точно подлетела птица к жертве. Вообще же удар орла считается одним из самых смертоносных. У часового было только

мгновение, чтобы понять, что происходит. В следующее мгновение острые орлиные когти вонзились в чужака, клюв забил по глазам, а мощные хлещущие крылья лишили его слуха.

С одной стороны к нему ринулся Шторм, с другой — Сурра. Землянин первым делом сорвал с врага оружие — теперь оно будет служить безопасности отряда. Затем он оттащил обмякшее тело под укрытие скал — для дальнейшего осмотра. Но враг был настолько изувечен, что теперь его абсолютно невозможно было опознать. Но индейцу и не надо было знать имя, чтобы понять, кто перед ним. Зеленоватый цвет кожи, густая кровь, чужого, нечеловеческого оттенка. Убитый явно был гуманоидом с Ксика. С виду они более схожи с человеком, чем даже Норби, если не обращать внимания на цвет кожи и структуру волос. Но между безволосыми и рогатыми обитателями Арзора и людьми имеется больше душевного родства, чем между людьми и гуманоидами с Ксика. В течение всего конфликта люди терпеливо искали хоть какую-то точку соприкосновения — но так и не нашли ничего такого, что позволило бы сесть за стол переговоров с безрассудными завоевателями. Гуманоиды с Ксика обменивались информацией мысленно. Они освоили человеческую речь и могли объясняться с людьми, но никогда этого не делали. У двух космических народов были разные цели. И драматические неудачи преследовали каждую попытку землян наладить контакт.

Шторм не мог сдержать инстинктивного отвращения, дотрагиваясь до убитого. Это не было чувством боязни прикасаться к мёртвым. Это было продолжением ярости, родившейся ночью, пока Шторм смотрел, как умирают лошади под выстрелами хладнокровных убийц. Шторм и не пытался понять намерения завоевателей. Можно лишь догадываться, какие злобные инстинкты заставляют их совершать злодеяния. В результате прошлой войны захватчики уничтожили Землю. И наверняка эта жертва была

так же бессмысленна, как бойня, устроенная прошедшей ночью, уже хотя бы потому, что разбросанные по Галактике колонии землян пережили гибель родной планеты и выжили. И здесь, на Арзоре, завоеватели потерпели неудачу. Их пленник был вызволен и находился теперь на пути к безопасности, несмотря на предпринятые попытки уничтожить его.

Горгол дождался, пока путь станет свободным. Он двигался с максимально возможной скоростью, какую только позволяла его ноша. Высокая фигура Норби скособочилась, поддерживая шатающегося незнакомца. Сурра и Баку устремились вперёд, прокладывая путь. На плече Шторма теперь висел бластер, свободной рукой он подхватил незнакомца, помогая Горголу.

В свете дня стало хорошо видно, насколько жестоко пострадал спасённый. Хотя всё же не так ужасно, как пленники, которых Шторм освобождал из концентрационных лагерей Ксиканцев. Это было видно уже по тому, что спасённый шёл на собственных ногах. Когда Шторм подхватил незнакомца, Горгол отпустил ношу и показал жестом:

«Лошади — свободные — неподалёку от нашей тропы. — Они понадобятся — я приведу их». И Горгол скрылся прежде, чем Шторм успел что-либо возразить. Лошади и вправду пригодились бы прямо сейчас. Но чем скорее отряд уберётся из этой проклятой долины, тем лучше. Одному Богу известно, как далеко уже прошли по их следу охотники. Шторм не забывал поглядывать вокруг, чуть сгибаясь под тяжестью спасённого. Впереди на тропе была Сурра. Если Горгол отловит лошадей, она поможет пригнать их. Кроме умения драться, песчаная кошка владела также навыками загонщика скота и сторожа. Баку была в отряде небесным наблюдателем. А Хинг слонялся взад-вперёд, переворачивая плоские камешки в поисках чего-либо ценного.

Ноги Шторма начали подгибаться, дыхание участилось, во рту пересохло. «Устаю, — подумал он, — выбиваюсь из

формы. Слишком долго пробыл в Центре». Он принялся размышлять, где бы теперь лучше остановиться. Прежняя стоянка на полосе гальки не годилась, то было слишком открытое место. К тому же спасённого нельзя долго транспортировать. Даже на лошадях, которых, возможно, приведёт Горгол. Значит, место для укрытия нужно искать в долине, которая недавно была затоплена ливнем.

Шторму было известно одно такое место. Пещера, в которой во время ливня его чуть не засыпало вместе с конём. Пещера ему не нравилась. К ней нужно было добираться, держа на восток от полосы гальки. Вода уже наверняка спала и вход не залит. Вода! Шторм провёл сухим языком по запёкшимся губам и приказал себе думать о чём-нибудь другом.

В пещере у них будет достаточно времени для привала. Потом они усадят спасённого на Дождя и сразу же выступят в путь, собрав свои скромные припасы. Теперь попытка Горгола поймать лошадей не казалась Шторму столь безрассудной, как раньше. Удайся она, и им станет намного легче. Хорошо бы несчастные животные не были напуганы настолько, чтобы убежать за пределы досягаемости Горгола, не даваясь в руки. Испуганные лошади неуправляемые, это в безопасные часы они кроткие.

— Ты... не Норби...

Обращённые к индейцу слова медленно и прерывисто слетали с растрескавшихся губ спасённого. Шторм ошарашенно вскинулся: ведь пока он бессознательно воспринимал груз как неодушевлённую поклажу, о которой нужно проявлять заботу, но которая не имеет собственной воли. Разумное высказывание незнакомца удивило Шторма.

Лицо незнакомца, обращённое к Шторму, было так изранено, исцарапано и залито запёкшейся кровью, что догадаться, каковы настоящие его черты, было невозможно. Землянин не подумал о боевой раскраске на собственном лице, а между тем его тоже невозможно было узнать.

Юноша ответил правду:

— Я — землянин.

В ответ раздался вздох, который мог означать и удивление, и усталость. Незнакомец вытянул слабую руку в направлении покинутой долины:

— А кто... эти?... Знаешь?

— Ксиканцы! — Шторму не надо было пояснять, кто такие «эти». Он помолчал и добавил нелестную характеристику, данную завоевателям ещё во времена пребывания Шторма в рядах команды.

Слова эхом отозвались в ближайших скалах. Вместе с эхом донёсся стук копыт. Но Сурра не подавала сигнала тревоги. Может, это Горгол с добычей? Шторм с незнакомцем прижались к уступу и замерли, выжидая.

Найти хоть какую-то пользу в плетущихся по склону животных смог бы разве что самый неистовый любитель лошадей. На боках сохли ключья пены, головы понурые, глаза гноятся. Но Горгол, гнавший их, победоносно поблескивал белыми рогами в лучах утреннего солнца. Весь его вид показывал, как он гордится своей удачей. Он тихо хлопнул в ладоши и кони замедлили шаг. Но сейчас нечего было и думать грузить на них что-нибудь. И вообще, будет большой радостью, если эти животные продержатся на собственных ногах всё время перехода. Оставив лошадей брести вниз к долине, Горгол подбежал к Шторму помочь тащить незнакомца. Тот поспешил с поздравлениями:

«Твоя охота была удачной».

«Не было времени для охоты. Иначе она была бы — по-настоящему удачной. Горцы Мясоеды большие глупцы. У них осталось всего несколько лошадей, но их никто даже не пытается собрать в табун», — Горгол перестал жестикулировать и взялся поддерживать спасённого.

Так втроем они прошли половину пути к низине. Измученные лошади понуро остановились, не в силах даже отойти с тропы. Дождь, наоборот, был полон сил и с любопытством гарцевал вокруг новеньких лошадок. Красуясь, он рыл передним копытом землю и его густая грива развевалась по ветру.

— Вот это... конь! — спасённый вдруг остановился, повиснув на плечах землянина и Горгола. Его взгляд вполне осмысленно был направлен на Дождя.

Шторм спросил:

— Ты думаешь, что смог бы на нём прокатиться? Извини, дружище, мы пойдём дальше как идём.

— Я бы... попробовал... на нём...

Индеец с Норби осторожно усадили незнакомца на заволновавшегося жеребца. Незнакомец попытался уцепиться за гриву скрюченными пальцами, но удержаться не смог. Увидев, насколько изрезаны эти пальцы, Шторм не смог удержаться от несколько крепких ругательств на двухтрёх галактических наречиях. В ответ послышался слабый смех незнакомца:

— Это, и ещё многое другое, вот кто они, — прошепелявил истерзанный рот. — Они поступили с землянами как последние мерзавцы. Когда-то давно я думал, что я сильный... — он потерял сознание. От неожиданности Шторм не успел подхватить его, и незнакомец завалился с крупы коня. На помощь подоспел Горгол:

«Он ударился».

Землянин и сам видел это.

«За холмом, где похоронены Даготаг и другие, есть пещера в горах», — он указал, в каком направлении надо идти.

Горгол кивнул и они двинулись дальше. Индеец вёл Дождя, а Норби поддерживал слабого незнакомца.

Добравшись до пещеры, Шторм оставил Горгола и незнакомца на попечение Хинга, а сам вернулся за вещами. Там он подозревал Сурру, которая помогла ему перегнать к пещере пойманных лошадей. Из них две были молодыми кобылками, а третий — годовалый жеребец. Дождь вполне справился бы с таким табунчиком, а кобылки, отдохнув, не разбегутся, если рядом с ними окажется красивый жеребец. Тогда отряд сможет добраться далеко и выбрать хорошее место для отдыха.

На входе в пещеру его встретил встревоженный Горгол. И сказал такое, что неделю назад потрясло бы Шторма. Теперь же он не почувствовал ничего.

«Эта пещера — это Запечатанная Пещера!» — Горгол схватил Шторма за руку и повёл его вглубь, указывая особые метки на стенах и потолке. То были зарубки, оставленные инструментом. Горгол указывал внутрь, в темноту: «Это тайное место — ход идёт далеко в глубину».

Шторм подумал, а вдруг Норби откажется оставаться здесь? Сам землянин настолько устал, что ему всё было безразлично. Зная, что если он сейчас присядет, то немедленно уснёт мёртвым сном, юноша занялся распаковыванием припасов. Он достал еду и тут его взгляд остановился на незнакомце. Тот, укрытый одеялом, лежал возле стены. Положив голову на свёрток, незнакомец тихо и ровно посапывал. Как ребёнок, заснувший где упал.

Горгол устроил костёр. Шторм попросил его найти воду и вскипятить над пламенем. Разложив медикаменты из аптечки, он взялся за работу. Вначале аккуратно и нежно смыл грязь с лица незнакомца, затем обработал открывшиеся раны. Тот постанывал, но так и не пришёл в себя.

Через полчаса напряжённой работы Шторм удовлетворённо вздохнул. Зная привычки захватчиков с Ксика, он мог утверждать, что с этим пленником обошлись весьма учтиво, его почти не допрашивали. Через несколько дней незнакомец вполне сможет работать руками, страшные порезы на спине зарубцуются, вот только лицо ещё долго будет разукрашено всеми цветами радуги. Но кости целы, а раны не смертельны.

Устроив пациента с максимумом комфорта, юноша спустился к озеру, разделся и вымылся в головы до ног. Вернувшись обратно в лагерь он едва-едва накрылся одеялом, как тут же заснул.

Это был сон чрезвычайно утомлённого человека. Его постоянно мучил какой-то запах, доносившийся из глубин сна. Он бежал по высоким горам, преследуемый кораблём

завоевателей. У корабля почему-то были человеческие ноги, а раза два оказывалось, что это не корабль, а Брэд Куэйд. И тогда Шторм проснулся и увидел Горгола, поджаривающего на костре травяных курочек. Разнородная аудитория в лице Сурры, Хинга и проснувшегося незнакомца пристально следила за действиями Горгола. Незнакомец теперь полностью пришёл в себя и сидел, опёршись спиной о седло и коробки с припасами.

Снаружи стояла ночь, но им изнутри была видна только полоска тёмного неба с одинокой звездой. Вход был завален камнями, чтобы преградить путь каждому, у кого нет крыльев, как у Баку. Словно уловив мысли Шторма, Баку зашевелилась на камне неподалёку, с высоты насыпи оглядывая внешний мир.

Однако наибольшее внимание землянина привлёк спасённый. Накануне, занятый обработкой ран, до смерти усталый, Шторм не разглядел его как следует. Но теперь под царапинами и повязками индеец обнаружил нечто, заставившее его невольно вскочить в немом изумлении.

Царапины, порезы, синяки — всё это временное. Изпод этих болячек проглядывали черты, которые Шторм прекрасно знал! Перед ним сидел не просто представитель человеческой расы. Перед ним оказался человек его, Шторма, племени! Очень молодой человек, с которым землянина свела игра случая. В полутьме пещеры на юношу поглядывал индеец племени Дайни, Навахо.

Только глаза у него не были индейскими — голубые, пристальные, они смотрели на Шторма с таким же изумлением. Порезанные губы зашевелились и незнакомец выдавил:

— Ради Семи Громов, скажи, кто ты такой?

— Я — Хостин Шторм, землянин, — безразлично ответил индеец.

Незнакомец поднял руку к собственному лицу, как бы ощупывая себя.

— Ты не поверишь, парень, — заговорил он смущённо,

— но мне показалось — ещё когда ты обрабатывал мои раны, — что мы с тобой похожи.

Шторм заговорил на наречии Навахо:

— Так ты из племени Дайни? Как ты попал сюда?

Незнакомец выслушал вопрос и покачал головой:

— Нет, этого языка я не знаю. И я не понимаю, почему мы с тобой похожи почти как близнецы. Как не знаю, зачем ты мне помог выбраться из этого месива. Всех этих загадок хватит, чтобы поверить курильщикам, набивающим свои трубки травой и болтающим, что их сны — самая настоящая реальность.

— Так кто ты такой? — перебил его землянин.

— О, прошу прощения. В этом нет никакого секрета. Я — Логан Куэйд.

Шторм вскочил. Амулет на его груди засверкал в отблесках костра, браслет на руке тоже. Но индейцу не было дела до того, какое впечатление он производит в этот миг. Он не понимал также, какие глубокие чувства отразились на его лице, прежде чем он овладел собой, снова приняв безразличный вид.

— Логан Куэйд, — размеренно повторил он. — Я слышал о Куэйдах.

Логан спокойно встретил взгляд землянина, который теперь смотрел свысока.

— Ты ведёшь себя точно так же, как многие другие на этой планете. Почти как те, от кого ты спас меня. Кажется, всем не нравятся Куэйды, как и тебе, Шторм. Но скажи, разве когда-нибудь кто-нибудь из Куэйдов обидел тебя чем-то? Я понимаю, почему нас не любят местные поселенцы. Но ты-то, Шторм?

А он быстро реагирует, отметил индеец. Слишком быстро, чтобы чувствовать себя в безопасности рядом с ним. Шторму это открытие не понравилось. Какое-то мгновение он чувствовал себя так, будто дёргает за хвост разозлённого якобыка и не может ни успокоить животное, ни отпустить хвост. Кроме того, юношу точною знакомое

доселе чувство. Будто он чего-то не знает, очень важного, но пока надёжно скрытого от него.

— Ты ошибаешься, Куэйд. Расскажи лучше, как ты попался захватчикам? — Шторм довольно неуклюже попытался сменить тему разговора, и сам разозлился своей неловкости. Но что хуже всего, он был совершенно уверен — Логан чувствует эту его неловкость и тихо посмеивается.

— Меня поймали на приманку, — ответил тот, — причём с величайшей лёгкостью. Наше ранчо расположено к югу от Пикс. Так вот, стадо начало методично убывать. Думарой и ещё несколько владельцев стад всё время кричат про Норби, стоит им пересчитать стадо и увидеть, что одного-двух бычков недостаёт. Но не так давно пропало очень много голов скота и Думарой заявил, что пойдёт на Норби войной. Такие штуки могут привести к общей заварухе. Сейчас у нас почти не осталось разногласий с местными племенами. Но если Думарой и его горячие дружки ввяжутся в войну, вся эта планетка станет горяченьким местечком для каждого, у кого не растут из темени рожки.

Поэтому я, не веря тому, что кричит Думарой, решил разобраться сам, в чём же дело. Только время для этого я выбрал неподходящее. А может быть, наоборот, самое подходящее. Короче, я обнаружил следы большого стада, которое кто-то гнал прямо в горы. А уж там-то стаду совсем нечего делать. Отец всегда говорит, что я долго соображаю. Так вот, я пошёл по следу и шёл, пока на меня не накинули ошейник. Простая история, а я в ней оказался самым большим простаком.

Ну, а потом джентльмены с Ксика подумали: а вдруг я расскажу им что-нибудь важное для их будущего процветания. Многого, о чём они спрашивали, я и вправду не знаю. Они пробовали расшевелить мой непослушный язычок, но в это время кто-то совершил нападение на их корраль с лошадьми и другие постройки. Наверное, они думали, что находятся здесь в полной безопасности, потому что их чрезвычайно потрясла атака, они прямо

обслюнявились, когда услышали, что на них кто-то напал. Я же воспользовался тем, что в беседе со мной наступил небольшой перерыв, который оказался очень даже кстати, и скрылся в горах. Там на меня наткнулся Горгол. Остальное тебе известно.

Логан взмахнул перевязанной рукой и добавил уже серьёзнее:

— Тебе неизвестно вот что. Пока мы тут сидим, война уже может начаться. И нам следует поторопиться. Эти проклятые пираты натворят такого между аборигенами и поселенцами, что Норби и люди с величайшей охотой выйдут резать друг другу глотки. Можно только догадываться, что на уме у захватчиков. То ли они хотят сравнить поселенцев и Норби из чистой злобы, то ли у них на этот счёт какие-то дальние планы. Но завоеватели собирались организовать большой налёт на поместье возле Пикс. Обычно они маскируются под Норби. А когда совершают налёты на стойбища Норби, маскируются под поселенцев. Я не знаю, слышал ли ты о племени Нитра. На взгляд нормального человека в Нитра нет ничего особенного. Но завоеватели регулярно настраивают Нитра в нужном для них духе, науськивают их на поселенцев. А сами разгоняют по степи стада и оставляют там следы горцев, как будто там побывали Нитра. Они добьются того, что Норби поднимутся на тропу войны, объединившись по всему континенту. И прощай тогда, милый славный мир, — Логан помахал рукой, — прощай, уютная планета. При всех добрых намерениях офицеры Галактической Службы смогут всего лишь вызвать Патруль на подмогу. А тогда начнётся партизанская война, которая растянется на десятилетия. И каждый Норби будет воевать против каждого чужеземца. И может быть, с ними будут заодно не только племена Норби. А так как я отношусь к Норби хорошо, то есть без предубеждения, я хочу остановить эту войну ещё до того, как её развяжут. И если ты захочешь помочь мне в этом, парень, у нас с тобой будет в ближайшее время достаточно работы.

Глава 12

Услышанное полностью совпадало с тем, что знал Шторм. Тактика завоевателей с Ксика на Арзоре оказалась той же, что и в других регионах Галактики. Кажется, враги не извлекли никаких уроков из собственного поражения в войне, раз вновь начинают и вновь берутся за старое. Или эта горстка десантников надеялась возродить на Арзоре ядро бывшей империи Ксика? Такой подход означал, что завоеватели пытаются осуществить то, что уже пробовали проделать на других планетах, где были наголову разбиты Объединёнными силами Конфедерации. И всё-таки, вздохнул Шторм, когда же наступит конец застарелому конфликту, который стёр Землю со звёздных карт. Он прислушался и задал вопрос по существу дела:

— Сколько завоевателей с Ксика высадились на Арзор?

Логан пожал плечами, при этом у него вырвался стон от боли:

— Я был постоянно занят, считать всё поголовье мне было совершенно некогда. Конвоировала меня компания из пяти негодяев. Но из них не все были с Ксика — по крайней мере двое были людьми. Ещё там был офицер, он командовал этими пятью и задавал мне вопросы. Вот с кем я рад был бы повстречаться снова! — Логан уронил перевязанные руки на колени, — А ещё там было с дюжину солдат и примерно вдвое меньше наёмников из числа людей. Они не очень-то ладят между собой — люди отдельно, ксиканцы отдельно.

— Так и должно быть. Захватчики всегда вербовали наёмников из числа людской расы, во всех войнах. Но всё равно, люди и завоеватели не дружат, даже когда воюют на одной стороне. А сколько поселенцев живут в районе Пикс?

— Там семь ранчо. Самое большое принадлежит семье Думароя. Там живут сам Думарой, его брат, племянник, и двенадцать объездчиков. Потом ранчо Лансина — Артура — это небольшое поместье, а скоро к нему присоединится

брат, тот недавно уволился из войск. У них в объездчиках пятеро Норби. На нашем ранчо семь объездчиков-Норби и ещё двоих отец нанял в Бэйсине, это люди. Ещё десять-двенадцать человек можно отыскать на маленьких усадьбах. Так что большую армию мы не соберём, по крайней мере, по сравнению с вооружёнными силами Конфедерации.

— Я проводил успешные вылазки в гораздо меньшем по численности составе, — тихо заметил Шторм. — Вот только созвать мужчин к Пикс будет нелегко, они разбросаны по всей степи.

— Первым делом нам следует добраться до линии связи, я отправлю всем срочный вызов. Мы тут не такие уж примитивные, как вам, иноземцам, кажется.

— А далеко эта линия связи?

— Точно отвечу, только забравшись повыше и осмотрев окрестности. Этот район мне не очень-то знаком. Но, думаю, придётся ехать один-два дня. Хорошая лошадь покроет это расстояние за пятнадцать часов.

— У нас только один хороший конь — Дождь. И по пятам гонятся преследователи. К тому же мы ещё не выбрались из долины. Выход из неё завален оползнем.

Шторм не дискутировал. Он просто излагал факты.

Однако Логан вспыльчиво возразил:

— Меня меньше всего волнует, что мы предпримем! Но говорю тебе, Шторм, допустить столкновение Думароя с Норби на радость завоевателям с Ксика мы не должны. Я родился на Арзоре, и если планету можно спасти, я не собираюсь предавать её интересы.

— Если только её ещё можно спасти, — отозвался землянин. В нём поднял голову ужас пережитого прошлого.

— Что ж, ты лучше знаешь, на что способны завоеватели, — проговорил Логан.

Шторм повернулся к Горголу и жестами пересказал беседу с Логаном, стараясь подбирать точные выражения. В конце он задал самый важный вопрос:

«Есть ли выход из долины — для пешего или всадника?»

«Если такой выход есть — Горгол найдёт его».

Он снял с вертела двух жареных тптиц, обернул их листом какого-то растения и поднялся на ноги:

«Горгол пойдёт искать», — и перепрыгнув каменную изгородь, Норби скрылся.

Шторм поделил остатки жаркого и передал порцию Логану. Тот принялся есть, одновременно разговаривая:

— Ты давно на Арзоре?

— Месяц. По земному календарю.

— Быстро ты освоился. Я знаю многих, кто родился здесь, а «речь-на-пальцах» так и не сумел выучить.

— Может, мне эта речь легче даётся потому, что мой народ когда-то использовал язык жестов при встрече с незнакомцами. Подожди-ка, давай я помогу тебе с едой.

Забинтованные руки Логана совсем не слушались хозяина. И Шторм покормил его с ножа, отрезая от мяса кусочек за кусочком. За процессом кормления подглядывала выжидательно помаргивающая Сурра, а Хинг резвился у ног Логана, демонстрируя величайшую нежность. Пока Шторм разделявал следующую жареную курочку, Логан сыпал вопросами:

— А откуда твои животные? Они ведь нездешние, да? И что за дрессированная птица с тобой?

— Я — Повелитель зверей, это особая квалификация. Животные — моя команда. Африканская орлица Баку, песчаная кошка Сурра и меркот Хинг. Они все с Земли. Во время наводнения мы потеряли второго меркота, Хо.

В голосе Логана зазвучало открытое восхищение:

— Повелитель зверей! Слушай, а ты недавно говорил со мной на языке Дайни, правда?

— Я думал, что ты не понял наречия Навахо.

— Навахо! — глаза Логана засверкали. Он задумался, будто вспоминая, где же раньше слышал это имя. Затем, коснувшись кето-браслета на запястье Шторма и амулета на груди, спросил. — Эти вещи тоже принадлежат племени Навахо?

Индеец помедлил с ответом. Он понимал: происходит нечто важное. Но он не знал, что именно.

— Да, — наконец выговорил он.

— У моего отца тоже есть такой браслет.

Шторм отдернул руку. Лучше бы Логан не говорил о Брэде Куэйде. Вспоминаний о нём землянин старательно избегал в последние дни. Шторм заговорил как можно более спокойно, однако в тоне его слышались угрожающие нотки:

— Твой отец — не Навахо.

— И это замечательный повод ненавидеть его, правда? — Логан сказал это без всякого выражения, будто сообщил о том, что на улице ночь. — Многие ненавидят Брэда Куэйда. Но обычно враги моего отца не такие, как ты. Да, мой отец — не Навахо. Он родился на Арзоре, хотя его родители — земляне. Он наполовину индеец племени Шайен.

Шторм обомлел. Ненавидеть Куэйда было значительно легче, представляя его выходцем из высокомерного белого племени, лживого, подлого, посылающего собственных представителей на смерть. Впрочем, даже белые оставляли индейцам клочья земли, никогда не сгоняя в пустоту, в никуда, отнимая жильё, земли, родину, дом.

— Шайены — североамериканское племя, — начал было объяснять Логан, но быстро умолк.

Сурра, мирно дремавшая, внезапно вскочила, мгновенно напрягившись. Шторм выхватил бластер. Оружие было произведено на Ксике, но мало чем отличалось от того, к какому землянин привык в войсках Конфедерации. Шторм пожалел, что у давешнего часового был только один бластер. Но захватчики, как правило, не перегружали себя амуницией.

Но это всего лишь появился Горгол, он влез в пещеру и его новости были неутешительны.

Найти выход из долины не удалось. К тому же к югу от озера появился военный отряд Нитра. А в горах на севере горели огни, наверное, там тоже Нитра.

Шторм принял решение:

— Надо укрыть в пещере всех лошадей и запастись водой. Попробуем переждать здесь. Может, отряд Нитра отвлечёт от нас внимание преследователей с Ксика.

Они притушили костёр и принялись за работу. Расширив вход в пещеру, ввели внутрь трёх добытых лошадей и Дождя. Когда лошади оказались внутри, землянин заметил, что Логан направляется с фонариком в глубь пещеры.

— Пойду посмотрю, — пояснил Логан, — куда идёт этот тоннель. Вдруг он проходит сквозь всю гору. Кто знает, может быть, это вовсе не Запечатанная Пещера, может быть, там скрыт проход в соседнюю долину. Ты говорил, что попал в эту долину через туннель в горе. Так, может, и выход из неё такой же?

Шторм неодобрительно смотрел, как тусклый лучик фонаря тает в тёмной глубине. Воздух в пещере по мере удаления от входа становится всё более удушливым. Но если Логану так нравится ходить навстречу собственной смерти... Землянин вынужден был спрятаться в этой пещере, но искать в ней приключений на свою шею — ну уж нет!

Послышался голос Логана. Тот, придерживаясь за стену и хромя, поднимался из глубин пещеры:

— Какой здесь странный воздух! Кажется, неподвижный, неживой. И свет почти не проходит.

Лошади, сбившись в кучу, не желают идти в глубину пещеры, отметил про себя индеец. Сурра тоже держится поближе к выходу. И даже любопытный Хинг не увязался по пятам за Логаном, а уселся на задние лапы и, подозрительно нюхая воздух, задрал мордочку вверх.

Горгол и Шторм уничтожили конские следы возле пещеры и вновь завалили вход камнями. У них теперь был запас воды — три полные фляжки и мешок из шкуры йориса. Набирая воду, юноша видел с берега дальние огни в горах.

Если захватчики нашли убитого часового, они не станут возобновлять преследование в темноте.

К полуночи маскировка пещеры была закончена. Шторм, укладываясь спать, подумал, что крошечное отверстие наверху каменного завала совсем не пропускает воздух, который внутри пещеры становится совсем непригодным для дыхания.

Он закрыл глаза и, оставшись даже без клочка неба вверху, живо вообразил, как его закрывают в тесной маленькой коробке, которую невозможно открыть. Индеец принялся вспоминать всё, что слышал о Запечатанных Пещерах. Теперь его отряд и сам был запечатан в пещере. Жаль только, что в этой же пещере не было тех, кто скрылся здесь согласно легенде. Разум твердил, что они остались в пещере не напрасно. И что выйди они с Горголом на разведку в горы, шансов найти выход из долины у них было бы ничуть не больше, чем пока они прячутся здесь. И всё-таки каждый нерв Шторма был напряжён, чувства восставали против того, чтобы оставаться в этой пещере.

С наступлением утра укрывшиеся обнаружили хоть одно несомненное достоинство их пристанища: в пещере было прохладно. В то время как снаружи поднявшееся солнце нещадно палило, раскаляя камни гор.

— В этом году сезон засухи наступил очень рано, — сообщил Логан. — Иногда засуха бывает на руку, если дожди в горах прошли сильнее обычного. Однако теперь нам нужно бежать отсюда как можно скорее ещё и по этой причине: грядёт засуха.

— Но ведь наша экспедиция пересекала реку, — возразил Шторм. — Неужели всё пересохнет? Ведь наводнение было очень сильное, да и дождей прошло немало.

— Стаффа не пересохнет. Но она далеко отсюда к югу, ближе к Восточным Пикс. А других рек я здесь не знаю. Можно, конечно, ехать вдоль Стаффы, но тогда мы затратим вдвое больше времени на дорогу. К тому же в тех краях нередко гостят Нитра.

— Тогда нам следует получше отдохнуть здесь... — начал

было Шторм и замер на полуслове, уловив в смотровом отверстии движение вдали, в середине долины.

Там кто-то двигался. В бинокль Шторм разглядел фигуры идущих. На них были кольчуги и штаны, как у Норби. Но дальше одежды маскировка не соблюдалась. Бледно-зелёная кожа, бесцветные волосы, свисающие закручивающимися сосульками по спинам. Двое впереди явно были с Ксика. Ещё трое, следовавшие поодаль, — люди. Двое последних были вооружены луками, а возглавляющие процессию несли инопланетное оружие. Кроме того, поперёк седла одного всадника лежала странная труба белого цвета.

Шторм отметил наличие слайсеров у противника и принял как должное тот факт, что на бластер особенно полагаться не следует. Лучевое оружие Ксика Шторм также видел в действии сутки назад. Но эта белая труба... Это была одна из последних разработок, появившаяся в самом конце войны, применить широко её не успели. И увидеть её запросто привязанной к седлу посреди пустыни на краю вселенной землянин никак не ожидал. Две такие трубы попали в руки войск Конфедерации после стремительного захвата форпостов завоевателей с Ксика, ими просто не успели тогда воспользоваться. Трубы были испытаны в поясе малых астероидов, после чего командование Конфедерации выпустило приказ немедленно уничтожать все обнаруженные образцы этого оружия.

В целом «трубы» можно было применять против врага, причём их поражающая способность была необычайно велика. Но «трубы» дополнительно потребляли из пространства столько энергии, что невозможно было предсказать, какой в действительности урон они нанесут, и кому именно. В принципе они действовали почти так же, как деструкторы, состоявшие на вооружении в войсках Конфедерации: уничтожали живую материю. Но «трубы» убивали значительно надёжнее и быстрее, чем деструкторы.

— У нас опять неприятности? — поинтересовался Логан.

Шторм передал ему бинокль.

— Видишь ту белую трубу? Это самая большая из всех известных мне неприятностей.

Логан мрачно отозвался:

— Похоже, кто-то кого-то хочет убить, причём так, чтобы наверняка. По поводу воинов Нитра я особенно не беспокоюсь, наоборот, к ним я теперь расположен вполне дружелюбно. В конце концов, если в тебе застрянет стрела с раздвоенным наконечником, можно легко посчитать, сколько придётся потеть под ножом, пока её вырежут. И в смысле вооружённости мы примерно в равных условиях с местными племенами. Но пускать эту «трубу» против Норби — всё равно что науськивать Сурру на травяную курочку, у которой вдобавок связаны лапки.

Шторм знаками объяснил Горголу, в чём дело, указав на страшное оружие завоевателей. Горгол понимающе кивнул, наблюдая, как отряд продвигается вдоль берега озера, то скрываясь за холмами, то вновь появляясь.

«Нитра здесь — с прошлой ночи, — жестами сказал Горгол. — Они сейчас не будут искать наши следы. Может быть, мы захватим ту злую вещь...»

«Нет! — решительно остановил его Шторм. — Злая вещь принадлежит врагам. Она убьёт нас, если мы прикоснёмся к ней». Он собрал самые убедительные доводы, изобразив жест, обозначающий смерть.

Всадник с «трубой» на седле появился на дальнем склоне замыкающего долину холма. Он неуклюже спешил, было видно, что не Норби и не человек управляет лошадью, что животное для чужака — только средство перемещения поклажи. Шторм, наблюдая происходящее, вспомнил, как эти вояки расправились вчера с целым табуном в соседней долине, нисколько не задумываясь, жестоко это или не слишком.

А в это время завоеватель, держа «трубу» на плече,

взошёл на самую верхушку холма и стал утаптывать площадку для установки оружия. Теперь его движения были неторопливы и отточены. Штурм разглядел в бинокль, как рядом со стрелком с «трубой» воткнулась в почву боевая стрела, выпущенная кем-то вдали. Но, наверное, это был единственный удачный выстрел далёкого лучника, потому что больше стрел не появилось.

— Нитра обстреливают «трубу», — сказал он Логану.

— Вот отчаянные! Наверное, их загнали в угол, иначе они так не поступили бы.

В поле зрения появились ещё двое всадников. Они гнали лошадей прочь от холма с «трубой», почти в панике.

— Уходят, — прокомментировал землянин. — Неужели эти идиоты станут стрелять из «трубы»?

Индеец прыгнул вниз с камня, на котором стоял, и жестом приказал Горголу пригнуться. Сбросив с плеча бластер, он дотянулся до Логана, заставляя и того лечь на землю. Сурра уже распласталась на брюхе. А где же Баку? Орлица куда-то улетела час назад. Штурм мог только молиться, чтобы она летала подальше и не спускалась в долину.

— Давайте отведём лошадей подальше! В глубь пещеры!

— Зачем? — не понял Логан. — Ведь эта «труба» стоит далеко, до неё больше мили. К тому же она нацелена в другое место.

Однако он подошёл к Дождю, обнял коня за шею, затем шлепками ладоней стал подгонять кобылок. Все вместе они кое-как заставили лошадей зайти подальше в пещеру. Штурм с отчаянием подумал: в наружной кладке осталось отверстие. Но закрывать его времени уже не оставалось.

— Всем лечь! — приказал он. — Закрывать глаза!

Горгол и Логан повиновались, накрыв головы руками. Штурм тоже лёг.

Вот она, жестокость чужаков во всей её неприглядности. Они готовы вместе с несколькими воинами Нитра уничтожить всю живность в долине. Впрочем, насколько

землянин знал характер завоевателей с Ксика, всадники, спешившие убраться подальше от «трубы», тоже были обречены. Во всяком случае шансов спастись у них совсем немного. Шторм усмехнулся. Вряд ли стрелок с Ксика станет гуманно дожидаться, пока его коллеги удалятся на безопасное расстояние.

Рядом со Штормом вытянулась Сурра. А под ним уже копал себе убежище Хинг. Копать в скальной породе было тяжело, Хинг ворчал. Индеец вытащил зверька, поместив его между собой и Суррой. Он слышал перестук лошадиных копыт, однако лошади не вышли обратно из туннеля, куда их загнал Логан. Может, лошади заволновались, как и весь отряд, почуяв отданный Штормом приказ?

Землянин не имел никаких сведений о действии «трубы», кроме армейских донесений, которых он изрядно перечитал в годы службы в войсках Конфедерации. Донесения поступали во все группы коммандо, где люди, либо смешанные команды людей и животных имели шанс подвергнуться нападению с применением «трубы». И те донесения не были склонны к преувеличениям.

Было известно, что «труба» воздействует на людей и животных, и почти не действует на завоевателей. Интересно, скоро они там будут стрелять? Шторм считал секунды, кажется, даже вслух. Но его это не заботило. Было темно, только со стороны Логана слышался смехок.

— Слушай, а ты не зря заставил нас окопаться? Скоро всё вокруг развалится, или не очень? ●

Кажется, именно этих слов и ждал стрелок завоевателей. Мир вокруг них действительно стал разваливаться. Никогда позже Шторм так и не смог выразить, что же такое произошло с пространством и временем, которое перестало быть обычным потоком секунд, минут и часов. Мелькнуло такое чувство, будто чья-то мощная рука схватила весь мир, скатала его в один ком, и подбросила ввысь. Не стало ничего — чувств, мыслей — всё как будто сдуло в пустоту. Всё дальше в пустоту, всё дальше...

Это была не просто физическая боль одного человека — но боль, причинённая всей планете в его лице. Какая-то часть существа Шорма продолжала вжиматься в скалу, служа якорем для остальных разбежавшихся частей. И эту отчаянно сопротивлявшуюся часть буквально разрывало.

Он не мог сказать, сколько это длилось. Борьба между материей и нематерией лишила его чувств. Наверное, всё-таки именно толща скал над ними защитила отряд от неизвестного излучения. Точно Шорм знал только одно: отряд устоял во время действия «трубы», и они все выжили.

Рядом лежала тёплая Сурра, между ними царапался и пищал Хинг. Было холодно, воздух стал ледяным.

Несколько мгновений юноша лежал неподвижно. Он чувствовал себя как насекомое, которое спряталось под камнем. Но в любой момент камень могут откатить и тогда он предстанет беззащитным перед неизвестной опасностью. Посреди этой животной паники в его душе сверкнула искорка решения. Он наконец отнял руки от глаз, привстал на колени. И несколько страшных секунд ему казалось, будто он ослеп! Вокруг была только ледяная темнота, заполненная ледяным тяжёлым воздухом. Кусочек неба, видневшийся сквозь отверстие в каменной кладке, исчез.

Шорм сел, Сурра не отходила от него, ворча и фыркая. И тут из этой кромешной тьмы донёсся голос Логана, поспешившего прояснить ситуацию:

— По-моему, кто-то захлопнул дверцу!

Глава 13

Шорм включил фонарик, направил его луч на вход и... отказался верить собственным глазам. Входа больше не было, он исчез. И он не был завален камнями или грязью оползня. На месте входа поблескивал монолит равномерно расплавленного камня, образовавший непроходимый заслон.

— Что это? — воскликнул изумлённый Логан. Шторм подошёл поближе к новой стене, освещая её фонариком. Теперь он мог распознать материал «заслонки». Это было то же вещество, из которого был изготовлен и чёрный «рельс», указывавший путь в Запечатанную Пещеру. Этот материал аркой обрамлял вход и, видимо, оплавился при работе «трубы», запечатав вход, словно сургучом. Шторм вспомнил, что бластером расплавить этот материал не удавалось. Против оружия завоевателей, однако, «рельс» не устоял.

Шторм передал фонарик Горголу, показывая куда светить, и снял с плеча бластер. Щёлкнул курок, высвобождая мощный заряд. Землянин отшатнулся на шаг или два от жара пламени. Но на чёрном расплаве не появилось ни одной отметины.

Юноша поставил бластер на максимум и снова нажал на курок. Яркое пятно света метнулось к стене, и та, как им показалось, чуть-чуть подалась. Но это только показалось, чёрный расплав остался неизменным.

Из-за спины Горгола высунулся Логан:

— Так ничего и не берёт эту штуку? Что же это такое?

Шторм принялся объяснять. Чёрный сплав, тянувшийся в виде «рельса» был установлен когда-то хозяевами Запечатанной Пещеры. Под воздействием белой «трубы» он намертво сплавил почву и камни по всей своей длине. Возможно, те, кто установил его, специально соорудили такую ловушку для непосвящённых. Путь наружу теперь прочно запломбирован. Разве что Хинг сумеет прокопать норку и выбраться наружу. Но о том, чтобы проделать отверстие, достаточное для остальных, нечего и мечтать.

Оставался только один выход — через туннель, в глубь пещеры.

Шторм ещё раз осмотрел новоявленную стену в надежде найти хоть небольшую трещинку, которую можно было бы расширить. И столкнулся с Логаном, осматривавшим стену с той же целью.

— Всё-таки, я не понимаю, — задумчиво проговорил Логан, — почему их выстрел подействовал на нас? Ведь «труба» была повернута совсем в другую сторону.

— Испытатели в Лабораториях Конфедерации докладывали, что всё дело в вибрации. А этот чёрный материал плавится как биопласт. Сейчас, наверное, вся долина в этом расплаве.

— Хорошо бы, — вздохнул Логан, — эта штука расплавила и своих создателей. А стену ничем нельзя разрушить?

Землянин покачал головой:

— У нас была одна надежда — бластер. Но ты видел, как он помог.

— Видел. Придётся разведать новый путь. Предлагаю выйти незамедлительно. Не знаю, почувствовал ли ты, что воздух стал другим.

Шторм почувствовал. Дышать становилось всё труднее. Стрельба из бластера тем более не улучшила атмосферу. Или они спустятся вниз по туннелю, или умрут здесь весьма неприятной смертью от удушья.

Спешно погрузив вещи на лошадей, они двинулись в путь. Сурра шла рядом со Штормом. Он двигался осторожно, освещивая поставленным на минимум фонариком. Энергию следовало экономить, в запасе осталась всего одна батарея. В слабом свете фонарика вскоре стало видно: скальная красноватая порода кончилась, вместо естественной пещеры они теперь двигались по туннелю, сплошь состоявшему из того же чёрного материала, что и «рельс».

— Хорошо, что эта вибрация не добралась до туннеля, — хмыкнул Логан. — Иначе нас бы запаяло окончательно.

Теперь атака завоевателей казалась Шторму всего лишь прелюдией к этому бесконечному кошмарному хождению. Отряд шёл обычным шагом, но создалось впечатление, будто они двигаются сквозь некий тягучий густой поток, причём невероятно медленно. Наверное, на них так действовал удушливый тяжёлый воздух, притупляя реакцию, замедляя мысли. Сколько они шли по этой черноте,

высасывающей воздух из лёгких и энергию из фонарика, — неизвестно.

И вдруг Сурра рванулась вперёд, мелькнув в пятне света от фонарика, и скрылась в темноте. Индеец позвал её, но чуть не упал: в его спину ткнулся Дождь, тоже заспешивший вперёд. За жеребцом — остальные лошади.

— Воздух!

Тут и Шторм уловил слабое дуновение. Это был не просто поток свежего воздуха, разрезающий духоту пещеры. Ветер нёс какую-то особую свежесть и незнакомые запахи. Приятные, впрочем. Шторм споткнулся, потому что его в спину торопливо подталкивали остальные.

Коридор привёл к повороту, раньше они шли только прямо. А за поворотом ярко сиял свет! Всё впереди было буквально залито светом. Шторм выключил фонарик. Невдалеке топтались убежавшие лошади, едва не наступая на Сурру. Та, стоя на задних лапах, тянулась вперёд, пытаясь пролезть сквозь отверстие в решётке, перегородившей дорогу. Шторм, подойдя к ней, тоже вцепился в прутья и попробовал разглядеть, что же там дальше.

И оказалось, что они вышли вовсе не на открытое место. Впереди раскинулся сад, где росли какие-то незнакомые землянину растения и кусты.

А чуть дальше... Не может быть! Индеец был потрясён. Так же, как в тот миг, когда развернул посылку, присланную его дедом, Нат-Та-Хеем. Нет, даже сильнее, чем тогда. Впереди виднелась полоска зелёной травы, из которой высилась — не дерево-свеча, не колючка-спайзер, не куст Лэнгфула — сосна! Настоящая сосна с Земли!

Это название было как далёкая песня, это название было так прекрасно, что его могли расслышать Далёкие боги. Сосна! Шторм принялся искать замок на решётке. Дайте ему пройти туда, дайте прислониться к этому дереву!

— Шторм! Засов с другой стороны решётки.

Но юноша и сам уже увидел по ту сторону решётки замок с перекладиной. Большой замок, неизвестной конструкции. Но ведь как-то он должен был открываться.

Просунув руку сквозь решётку, Шторм кулаком ударил по замку. В нескольких шагах лежало море свежести, а какая-то упрямая железка не давала выбраться из этой тёмной норы. Однако землянин не мог позволить себе разозлиться и вынул из чехла нож.

Сначала он пробовал поддеть самые мельчайшие зазоры в замке — вдруг тот поддастся. Ковыряя замок, тыкал нож во все щели. В это время Логан и Горгол удерживали рвущихся вперёд животных. Но вот руки индейца вспотели от напряжения и он выронил нож. Тот упал далеко по ту сторону решётки и достать его теперь было невозможно. Нож, предложенный Горголом, был слишком длинный, орудовать им было неудобно. А у Логана ножа не было, отобрали в плену. Пытаться же разрезать материал ворот выстрелом из бластера Шторм не стал ввиду явной бесползости.

Но когда в отчаянии Шторм принялся колотить по решётке кулаком, неожиданный тоненький писк с той стороны привёл его в чувство. Хинг проскользнул через отверстия в решётке и весело поглядывал на землянина, ожидая указаний.

Хинг! Шторм опустился на корточки и через решётку погладил зверька.

Повелитель зверей может отдавать команды, только когда сам находится в здравом уме. Только таким его воспринимают звери, а Шторм почти забыл о своей команде, забыл первое правило управления, перестал контролировать собственные чувства. Потеря контроля над собой испугала юношу, пожалуй, сильнее, чем увиденное давеча оружие завоевателей с Ксика. Последний раз Шторм так терял контроль над собой ещё будучи новичком-курсантом в Службе.

Он почувствовал себя виноватым. Землянин сделал глубокий вздох, отгоняя прочь волнение и страх. Он сможет управлять животными. Сейчас самое время для работы Хинга. Проворные лапки, мощные коготки, при-

родное любопытство. Пусть зверёк займётся тем, чему его обучали. Шторм сосредоточился на этой мысли, посылая безмолвный приказ, столь же мощный, как зов, который он издавал прошлым утром, когда искал Баку.

Хинг привстал, свесив передние лапки. Он будто прислушался. Затем на всех четырёх лапах Хинг засеменил к решётке, взобрался на неё по ту сторону и припал к замку. Зверёк ворчал, и в его голосе слышалось привычное любопытство.

Шторм не мог подсказать Хингу, где именно нужно нажать лапкой, куда сунуть коготок. Раньше, при раскопках, скажем, механических мин, землянин мог дать точные указания, потому что раскапываемые механизмы были ему знакомы. Он заранее практиковался с Хо и Хингом на образцах, показывая зверькам, как действовать. Но теперь Шторму ничего не было известно о замке на решётке. Оставалось только надеяться, что любопытство Хинга победит, позволит решить задачу. Это было довольно сомнительно, учитывая, что Хинг всё-таки не так разумен, как Сурра, и не так проникателен, как Баку.

Индеец сконцентрировал всю свою волю на усилении приказа. Лицо его выражало крайнюю степень измождённости, но ему было не до внешнего вида. Горгол и Логан, видя его напряжение, хранили почтительное молчание, хотя и не понимали, в чём причина этого нечеловеческого напряжения.

Хинг распластался вдоль засова и тянул лапками какое-то кольцо из замка. Шторм не слышал звяканья металла. Но видел, как дрожит от усилия тело зверька. Хинг взвизгнул. То ли на него слишком давила воля Повелителя, то ли его злил упрямый замок. Однако меркот не сдавался, вцепившись в замок теперь уже и зубами и шипя, как раздосадованная Сурра. В конце концов, может, Хинг нажал в нужную точку, а может быть, его силёнок наконец хватило, чтобы сдвинуть засов, этого Шторм так никогда и не узнал, но что-то вспыхнуло, звякнуло, и Хинг с воплем

скатился вниз на землю одновременно с падающим засовом.

Решётка распахнулась. Землянин ввалился в сад и понял, что больше не может стоять на ногах. Он хотел было сказать Горголу, чтобы тот вёл лошадей, но не смог даже поднять руки для жеста. Горгол заботливо уложил Шторма на дёрн. Тот бессмысленно смотрел перед собой, не видя ничего кроме кружащихся туманных пятен.

— Какое странное место, — голос Логана затерялся в необозримой дали сада.

Вздых был не просто свеж, он благоухал ароматами. Резкие, приятные, щекочущие запахи. Словно кто-то собрал все душистые растения из нескольких миров и поместил их в одном саду.

Насколько они поняли, это место действительно было создано кем-то... или чем-то? Шторм, преодолевая слабость и опираясь на руку Горгола, встал. Неподалёку Сурра танцевала вокруг шарообразного куста, увешанного чашками пурпурных цветков. Глаза песчаной кошки были полужакрыты, она в немом экстазе втягивала волнуемый аромат цветков. А лошади мирно щипали зелёную траву. Ту самую, привезённую с родины индейца, с Земли.

Шторм высвободился из рук Норби и припал к сосне. Запах иголок и смолы, куда более чудесный, чем все экзотические ароматы. Это была самая настоящая земная сосна, она росла точно посередине треугольной площадки, отведенной под растения с Земли. Не выпуская сосновый ствол из объятий, землянин осмотрелся. Вокруг цвели пышные розы, свешивались кисти сирени, это знакомые цветы, а дальше — неизвестные, все в полном цвету, все душистые, просто невероятная смесь.

Логан вертел исцарапанным лицом во все стороны. Ему это место казалось подозрительным.

— Что это всё значит?

— Это растения с Земли! Они все из моего мира! — Шторм раскинул руки в восторге. — Но как они попали сюда, я не понимаю.

— Куда — СЮДА? Что ЭТО такое? К тому же вон те растения, по-моему, не с Земли, — Логан взял землянина за руку и потащил в боковую аллею через заросли незнакомых трав.

Он был прав. Синеватые кустистые образования со скрученными листьями, какие-то странные полосатые цветы — если только эти разбросанные тарелки можно было назвать цветами — всё это явно было неземным. Шторм не видел таких растений нигде в галактике.

Горгол уселся на лужайке, рядом с пасущимися лошадьми.

«Очень много растений. Все разные». Шторм присел рядом, вновь поглаживая сосну. Не то, чтобы он сильно устал, скорее не ожидал встретить здесь такое чудо. Ему казалось, что он видит необычный, но чудесный сон.

Совсем рядом с решёткой ворот в саду было видно ещё два больших и совершенно разных участка, где произрастали невиданные травы и кусты. Некоторые выглядели уродливо, но все пахли приятно.

Логан вытер вспотевший лоб забинтованными руками.

— Что-то здесь не так, — он неторопливо брёл по саду, как и сам Шторм. Облачко переливающихся точек взвилось над развесистым растением цвета слоновой кости. Трепеща крылышками, они перелетели на другую ветку. Что это было? Птицы или насекомые? Или и то, и другое?

Логан наконец придумал собственное объяснение.

— На некоторых планетах держат собранных из других миров животных. Такие места называют зоопарками. По-моему, в этом месте — такой же зоопарк, только собраны здесь не звери из разных миров, а растения, — тут он посчитал видимые поблизости участки сада: — Раз, два, три, четыре... Это всё разные участки флоры.

Шторм согласился с ним. Горгол дотронулся до костяных веток куста с летающими цветами, отдёргнул руку. Понюхав пальцы, он блаженно улыбнулся. Как Сурра, когда та опьянённо нюхала пурпурные колокольчики.

Кстати, где Сурра? Индеец огляделся, но песчаной кошки и след простыл. Шторм прислонил затылок к стволу сосны, перебирая пальцами хвоинки на подстилке из дёрна. Можно не смотреть вокруг, на это сборище чужих трав и деревьев. Можно просто поднять глаза на этот зелёный хвойный шатёр. И тогда легко покажется: я дома.

Горгол с Логаном отправились осматривать окрестности. Землянин был рад остаться один. Он вытянулся под деревом на матрасе из мягких увядших иголок и крепко, без всяких снов, заснул, хотя подобие дня в этом месте не желало клониться к вечеру.

— ...это самая большая коллекция растений, какую только можно придумать, — рядом со Штормом лежал Логан. Горгол также валялся неподалёку на той же подстилке из дёрна и хвои. Было по-прежнему светло, хотя они пробыли в пещере с садом уже довольно много часов.

— У меня складывается впечатление, будто эту гору специально выдолбили когда-то для того, чтобы сохранить здесь сад, — продолжал Логан. — Мы насчитали около шестидесяти разных секторов. Из них два — водяные сады. Ещё тут есть фруктовые сады и виноградники. Просто загляденье! — Логан выразительно посмотрел на скудные запасы еды, оставшиеся у них.

— А животные?

— Нет! Только птицы и насекомые. Из животных только твоя кошка. Мы видели, как она гоняла по дорожкам какой-то большой клубок из чего-то вроде мха. По-моему, она сошла с ума. Увидела нас и убежала, как будто мы — завоеватели с Ксика и в руках у нас те духовушки.

— Непонятно, как это всё растёт само по себе, веками, без заботливого ухода, — задумался Шторм. Он повертел в руках золотистое кольцо мягкого плода, принесённого Логаном. — Ты прав, здесь — ботанический сад с образцами растений, собранными по всей Галактике. Вот это кольцо — так называемое «золотое яблоко» с Астрана. А те чёрные ягоды растут на Сириусе-Три. Но кто-то же должен

ухаживать за этим садом. Иначе здесь всё давно бы одичало и заросло. А все эти растения требуют индивидуального ухода.

— Может, здешний воздух действует на них положительно, и всё растёт само собой. И этот странный свет может влиять на их рост, — тут Логан вытянул руку и показал землянину ладонь. Повязка была снята, а страшные порезы не только подсохли, но почти совсем затянулись. Потом Логан повернулся к Горголу, — покажи Шторму свою руку.

Норби обнажил плечо. Рана от стрелы превратилась в красное пятно, сустав мог шевелиться вполне свободно.

— А как ты себя чувствуешь, Шторм?

Индеец прислушался к себе. Он действительно ощущал улучшение самочувствия, но до этого только подсознательно. Теперь же, когда Логан заметил чудесное свойство сада, Шторм несказанно удивился: нечеловеческая усталость, преследовавшая его до самых врат этого Эдема, куда-то исчезла. Более того, юноша понял, что уже давно не был так бодр и жизнерадостен. Ему хотелось кататься по траве и радостно визжать, подобно Сурре.

Логан не стал дожидаться ответа:

— Ну, понял в чём дело, да? Здесь какой-то особый воздух. Или растения тоже влияют. Они помогают снять усталость, лечат твои болячки. А что, если это место только замаскировано под ботанический сад, а на самом деле предназначено для других целей?

— Отсюда должен быть выход.

— Мы видели целых три выхода. Из них два перегорожены такими же решётками. Но третий вселяет большие надежды.

— Почему?

— Он замурован. Понимаешь, в легендах про Запечатанные Пещеры говорится, что их обитатели именно так перекрывали выходы наружу.

Шторм знал, что им следует пойти и осмотреть этот

запечатанный выход. Но его охватила неслыханная лень. Он желал только одного: лежать под деревом и смотреть на щиплющих траву лошадей. Горгол и Логан прилегли рядом и тоже не больно-то рвались действовать немедленно. Здесь было так чудесно, вокруг царил полный покой. Они достигли Рая, теперь некуда спешить.

Горгол поднялся, вытряхивая хвоинки из-под пояса. Он ещё раз осмотрел сад, затем повернулся к Шторму. Пальцы Норби зашевелились. Землянин видел, как Горгол подбигрывает нужные жесты, повторяя их по нескольку раз, чтобы юноша правильно понял, насколько важно сказанное:

«Это — ловушка. Большая ловушка».

Глава 14

— Ловушка? — переспросил Логан безо всякого интереса.

Шторм тоже сомневался, что этот сад — ловушка. Он видел множество ловушек, весьма хитроумных. Они были не такие. Но к предупреждению следовало прислушаться.

«В чём смысл этой ловушки?»

«Ты чувствуешь себя счастливым — ты остаёшься здесь — и ты никогда никуда не уйдёшь», — Горгол снова повторял каждый жест по два раза.

«А разве ты сам не хочешь остаться здесь?» — удивился землянин.

Горгол коснулся остатков собранных фруктов и показал:

«Хорошо!»

Он обвёл руками полукруг, затем подобрал несколько хвоинок:

«Это всё — хорошо. Но это — не моё. Здесь чувствуешь себя хорошо. Но это место — не для Горгола, — он пытался предметными жестами объяснить абстрактную идею. — Это место — для тебя. Поэтому оно — держит тебя».

Горгол был прав. Отдалённый укол тревоги теперь

завучал в Шторме на полную громкость. Какой должна быть приманка в ловушке для человека, потерявшего родину? Она должна быть кусочком утраченной родины. Даже если эта ловушка создана не специально для землянина, это всё равно ловушка. Он вскочил.

— Где эта запечатанная дверь?

Ему стоило огромных усилий не обернуться к покачивавшейся зелёной кроне.

— Так ты думаешь, Горгол прав?

— Об этом не думают, это чувствуют, — ответил Шторм. — Хотя, возможно, те, кто создавал этот сад, не замыслили ловушку.

Он хлопнул ладонью по крупу коня, заставляя Дождя подняться с травы. Они вышли на дорожку, разделявшую секторы земных и неземных растений. Индеец издал клич сбора, требовательный и повелительный. Он пользовался этим сигналом только по особым случаям.

— Са-а-а-а!

В садах откликнулось эхо, взлетели птицы-цветы, закружились насекомые, вскоре снова осев на ветки.

Шторм повёл коня под уздцы. Скорее прочь от кусочка Земли. В нём снова поднималась горечь и злость против врага снаружи. Значит, завоеватели уверены, что полностью уничтожили Землю? Так вот, они ошибаются! Потому что они не уничтожили землян! Он торопливо пересекал дорожку за дорожкой, сознательно путая направления, чтобы уничтожить даже возможность вернуться назад, к кусочку Земли. Дважды он звал Сурру. На зов пришёл Хинг, он сновал рядом, рылся в грядках, но не упорствовал и двигался вперёд. Лошади семенили за Дождём. Так они проходили сектор за сектором. Некоторые растения Шторм узнавал — образцы неземной жизни с разных планет.

— Уже недолго осталось идти, — подбодрил его Логан. — Сейчас будут сад с красными деревьями и водяной сад. Я не знаю, с каких они планет. Да вот они, посмотри сам!

Шторм взглянул в указанном направлении. Толстые деревья с красной корой были разбросаны среди бурых камней. Чёрная тропа вела к арке, сложенной из каменных блоков толщиной и шириной в полметра. Арка была сплошь замурована такими же блоками. Под нажимом его руки стена ничуть не подалась, и землянин задумался, каким же инструментом её можно разрушить.

Ножами? Вряд ли нож одолеет этот материал. Бластером? Следовало беречь заряды. Значит, вначале всё-таки придётся попробовать ножи.

Через четверть часа, вспотевший и ничего не добившийся, Шторм признал, что от ковыряния ножами проку нет. Пришло время опробовать бластер. Это, конечно, не деструктор. Но поставленный на максимальную мощность, он, возможно, пробьёт отверстие в самом блоке, а не в связывающем его материале.

Шторм приказал всем отойти, лёг на дорожку и навёл бластер завоевателей на ряд камней посередине стены, прямо под верхним изгибом арки. Нажав курок, юноша почувствовал отдачу от выстрела. Однако он твёрдо держал бластер ксиканцев во время всего выстрела. Огненная молния ударила в стену.

Наверное, целую минуту пламя отражалось от стены и горячая волна почти ослепила Шторма. По краям лучевого пятна выступила желтоватая пена, расходящаяся к неосвещённой части арки. Потом пятно стало краснеть, повалил густой дым. Шторм закашлялся, глаза его слезились. Но он не отводил бластера, держа ствол нацеленным на одну и ту же точку в стене, пока не повёл луч вниз, постепенно отпуская курок.

Луч замигал, это значило, что заряды израсходованы. Что, если Шторм не рассчитал и растратил их впустую? Что, если они так и не выберутся? Он продолжал нажимать на курок, пока не осознал, что оружие никак не реагирует.

Однако, к его отчаянию, стена осталась такой же, как и до выстрела. На ней всего лишь появилась обожжённая

полоса. Но Шторм не желал верить в худшее. Он взял наперевес ненужный теперь бластер и ринулся на горячую кладку. Не обращая внимания на жар, индеец с силой вогнал приклад прямо в выжженную полосу.

Землянина всего потряс удар, когда металл оружия врезался в камень преграды. Но приклад бластера выдержал. Зато камни чуть-чуть поддались — целый блок, обожжённый выстрелом, сдвинулся наружу. Правда, с точки зрения Шторма он сдвинулся совсем на немного. Но — сдвинулся. Ободрённый, Шторм ударил ещё раз. Несколько блоков раскололись, но не в местах соединения, а по самим камням прошли трещины. Что лишний раз доказывало: материал, которым пользовались неизвестные обитатели Запечатанных Пещер, был прочнее любых естественных продуктов.

Перед вторым броском на стену Шторм выждал, пока камни не остынут. Дым рассеялся. То ли его унесло ветром, то ли он был поглощён этим особым воздухом самой пещеры. Неподальёку зашевелился незнакомый куст с листьями-шнурами. Они радужно переливались и трепетали, пока из-за растения выбиралась Сурра. Шерсть дыбом, глаза одурманенные и томные. Пошатываясь, она вышла на дорожку перед Штормом.

Он почесал кошку за ухом, погладил по хребту и зашептал слова ободрения. Было удивительно, что Сурра, опьянённая каким-то запахом неизвестного растения, всё-таки отозвалась на команду. С кошками никогда ничего не бывает известно наверняка, их независимость не позволяет сделать из кошки слугу. Компаньона, друга, соратника — да. Но никогда — слугу. Каждый раз, когда Сурра выполняла просьбы или указания, Шторм понимал: она повинуется собственной воле, а не воле человека. И невозможно было сказать, сколько ещё она будет делать вид, что слушается Шторма. Но сейчас, отвечая на ласку, Сурра замурлыкала, проводя когтистой лапой по руке Шторма. Пещера-ловушка не поймала Сурру.

Прежде чем начать пробиваться наружу, отряд собрал в саду запас фруктов и наполнил фляжки водой, благо неподалёку нашлось озерко с небольшим водопадом. После этого, работая втроем, они постепенно расширили в стене отверстие, вполне достаточное для того, чтобы выбраться.

Логан не ошибся: перед ними лежал не туннель. Вход в запечатанную — а теперь распечатанную — пещеру резко обрывался прямо в сияющий Арзорский день. Одну за другой, они вывели лошадей сквозь пролом. Горгол, вышедший первым на разведку, вернулся радостным и энергично заработал пальцами:

«Я знаю это место! Здесь я убил Злого Летуна — во время моей первой мужской охоты. Отсюда есть дорога!»

Они вышли в небольшую и очень узкую долинку между двумя горами. Растений здесь почти не было, одни только горячие солнечные лучи плясали по скальным утёсам. Высохший ландшафт сразу напомнил об изобилии садов, оставленных позади, в пещере. Движимый грустью, Шторм вернулся и стал заделывать вход в пещеру, аккуратно вставляя выбитые блоки на прежние места. Логан взялся помогать Шторму. Губы Логана, да и всё лицо, зажили настолько, что теперь он мог безболезненно улыбаться.

— Пусть обитатели Запечатанных Пещер останутся со своими тайнами. Жаль выставять такое замечательное укрытие на общее обозрение. Нам самим эта пещера ещё может пригодиться.

Никто, однако, не думал, что в самом скором будущем пещера действительно пригодится им ещё раз.

Горгол оседлал одну из лошадей и направил её на юг долины. Ещё одна лошадь несла Логана. На третьего коня погрузили запасы еды. Но когда Шторм вскочил на Дождя, Сурра с боевым кличем прыгнула перед лошадей Горгола, развернувшись к дальнему концу долины — уши наострены, шерсть взъерошена, глаза сверкают, а из оскаленной пасти вырвалось шипение, как перед боем.

В ответ раздалось такое же шипение. Горгол выхватил станнер и навёл его на жёлто-серую массу, внезапно отделившуюся от общего фона скал и устремившуюся к отряду. Необузданная ярость слышалась в шипении твари. Шторм не успел ещё как следует разглядеть её, когда Горгол выстрелил.

Йорис, наткнувшись на парализующий заряд, завизжал, закрутился на месте и обмяк. Горгол же принялся успокаивать свою взбесившуюся от страха лошадь. Перепуганная лошадка Логана тоже пустилась вскачь. У того не было ни седла, ни поводьев, чтобы удержаться. Не в силах заставить лошадь недавно выздоровевшими руками слушаться себя, Логан скатился с неё и закувыркался по склону. В это время из-за скалы появился ещё один йорис, так же разъярённо шипящий и жаждущий смерти, как и его предшественник.

Стрела Шторма вонзилась прямо в незащищённое пятно на шее гигантской ящерицы (всего у этих рептилий три уязвимых места на теле). Но йорис не был убит. Щёлкая смертоносными челюстями, бившаяся в агонии тварь рванулась к Логану, и тот с криком отпрянул — алая кровь заструилась по его ноге. Подоспевший Горгол выстрелил в йориса из станнера и тварь затихла. Однако Норби, не обращая внимания на йориса, бросился к Логану.

Куэйд-младший был бледен. Он обхватил обеими руками ногу чуть выше раны, а его голубые глаза, устремлённые на Шторма, были пугающе пустыми.

Горгол достал нож и проворно срезал полоску кожи с пояса. Расстегнув ботинок на ноге Логана, он отбросил ненужную теперь обувь прочь. Срезанным ремешком Норби перетянул рану и как можно крепче завязал узел. Затем он подошёл к убитому йорису, заглянул тому в пасть. За кратким осмотром последовало немедленное решение: Горгол срезал внушительный пласт мяса из бока йориса и приложил его к ране Логана.

— Этот йорис — самец, — проговорил, стиснув зубы, Логан. — Ядовитый.

Шторм похолодел. В его аптечке не было никакого снадобья от яда йориса. А по слухам, при отравлении этим ядом надеяться было почти не на что. Однако Горгол делал утешительные знаки:

«Сейчас мясо вытянет яд, — он указал на приложенный к ране кусок. — Скоро он не сможет ехать, не сможет идти. Ему нужно быть в покое. Скоро ему станет плохо».

Логан силился улыбнуться:

— Подумать только, говорит такие вещи, а кажется, будто просто складывает пальцы веером. Да, дружище, похоже я вляпался...

Его голос внезапно оборвался, бледность приобрела устрашающий серый оттенок, словно Логан никогда не был смуглым. Его руки и ноги сводила судорога, которую, очевидно, он не в силах был унять. Тоненькая струйка крови показалась из уголка его губ.

Горгол срезал новый кусок мяса из бока йориса и заменил им прежний. На первом куске среди красного цвета крови отчётливо выделялось голубое пятно:

«Яд — выходит», — пояснил Горгол.

Шторм не знал, смогут ли они таким способом извлечь из раны весь яд. Логан больше не шевелился. Уронив обмякшую голову, он коротко со всхлипыванием дышал, рёбра вздымались учащённо и тяжело. Испарина холодными каплями струилась по его коже. Он потерял сознание, решил Шторм.

Ещё четыре раза Горгол прикладывал к ране свежие куски мяса йориса. Наконец никакого голубого пятна на мясе не оказалось, яд был выкачан из раны. Однако Логан по-прежнему лежал неподвижно, только неровное дыхание вздымало его грудь.

«Яда больше нет. Он спит», — сообщил Горгол.

«Он проснётся?»

Горгол взглянул на бессознательного всадника и поднял вверх два пальца:

«Может быть, столько дней пройдёт — но пока он не может двигаться. Он проснётся — ему больше ничего не останется. Но сейчас ему нельзя двигаться — нельзя ходить — нельзя ехать».

Шторм заговорил, но, спохватившись, перешёл на жесты:

«Тогда слушай. Ты расскажешь мне, как найти дорогу. Ты останешься здесь с Логаном. Я найду подмогу и вернусь. Ты с Логаном будешь ждать меня в пещерном саду».

«Я буду ждать твою помощь, — понимающе закивал Горгол. — Буду охранять Логана. Ещё надо рассказать тебе о Злых Летунах».

Вдвоём они перенесли Логана к ими же запечатанной пещере. Горгол на песке нарисовал землянину план-карту местности с проложенным маршрутом.

Шторм запомнил детали и поспешил выехать. Он посакал на Дожде. Сурра осталась в пещере. Индеец надеялся, что Баку отыщется где-нибудь в небесах. Отсутствие песчаной кошки позволяло скакать во весь опор, не дожидаясь, пока Сурра приноровится к конскому галопу.

Он взял с собой только две фляжки воды, пакетик с НЗ, лук и колчан. Поколебавшись, брать или не брать предложенный Горголом станнер, Шторм решил отказаться, так как вспомнил одно из суеверий Норби: нельзя передать другому оружие, при этом оно теряет магическую силу. К тому же оставлять Горгола без средств защиты было нельзя: в любую минуту здесь могли появиться патрули завоевателей с Ксика.

Перед отъездом Шторм осмотрел Логана. Тот был без сознания, но дыхание выровнялось, и можно было надеяться, что обморок скоро закончится. Если яд не успел пройти далеко, Логан обязательно поправится. В конце концов, у поселенцев обязательно имелось противоядие от йорисов. Землянину оставалось только привезти это средство Логану.

Итак, Шторм пустился в путь. Занимался рассвет, дорога предстояла неизвестная, опираться приходилось только на карту Норби. Впрочем, Горгол также составил её по памяти двухлетней давности, когда он охотился за Злым Летуном. Вскоре индеец проехал мимо туш убитых йорисов.

На скаку он мысленно звал Баку, но с небес не пришло никакого ответа. Не слышалось дружеского хлопанья крыльев, не доносился ответный клёкот. Шторм боялся, что орлица попала под выстрелы завоевателей и погибла. Только теперь он начал понимать, как сильно зависел от помощи своей команды. Ему сейчас очень помогла бы Сурра, с её чутьём, с её умением ориентироваться, с её острым слухом и зрением.

Извилистая и неровная тропа, по уверению Горгола, должна была привести Шторма к подножию гор где-то на закате. Индеец не заметил следов пребывания в низине ни завоевателей с Ксика, ни воинов Нитра. Правда, дважды он пересекал свежий след прошедшего йориса, а на скале увидел отметины когтей, которые могли принадлежать только чудовищу, зовущемуся у Норби Злым Летуном.

Он остановился на ночь в небольшой балке. Там было совсем сухо, и Шторм разделил содержимое фляжки с водой между собой и Дождём. Конь попробовал сжевать несколько сухих побегов травы, жёстких и коричневых от жары. Но утром похолодало и в небе собрались облака. Шторм поспешил покинуть привал, памятуя, что разразившийся дождь может затопить низину, Его воображение живо нарисовало картину очередного потопа, который мог смыть и коня, и всадника.

Утро готово было смениться днём, а собравшиеся облака всё ещё не пролились на землю потоками дождя. Шторм наконец выехал на равнину, тянувшуюся до самого подножья гор Пикс. Логан говорил, что где-то здесь находятся посты связи, той самой срочной связи, которая позволит землянину оповестить всех поселенцев в районе Пикс.

Шторм должен был найти хоть один пост до наступления темноты.

Однако первым, до чего добрался Шторм, оказалась деревня Норби. Когда река Стаффа преградила ему путь, он поехал вдоль её западного берега, надеясь, что искомый пункт связи окажется не столь удалённым от источника воды. Завидев издали круглые крыши хижин Норби, юноша закинул за спину лук, чтобы часовой издали увидел: гость безоружен. Землянин выждал, но по мере его приближения к деревне никакого оклика часового не последовало. И возле хижин не было видно воинов. Неестественная тишина заставила Шторма остановиться.

Норби никогда не строят постоянных деревень. Можно обнаружить следы прежних стоянок Норби вдоль рек по всей стране. Но когда племя переезжает на новое место, тенты хижин собирают и увозят с собой, их не бросают, потому что покрытие и основание считаются показателем достатка каждой семьи Норби.

Алые ленточки на самом высоком шесте над самой большой хижинкой указывали, что здесь живёт клан Шошонна, родной клан Горгола и дружественный к поселенцам. Может быть, на деревню совершило набег племя Нитра? Или это снова завоеватели с Ксика? Шторм медленно ехал между хижин, как вдруг прямо из небесной выси раздалось:

— Эй, всадник! Веди себя хорошо. Стой, где стоишь, и подними руки вверх.

Ледяные нотки в звучавшем из ниоткуда голосе вынудили Шторма повиноваться, по крайней мере, до выяснения обстоятельств. Землянин поднял руки, показывая, что в ладонях ничего нет. Он обвёл взглядом небо и землю, ища кричавшего. Никого не было видно.

— Эй, приятель! Мы видим тебя в дальновизор.

Вот оно что! Уверенность Шторма в своей квалификации разведчика чуть ожила. Наблюдатель с дальновизором может находиться в миле отсюда. Поэтому он и не заметил

тех, кто засёк его продвижение. Но кем были остановившие Шторма незнакомцы? Местные сторонники завоевателей с Ксика? Поселенцы? Оставалось лишь гадать.

Дождь зафыркал и полуобернулся к индейцу, как будто спрашивая, чего ждёт седок. Шторм всё ещё осматривал пространство перед ним, ощупывая взглядом прогалины, колыхавшуюся траву на равнине, берег реки. Он весь негодовал. Сейчас было не до игры в прятки. Чем скорее Логан получит противоядие, тем лучше. К тому же информацию о форпосте ксиканцев, высадившихся на Арзоре, следовало передать немедленно.

Постепенно его руки опустились — у него больше не было сил держать их и дальше поднятыми. Наверное, это послужило сигналом к действию, которого ждали трое незнакомцев. Они вышли из хижины вождя и зашагали к Шторму. Три станнера были направлены прямо ему в грудь.

— Думарой! — изумился Шторм. — И Бистер.

Эту компанию он никак не ожидал увидеть здесь.

Колл Бистер замедлил шаг, и Шторм понял: его узнали. Высказывание Бистера подтвердило это:

— Точно, он — тот псих с Земли, про которого я вам говорил, — Бистер нарочно говорил громко, чтобы Шторм слышал. — Ездит в обнимку с этими козлами, Норби. Не расстанётся с ними аж до самого Кроссина. Похоже, парень совсем голову потерял на почве дружбы с рогатым скотом.

Думарой шагал решительно и казался не менее опасным, чем разъярённый якобык. Землянин знал этот тип поселенцев: если уж он что-то задумал, его уже ничем не свернёшь.

Шторм заговорил тихим мягким тоном.

— Рад видеть вас, Думарой. Но почему вы меня задержали? Когда я доберусь до Пикс...

Шторму однажды уже довелось побывать мишенью для станнера. Каковы бывают последствия попадания выстре-

ла из этого оружия в человека, юноша знал по себе. И всё-таки в прошлый раз луч задел его только краешком, а не на полную мощность. Сейчас же это был не просто удар. Это было похоже на чувство, настигшее Шторма во время выстрела завоевательской «трубы». Он не знал, что выпал из седла, не знал, сколько времени пролежал на земле, пока сумасшедшее небо вращалось в его глазах и чужие голоса отдавались в ушах нестерпимым грохотом.

Чьи-то руки обыскивали его, связали запястья. А он постепенно проваливался в небытие. Последней мыслью было: стрелявший из станнера не предупредил о нападении. У этого стрелявшего было широкое лицо Бистера. Но что-то в этом лице было неправильным, что-то не так было в лице Бистера. И Шторм понимал, как важно узнать, что же не так было в лице Бистера.

Глава 15

Невыносимая боль — она всегда приходит к тому, в кого стреляют из станнера, — пульсировала под веками. Глаза невозможно было разлепить. Но нечто очень важное, чрезвычайно срочное толкало Шторма. Он спешил вернуть контроль над телом и разумом, и вскоре понял, что лежит на земле, связанный. Каждое движение, каждая попытка ослабить путы отзывалась болью в голове.

Вечерело. Индеец сквозь приоткрытые веки ощутил приглушённый свет уходящего дня. Вокруг ходили, разговаривали, пересмеивались, топали копытами. Явно наездники на привале. Слабость не проходила, однако Шторм начал чутко прислушиваться: любая информация могла стать полезной.

Мало-помалу он уловил из обрывков разговоров, что же здесь происходит.

А происходило именно то, чего так боялся Логан. Пастухи из поместья Думароя пустились на поиски пропавших животных, и следы привели прямо в деревню

клана Шошонна, которую Шторм видел на берегу реки. Собравшиеся пастухи напали на деревню, желая отомстить за угон скота. К счастью, Норби успели скрыться, никого из местных не убили. Только сами пастухи, преследовавшие Норби по пустыне, пострадали: двое были ранены стрелами.

Думарой жаждал крови, намереваясь выследить Шошоннов в горах и хорошенько проучить негодных воров. Он передал сообщение, в котором призывал всех поселенцев, способных держать оружие, собраться для обороны, потому что во время набега пастухи обнаружили, как следы клана Шошонна пересеклись со следами охотников клана Нитра. Судя по всему, два племени объединились, чтобы совместно выступить против поселенцев.

Стоит произойти хотя бы одному настоящему сражению между поселенцами и местными племенами, и план завоевателей с Ксика пойдёт как по маслу. Их десант и дальше будет провоцировать обе стороны на столкновения: сами же завоеватели при этом не понесут никаких потерь. Если Землянин не доберётся до поселенцев; так и случится... Хотя, может быть, Думарой передумает воевать и дождётся вызова офицеров Корпуса Мира, если Шторм расскажет ему, как в действительности обстоят дела. Какую роль играет в этом конфликте Бистер, юноша не мог понять, но был уверен, что тот здесь не случайно. Ведь именно Бистер выстрелил в Шторма из станнера, не позволив юноше даже раскрыть рта. И наверняка, пока Шторм лежал без сознания, Бистер придумал какое-нибудь объяснение своему поступку. Мол, землянина надо было обезвредить, поэтому стрелял без предупреждения, мол, Шторм опасен, и его следует держать как пленника.

То, что индеец дружил с местным племенем, не могло служить серьёзным поводом к тому, чтобы стрелять в него. Множество поселенцев так же были в хороших отношениях с местными. Или Бистер сказал Думарою, будто Шторм неуправляем из-за сорванной психики, ведь он — земля-

нин, а значит, не отправился от шока? Но это вряд ли убедило бы кого-нибудь. Поселенцы знали об его восстановлении в Центре. Да и сам Бистер путешествовал в Кроссин из Порты вместе со Штурмом. Нет, в такую выдумку здесь никто не поверит.

Юноша не мог приподнять голову выше, чем на дюйм от земли, поэтому его поле зрения было весьма ограничено. Люди, которых он видел у коновязи, были ему сплошь незнакомы. В предгорьях Пикс находится ранчо Дорта Лансина. И если Дорт выступил в поддержку Думароя, скоро он должен прискакать сюда. Дорт поддерживал мирные отношения с Норби и мог бы сказать несколько слов в защиту Штурма. Если, конечно, не слишком поздно будет что-либо говорить, когда Дорт прискачет.

Бистер! Сам Бистер шёл к Штурму. Инстинктивно индеец прикрыл глаза и ощутил, как тот подёргал верёвку, стягивающую его лодыжки. Дёргание отозвалось болезненными толчками под черепной коробкой. Но землянин остался лежать неподвижно. Потом Бистер подёргал путы на запястьях — снова пульсирующие толчки в голове — и, довольно хмыкнув, затопал прочь. Штурм поднял веки. Бистер стоял неподалёку и смотрел на приближающуюся вереницу всадников.

Штурм оценивал Бистера как потенциального противника. Почему тот проникся столь сильной неприязнью к землянину, было непонятно. Однако давно уже стало ясно, что Бистер возненавидел его с первого взгляда. Насколько он понимал Бистера, тот мог завидовать разве что физическому превосходству. Но во время их первой стычки Штурм победил с трудом, да и потом Бистер пытался выяснить отношения не в прямой схватке, а натравливая на землянина других. Но у него сильное тело, он хороший охотник — зачем Бистеру вмешивать в выяснение отношений других? Может быть, он не тот, за кого себя выдаёт?

В мозгу Штурма вспыхнуло подозрение, поначалу неоформившееся, но по мере рассмотрения вполне

обоснованное. Шторм даже судорожно вздохнул. По счастью, Бистер не услышал этого, так как был отвлечён приехавшими всадниками.

В последние дни войны землянин часто слышал рассказы о хирургических уловках завоевателей с Ксика. Исчерпав хитроумные приёмы создания оружия, споткнувшись на безуспешной тактике ведения войны, завоеватели не успокоились. В Реабилитационном Центре также ходили подобные слухи об искусстве завоевателей. Они изготавливали псевдолюдей!

При помощи хирургических операций или при помощи специальной психологической подготовки завоеватели создавали из собственных солдат подобие людей. Таких псевдолюдей они пытались заслать на службу в войска Конфедерации, где те, разумеется, могли стать опаснейшими разведчиками. Если Бистер — такой псевдочеловек, то наверняка он обладает многими способностями. В том числе, например, имеет дар Повелителя зверей, знает приёмы магии, навыки борьбы и выживания.

В войсках Конфедерации рассказы о псевдолюдях всегда пресекались как необоснованные слухи. Психологи и просто врачи отрицали возможность создания псевдолюдей на Ксике. По современным данным такое невозможно, утверждали они. Но в том-то и дело, что врачи оперировали устаревшими «современными данными».

Тем временем, пока Шторм размышлял о псевдолюдях и оценивал опасность их появления на Арзоре, произошло событие не менее опасное по причине непонятности. Бистер вновь приблизился к юноше и принялся распутывать верёвки на его запястьях и лодыжках, явно освобождая пленника от пут. Освобождать того, кому желаешь смерти? Нет, скорее всего Бистер просто не хочет выказывать вражду прилюдно. Да, он выстрелил из станнера во время встречи в деревне Шошонна, но не применял смертельного оружия. А вот когда пленник попытается скрыться, его очень убедительно можно будет пырнуть ножом в сердце. Или застрелить...

Послышался голос одного из поселенцев:

— Брэд Куэйд страшно разозлился, Думарой! Он сейчас движется вверх по реке, и с ним офицер Корпуса Мира. Если ты не прекратишь преследование племени Норби, тебя доставят в Гальвади для объяснений. Лучше оставь эту затею, Думарой. Во всяком случае, я с тобой в горы не пойду. Тем более, что сюда едет Брэд Куэйд.

— Можешь лизать ботинки своему Брэду Куэйду, Джефф. Тебе это нравится, так мы не будем тебя останавливать. Но никто в Бэйсине не посмеет указывать, что нам делать на своей земле здесь, в Пикс! Это наше дело, как обращаться со своим добром и как вести дела с рогатыми ворами! Да у меня всё стадо угнали эти козлы! Вот что я скажу офицерам любых Корпусов Мира! А что касается Брэда Куэйда, то пусть он занимается своим делом и не лезет в чужие. Где болтается его сынок? Ставлю пять кредиток против ничего на то, что Логан сейчас покуривает трубку в каком-нибудь Дворце Грома с племенем Нитра. Так вот, я говорю: на рассвете мы выступаем в горы, а кто не с нами, может убраться сию минуту.

Раздались протестующие голоса. Шторм изо всех сил вслушивался. Вояки, собранные Думароем, далеко не так сильно ненавидели Норби, как предводитель похода.

— Ладно, ладно! — прикрикнул на них Думарой. — Все, кто трусит, берите своих лошадей и скачите вон отсюда. И ты, Джефф, и ты, Хайк, и ты, Паласко! Но когда у вас уведут стада, не приходите ко мне жаловаться, не показывайте мне следы этих козлов на ваших пастбищах! Идите тогда и обнимайтесь с вашим Брэдом Куэйдом. Он вам на пальчиках объяснит, какие Норби хорошие ребята!

— Думарой, повторяю тебе: если ты поведёшь людей в горы, у нас у всех будут большие неприятности. Лучше дождись Брэда Куэйда с офицером Корпуса Мира, выслушай, что они скажут, ждать ведь недолго. Они доскачут сюда к утру.

— Убирайтесь! — раздался рёв Думароя. — Вон отсюда,

сопляки! Брэд Куэйд мне не указчик! Он, может, и имеет вес в Бэйсине, но не здесь. Вон отсюда — вы все!

Шторм подумал было, не присоединиться ли к поселенцам, которые сейчас готовы бросить Думароя. Однако когда юноша попытался поднять голову, всё его тело пронзила такая боль, что сразу стало понятно, что о каком-либо движении нечего и мечтать. Землянин не смог бы избежать Колла Бистера, который немедленно взял бы его на мушку станнера. Оставалось надеяться на то, что Брэд Куэйд скоро будет здесь. Вражда, которую Шторм питал лично к Брэду, сейчас не имела значения — к ужасу индейца. Потому что против своей воли Шторм симпатизировал Брэду Куэйду значительно сильнее, чем следовало. Единственный из встреченных на Арзоре людей, Куэйд оказался способен противостоять завоевателям с Ксика, способен распознать устроенную ими заваруху. Поэтому Шторм должен попробовать теперь скрыться, но так, чтобы Бистер, предоставивший ему возможность «бежать», не смог помешать. Обязательно следовало донести информацию до Брэда Куэйда.

К счастью, из-за общей суматохи Думарой позабыл о пленнике. Никто не подходил проверить состояние связанного, никто не собирался его допрашивать. Наверное, Бистер уверил остальных, что займётся пленником сам. Странно, подумал Шторм. Люди поверили малейшему подозрению, брошенному на невиновного, словно им представили несомненные факты. Заговори он сейчас — и что он докажет этим арзорцам? Что он — землянин, потерявший разум от шока? Что он — бездомный беглец, полубезумный от страха? Они так и думали это о нём, заговори он теперь, они уверятся в своих мыслях ещё сильнее.

Шторм зашевелился, стараясь не привлечь внимания. Он старался как можно скорее прийти в себя после выстрела станнера. Его бросили за невысоким холмиком, отделявшим от него центр стоянки. Это было только на

руку. Его могли заметить лишь несколько человек поодаль, у реки, они поили коней. Ещё он находился в поле зрения нескольких поселенцев, раскладывавших по земле спальные мешки.

Даже просто поднять голову было невероятно больно. Он боялся пошевелить руками, но не потому, что они не слушались, а потому, что Бистер, наблюдая откуда-нибудь, наверняка ожидал от него движения. Но вот Шторм сумел приподнять голову, не теряя при этом сознания. Было уже почти темно. Ночью на стороне индейца будет больше преимуществ, тогда он и попытается ускользнуть от Колла Бистера.

Но Думарой вспомнил о пленном до прихода ночи. Шторм снова прикрыл глаза, изображая отупение человека, не оправившегося после выстрела из станнера.

— Долго же он не может очухаться, — озадаченно произнёс Думарой. В ответ заговорил Бистер. Слушая, Шторм уловил еле заметный акцент.

— Он — землянин. Земляне плохо переносят станнер. Не привыкли.

— Так-то оно так. Но Старль говорил, что этот парень — бывший коммандо. А там крепкий народ. Но я всё же не понимаю, зачем ты в него стрелял, Бистер.

— Я был с ним в одной бригаде загонщиков, когда мы доставляли скот от Порты. Он — хитрый, как все земляне. И как все земляне ведёт себя вызывающе. Ты же слышал рассказы, как они разбушевались после того, как Землю сожгли? Этот парень тоже считает, что все против него. Кроме козлов-Норби, конечно же. С ними он подружился с первого дня. Я немного разузнал о нём, когда был в Кроссине. Этот парень имеет квалификацию Повелителя зверей... Может быть, ты видел, как он управлялся с лошадьми в табуне Пата Ларкина. Если такой человек снюхается с Горцами Мясоедами, да ещё если его будут поддерживать все козлы-Норби в округе, получится зверь пострашней йориса на двух ногах. Я не удивлюсь, если

узнаю, что набег Шошоннов на твоё стадо подготовил именно он. Не давай ему скрыться, пока не допросишь сам. Лучше бы запереть его где-нибудь до появления офицера Корпуса Мира.

— Он слишком слаб, чтобы держаться в седле. Присматривай за ним, Колл, и дай мне знать, если он придёт в себя. Я хочу задать ему пару-тройку вопросов.

Они отошли. Шторм осторожно расправлял затёкшие мышцы. Они болели почти так же сильно, как и голова. Итак, Бистера приставили в сторожа к землянину. Это даёт псевдочеловеку возможность избавиться от Шторма безо всякого шума. Ах, если бы где-нибудь поблизости в траве рыскала Сурра! Если бы в небе кружила Баку! «Да, я в трудном положении, — сказал себе Шторм, — но это не значит, что без животных я ничего не могу предпринять».

Невдалеке журчала река, её шум приглушал звуки, доносившиеся от стоянки. Где-то на берегу этой же реки остановился на ночь отряд Брэда Куэйда. Индеец не знал, хватит ли у него сил удержаться на лошади — даже на послушном Дожде. А вот не сможет ли он доплыть?

Обычно арзорские объездчики брали с собой несколько фляжек для воды, приторачивая их к сёдлам. Однако нынешний отряд собирался в дальний поход к безводным горам и воду запасли в особых больших мехах, которые несли на спинах тягловые лошади. Такой мех для воды изготавливался из целой шкуры крупной амфибии, обитавшей в южных болотах. Норби ловили этих земноводных, снимали шкуру, сушили и после выделки сшивали особым способом. Шкуры были прозрачны и гибки, как надувные шары, они раздувались, когда в них наливали воду. Шторм видел, как дети Норби, надув такие шкуры воздухом, плавали на них, как на плотах. Если он добудет два таких меха, то сможет удержаться при самом сильном течении на поверхности воды.

Осталось только исчезнуть из поля зрения Бистера, утащив при этом две-три шкуры с водой. Думарой обязан

отдать приказ запастись водой — ведь отряд собирается выступить в горы рано утром. Наполненные водой шкуры нужно выдержать нетронутыми почти сутки, чтобы обеззараживательные таблетки сделали воду пригодной для питья. Шторм именно так и поступал, когда заготавливал впрок воду для исследовательского отряда.

Однако он всё ещё чувствовал себя очень слабым. Но, пожалуй, одного человека он сумеет одолеть. Особенно, если нападёт неожиданно. Если бы только Бистер куда-нибудь убрался! Тогда при первой возможности экс-комmando начнёт действовать.

Он пошевелил пальцами. Итак, что у него осталось из оружия? Пожалуй, только знание того, что враг — не человек. У него человеческое обличье, он ведёт себя как человек. Но это лишь наружная оболочка. Неужели эта имитация, эта подделка, Колл Бистер, мог подумать, что у Шторма больше нет ничего, что можно противопоставить завоевателю? Наверное, ненависть ослепила Колла Бистера. Ненависть, имеющая основанием страх перед Повелителем зверей, человеком, чьи качества столь необычны. Вряд ли сам Бистер такими качествами обладал. Скорее всего, он решил уничтожить Шторма именно потому, что землянин, на его взгляд, обладал повышенной интуицией, чувствительностью экстрасенса и мощью телепата. То есть, стоял значительно выше обычных людей. Колл Бистер не мог предсказать точно, что предпримет Шторм в той или иной ситуации. Нельзя было угадать, как подействует на индейца выстрел из станнера, какой приём применит землянин в открытой схватке с врагом. Одним словом, Шторм был для Бистера значительно опаснее остальных людей.

Шторм подождал, пока один из поселенцев направится к реке, неся в руках пустые меха для воды. Тогда землянин и начал представление.

Он застонал, делая вид, что никак не освободится от пут, забился в конвульсиях. Шедший обернулся, с любо-

пытством подошёл ближе и наклонился. Шторму повезло: это был не слишком сообразительный поселенец. Застонав как можно натуральней (ах, какой актёр, восхитился он собой), землянин подождал, пока человек не склонится над ним, опустив поклажу рядышком.

А потом ударил ребром ладони по шее подошедшего. Удар был неточен — юноша слишком ослабел, но поселенец упал на Шторма, потому что потерял равновесие. Экс-коммандо нажал на болевые точки — несильно, впрочем, — и человек обмяк. Казалось, целую вечность Шторм прислушивался, не раздадутся ли крики тревоги, топот бегущих ног новых нападающих. Но было тихо, и он собирал силы для следующего броска.

Оставив вместо себя лежащего поселенца, Шторм тихо откатился подальше. Подняв шкуры для воды, он постарался выдержать ровный шаг, направляясь к реке. Ещё три-четыре ярда, потом он надует шкуры и найдёт, чем их завязать, чтобы не сдувались. Надо будет перевязать отверстия в мехах какой-нибудь верёвочкой.

На берегу было шумно илюдно. Поселенцы купались, рядом пили воду лошади. Шторм прикрыл лицо связкой шкур. Каждую секунду он ждал, что раздастся крик тревоги.

Но никто не кричал. И тут Шторм увидел Дождя! Коня вместе с другими лошадьми пригнали на водопой на берегу. Ему явно не нравилось происходящее: жеребец злился и прядал ушами. Чёрный конь норовил покусать любого приблизившегося к нему. Наездник послал вперёд своего коня и пустил в ход плётку, наводя дисциплину.

Стегать Рейна плетью было неразумно. С тех пор, как Шторм выбрал себе коня, тот ни разу не побывал под плетью. Давно прошло то время, когда, ещё бегая в корале у Ларкина, Дождь мог послушаться побоев. Хотя и тогда он становился просто бешеным, если его трогали неучтиво. Теперь же жеребец оскалил зубы и поднял готовые к бою передние копыта.

Шторм проскользнул к самой воде. Внимание людей было отвлечено дерущимися лошадьми. Он видел, как Дождь бросился в воду. Шторм, держа водяные шкуры в охапке, прыгнул следом.

У берега течение показалось медленным, но на середине поток стал довольно сильным. Шторму приходилось преодолевать напор воды. Он слышал крики с берега, видел голову вынырнувшего Дождя. Конь быстро плыл — вряд ли кто-нибудь из оставшихся лошадей смог бы его догнать. Неподалёку река делала поворот и Шторм вскоре потерял коня из виду.

Побег придал ему немного сил, но теперь вновь накатилась слабость. Он только держался за полунадутые меха и молился, чтобы стоянка Брэда Куэйда оказалась не очень далеко по течению. Наступила ночь. Плечи и грудь Шторма леденил налетевший с гор холодный ветер. В горах мелькали дальние зарницы, слышались раскаты грома. Юноша надеялся, что течение выбросит его на отмель прежде, чем поток воды станет настолько быстрым, что он не сумеет выбраться сам.

Тело ныло, к тому же теперь его сводила судорога от холода. Шторм не знал, сколько прошло времени. На секунду ему стало теплее от мысли, что удалось пережить Бистера. Но только на секунду.

Луна скрылась за облаками, в редких разрывах которых проглядывали тусклые звёзды. Землянин, положив голову на надутую шкуру, лишь наполовину отдавал себе отчёт в том, что течение всё ещё несёт его на юг. Его обнюхала проплывавшая мимо большая водяная крыса. Но, возможно, запах его инопланетного тела может заинтересовать и грызунов покрупнее, как ту поплывшую дальше крысу.

Поэтому появление водяной крысы навело индейца на мысль о других обитателях арзорских рек. Здесь водились гораздо более крупные хищники, и более опасные, нежели простая крыса. Шторм принялся двигать ногами — не столько, чтобы ускорить передвижение, сколько, чтобы направить импровизированный плот к берегу.

Река делала новый поворот, довольно узкий из-за нанесённой на берег кучи веток, коряг и прочего речного мусора. Прежде чем Шторм понял, что произошло, наткнувшись на ветку шкура лопнула, он потерял равновесие и был выброшен на завал.

Он барахтался среди мокрых коряг и брёвен, пока, наконец, не почувствовал под ногами дно. Юноша собрал остатки сил и рванулся вперёд. Больше бороться он не мог и, кажется, уснул.

— ...его принесло течением...

— ...кажется, это Шторм, землянин...

— ...судя по его виду, он плыл...

Тепло и блики костра уютно перемежались с освещением, которое давала атомная лампа. Его голову поддерживала чья-то рука. Другая рука поднесла к губам чашку с бульоном. Всё плыло как во сне. Только одно лицо в этом туманном сне было чётким, настоящим. Наверное, от того, что в своих снах он слишком часто видел это лицо. И вот наконец Шторм сможет поговорить с человеком, которого он пришёл убить. Да-да! Он прошагал полгалактики, чтобы разыскать на Арзоре Брэда Куэйда и убить его! Но сейчас это намерение представлялось таким же далёким, как сражения в джунглях в трёх солнечных системах отсюда.

Шторм приподнялся. Нужно было сказать самое важное.

— Беда... Десант завоевателей с Ксика в Пикс... Норби... Думарой... Логан...

Он больше не смог ничего сказать, его лихорадило.

— Где Логан?

Но Шторм, вновь попавший во власть сна, ответил, дав выход всей своей тоске по дому:

— Земля... в саду с Земли.

Глава 16

Когда позже он пришёл в себя, оказалось, что его сообщение не было новостью для окружающих. Отряд

Брэда Куэйда подозревал что-то в этом роде. С ними был офицер Планетарного Корпуса Мира Келсон — высокий неразговорчивый человек, задававший точные вопросы. Казалось, у него в голове щёлкает собственный компьютер, настолько быстро он всё понимал, поблескивая тёмными глазами.

Шторм не без опаски рассказал о своих подозрениях насчёт Бистера. В его собственной казарме ветераны поверили бы такому рассказу, потому что им самим не раз приходилось корпеть над маскировкой. Но Планетарная Полиция никогда не сталкивалась с завоевателями в открытой войне. Бездоказательно поверить сообщению о шпионах с Ксика, живущих среди людей, полицейскому было нелегко.

Однако, к его удивлению, Келсон вытянул из него всё, что Шторм знал, с мастерством допросчика-инквизитора. И никакого удивления, никаких сомнений по поводу правдивости сообщённого! Никто из слушавших не возразил ни слова. Может быть, поселенцы были доверчивей офицера Корпуса Мира? Во всяком случае, они приняли весть о Колле Бистере.

— Бистер, — задумчиво проворчал Брэд Куэйд. — Колл Бистер. Кому известно хоть что-нибудь о нём?

— Он попал в одну бригаду со Штормом и мной, когда Пат нанимал перегонщиков из Порта. Он точно такой, каким его описывает Шторм. Мне он показался как и все другие, никаким, — первым отозвался Дорт Лансин. — И про псевдолюдей я слышал. В городе болтали, будто двоих таких поймали в последние дни войны. Они были обнаружены в войсках Конфедерации, причём проникли в командный состав. Если бы не офицеры, которые обратили на них внимание, они могли бы устроить настоящую бойню в целом галактическом секторе, они уже готовили наступление. После этого случая солдаты Конфедерации взялись проверять, не вырос ли их сосед по казарме где-нибудь в тёплом болоте. Бистер прибыл на Арзор не на том

корабле, что мы все. И Пат его раньше не знал. Вообще, неизвестно, как он попал на Арзор. Я знаю только, что сперва Бистера нанял Пат, а потом уж стали нанимать другие.

— Странная вещь — чувство вины, — сказал Келсон. — Бистер ненавидит землян. Он ненавидит Шторма, потому что тот обучен тому, что сам Бистер не может сделать. Если бы он не чувствовал на себе вины, он не стал бы преследовать Шторма. И если бы он не боялся, тоже. Итак, нам нужно захватить Бистера — завтра, или даже сегодня. Мы выступаем вслед за отрядом Думароя и будем идти за ними, пока не догоним. И нам пока не следует обострять отношения с десантом завоевателей, если такой здесь появился. Если они располагают оружием, которое описал Штурм, следует вызвать Патруль, который с ними разберётся и наведёт порядок. Вам, Куэйд, я рекомендую заняться поисками собственного сына, то есть, направиться с группой разведчиков на восток. А я с частью людей буду догонять Думароя. Полагаю, нам будет лучше разделиться.

Так они и сделали. Штурм, а с ним Куэйд и ещё двое поселенцев, пошли по боковому следу после того, как обнаружили лагерь Думароя на берегу реки пустым. У них теперь были доказательства того, что поселенец с Пикса не собирается отказываться от своего плана догнать Норби и свой пропавший табун в горах.

Штурм скакал в каком-то полузабытьи. Местность была знакома, он указывал, где удобнее проехать. Но всё это делал кто-то автоматически, как будто робот считывал маршрут с карты. Может быть, сказывалось действие станнера? Штурм не знал. Всё вокруг стало безразличным. Рядом ехал Брэд Куэйд. Землянин рассказывал, как встретился с Логаном, как они спасались от преследования в подземном саду Запечатанных Пещер, как напал йорис. Штурм говорил это как сквозь сон. Он безучастно позволил Брэду Куэйду разглядывать его и задавать вопросы. Так они достигли предгорий.

Несмотря на полузабытьё, чутьё подсказывало прямой

путь к Запечатанной Пещере. И тут Шторм остановился: впереди послышались голоса. Но было поздно. Посыпались жёлто-красные стрелы, замелькали головы, увенчанные синими рогами.

— А-а-ху-у-у! — раздался боевой клич племени Нитра и отряд внезапно оказался окружённым. Зазвенели тетивы луков. Что-то ударило Шторма в плечо, и он покачнулся в седле. Левая рука бессильно повисла, а в его пояс вцепился воин Нитра.

Шторм ударил правой, неповреждённой рукой, но тяжесть навалившегося Нитра увлекла его вниз. Они сцепились, падая на землю. Индеец еле успел отвести от горла приставленный нож. Его спасло лишь то, что Нитра был практически оглушён ударом кулака. Шторм поднялся, припал на одно колено и снова ударил приходящего в себя Нитра. Драка в долине тем временем продолжалась.

Землянин пытался подняться на ноги, чтобы стряхнуть с себя врага, когда новый выстрел из станнера попал ему прямо в голову. Шторм уже не чувствовал, как безвольно падает на камни, как задевает раненым плечом скалу, загоняя торчащий в ране наконечник ещё глубже и обламывая полосатое древко.

У него сложилось впечатление, что вновь полученная доза облучения из станнера каким-то образом нейтрализовала действие первого выстрела. Потому что открыв глаза, он сразу чётко вспомнил всё происшедшее.

Солнце уже ушло из зенита и в маленькой расщелине стало совсем холодно. Холодно и тихо. Дрожа, задыхаясь при каждом движении от боли в плече, Шторм дополз до края и выглянул из-за скалы. Наверное, его проглядели воины Нитра, подумал землянин. Иначе, согласно ритуалу, у него была бы отрезана рука.

В расщелине валялось множество изломанных стрел, кое-где чернели пятна выжженной почвы, тянулось несколько кровавых следов. Вот только трупов в расщелине не было. Шторм подобрался поближе и стал изучать следы.

Отпечатки ботинок уходили в горы — но зачем им пленники?

Рука индейца безвольно висела вдоль тела. Он ещё раз посмотрел на следы ног и копыт, зажимая ладонью здоровой руки рану на плече. И, опираясь на камни, юноша потихоньку начал пробираться к Запечатанной Пещере.

И он дополз туда, даже не зная, как ему это удалось. Но — дополз. И стал слабым голосом звать двоих оставшихся здесь. Из темноты хода никто не откликнулся. Вход, который они заложили, был разобран. Шторм пополз по дорожке между двумя секторами сада.

— Логан! — хрипел он. — Горгол!

Подняться уже не было сил. Но где-то впереди была его сосна, его зелёная трава, запах дома, запах родины. Ему хотелось, чтобы боль в плече прошла, чтобы ему дали напиться ледяной воды, чтобы уложили на мягкой траве, и чтобы над ним шумела зелёная крона сосны.

Он полз, пока не наткнулся на препятствие, перегораживавшее дорожку. Коричнево-красное тело было неподвижно, однако Горгол, кажется, был ещё жив — глаза Горгола были закрыты, губы слегка раздвинуты, тоненькая вена пульсировала на темени между белоснежных рогов. Никаких ран не было заметно и со стороны могло показаться, будто Горгол мирно спит.

Шторм потряс тело Норби:

— Горгол!

Тот не отзывался. Тогда землянин здоровой рукой залепил Норби увесистую пощёчину. Глаза Горгола открылись, он непонимающе уставился на Шторма.

«Кто был здесь?» — зажестикულიровал индеец здоровой рукой.

Горгол обеими руками схватился за голову и застонал. Наконец, оторвав пальцы от прослезившихся глаз, он пояснил:

«Я шёл — принести воды. Вдруг — сильно заболела голова — я упал — заснул».

— Станнер! — воскликнул Шторм. Логана в пещере не было. Сурра и Хинг также исчезли, как и лошади.

«Нитра?» — задал он вопрос Горголу. Нет, сомнительно, чтобы здесь побывали Нитра. Вряд ли Нитра станут стрелять в Норби из станнера. Горгол жестом сказал примерно то же:

«Нитра стреляют из луков — стрелами. Или убивают ножами».

Он увидел рану на плече Шторма и указал на неё:

«Вот рана, полученная от Нитра. Где это случилось?»

«Внизу, в долине. Они напали».

«Идём», — одной рукой держась за собственную голову, а другой поддерживая шатающегося юношу, Горгол проследовал в глубь пещеры, минуя сад за садом.

И вдруг Шторм понял, что лежит на пружинистом ковре из хвои, глядя вверх на зелёную крону земного дерева. Неподалёку Горгол собрал кучу сухих веток и высекал искру из каменного наконечника. Когда жёлтое пламя поднялось над ветками, Горгол опустил в него лезвие своего ножа. Индеец, понимая, что за этими приготовлениями последует, мрачно наблюдал за ним. Но сделать то, к чему готовился Горгол, было необходимо. Логан пропал, куда-то делись животные. Но он, Шторм, должен бороться дальше, он должен найти их. Или хотя бы найти их следы и следы отряда Брэда Куэйда.

Горгол подошёл к раненому. Землянин сложил губы, как он думал, в мужественную улыбку. На самом деле выглядел он не слишком улыбающимся. Ну да пусть.

Горгол на всякий случай предупредил:

«Стрела — наконечник — плохо, если останется внутри. Надо вырезать. Сейчас же».

Шторм не нуждался в предупреждении. Его здоровая рука, лежавшая на подстилке из хвои, царапала дёрн, пока не уцепилась за выступ корня.

«Давай!» — скомандовал он Горголу.

Тот не воспринимал речь, но по выражению лица

наверняка понял, что от него требуется. И приступил к операции.

Норби действовал ловко, и наверняка он не впервые вырезал наконечники стрел из тел друзей. Но даже умелый хирург не может уберечь от невыносимой боли. Штурм вспомнил рассказ Логана о спартанцах, о том, как те поступали с ранеными. Хорошо ещё, что не все три острия наконечника проткнули кожу, извлечь нужно было только самый первый зубец и основную, ровную часть наконечника.

Тяжело дыша, почти без сознания, индеец молча лежал. Горгол снял с зияющей раны горсть вымокших в крови сухих листьев и поднял голову землянина, поднося в ней питьё. Благословенная холодная вода! В горле у Штурма давно не было ни капли. Норби уложил голову юноши так, чтобы тот видел его руки и заговорил жестами.

«Горгол пойдёт — посмотрит, где Логан. Горгол узнает — кто заставил Горгола спать. Горгол убьёт злодея».

— Нитра, — Штурм не мог поднять рук. Но Горгол, казалось, понял по губам, потому что возразил:

«Не Нитра! Нитра берут трофеи для Дворца Грома. Может быть — здесь были Горцы Мясоеды. Горгол узнает».

Штурм закрыл глаза и растянулся на хвойном ковре. Что-то тёплое прижалось к его ладони, что-то ласковое замурлыкало в ухо, что-то заклекотало над ним. Штурм открыл глаза. Над ним взлетел тёмный силуэт, усевшийся на нижнюю ветку. Блестящие умные глаза смотрели на него из перьев.

— Баку!

В свет на его возглас орлица заклекотала снова.

Тёплое прикосновение к руке сменилось мурлыканьем, Сурра легла рядом со Штурмом. А он лежал неподвижно, думая, что всё ещё спит. А может, просто ему лень было вставать. Юноша поднял левую руку, чтобы погладить Сурру и почувствовал ноющую боль в плече. Тогда он всё вспомнил. Он осторожно пошевелился и понял, что боль

стала гораздо терпимей, чем ожидалось. Как и в первое посещение, кусочек родного мира подействовал на Шторма как снадобье магической мощи. Теперь он мог двигаться относительно свободно. Вдобавок сухие листья, приложенные Горголом к ране, наверное, имели наркотический эффект — рана не болела, только тупая ноющая боль ещё сидела в ней.

Наверное, Горгол возвращался, но снова куда-то ушёл. Несколько вещей, принадлежавших отряду, были сложены возле Шторма. Помятая фляжка для воды, коробка НЗ — всё это лежало на свёрнутом покрывале, том самом, которое досталось индейцу в наследство от деда. Рядом со свёртком на листе растения лежал какой-то фрукт.

Шторм жадно съел его и почувствовал настоящий голод. С каждой минутой рана болела всё меньше. Землянин уже решил, что полностью выздоровел, когда пришёл Горгол. Вернее, вбежал.

«Что ты нашёл?» — Шторм легко вскочил на ноги.

«Логана — увели Мясоеды. Нитра — убили Мясоедов. Логан — у Нитра — в долине. С ним человек — который ехал с тобой. Их могут убить. Приходит Великая Сушь. Шаманы Нитра начали обряды Великой Магии — для Выбивающих Гром — чтобы дождь вернулся. Нитра — убивают пленных — чтобы умиловить Выбивающих Гром».

«Нитра боятся — что дождь не вернётся — если пленные не будут убиты?»

Норби кивнул.

«Вывивающие Гром живут высоко в горах. Они дают дождь, они заставляют расти траву. Иногда дождь идёт слишком много. Это плохо. Очень сухо — тоже плохо... Но бури страшнее в земле, где правит Нитра, а там, где землёй владеет Шошонна, бури слабые. Поэтому шаманы Нитра отдают пленников Выбивающим Гром — чтобы великая сушь ушла, пошли дожди».

«А как Нитра отдают пленников?»

«Они сбрасывают пленных со скалы», — Норби беспомощно развёл руками. — «Но Горгол не знает точно. Шошонна не подглядывают за шаманами Нитра. Много, много воинов Нитра стоят на страже шаманов. Они убьют каждого, кто подглядывает».

«Где их лагерь?»

«За горным хребтом. Нитра ждут. Они хотят убить Горцев Мясоедов. А может быть, Нитра хотят войны с племенем Шошонна, которое остановилось в горах».

Неужели это те Норби, которые скрылись от набега Думароя? Шторм удивился. Они хотят вступить в сражение здесь? В горах становится слишкомлюдно. Шторм позволил себе улыбнуться. Отряд Думароя и отряд, который ведёт офицер Келсон — обе эти группы обязательно столкнутся — если ещё не столкнулись — либо с десантом завоевателей с Ксика, либо с Нитра. Или на них могут напасть потревоженные и потому очень злые Норби клана Шошонна. Однако сейчас землянина больше других интересовали Нитра. Келсон предупреждён, офицер Корпуса Мира вот-вот настигнет Думароя, они сами разберутся, что почём.

Но Нитра захватили в плен Логана, Брэда Куэйда, Лансина и, наверное, ещё двух спутников Куэйда. Это беспокоило Шторма больше всего. У него был только один козырь, и он мог не сработать в игре с дикими племенами — Нитра или Шошонна. Можно будет рассчитывать лишь на то, что местным племенам неизвестны способности иноземцев, особенно таких иноземцев, которые отличаются от поселенцев, единственно знакомых местным жителям.

Насколько это было возможно, он посвятил в свой план Горгола. И был приятно удивлён, что Норби не только не запротестовал, но наоборот, согласился.

«Ты владеешь магией шаманов. Ларкин говорил, что на твоём языке твоё имя означает оружие, которое используют Выбивающие Гром».

«Да, это так».

Горгол кивнул:

«Нитра не видели твой живой тотем — большую птицу. Они также не знают о животных, повсюду следующих за тобой. На лошади можно ехать. Замля можно поймать в капкан. Но якобы никогда не ест с руки охотника, не ласкается к нему, как к тебе. Шаманы Нитра не могут управлять животными. Поэтому твой приход в их поселение не будет встречен летящей стрелой. Но, может, ты всё-таки не пойдёшь? Горгол не знает, как тебя примут Нитра».

«Может ли Горгол найти племя Шошонна в этих горах и попросить у него помощи?»

«Горы непроходимы. И уже до рассвета шаманы Нитра завершат свой магический обряд, — Норби сделал жест, обозначающий убийство и достал станнер. — Но Горгол сможет показать им это. Это — лучшая магия».

«У тебя осталось только три заряда, — показал Шторм. — Когда ты используешь их, станнер станет простой палкой, без магии».

Тогда Горгол положил ладонь на чехол ножа.

«А это! Драться этим оружием ещё почётней. Огонь мужчины пылает в душе Горгола. Горгол перед лицом двадцати кланов докажет, что способен на великие деяния. И никто не скажет, что это не так».

Шторм собирался с особым тщанием. Он снова нанёс на лицо боевую раскраску. Потом обернул покрывало, доставшееся в наследство, вокруг раны с прокладкой из сухих листьев, заправив края за пояс-кончу. В зеленоватом зеркале одного из стоячих прудиков сада Шторм изучил своё отражение и увидел варвара, который несомненно заинтересует воображение Нитра. Даже если он пойдёт один, без команды.

Нести Баку на плече Шторм пока не мог из-за раны. А Баку надо было вынести из пещеры, так же как и Хинга. Сурра шла рядом. Горгол рассказал, что орлица явилась с

ясного неба за день до нападения Горцев и скрылась в пещере вслед за убежавшими туда Суррой и Хингом.

Шторм сконцентрировался на мысленной раздаче приказов команде. Животные должны быть готовы к внезапной атаке, если таковая понадобится. Горгол, умеющий видеть в темноте, проводил их до извилистого подъёма в горы. Ночь, однако, стояла лунная, и когда они взобрались вверх, идти дальше по склону оказалось легко.

Землянин не торопился, берёт силы. Хорошо, что их вёл Горгол, помогая избежать опасных мест. Переменившийся ветер принёс какие-то гулкие звуки, отдалённо походившие на гром. Вскоре они вышли к обрыву. Горгол одной рукой поддержал Шторма. Впереди лежала узкая зловещая ложбина, а за аркой из камней начиналась площадка, усыпанная сухими сучьями, сверху свисали корни деревьев.

Горгол отбросил с дороги комья глины и показал:

«Злой Летун».

Это было гнездо исполинской птицы, той самой, что Горгол убил когда-то, в своё первое путешествие к Запечатанным Пещерам. Судя по всему, других птиц сейчас не было поблизости, в гнезде было пусто.

Следующий обрыв Шторм преодолел с помощью Горгола. Сколько ещё ему придётся сегодня принимать помощь от Норби? Сможет ли он справиться в одиночку, когда придёт время? Но вот тропа повернула на другую сторону горы. Внизу показалось красноватое пламя, рассыпающееся в воздухе снопы искр и распространяющее зловонный дым.

«Шаманы!» — показал Горгол.

Зелёные искры потухли. Шторм обнаружил, что стоит в тени на круглой голой площадке, усыпанной причудливой формы глыбами, особенно фантастично обрисовывающимися в наступившей темноте. К двум таким каменным столбам были привязаны четверо человек, судя по одежде — поселенцы. Вокруг дымящегося костра сгрудились

Нитра, они наблюдали за двумя шаманами, танцующими рядом с огнём. Шаманы били в небольшие барабаны. Вот откуда исходил звук, похожий на дальний гром.

Шторм огляделся. Либо Нитра считали, что здесь никто не выследит их, потому что место слишком неприступно, либо их часовые были хорошо укрыты. Шторм не заметил ни одного из часовых. Однако возле привязанных пленников стояло по сторожу.

Шторм дал сигнал Горголу:

«Я иду».

И послал мысленный приказ кружившей неподалёку орлице. Сурра ободряюще прижалась к его ноге. Он сделал шаг вперёд и, выходя из теней на открытую площадку, издал клич сбора команды:

— Са-а-а-а!

Из тёмного неба слетела Баку, чёрная ласточка ночи, живущая своей непостижимой жизнью. Шторм пошатнулся, когда она вцепилась когтями в покрывало, доставая ими до раны. Однако он быстро выпрямился и приосанился под этой гордой ношей. Так, с Хингом, поблескивающим глазком из-за ворота рубахи, в сопровождении ощерившейся Сурры, и с орлицей на плече, индеец прошествовал к костру.

Глава 17

— Вот идёт Зверь-Убийца, одетый в твои мокасины,
Его тело, как родившийся шторм.
Вот идёт Зверь-Убийца, его лук наведён на цель,
Его стрелы готовы к полёту.
Вот идёт Зверь-Убийца,
Готовый к битве...

Шторм никогда не был Певцом, но слова пришли сами, они сложились в песню силы, так что землянин почувствовал себя защищённым невидимой бронёй, унаследованной

от могущества Далёких Богов, чьи корни восходили к Древним Богам. Эта сила росла в нём и никакое человеческое оружие не могло ей противостоять.

Шторм не замечал, как раздвинулись ряды Нитра — это ему дали дорогу. Он не думал ни о чём, внимая звучащей внутри песне силы. В этот миг Хостин Шторм стал частичкой чего-то неизмеримо большего, гораздо большего, чем один человек.

Он остановился, удерживая Баку на плече. Боль пропала.

Перед ним возник шаман Нитра с поднятым над головой барабаном. Шаман перестал бить в него, с изумлением уставившись на непонятное явление в ночи.

— А-а-ху-у-у! — издал индеец боевой клич своего племени. — А-аху-у!

Шаман выбил прерывистую дробь в барабан. Одако в этом действии проскользнуло колебание — землянин скорее почувствовал его, нежели увидел. Нитра обратился к нему, гортанно и пискляво доказывая что-то. Шторм хотел ответить жестами, но решил не показывать знакомства с местными обычаями. Он обернулся к пленникам. В глазах Логана засветилось узнавание. Брэд Куэйд смотрел на него совершенно изумлённо.

— Сила в его руках. Сила в нём.
Зверь-Убийца надел теперь это тело,
Он идёт в нём!..

Шаги Сурры вторили мерной поступи Шторма. Землянин выпустил на волю Хинга. Меркот серой тенью метнулся из круга света от костра за ближайший камень. Там он немедленно вцепился в верёвки, связывающие одного из пленников, и начал терзать их. Индеец подал знак Сурре, и она бросилась к остальным пленникам, разгоняя от них стражу.

Шаман завыл как потревоженный йорис и стал насту-

пать на Шторма, потрясая барабаном. В ответ раздался злобный клёкот Баку. Она спрыгнула на землю — такое с Баку случалось крайне редко, — чтобы напасть снизу. Так она когда-то чуть не вступила в драку с замлем, тотемной птицей Кротага. Нитра расступились перед яростью наступающей птицы. Баку погнала шамана вокруг костра под испуганные возгласы воинов Нитра.

«Сила теперь в нас!» — выкрикнул Шторм слова песни. Их в этом сборище мог понять только один человек. Но несмотря на то, что язык Навахо был незнаком Нитра, те поняли смысл и бросились прочь, когда индеец двинулся на них.

Брэд Куэйд поднялся от камня, к которому был привязан, стряхнул с рук разрезанные верёвки — это Горгол делал своё дело, пользуясь темнотой, — и сразу бросился на помощь сыну, всё ещё не освобождённому от пут. Логан, пока его развязывали, успел погладить Сурру по голове — такой знак внимания Сурра позволяла раньше исключительно Шторму. Через миг Логан вскочил на ноги.

«Мы идём дальше — сильные!» — пел индеец. Вернее, приказывал. Он шагал, отделяя развязанных освобождённых пленников от готовых пуститься в бегство Нитра. Сурра прикрывала освобождённых позади. Наездники держались плотно, Брэд Куэйд помогал сыну устоять на ногах. Подбежал Хинг и, цепляясь коготками, забрался Шторму на грудь.

«Мы — это сила!» — землянин понятия не имел, сколько ещё сможет удерживать Нитра в ошеломлении. Но он знал: сейчас он может всё. Всего раз или два в жизни он чувствовал на своей стороне эту всепобеждающую правоту, эту причастность к чему-то великому, крохотной деталью которого, он, Шторм, был, и которому служил. Один раз — когда команда животных впервые послушалась его приказа. Во второй раз — когда они вместе выполнили сложнейшее задание. Но на этот раз он один чувствовал силу, это была только его собственная мощь.

— *Вот идёт сильный,
Он несёт в себе мощь,
Он несёт в себе волю Древних Богов.
Древним Богам, прекрасным Богам
Служит идущий...*

Освобождённые люди отступили в темноту из круга света у костра.

— Са-а-а-а!

Баку вернулась. Шаман Нитра больше не мог держать барабан — на руке у него зияла глубокая рана. Но в другой руке он держал обнажённый нож, и лютая ненависть горела в его глазах. Он бросился на сидящую у Шторма на плече орлицу с отчаянием сумасшедшего йориса.

Его прыжок закончился неожиданно: получив удар из станнера, шаман обмяк возле ног Шторма. Воины Нитра испуганно завопили. Смех Шторма заглушил их крики. В эту ночь ему было подвластно всё. Горгол выстрелил из станнера так же вовремя, как раньше он вовремя использовал свой нож. Их несла волна той удачи, которая позволяет человеку совершить невозможное, даже не осознавая, что именно он совершает. Исполнители древних песен не лгут: вера в невиданную силу наполняет этой силой древнего народа. Надо только отбросить сомнения. Индеец отбросил сомнения — и теперь никто не мог помешать ему — ни Нитра, ни даже завоеватели с Ксика!

Шаг за шагом он отступал вслед за людьми. Воины Нитра по-прежнему держались у костра, никто из них не рисковал напасть.

— Сюда, Шторм, — раздался голос из темноты. Протянутая рука Брэда Куэйда повлекла его к тропинке. — Откуда ты взялся? Мы думали, что тебя убили.

Землянин вновь рассмеялся. Он ещё чувствовал древнюю силу.

— Мне ещё не время умирать. Однако нам лучше выбраться отсюда, пока воины Нитра не пришли в себя.

Шторм был всё ещё чрезвычайно возбуждён, когда они спускались вниз по обрывистым скалам, когда миновали гнездо Злого Летуна и добрались до Запечатанной Пещеры. Перед входом в неё он остановился.

— Слушайте!

Его тон не допускал возражений: люди остановились, прислушиваясь.

Издалека пришёл странный шум, чёткая вибрация, донесённая из-под земли камнями и скалами, на которых стоял отряд.

Шторму эта вибрация была знакома: «Корабль ксиканцев!» Космические корабли всегда при старте вызывают в округе вибрацию — трясётся воздух, почва, горы, всё. Вот и сейчас земля тряслась, отпуская вражеский корабль. Шторм выглянул из-за скалы. Спрятанный челнок должен был вот-вот взлететь со своего тайного места посадки.

— Что-что? — не понял Куэйд.

— Корабль с Ксика готовится к старту. Они, кажется, улетают с Арзора.

Куэйд, не отпуская Логана, приложил ладонь к скале:

— Какая вибрация!

Шторм внезапно обратил внимание, что вибрация чересчур сильная. Спрятанный корабль не был тяжёлым трансгалактическим грузовиком, это всего лишь лёгкий челнок, который не может так сильно шуметь. Может, неподалёку был спрятан ещё один корабль? Теперь шум перешёл в надсадный рёв...

Ночь наполнилась оглушительным громом, ввысь над горами взлетела ослепительная свеча, затряслись утёсы, заскользили вниз оползни, люди и животные прижались друг к другу в немом ожидании худшего.

— У них разорвало дюзы! — вскочил на ноги Шторм. Его безразличие прошло, он был готов к новой беде, встречая её во всеоружии. Плечо снова заболело, он прижал руку к месту раны.

— Какие дюзы? — донёсся голос Логана:

— Завоеватели закопали корабль, чтобы его не было заметно из долины. В то время, как ты сбегал от них, корабль начали раскапывать и готовить к отлёту. Но у них не нашлось времени как следует прочистить дюзы. Наверное... — Шторм осёкся, взглянув на Хинга. — А может, это Хинг постарался запрятать в дюзы что-нибудь ценное? Во всяком случае, ясно, что при старте дюзы взорвались.

— Вот они и лопнули! — заметил Брэд Куэйд. — Я думаю, следует сходить туда и посмотреть, не осталось ли в долине наших ребят. Вдруг им нужна помощь. Надо отыскать их.

Несмотря на сотрясения гор, вход в пещеру оставался неповреждённым. Логан предложил.

— А что, если мы пройдем пещерой? Один из её выходов, зарешеченный, ведёт прямо на северо-запад. Если там обнаружится туннель, по нему мы доберёмся прямо до места.

И отряд спустился в Запечатанную Пещеру.

Внутри всё оставалось таким же нетронутым. Они прошли через секторы странных садов, ведомые быстрым Горголом, еле успевая за ним. И вскоре добрались до выхода, загороженного решёткой. Это о нём говорил Логан.

Справившись с замком, они вступили в новый туннель, тёмный, с застоявшимся воздухом, бесконечно длинный, потому что у них не было ни одного светильника, чтобы различать путь. Их вели теперь Горгол и Сурра, видевшие в этой крошечной тьме. Остальные держались цепочкой друг за друга. Им хотелось только одного: снова оказаться под арзорским небом в нормальном мире.

Заблудиться в темноте было очень легко, потому что туннель часто поворачивал то вправо, то влево. Шторм не знал, проходят ли они естественным лабиринтом в горах или это древние создатели Запечатанных Пещер специально сделали дорогу извилистой, чтобы сбить с толку чужаков. После двух таких поворотов индеец абсолютно запутался.

Насколько он ориентировался, отряд мог идти даже обратно, в пещеру, которую они только что покинули. Орлица на его плече нервничала, он держался рукой за стену, рядом слышалось дыхание товарищей. Логан, несмотря на больную ногу, бодро двигался вперёд, поддерживаемый отцом.

Ещё поворот, и темнота впереди рассыпалась искрами. Из маленьких огоньков вдруг выросло гигантское пламя бушующего снаружи пожара. Люди поспешили отступить назад.

Вся долина — от террас до места стоянки корабля — пылала. Жар доходил даже до отряда. Выйти наружу, в это огненное месиво, было просто невозможно. Горгол отвёл людей за поворот, назад. Шторм дал мысленное указание Баку. Если из горного туннеля есть выход, орлица найдёт его.

Глядя на бушующее пламя, землянин понимал: ничто и никто в долине не сумеет спастись. Взрыв корабля уничтожил всё. На месте челнока теперь зияла огненная воронка, во все стороны сыпавшая клочьями пламени.

Освещённый заревом вход в пещеру был непроходим. Но вдруг стало видно, что Сурра смотрит вниз, стоя на крохотных вырубленных в скале ступеньках. В стене была неширокая ниша, открывающая проход вниз, и начать спуск можно было, с огромным риском сломать собственную шею. Но этим путём можно было миновать горящую долину и, предположительно, выйти наружу.

Легко было, пожалуй, только Сурре. На западном континенте Земли водились пумы, умевшие лазать по скалам. Песчаные кошки, выведенные в земных лабораториях в результате скрещивания, умеют преодолевать расщелины и прыгать через пропасти там, где человек никогда не рискнёт пройти. Однако здесь даже Сурра шла осторожно, пробуя лапой каждую следующую ступеньку.

Но что-то вело её вперёд, и вот она уже достигла плоской площадки чуть ниже того места, где остановились в нерешительности Горгол и Шторм. Рискающая ободрать

колени, землянин сполз вниз по скале, прямо на площадку. Жар от огня в долине здесь был совсем не заметен. И отсюда стало видно, что они выбрались на площадку, служащую началом узкой тропинки с обратной стороны горы. Извилистая тропка уходила вниз, теряясь в темноте.

«Дорога! — зажестикуюлировал Горгол. — Она ведёт к широкой дороге!»

Видимо, они нашли путь, по которому воры гоняли в горы стада отбитых якобыков. Значит, этот путь выведет их на равнину!

«Возвращайся! — приказал Штурм. — Веди остальных».

Горгол уже взбирался по каменной лестнице. Землянин же пошёл вперёд, опережаемый Суррой. Он понимал, что должен двигаться. Если он сейчас присядет отдохнуть, усталое тело потом откажется повиноваться. Он зашагал по узкой тропе, которая местами шла по открытому обрыву, а иногда ныряла в короткие туннели. Древние строители делали эту дорогу удобной для идущих. Наверное, Соренсон был прав, подумал Штурм. Здешние горы буквально кишат туннелями и пещерами, созданными предыдущими пришельцами на Арзор. Следует информировать об этом Поисковую Службу.

Из темноты впереди вынырнула Сурра. Она прижалась к Штурму, загораживая путь. Это был знак близкой опасности. Индеец замер, вслушался... и расслышал слабый шорох — скрип башмаков о камень? Лязганье металла по камню? Навстречу им кто-то шёл, и этот кто-то мог быть кем угодно — воином Нитра, завоевателем с Ксика, Горцем Мясоедом, спасшимся из горящей долины.

В это время и позади слышались голоса. Отец и сын Куэйды, всадники, Горгол были уже на подходе. Тот, кто шёл навстречу, должен был тоже услышать их голоса. Штурм вжался в стену рядом с Суррой и скомандовал ей: — Ищи.

Кошка бесшумно исчезла, чтобы появиться, только напав на потенциального врага.

У землянина за поясом было только одно оружие, оставшееся ещё со времён экспедиции. Длинный охотничий нож. Шторм обнажил его, выставив перед собой как фехтовальщик шпагу. Если бы знать, что за враг приближается, тогда можно было бы спланировать, какой приём применить. Против Нитра — да, сойдёт и простая атака, но что можно сделать ножом против слайсера или бластера?

Шторм продвигался короткими перебежками, через каждые пять шагов останавливаясь и слушая. Пока не было слышно, чтобы Сурра на кого-нибудь напала. Дорога резко повернула, почти назад и вниз. Землянин засомневался, куда этот поворот выведет. Не собрался ли он вступить в схватку с теми, кто идёт позади? Может, все эти стычки с завоевателями, обострившие, конечно же, его воинскую сноровку, вперемежку с его ранами и усталостью заставили его выдумать несуществующего врага?

Новый поворот — тропа стала шире. Слева открылся тёмный провал. Внезапно оттуда блеснул луч света, и из темноты выхватился кусочек жёлто-коричневого хвоста. Больше ничего, принадлежащего Сурре, увидеть не удалось.

— А-а-ху-у-у! — заорал Шторм, бросаясь влево и вжимаясь в камень скалы. Огонь зажёгся вновь, поймав то место, где только что стоял индеец.

Отвлекающий маневр удался, как раз в это время стало слышно, как на незнакомца налетела Сурра. Луч света заплясал по стене, затем фонарь упал наземь, отбрасывая пятно, которое Шторм не мог не пересечь, если хотел прийти на помощь Сурре.

А потом из темноты в лунный блик выступила фигура, потирающая оцарапанные руки. Поселенец? Или завоеватель с Ксика, замаскированный под человека? Шторм бросился к фонарику, надеясь с его помощью лучше разглядеть уворачивающуюся от Сурры тень. Песчаная кошка не могла убить, она только наводила смятение в стане врага, подгоняя его к землянину. Шторм подобрал

фонарик и направил его на фигуру. Ошибки быть не могло: объёмистая, грузная фигура была никем иным как Коллом Бистером.

— Са-а-а-а!

Сурра распласталась почти вдоль обрыва — уши прижаты, хвост взъерошен, клыки оскалены — полная готовность вести борьбу. Она могла скрыться, потому что хотя с одной стороны и стоял Бистер, позади неё путь был свободен. Но она не двигалась. Рука Бистера потянулась к оружию на поясе.

— Стой, где стоишь! — приказал Шторм Бистеру.

Лицо Бистера исказила ярость, столь же неистовая, как ярость Сурры. Он наклонился, не без колебания разжимая ладони, и медленно поднял руки.

— Землянин! — Бистер вложил в это слово и ненависть, и вызов, и оскорбление. — Скотовод проклятый!

— Повелитель зверей, — мягко поправил Шторм. Эта тихая нотка в его голосе была признаком крайнего бешенства. Продолжая освещать Бистера, Шторм двинулся вперёд, держа в руках нож. Подойдя на расстояние вытянутой руки, индеец прыгнул вперёд, в прыжке вырывая станнер из-за пояса Бистера. И сбросил оружие с обрыва. Но Бистер тоже не медлил. Выхваченный нож сверкнул голубым лезвием в лунном свете. Бистер встал в стойку, показывающую, что он опытный боец. Экс-коммандо понял: независимо от того, человек перед ним или псевдо-человек, враг не отдаст свою жизнь легко.

— Убери свою кошку, ты, скотовод! — Бистер ухмыльнулся, обнажая такие же острые клыки, как у Сурры. — Я располосую ей всё брюхо, после того, как разделаюсь с тобой.

Шторм положил фонарик на маленький выступ скалы. Глупо сейчас вступать в схватку с Бистером. Но он должен дать этот бой — какой-то внутренний порыв заставлял землянина не уступать. Между двумя врагами, один из которых был человеком, а другой — неизвестно кем,

осталась только холодная мощь стальных клинков. Это был честный поединок, как в старые времена варваров, когда воюющие подтверждали правоту мощью собственного тела.

— Сурра, — позвал Штурм. Но кошка не шевельнулась, наблюдая схватку. Она не уйдёт, понял Штурм, пока не услышит приказа.

С ножом в руке индеец позабыл усталость и был готов к броску. Мир сузился до размеров двух скрещенных лезвий. Он не слышал, как сверху закричали подошедшие Горгол и Куэйды. Большое тело ринулось на него. Бистер решил оставить за собой преимущество нападения первым. Он рассчитывал закончить наступление прежде, чем товарищи Штурма подспеют на подмогу.

Однако землянин уклонился, хотя и сетуя на собственную медлительность. Но, как это уже произошло у Нитра, его упрямство превозмогло физическую усталость. Правда, на этот раз тело слушалось не так быстро, как это было нужно, чтобы уцелеть. Бистер знал это, он видел, что Штурм не так полон сил, как в их первую стычку, по дороге между Портом и Кроссином. И Бистер ударил, точно и быстро.

Глава 18

Штурм отбил удар — сталь зазвенела по стали. Но Бистер нападал дальше, каждым движением заставляя юношу отступать. Тогда индеец провёл серию взмахов и выпадов, удерживая позицию так, чтобы лицо противника находилось в луче фонарика. Бистер оценил ситуацию и не дал Штурму продвинуться, чтобы сохранить преимущество.

Землянин мог дать сигнал Сурре — и с Бистером было бы покончено. Но Штурм должен был сделать это сам, один на один с врагом. Иначе он не смог бы потом управлять командой.

Теперь в луч фонарика попал сам индеец. Бистер, пользуясь тем, что землянина слепил свет, мог пригвоздить его к скале одним ударом. Шторм судорожно вспоминал всё, что знал о псевдолюдях. Они обладали телами, сходными с человеческими, их обучали реагировать на происходящее по человечесьи. Но внутри они оставались жителями Ксика! Неважно, годились их тела для дальнейшей службы своим хозяевам или нет, внутри всё равно это были не люди. А чем можно поразить жителя Ксика? В чём он уязвим? Каковы его сокровенные страхи? В чём заключалась непримиримая зависть жителей Ксика к землянам?

Шторм уворачивался, отражая удары, проходившие в сантиметрах от его тела. Почему на Ксике так боятся и так ненавидят землян? Если он поймёт, откуда появился этот страх, он обретёт преимущество.

Стальной клинок снова столкнулся со стальным клинком — и нож Шторма подался под нажимом, почти коснувшись груди землянина. На мгновение рука юноши занемела под чудовищным усилием. Шестым чувством, отработанным во время его взаимодействия с командой, Шторм понял, что тактику надо менять.

И тут догадка вспыхнула в нём. Теперь он знал, в чём слабость завоевателей. Это была слабость, уходящая корнями в его собственную слабость, слабость человека, утратившего корни, род, племя. Эта слабость оборачивалась силой, когда человек хотел отстоять себя как представителя человеческой общности.

И Шторм заговорил на общегалактическом:

— Ты остался один, Бистер. Твоих соплеменников больше не существует. И никакой корабль не дожидается тебя, чтобы забрать с Арзора. Ты один, один. И окружён людьми, которые тебя ненавидят. Ты больше никогда не увидишь своего дома. Он для тебя потерян, это теперь всего лишь безымянная звезда.

Говоря это, Шторм понимал, зачем завоеватели уничтожили Землю. Они хотели нанести удар в самое сердце

Конфедерации, покончив с нею одним махом. Но на Земле жили несколько рас, эти расы расселились по всей галактике. И замысел завоевателей провалился.

— Ты остался один, Бистер! — он говорил это с той же мощью в голосе, как недавно пел песню победы, вкладывая в слова всю силу, какую ощущал, стоя перед шаманом Нитра. Но теперь в этой силе не было отчаяния утраты, теперь это было его оружие, порождающее мощь, а не горечь невозвратного.

— Ты остался один, Бистер! — он видел тёмные глаза врага, почуял огонёк отчаяния, зажёгшийся в них. Внутри человеческой оболочки завоеватель с Ксика был деморализован. Теперь следовало быстро выманить врага из его защиты, тогда он ослабнет окончательно.

— Нет никого, кто помог бы тебе вернуться домой, Бистер. У тебя теперь нет ни братьев, ни товарищей по оружию. Ты остался один на Арзоре, и за тобой охотится целая планета.

Шторм вспомнил всё, что когда-то слышал о завоевателях на занятиях в войсках Конфедерации. Ведя бой, он продолжил нажим:

— Некому будет даже вспомнить, каким ты был, Бистер. Никто не произнесёт больше твоего имени на войсковой проверке. Никто из твоих собратьев даже не узнает, как ты умер. Никто не возложит твоё кольцо среди Ста Надгробий во Внутреннем Городе, где совершает ритуалы твой клан. Бистера больше нет, как будто никогда и не было. И нет у тебя сына, который унаследовал бы твои Четыре Права.

Бистер остановился с приоткрытым ртом — лоб и щёки его покрылись испариной, блестящей в лунном свете.

— Бистер умер. И никогда не возродится даже силой Именитого среди Имён...

— А-а-а-а!

Бистер прыгнул. Шторм ждал этого, видя напряжение противника. Увернувшись, насколько это было возможно, землянин встретил удар. Нож зацепил амулет на груди

индейца и скользнул ниже. Навалившись всем своим весом, Бистер отбросил Шторма к самому обрыву. Юноша еле успел ухватиться за камень, чтобы не слететь в пропасть. А Бистер не был даже оцарапан, его сил ещё вполне хватало, чтобы одолеть Шторма. У землянина же в запасе оставались только приёмы рукопашного боя, выученные в годы службы в Конфедерации. Такой приём-бросок и помог ему избежать выпада Бистера.

Тот дико завопил. Глаза — теперь по глазам было хорошо видно, что это не человек, — были полны лютой злобы... и какой-то чужеродной растерянности. Моральная атака Шторма подействовала. Человек отнял у Бистера веру в то, что помогало ему идти в бой.

Теперь смысл жизни Бистера был сведён к одному: убить! Собственной жизни за это ему было уже совсем не жаль.

Он больше не внимал доводам разума — и потому был силен как никогда. Но им уже можно было управлять. Шторм снова отклонился — пальцы Бистера рассекли воздух позади индейца. Схватив фонарик, юноша направил луч прямо в лицо Бистеру. Тот ринулся прямо на свет. И неторопливо, насколько вообще в бою можно не спешить, Шторм нанёс точный удар в эти слепые от ненависти глаза.

Псевдочеловек поперхнулся, остановился и наконец колени его подогнулись — Бистер упал лицом на камни и затих. Землянин, прижавшись спиной к скале, выжидал. К Бистеру подошла Сурра, брезгливо принялась и подняла когтистую лапу, ожидая продолжения схватки. Шторм сделал знак, чтобы Сурра не нападала.

В пятно света вбежал Брэд Куэйд, наклонился над Бистером, перевернул лежащего и заглянул ему в лицо.

— Он умер, — произнёс Шторм еле слышно. — И он на самом деле псевдочеловек.

Куэйд поднялся с колен и подошёл к Шторму. Но вынести дружеского прикосновения этого человека инде-

еще не мог. Он отвернулся, стараясь избежать поданной руки. И тут тело перестало его слушаться, юноша медленно завалился набок и упал, накрыв собой лежащего в пыли Бистера.

Этот рисунок индеец часто видел во снах. Однако сейчас он не спал, а бессильно лежал с открытыми глазами на узкой постели. И рисунок оказался прямо перед ним, выполненный на стене. Цвета и узоры, которые Шторм так любил. Это были круглые глиняные холмы — такие разбросаны по всей пустыне на родине племени Дайни. По холмам гулял ветер. Художники племени Дайни всегда обрамляли свои рисунки ровной каймой треугольных символов, обозначающих холмы в пустыне. Шторм рассматривал воинов в боевом убранстве, гривы коней, бьющие всадников по лицам. Он почти чувствовал этот ветер. Роспись на стене всю ночь стояла перед его лицом, всадники и ветер были первым, что он увидел, когда наконец сумел открыть глаза.

Художник, нарисовавший эту картину, не мог не слышать пения ветра над глиняными холмами пустыни, не мог не скакать на коне по прериям, не мог не вдыхать запахи шерсти и песка, конского пота и согнувшихся от ветра сосен. Смотреть на эту картину было так же уютно, как смотреть на зелёную крону сосны в Пещере Садов. Но картина была индейцу всё-таки роднее, чем оставшиеся в пещере трава и дерево с утраченной родины, потому что это произведение искусства было создано кем-то одной крови со Штормом. Только художник племени Дайни мог нарисовать эту картину.

Эта роспись красками по стене была для землянина чем-то более реальным, нежели вошедшая в комнату медсестра, молчаливая темнолицая женщина. С нею пришёл медик из космопорта, но Шторму они оба виделись бесплотными тенями. Он был далеко, в мире, отражённом на картине. У кровати откуда-то появился офицер Корпуса Мира

Келсон — но Шторм не отвечал на его вопросы, для него спрашивающий был не ближе пасущегося на дальнем лугу коня. Юношу больше не волновало, где он находится, и что с ним происходит. Если он проснулся, то пусть каждый раз ему будет видеться при пробуждении эта картина. Если он спит, пусть дадут ему остаться во сне, с горячими всадниками под ветром.

Наконец он стал просыпаться чаще и оставаться бодрствующим дольше. Темноволосая женщина поправила подушки так, что теперь он мог сидеть, опираясь на них спиной, хотя так ему неудобно было смотреть на картину. К тому же он вдруг понял, что темноволосая женщина говорит с ним на языке Дайни, коротко и безапелляционно, как с упрямым ребёнком. Шторм попытался снова уйти во сны, но они были прерваны приходом Логана. Царапины на его лице зажили, и только теперь землянин разглядел в лице юного поселенца не просто признаки крови племени Дайни. Логан был на кого-то очень похож, но Шторм никак не мог вспомнить, на кого.

Куэйд-младший посмотрел вслед за индейцем на стену с росписью.

— Нравится?

Земная пустыня оставалась дикой, но была навеки поймана и изображена на арзорской стене.

Шторм сказал откровенно:

— Это — мой дом.

— Вот и мой отец говорит то же самое.

Брэд Куэйд! Шторм откинул покрывало, которое тоже было покрыто знакомым узором из красно-коричневых ромбов. Он был закутан в покрывало, доставшееся ему в наследство от деда — или это было такое же покрывало, но не принадлежащее индейцу?

Старый Нат-та-Хей и клятва, которую он взял со Шторма. Главным в клятве было: Брэд Куэйд должен умереть.

Землянин лежал, надеясь, что наконец-то разозлится

настолько, что злость придаст ему решимости. Но злость не приходила. Вместо этого он хотел только одного — оказаться там, на месте, изображённом на картине. Но хотя злость не приходила, над ним довлела клятва, ради неё он должен сделать то, зачем прибыл на Арзор.

Он забыл о Логане. А тот поднялся со стула и подошёл ближе к картине. Лицо его стало печальным и теперь было хорошо видно, что люди на картине одной крови с Логаном.

— На что это было похоже? — спросил Логан, голос его задрожал. — Как себя чувствуешь, когда скачешь на коне по этим местам, по этому миру? — морщинка возле его рта обозначилась резче. Казалось, он понимает горечь утраты той дальней земли. Он обернулся ко Шторму и глаза его были влажными.

— Я оставил тот мир, когда был ещё ребёнком, — Шторм тщательно взвешивал каждое слово. — Дважды я возвращался, но тот мир больше не был тем, что раньше. Теперь он живёт только в памяти тех, кто знал его. Художник, нарисовавший эту картину, хранит тот мир внутри себя. В нём самом, в этом художнике живёт та земля.

— В художнице, — поправил Логан с нежностью.

Шторм привстал. Он не видел собственного лица, вмиг окаменевшего. У него не было времени уточнять, кем была эта художница.

В дверях появился тот, кого Шторм обязан был разыскать, но с кем теперь никак не желал встречаться. Высокий и голубоглазый, Брэд Куэйд подошёл к кровати и участливо взглянул на лежавшего. Землянин решил: эта встреча — последняя, и, несмотря на физическую слабость, у него хватит сил довести дело до конца, каковы бы ни были последствия.

Он не утратил скорости реакции. Его рука молниеносно выхватила нож, висевший на поясе у Логана, и держа оружие возле колена, Шторм направил острие на Брэда Куэйда.

Выражение голубых глаз не изменилось, как будто Брэд Куэйд ждал именно этого. Может, Куэйд просто не понял в чём дело? Нет, Шторм видел, что Брэд Куэйд всё понял правильно.

Да! Куэйд каким-то образом знал — и принимал вызов. Или по крайней мере знал, что есть причина ненавидеть его. Куэйд заговорил:

— Если спор между нами может решить только нож, скажи тогда, Шторм, зачем ты вызволил меня из рук Нитра?

— Жизнь за жизнь, так у нас принято, — ответил Шторм. — Ты отвёл нож, который хотели всадить мне в спину в Кроссине. В племени Дайни всегда платят долги. Но теперь я — посланец Нат-та-Хея. Ты опозорил Нат-та-Хея и его семью, между тобой и нашей семьёй кровь бесчестья.

Брэд Куэйд не шевельнулся. Но потом подошёл ещё на шаг к кровати и отстранил подальше Логана, чтобы тот не вмешивался.

— Между мной и семьёй Нат-та-Хея нет пролитой крови. Так же, как нет никакого бесчестья, — сказал он.

Шторм изумился. Не мог Брэд Куэйд отрицать собственную вину сейчас, перед лицом мстителя. Но и лгать Куэйд не мог, одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять, что он говорит правду.

— А как же Нахани? — холодно спросил Шторм.

— Нахани! — Куэйд подался вперёд. Он глубоко вздохнул и ухватился за спинку кровати. Холодный разум землянина отметил, что здесь никакой ошибки нет: Куэйд потрясён его словами.

— Да, Нахани! — повторил Шторм и, не дожидаясь объяснений, которыми Куэйд мог сбить его с мысли, добавил: — Или имя того, кого ты убил в Лос Гатосе, тебе неизвестно?

— Лос Гатос? — голубые глаза Куэйда никак не могли поймать взгляд Шторма. Куэйд ещё раз вздохнул и с усилием выдавил:

— Так кто же ты?

— Я — Хостин Штурм, сын Нахани, внук Нат-та-Хей.

Губы Куэйда задрожали. Он долго молчал и наконец заговорил:

— Но ведь он сказал нам... Он сказал Ракели, что ты умер! Он сказал, что ты умер от лихорадки. Она... Она вспоминала это всю свою жизнь! Она приезжала в деревню, чтобы забрать тебя, и Нат-та-Хей показал ей замурованный склеп. Он сказал, что ты умер и похоронен там. Это сообщение чуть не убило её тогда!

Брэд Куэйд беспомощно развёл руками. Сейчас он был открыт, ничто не помешало бы Штурму нанести удар ножом. Куэйд ударил кулаком в стену, словно колотил кого-то невидимого, кого следовало наказать.

— Чёрт бы побрал старого негодяя! Он солгал ей намеренно! Как он мог так поступить с собственной дочерью!

Ярость Куэйда улеглась так же быстро, как и пришла. Он с нежностью погладил роспись на стене и заговорил уже спокойно:

— Ну как он мог пойти на такое, старый фанатик! Нахани не был убит. По крайней мере, мною. Он умер от укуса змеи, вот что мне известно. Я не знаю, что сказал тебе твой дед Нат-Та-Хей. Скорее всего, он и тебе сказал неправду.

Штурм откинулся на подушки. Мир перед ним снова поплыл куда-то прочь. Злость так и не пришла. Вместо неё доносился печальный голос Брэда Куэйда. Тот устало опустился на стул и говорил, заглядывая в глаза Штурму в ожидании доверия.

— Нахани завербовался в топографическую экспедицию. Я тоже входил в неё. Мы выполнили вместе несколько заданий и подружились. В то время завоеватели с Ксика впервые объявились на дальних планетах системы. Во время одной из стычек Нахани был захвачен в плен. Он бежал, и я тогда навещал его в госпитале на базе. Там его «доводили до кондиции».

Шторм содрогнулся. Брэд, видя это, продолжал:

— Да, тебе должно быть хорошо известно, что это значит. Нахани стал другим. Доктора решили, что ему полегчает на Земле, и послали его в земной госпиталь для реабилитации. В первый же месяц лечения он исчез из госпиталя. Потом мы узнали, что он отправился к себе на родину. Там его ждали жена и сын, двухлетний мальчуган.

Внешне Нахани выглядел нормальным. Отец его жены, Нат-Та-Хей, был фанатиком неизменной жизни на природе, он знать ничего не желал о других, о тех, кто живёт не на природе и не как Дайни. Он принял Нахани, считая, что тот вернёт душевное здоровье только перейдя к образу жизни индейцев Дайни. Но Ракель, жена Нахани, понимала, что тому требуется настоящее лечение. Без согласия отца она сообщила о местопребывании Нахани докторам. Поскольку я был его другом и поскольку я мог съездить и договориться, Ракель попросила меня привезти врача, чтобы тот осмотрел Нахани. Она надеялась, что можно будет уговорить Нахани продолжить лечение.

Но когда он увидел меня и прибывшего медика, он снова стал как сумасшедший и сбежал. Мы искали его в пустыне и нашли — уже мёртвым. Он умер от укуса змеи. А когда Ракель вернулась к отцу, чтобы забрать ребёнка, он стал обвинять её в измене мужу, в предательстве обычаев племени. Он, думаю, совсем свихнулся, потому что прогнал её вон, угрожая оружием.

Ей не у кого было просить защиты, кроме меня. Мы вернулись к Нат-Та-Хею в сопровождении наряда солдат и попросили отдать Ракели ребёнка. Но Нат-Та-Хей показал нам замурованный склеп — и только. Это подкосило Ракель. Несколько месяцев она не могла прийти в себя. Потом наконец оправилась, и мы поженились. Я демобилизовался из войск и привёз Ракель сюда, в мой дом. Я надеялся, что здесь, в новом окружении, она забудется и сможет забыть страшное прошлое. Мне казалось, она была здесь счастлива, особенно, когда родился

Логан. Но она прожила здесь всего четыре года... Вот и всё.

Нож лежал на покрывале, Шторм выронил его. Он закрыл лицо ладонями, отгораживая себя от внешнего мира. Ему надо было разобраться с внутренним, где царила темнота и опасность, и их следовало встретить лицом к лицу, как он встретился с Бистером в горах.

Череда лет пронеслась в его памяти. Вот маленький мальчик выслушивает волю деда. Тот кажется мощным и непререкаемым, как Древние Боги. А вот землянина «восстанавливают» в Центре, и память о деде витает над ним, жалит в снах об утраченной родине. Данная деду клятва помогла ему тогда выжить и не сойти с ума. Шторм нёс в себе ненависть к Брэду Куэйдю потому, что это было единственное, ради чего ещё стоило жить. Но даже тогда, в Центре, эта цель жизни тяготила его. Сейчас Шторм вспомнил это очень отчётливо.

Он понял, как устал от тяжести этой клятвы. Ему стало ясно, почему он так уклонялся от решительного объяснения с Брэдом Куэйдом. Потому что отсрочка убийства Куэйда означала для него возможность пожить подольше самому. После Куэйда ему было бы незачем жить.

Нат-Та-Хей остался в памяти Шторма символом всего утраченного. Выполнение обязательств, данных в клятвенной форме, позволяло Шторму думать, что земные дела не закончены, а значит, и Земля немножечко жива. В Центре были правы: он не избежал сумасшествия. Просто он сошёл с ума в другой форме, свихнулся на своём собственном пункте.

И вот теперь он ждал — ждал, что застарелый страх поднимется из-за барьера, которым Шторм отделял себя от вселенского одиночества. Он ждал, что этот страх вернётся и завладеет им окончательно. Старый Нат-Та-Хей больше не мог заставить юношу жить для чего-то. Впереди ждало одно лишь безумие. Он теперь стал таким же, как Бистер — одиночкой без рода, племени, родины, без корней и без близких.

Шторм зарылся в подушки, пытаясь забыться, однако не смог. Он оторвал ладони от век, уронил руки на ромбы покрывала. Смотреть на картину перед ним теперь тоже было невыносимо. Отныне эта картина была кусочком жизни, ушедшей навсегда.

Чья-то ладонь накрыла его руку, он почувствовал тепло и услышал голос.

— Здесь твоя семья.

Он уловил только звуки. Смысл сказанного дошёл до него позже, откликнувшись эхом в душе индейца. Шторм открыл глаза.

— Как вы догадались, кто я? — он вложил в этот вопрос всё своё стремление быть понятым.

Брэд Куэйд улыбнулся:

— Как догадался? Но ведь не одни только индейцы племени Дайни обладают разумом, сынок. Или только один ты ищешь корни, ищешь родных и связь с родным домом? Твой дом всегда ждал тебя — здесь. Твоя мать создала его, она тоже ждала, что ты вернёшься. Вот только ты припозднился с возвращением. Знаешь, на сколько? Дай-ка я сосчитаю — на восемнадцать земных лет.

Шторм не отводил глаз от картины. Он снова мог смотреть на неё. И он не ответил Куэйду. Расписанная стена, при всей ностальгичности картины, не сводила с ума безысходностью.

От двери донёсся негромкий смех. Шторм поднял голову. Это вернулся Логан. Он стоял в распахнутом проёме двери, на плече у него восседала Баку, точно так же, как она обычно садилась на плечо землянина. У ног Логана вилась Сурра, а в руках фыркал свернувшийся клубком Хинг. Сурра подошла к постели и, встав на задние лапы, передними потянулась к Шторму. Её круглые глаза были веселы.

— Я загнал Дождя в корраль, — сказал Брэд Куэйд, всё ещё не выпуская руки Шторма. — Он потерпит несколько дней, пока ты не встанешь на ноги.

Затем помолчал и добавил:

— Здесь — твоя семья. Вот и всё.

Шторм снова глубоко вздохнул, боясь, как бы этот вздох не был похож на всхлип. От рукопожатия Куэйда в него вливалась сила.

— Йат-та-хей, — проговорил Шторм. Он устал, невероятно устал. Но страшная пустота в нём заполнялась неожиданным покоем, который отныне нельзя будет нарушить ничем. — Очень, очень хорошо.

ПОВЕЛИТЕЛЬ ГРОМА

Глава 1

Наступившая Великая Сушь окрасила отроги гор, подпиравших блекло-голубое небо Арзора на севере и на востоке, в унылую бурю краску. После рассвета прошёл какой-нибудь час, но порывы горячего ветра свидетельствовали о скором наступлении обжигающе жаркого дня. Ещё два, максимум три часа можно будет ехать, пока жара окончательно не станет невыносимой. Потом всаднику придётся где-нибудь спрятаться и переждать самое пекло.

До лагеря было не слишком далеко. Хостин Шторм безмолвно управлял конём, пустив молодого жеребца размеренной рысью по выжженной равнине. Пожелтелая трава доставала до ног всадника. Там и тут по степи неторопливо передвигались голубовато-серебристые пятна — это паслись стада якобыков. Индеец безошибочно угадал направление, пустив коня напрямик по степи, ведь якобыки должны пастись неподалёку от реки. В сезоны Великой Суши ни одно животное не отходит от реки дальше, чем на полдня пути.

Сам Шторм был совсем измотан долгим переходом — он пробыл вдали от воды, в горах, слишком долго. Фляжка, болтавшаяся у седла, была пуста, воды в ней было не больше, чем в горячих скалах за спиной. А во второй фляжке со вчерашнего полудня оставалось всего несколько глотков. Глубокие каньоны гор прятали в себе источники воды, о которых было известно только Норби, местным племенам, обитающим на этой планете. Но местонахождение горных источников — один из самых охраняемых секретов племени.

Конечно, при определённых условиях поселенец, не являющийся местным жителем, мог быть посвящён в клановые секреты. Например, Логан, сводный брат Хостина, был в доверии у Норби и мог знать, где есть вода. Вспомнив о Логане, Хостин нахмурил чётко очерченные брови.

Полгода назад Хостин Шторм, ветеран войск Конфедерации,

рации, демобилизованный после разгрома завоевателей с планеты Ксик, был определён на жительство на Арзор. Тогда Хостин был бездомным скитальцем. Последнее столкновение людей с завоевателями с Ксика закончилось уничтожением Земли. Планета превратилась в радиоактивный шлак — беспощадные враги выжгли на ней всё живое и неживое. Тогда Хостин Шторм ничего не знал о существовании Логана Куэйда. Более того, он был твёрдо намерен убить отца Логана, Брэда Куэйда, — такую клятву он когда-то дал своему деду на Земле.

В конце концов оказалось, что держать клятву нет необходимости. Землянин не стал убийцей, вместо этого он обрёл то, чего желал больше всего на свете — родственников, дом, корни.

Но любой хэппи-энд имеет продолжение, не обязательно счастливое. Хостин знал это, и его состояние было ближе даже не к разочарованию, а к безысходности. Со стороны казалось, будто он прижился на новом месте с той же лёгкостью, с какой его предки, индейцы Навахо, прилаживали камушки в серебряную оправу украшения. Но один и тот же камень, перенесённый из старой оправы в новую, через некоторое время тускнеет.

Для большинства поселенцев, людей, живущих на границе дикой природы и цивилизации, день занят хлопотами до отказа. Для объездчиков день занят даже ещё более плотно. Гигантские ящерицы — йорисы — не дают покоя стадам. Случается отражать налёты дикого местного племени Нитра, обитающего в горах Пикс. Ежедневно происходит множество столкновений с опасностью, иногда заканчивающихся чьей-либо смертью. И всё-таки даже такой насыщенный приключениями распорядок дня был скучен для Логана. Его гнала вперёд вечная жажда приключений. Он то и дело бросал начатое дело на полпути, убегая, например, к Норби в деревню, чтобы вместе с ними выйти на какую-нибудь невиданную охоту. Или просто бродил по горам.

Высоко в небе была еле различима чёрная точка. Хостин вытянул губы трубочкой, словно собрался свистнуть. Однако никакого свиста слышно не было. Тем не менее чёрная точка спиралью понеслась вниз.

Жеребец под всадником остановился без всякой команды. Описав полукруг, громадная чёрная африканская орлица Баку опустилась на специально сделанный для неё насест на седле. Переминаясь с лапы на лапу, орлица склонила головку и внимательно поглядела на Шторма.

Некоторое время оба они не двигались — человек и птица, охваченные взаимопониманием. Тишина только усиливала эту связь душ. Тренированный и опытный человек вместе с тренированной и опытной благородной птицей образовывали не просто команду как общность, но при необходимости могли быть специфичной формой жизненного сообщества, а если требовалось, то и выступали как боевая единица. Вот только нужды в этой единице давно не было: враг отсутствовал. И даже учёные, создавшие такое оружие, обратились в прах. Но альянс человека, птицы и животных остался жить на Арзоре и делил тяготы покорения здешних степей так же, как проводил бы военные операции, диверсии, сражения где-нибудь в отдалённых мирах: слаженно и эффективно.

— Нихиччи хоолдох, ташш аннии йа? — спросил Хостин на языке, который среди звёздных путей знал теперь, пожалуй, только он один. Во всяком случае, он один мог говорить на этом языке свободно. — Неплохо нам живётся, правда?

Баку в ответ издала щёлкающий звук. Она согласилась со сказанным. Небо и свобода — это прекрасно, однако птице тоже был утомителен жар занимающегося дня. Когда группа останавливалась на привал, орлица охотно следовала в прохладную тень.

Жеребец Дождь спокойно скакал, неся двоих наездников. Он привык возить на себе орлицу. В сообщество, образующее сплочённую команду, конь вносил собствен-

ный вклад — скорость, выносливость к переходам. Но теперь даже конь был утомлён. Впрочем, Хостин уже различал вдаль знакомые места. Миновать небольшой подъём, проехать заросли муфтовых кустов — и вот он, лагерь, где в течение последних десяти дней его должен был ждать Логан. Однако Хостин сомневался, что застанет Логана на месте.

Лагерь представлял собой не рукотворное строение. Это была неглубокая пещера в подножии горы. По примеру местных жителей поселенцы, занимавшиеся разведением якомыков и лошадей, устраивали убежища под землёй. В периоды засухи только так можно было спастись от жары. Во временных пристанищах на дальних пастбищах неприемлемы и слишком дорогостоящи кондиционеры, навевающие прохладу в городских домах, системы вытяжки и проветривания, какие устраивали в посёлках, поместьях и на ранчо.

— Хеллоо-о-у! — Хостин крикнул погромче, как и положено гостю. Вход в жилище был тёмным. Издалека было непонятно, открыт он или закрыт. Землянин также не мог разглядеть, закрыта или открыта дверь в небольшую конюшню, где лошади могли отдохнуть в относительной прохладе.

Однако вскоре из-за бурого холма выступила бронзовая фигура. Солнечные блики заплесали на белоснежных рогах, гордо возвышавшихся над черепом. Отличительная черта жителей планеты Арзор, называющих себя Норби, — рога. Они так же естественны на безволосом черепе, как, скажем, на голове индейца Шторма естественны волосы цвета воронова крыла. Худая рука Норби взметнулась в приветствии. Хостин издали узнал Горгола, охотника из клана Шошонна. Горгол был нанят землянином для выпаса небольшого табуна лошадей, котрым Хостин надеялся положить начало будущему большому хозяйству.

Норби вышел из тени холма и встал перед всадником. Хостин поспешил остановить Дождя и спрыгнул. Он

быстро зашевелил коричневыми от загара пальцами, используя «речь-на-пальцах», язык жестов, которым пользовались местные племена.

«Ты почему здесь, Горгол? Что-то случилось? Где Логан?»

Горгол был ещё юн, почти совсем мальчишка. Но с высоты своего шестифутового роста при разговоре по-матривал на Хостина сверху вниз — худой, темнолицый, с узлами мускулов под бронзовой кожей. На солнце вертикальные зрачки его глаз стали совсем крошечными щёлочками. Горгол быстро ответил правой рукой, подтверждая необходимость объяснения. Однако его взгляд никак не встречался со взглядом Шторма.

Голосовые связки у людей и Норби столь различны, что овладеть устной речью друг друга эти две расы не могут. Но зато на планете широко распространилась «речь-на-пальцах». Незаметными движениями руки опытный рассказчик — а на арзорских ранчо почти все таковы — может выражать сложнейшие мысли, чувства, идеи.

Шторм вошёл в пещеру, служившую им пристанищем. Баку восседала на его плече. Внутри было всего на несколько градусов прохладнее, чем снаружи, но этого было достаточно, чтобы потное тело облегчённо вздохнуло. Орлица тоже довольно заклекотала.

Он остановился, давая время глазам привыкнуть к полумраку. Одного взгляда было достаточно, чтобы Хостин убедился: Логана здесь нет, и он ушёл надолго, а не просто выехал утром осмотреть стадо якобыков. Спальный мешок, обычно висевший на стене, отсутствовал, не было на месте походной кухни; принадлежностей объездчика — седла, седельных сумок и фляжек для воды — тоже не было.

Зато в пещере оказалась большая сумка из кожи йориса. На блестящей чешуйчатой коже был вышит узор, обрамляющий фигуру замля, священной птицы клана Норби, к которому принадлежал Горгол. Такая сумка служила верой и правдой в походах Норби. В пятидесяти милях вниз по течению отсюда располагался Большой Дом Норби — там такая вещь по праву заняла бы почётное место.

Шторм протянул руку, по которой, как по мостику, Баку перешла на шест, укрепленный в стене. А сам подошёл к нагревателю, отмерил порцию «сванки» — арзорского заменителя кофе и поставил программу трёхминутного нагрева. Позади раздался шёпот — это вошедший Горгол старался привлечь внимание Хостина. Но землянин хотел дать ему высказаться, не задавая наводящих вопросов, и не выказывая особого интереса.

Нагреватель забулькал. Хостин, сняв шляпу, забросил её на ближайшую лежанку, расстегнул ворот рубахи и, стянув её с себя, подставил грудь и плечи под освежитель, после чего несколько минут блаженствовал в холодных струях воды.

Когда он вышел из кабины освежителя, Горгол снял с нагревателя первую порцию сванки, подумал и поставил порцию для себя. Он вертел и вертел ёмкость в руках, уставившись в чашку так, будто видел эту жидкость впервые.

Землянин, усевшись на краешек лежанки, тоже вертел свою чашку в руках и выжидающе молчал. Горгол грохнул чашкой об стол — было видно, что он чем-то сильно рассержен. Его пальцы замелькали — он жестикулировал быстро, но Хостин успевал понимать.

«Я ухожу — весь клан Шошонна должен уйти — Кротаг созывает нас».

Хостин отхлебнул горьковатого, но бодрящего питья. Вот это новость, подумал он про себя. Вождь клана Норби созывает всех соплеменников, занятых в качестве объездчиков на ранчо. Они зарабатывают деньги — зачем вождю понадобилось отвлекать их от этого занятия? К тому же в периоды Великой Суши никто не охотится и не воюет. И для того и для другого занятия существуют месяцы, когда идут дожди. В сезоны же Великой Суши племя, наоборот, обычно разбивалось на семьи, каждая из которых как зеницу ока стерегло собственный источник воды. Так они и пережидают жару — порознь, потому что легче.

Кстати, именно из-за того, что Великую Сушь приходится пережидать возле маленьких источников воды, большинство мужчин Норби уходят к местным поселенцам на работу объездчиками. Это позволяет увести лишние рты от оставшихся пережидать Великую Сушь семей, от принадлежащих клану скудных запасов воды. Сбирать всё племя в сезон Великой Суши выглядело просто безумием. Либо этот сбор означал, что произошло что-то очень недоброе. За неделю отсутствия Шторма на ранчо здесь что-то случилось. И надо выяснить, что именно.

Хостин покинул поместье Куэйда в Пикс восемь дней назад. Ему нужно было осмотреть собственный надел земли и составить карту заявителя для регистрации в Гильдии. Как ветеран вооружённых сил и как землянин, он мог получить двести акров. И он отыскал для себя хороший участок земли на северо-востоке. С одной стороны надела были горы, с другой стороны — река.

В округе никто не слышал ни о походах враждебных племён, ни о каких-либо других бедах. Правда, заставляло задуматься то обстоятельство, что следов Норби или других охотников Хостин тоже ни разу не нашёл на своём пути. Вначале он отнёс это на счёт наступившей Великой Суши. Однако теперь становилось ещё более непонятно: неужели только сухая погода выгнала охотников из тех мест?

«Кротаг — собирает племя — во время Великой Суши?»

Недоверие можно выразить, даже просто шевеля пальцами.

Горгол переминался с ноги на ногу. Он явно не мог говорить откровенно и это обстоятельство мучило его.

«Предстоит большой разговор о магии», — сообщил Горгол.

Хостин пил сванки. Один крохотный намёк надо было увязать с другими. Что такое «разговор о магии»? Горгол сказал непонятное, чтобы ему перестали задавать вопросы, или это настоящая причина сбора Норби? Однако, что

бы ни значил ответ Горгола, следует перестать любопытствовать. Вы не можете вести разговор о «магии», и его собственное индейское происхождение утверждало его в принятии необходимости и правоты этого.

«Ты уходишь надолго?»

Пальцы Горгола ответили не сразу. Он явно колебался: «Не знаю точно», — ответил он наконец.

Хостин силился придумать вопрос, который не заставил бы Горгола молчать, и в то же время ответ на который дал бы землянину чуть больше информации. В это время из дальнего угла раздался писк кома — это устройство для связи с миром имелось на каждой усадьбе, в каждом поместье. Землянин подошёл к пульта и нажал кнопку приёма. Переданная новость не была для него новой. Это было указание всем мужчинам, умеющим ездить на лошадях, немедленно собраться в оговорённом месте. Сообщение передавали уже несколько раз, через определённые промежутки времени. Что-то и впрямь случилось.

«Ты едешь в горы?» — спросил Хостин.

Горгол уже направлялся к выходу с сумкой через плечо. Он остановился и теперь тревога сквозила не только в выражении лица Норби, она читалась в каждом жесте. Казалось, Горгол нехотя выполняет чей-то глупый приказ, но не может не подчиниться.

«Я еду в горы. Все Норби едут туда».

Все Норби, а не только Горгол. Индеец раздражённо присвистнул. Брэду Куэйду были необходимы Норби-объездчики не только здесь, в поместье у Пикс, но и в Большой усадьбе в Бэйсине. И Куэйд отнюдь не единственный владелец ранчо, нанимающий на работу Норби. А если все Норби подались в горы... Такой исход может подорвать не одно арзорское хозяйство.

«Все Норби идут в горы. Тоже для разговора о магии?»

Но почему? Магия — это дело клана, насколько этот предмет знаком Хостину. Он никогда не слышал, чтобы всё племя или вся раса собиралась на общую встречу,

посвящённую магии со всеми её церемониями. И уж, конечно, такими вещами не занимаются в сезоны Большой Суши. В конце концов, такое сборище не смогут напоить даже речные долины, а ведь Норби собираются в безводных горах!

Однако Горгол повторил:

«Да. Все Норби».

«А дикие племена?»

«Дикие племена тоже идут».

Невероятно! Даже племенные распри оставлены в стороне — а ведь всегда находились драчуны, разжигавшие вражду. И одно дело установить шест мира между несколькими кланами. Но совсем другое, неслыханное дело — ждать, что Норби и Нитра усядутся вместе под шестом мира и будут спокойненько держать боевые стрелы в колчанах.

«Я иду, — Горгол похлопал по сумке. — Лошади в большом коррале. С ними всё в порядке».

«Но ты вернёшься? Ты снова будешь работать объездчиком?»

«Легче предсказать, куда ударит молния».

И Горгол ушёл. Хостин пометался по комнате и улёгся на лежанку. Итак, Горгол не уверен, вернётся ли назад. И что там у Норби значит поговорка про молнию? Это племя считает невидимые тени, выбивающие гром в горах, обладателями божественной мощи. Домом этим богам, распоряжающимся громом и молниями, служат горные вершины северо-востока — так считается у Норби. Предсказать волю богов, то есть, куда упадёт посланная ими молния, могут только боги, но никак не Норби.

Кстати, те же самые горы северо-востока сплошь изрыты пещерами и подземными галереями, которые, возможно, использовала для своих нужд неведомая раса, побывавшая на Арзоре за сотни лет до прилёта землян в эту часть Галактики. Возможно даже, древняя раса сама возвела в скалах эти пещеры и переходы.

Хостин, Логан и Горгол в сопровождении животных — песчаной кошки Сурры и меркота Хинга, случайно обнаружили Пещеру Ста Садов — удивительный ботанический сад в Запечатанных Пещерах. Развалины древнего поселения в долине и сама пещера Ста Садов стали объектом изучения археологов. Вполне вероятно было предположить, что в горах есть и другие Запечатанные Пещеры. И так же было вполне понятным, почему Норби возвели в ранг богов древних космических путешественников, которые выдолбили горы Пикс, только чтобы сохранить свои тайны.

Можно часами рассуждать на эту тему, так и не отыскав ни одного реального подтверждения, решил Хостин. Лучше поспать, пока не спадёт жара, а ближе к вечеру выехать по вызову, полученному из центральной усадьбы. Возможно, этот вызов звучал уже несколько дней, начиная с момента, когда Логан покинул ранчо. Хостин повернулся на бок и приказал себе уснуть.

За годы службы он выработал в себе внутренний будильник. Теперь сознание разбудило его за час до указанного срока. За пределами пещеры стояли душные вечерние сумерки. Но это всё-таки был не столь нестерпимый жар, как днём. Шторм позволил коню выкупаться в реке, прежде чем они вышли на твёрдую дорогу. Ночное время — не для полётов орлиц, но Баку, подчиняясь приказу, поднялась в сияющее звёздами небо.

До центральной усадьбы предстояло ехать три ночи. Два дня между этими ночами придётся укрываться где-нибудь в расщелине, лежа пластом на земле в тени.

К полуночи третьей ночи вдали засияли огни центральной усадьбы. Атомных ламп было необычайно много — и это тоже было знаком тревоги.

У ворот его окликнул подозрительный голос:

— Кто идёт?

Хостин натянул поводья. Жеребец зафыркал на возникшую справа пушистую тень. Вытянув когтистую лапу к

ботинкам Шторма, тень материализовалась в Сурру. Землянин спрыгнул к ней, отвечая часовому:

— Это я, Шторм.

Шершавый язычок уже гулял по его рукам, вызывая ответное тепло в сердце. Сурра соскучилась.

Часовой, вышедший из ворот, был вооружён станнером. Он сказал:

— Я отведу твою лошадь. Куэйд ждёт давно, он волновался, что ты задерживаешься.

Хостин пробормотал слова благодарности. Его больше интересовало, кто ещё прибыл сюда. Никого из Норби не было видно. Горгол был прав: они все ушли на зов.

Сурра тёрлась об его ноги мордочкой. Он вошёл в дом. Кошка тоже нервничала. Последний раз он помнил её такой возбуждённой в один из совместных ночных дозоров на службе. Впрочем, Сурра была только возбуждена, но не настрожена.

— ...насколько можно судить из рапортов, по всему континенту...

Может быть, Сурру всего лишь развлекало скопление людей. Зато голос Брэда Куэйда был явно встревоженным.

Глава 2

В доме собрались поселенцы со всего округа Пикс. Прибыл даже Риг Думарой, чьи отношения с Брэдом Куэйдом не заходили дальше натянутого нейтралитета. Естественно, как только начиналась какая-нибудь неприятность, касающаяся Норби, Думарой был тут как тут. У него было самое обширное владение на границе неосвоенных земель. И как самый предубеждённый противник местных жителей, Думарой категорически отказывался нанимать к себе в работники Норби.

— А вот и Шторм! — воскликнул Дорт Лансин, поселенец, с которым почти год назад Шторм встретился на борту военного грузовика, шедшего на Арзор. Дорт взмахнул

двумя пальцами в знак приветствия. У охотников этот жест означал также предупреждение: смотри в оба.

Высокий мужчина возле панели переговорного устройства оглянулся через плечо. Как показалось Шторму, на лице его отчима отразилось облегчение.

Присутствовали Дорт Лансин, его старший брат Артур, Думарой, Джоттер Хайк, Вэл Паласко, Коннар Джефф, Сим Старль. Но Логана Куэйда не было. Хостин всё ещё стоял на пороге, одной рукой глядя голову Сурры.

— Что происходит? — спросил он.

В ответ Думарой саркастически ухмыльнулся:

— Ха! Ваши любезные козлики поставили на уши все горы. Я давно говорил, что когда-нибудь они зададут вам жару. Вот теперь и расхлёбывайте, — улыбка сошла с лица поселенца, и он ожесточённо хлопнул себя по колену. — Грядут неприятности. Чем скорее мы объединимся, тем лучше. Надо вызвать Патруль, пусть разберутся и наведут порядок.

— Ты вещаешь на этой волне всю ночь, Думарой, — перебил его Артур Лансин. Его голос прозвучал резко и отрывисто — словно нож, рассекающий мясо якобыка. — Мы тебя поняли вполне чётко и ясно с первого захода. Послушай, Шторм, ты не видел в горах ничего необычного?

Индеец повесил шляпу на вешалку, сделанную из рогов дариорка, растянул ремень с подвешенным ножом и станнером.

— Теперь я думаю, что необычно то, чего я не видел.

— Чего же ты не увидел? — Брэд Куэйд снял с нагревателя кофейник со свежим сванки. Он разлил сванки гостям, жестом пригласил Хостина сесть в кресло из пенопласта. Землянин сел и взялся за сванки, между глотками говоря:

— Никаких следов, нигде не встретил охотников. Ничего вообще. Я ехал будто по вымершей пустыне.

Только теперь он понял, как устал. Братья Лансины,

внимательно слушавшие Шторма, обменялись взглядами, и Дорт кивнул. Он и сам не раз выходил на охоту вместе с Норби, ездил в их деревни и понимал, сколь необычно отсутствие местных жителей.

— Как далеко ты заезжал в горы? — спросил Брэд Куэйд.

— Я ездил по предгорьям, делал зарубки, столбил участок.

Хостин вынул составленную карту своего участка и вручил её Куэйду. Тот сравнил набросок с картой местности, выполненной в виде фрески на стене.

— Лакомый кусочек ты себе отхватил, — похвалил заглянувший в карту Джефф. — Так что, ты там не увидел ни одного охотника?

— Никого. Я ещё подумал, что это, наверное, из-за Великой Суши.

— Великая Сушь ещё не окончательно наступила, — заметил Брэд Куэйд. — Четыре дня назад Горгол пригнал лошадей, взял свои вещи и уехал.

— Я встретил его на ранчо.

— Что он сказал тебе?

— Что идёт на общий сбор клана. Что-то вроде собрания всего племени.

— Это в Великую-то Сушь! — недоверчиво воскликнул Хайк.

— А я вам что говорил! — поднял палец Думарой. От его неприкрытого ликования Сурра зарычала. Хостин мысленно приказал кошке успокоиться.

— Я же вам говорил! — продолжал Думарой. — Мы с вами сидим возле единственной реки на планете, не пересыхающей в сезоны Великой Суши. А «козлы» наверняка задумали прогнать нас от воды. И если мы с вами хоть немного умнее простых водяных крыс, то надо пойти и прогнать самих «козлов», пока они не успели объединиться против нас.

— Как-то раз ты уже призывал прогнать Норби, — ледяным тоном парировал Брэд Куэйд. — Что же мы

обнаружили тогда? Что Норби не были причастны к тому, что происходило. Что потери в наших стадах случались по вине десанта с Ксика.

— Вот-вот. Никак, по-твоему, и теперешние выкрутасы Норби — тоже происки десанта с Ксика? Десантники, что ли, собирают вместе все племена? — враждебность Думароя окутывала его, словно туман.

— На этот раз, возможно, дело не в завоевателях с Ксика. Но я не собираюсь вдаваться в объяснения до тех пор, пока не буду располагать точной информацией. Всё, что мы сейчас наверняка знаем — это следующее: все объездчики-Норби разорвали контракты и направились в горы в то самое время, когда они, как правило, мирно работали. Такого никогда раньше не случалось.

— Это всё сантименты, Думарой, — поднялся Артур Лансин. — Какого лешего нам совать голову прямо в пасть этим йорисам. Вышлем парочку отрядов, осмотримся, а там соберём ребят по Долине, а то и наймём кого в Порту на подмогу. Пока стоит Сушь, стада никуда не денутся от реки. Так что нам нужен только небольшой отряд объездчиков для того, чтобы отгонять йорисов. Мой прадед управлялся со стадом ещё в дни Первого Корабля, а ему помогали два мальчугана и только! Вы все умеете держаться в седлах, справитесь.

— Так-то оно так, — поддакнул Сим Старль. — И давайте-ка объединим переговорные устройства в сеть. Если кто-то что-то узнает, тут же передаст остальным. Но я всё-таки дождался бы ясности, прежде чем что-либо предпринимать. Вдруг Норби всего-навсего затеяли какие-нибудь свои обряды, в которые мы не имеем права вступать.

И поселенцы направились каждый к своему топтеру, чтобы лететь обратно в свои поместья, разбросанные в предгорьях Пикс. В комнату вернулся Брэд Куэйд, провожавший гостей. Хостин наконец решился и задал волновавший его больше всего вопрос:

— Где Логан?

— Ушёл.

— Куда?

— В деревню Кротага. Во всяком случае, я думаю, что туда.

Хостин вскочил как ужаленный:

— Идиот! Норби собрались на какие-то свои ритуалы магии. Мне сказал об этом Горгол.

Брэд Куэйд повернул встревоженное лицо к индейцу. При других он скрывал свои чувства, но с Хостином был искренен:

— Я знаю. Но Логан пил чашу крови с Кавоком, старшим сыном Кротага. А это значит, что он принадлежит к клану.

Хостин решил не возражать. Ритуалы магии — дело тонкое. Можно считаться братом по крови у Норби, можно жить с ними бок о бок, но всё это не значит, будто тебя посвятят в сокровенные верования. Однако вслух высказывать свои опасения землянин не стал. Брэд Куэйд знал все эти тонкости не хуже Шторма.

— Может, мне следует догнать его и вернуть домой? Сколько дней назад он выехал?

— Нет. Не надо его возвращать. Он сам волен выбирать то, что считает нужным. К тому же, если не возражаешь, я хочу отправить тебя топтером в Гальвади.

— Зачем?

Брэд Куэйд указал на карту земельного участка:

— Ты забыл, что участок надо зарегистрировать? И там ты можешь поговорить с Келсоном. Он знает Логана. Логан часто с ним беседовал. Убеди его Келсон, может быть, Логан всё-таки остался бы на ранчо. Возможно, Келсон уже получил инструкции от самого Консула. Конечно, тебе вряд ли перескажут консульские инструкции, даже если будешь умолять. И всё-таки повидайся с Келсоном и выясни, что же там происходит. Может, они уже выработали официальное мнение по проблеме Норби.

Думаю, ты хоть что-нибудь узнаешь. Я же должен быть здесь. Думарой со своей горячностью может снова пуститься реализовывать планы спасения. Нужен человек, чтобы вовремя отговорить его. Иначе он опять втравит нас в беду.

— А как ты думаешь, что всё-таки случилось?

Брэд Куэйд уставился в потолок, словно видел кладку из речного камня в первый раз.

— Понятия не имею. Конечно, это какие-то магические ритуалы, их магия. Но странно, что они затеяли это в такое неподходящее время. Мы, Куэйды, живём на Арзоре со времён Первого Корабля. Ничего подобного раньше не случалось. В наших семейных записях такое не упоминается.

— Горгол сказал то же самое. Давай-ка сядем и подумаем.

И Хостин проявил редкий знак дружелюбия к человеку, которого он когда-то поклялся убить. Он опустил свою загорелую руку на широкое плечо отчима:

— Ждать всегда трудно. В ночь на завтра я вылетаю в Гальвади. А Логан — что ж, он внутри ощущает себя Норби. Он пил чашу крови с кланом Замля, племени Шошонна. А ритуалы магии — святое дело.

Брэд Куэйд похлопал по обнимающей его руке:

— Будем надеяться, что святое. Но ты измотан, словно после двухдневного марш-броска. Давай-ка ложись спать.

Ждать всегда тяжело. И Хостин чувствовал, как это ожидание выматывает его, когда сажился в топтер, устремившийся в ночное небо. Землянин оставлял позади всё, что было у него на Арзоре дорогого. Почти по-человечьи разумная кошка, зоркая, с рыжей шерстью. Жеребец, которого он обучил многим премудростям. Орлица Баку, проводившая его диким криком. Смешной зверёк Хинг, меркот. Шторм всегда думал, что Хинг — самец, пока несколько дней назад не обнаружил у себя на подушке четыре крошечных пушистых комочка. Детёныши были

уже подростки — Хинг принесла их хозяину вполне готовыми к обучению.

И ещё в степи остался человек, которого Шторм уважал, даже когда обязан был убить, даже когда обязан был ненавидеть. А теперь он по первому зову последовал бы за этим человеком куда угодно и за чем угодно. Если самые худшие подозрения Шторма окажутся верными, то он оставляет самое дорогое в самом центре вражеского расположения.

Внешне в Гальвади всё было спокойно. Хостин вышел из бюро регистрации земельных участков и присмотрелся к жизни городка. До вечера было ещё далеко, но несмотря на дневную жару, улицы пестрели оживлёнными прохожими, лавки были открыты. Но значило ли это, что он сможет нанять объездчиков? В это время года найти незанятых ковбоев всегда было очень трудно. В нижней части города расположились несколько залов для публичных сборищ, куда Шторм собирался заглянуть, чтобы поискать работников. Но вначале — обед.

Он выбрал небольшую забегаловку и был приятно удивлён разнообразием блюд для заказа — ими был уставлен целый поднос. В усадьбах обычно едят много, но это простая пища, лакомые кусочки приберегают для праздников. В этой же забегаловке выбор был достоин какого-нибудь ресторана близ Порты, где встречаются инопланетных гостей. Но когда Шторм заметил за ближайшим столиком закатанина, то понял: столичный ресторан должен удовлетворять не только непритязательному вкусу поселенцев, но и запросам правительственных гостей.

Хостин нажал кнопки напротив названий блюд, которых не пробовал со времён Службы. И только принялся смаковать поданный сок далии, когда над ним выросла фигура офицера Келсона, представителя Корпуса Мира в округе Пикс.

— Я слышал, что ты искал меня, Шторм.

— Да, я пытался дозвониться вам по кому, — ответил

Хостин. Он растерялся, потому что обстановка не располагала к тому разговору, который он планировал повести с Келсоном. Не спрашивать же в лоб: какие вам поступили инструкции насчёт действий в нашем округе. Однако беседу продолжил сам Келсон:

— Вот совпадение. Я тоже пытался застать тебя. Связался с Пикс — Куэйд сказал, что ты регистрируешь участок. Значит, ты решил стать поселенцем в Пикс?

— Да. Я буду разводить лошадей вместе с Патом Ларкином. Он сейчас в отъезде. Прослышал о новой породе лошадей — помеси земных с местными видами дуикорнов. Говорят, такие лошади способны выдержать переходы по пустыне. По крайней мере так утверждают продавцы.

— И значит, таким лошадям цены нет в Большую Сушь? Надо подумать, не купить ли такую лошадь. Но твоё ранчо пока ещё не обустроено.

«Ну и что?» — удивился про себя Шторм. Естественно, все начинают строительство только в период дождей. Но Келсон имел в виду нечто особое.

— Видишь ли, у меня возникли трудности, с которыми я хочу просить тебя помочь мне справиться. Можно, мы присоединимся к тебе? Заодно и побеседуем...

К столу подошёл ещё человек. Это явно был гость с другой планеты. Среди поселенцев таких не встречалось. Его облегающая одежда в виде туники была обшита серебряной каймой, высокие узкие чёрные брюки выдавали представителя торговых миров, шумных и перенаселённых. Впрочем, такая одежда могла быть всего лишь модной на родной планете этого человека. Всё вместе — костюм и человек — не соответствовали друг другу, точно так же этот комплект выглядел нелепо на Арзоре. Одутловатая неуклюжая фигура в арзорском ресторане могла бы показаться забавной. Но при взгляде на сухое мужественное лицо, на твёрдый волевой подбородок, становилось не до смеха. Человек имел полномочия

отдавать правительственные приказы. Хостин знал эту породу и не питал к ней симпатий. Он напрягся, выжидая.

— Позвольте представить: Достопочтенный Ласс Уиддерс — Повелитель Зверей Шторм, — Келсон использовал выражение, обозначающее высшее уважение к представителям иных планет. Достопочтенный, непростенно усевшийся за столик Шторма, продолжал рассматривать Хостина с неприличной прямоотой.

Юноша поправил Келсона:

— Я сейчас не на Службе. Я работаю ковбоем у Брэда Куэйда, поэтому нельзя говорить, что я — Повелитель Зверей.

— Ну-ну, ковбой! — запротестовал Келсон. — Ты только что зарегистрировал собственный участок владений. Какое ты выбрал тавро будущего хозяйства?

— Наконечник стрелы с буквой «Ш», — безучастно ответил Шторм. — А что нужно Достопочтенному от демобилизованного Повелителя зверей?

Уиддерс заговорил на общегалактическом наречии деловых миров:

— Месяц, а возможно, чуть больше, работы на меня. Я хочу, чтобы ты доставил меня в Синий сектор. Ты и твоя команда.

Заморгав, Хостин уставился на Келсона, ожидая подтверждения сказанному. К его изумлению лицо офицера Корпуса Мира подтверждало: сказанная гостем несусветная чушь — не идиотизм, не бред сумасшедшего, а разумное и деловое предложение.

— От тебя, Повелитель зверей, зависит, как быстро ты выполнишь эту работу. Насколько я понял, нам надо пересечь всю страну за несколько недель, пока не начался сухой сезон.

Шторм перестал моргать и сказал чистую правду:

— Это невозможно.

— Ерунда, — раздражённо возразил Уиддерс. — Нет ничего невозможного для специалиста, располагающего

неограниченным кредитом. Как специалиста мне тебя рекомендовал Келсон. Ну, а я со своей стороны обеспечиваю неограниченный кредит.

Объяснять сумасшедшему, в чём он безумен — бесполезно. Всё равно не послушает. Надо просто выслушать его, а потом показать несостоятельность самого разумного пункта в его безумном плане. Может быть, тогда идиота удастся отговорить.

Хостин зачерпнул ложку лорг-соуса и сдобрил им жареную хорву.

— А почему именно в Синий сектор?

— Там мой сын.

Хостин снова посмотрел на Келсона. Синий сектор был абсолютно не изучен. Западные вершины тамошних гор значились на картах как продолжение Пикс. Но что там было на самом деле, можно было судить только по размытым фотографиям, сделанным при аэросъёмке. Восходящие потоки воздуха делали невозможным проникновение в Синий сектор на топтерах. А вся земля тех мест была населена местными племенами каннибалов, родственников Норби, но совершенно диких. Между ними и Норби постоянно шли военные столкновения. Не было случая, чтобы кто-нибудь из ушедших в Синий сектор вернулся — будь то официальный представитель чего-либо, охотник на йорисов или простой поселенец. Указом правительства Синий Сектор был закрыт к посещению. Но вот офицер Келсон сидит себе и спокойно слушает предложение проникнуть в закрытые территории. Как будто Уиддерс не предлагает ничего страшнее прогулки по Гальвади.

— Ты служил в войсках Конфедерации, Шторм. Как и мой сын. Он состоял в Силах Прорыва.

Хостин обомлел. Бойцы Сил Прорыва — отменные драчуны. Странно, зачем одного из них могло понести в Синий сектор?

— Его сильно ранило перед самой капитуляцией Ксика. И он попал на Олпис.

Что такое Олпис, Шторм знал. Одно из местечек, где человека «реабilitируют». Считается, что там возвращают к нормальной жизни. Но если Уиддерс-младший лечился в Олписе, как он ухитрился попасть на Арзор? Да ещё в Синий Сектор.

— Восемь месяцев назад с Олписа отбыл транспорт с сотней ветеранов. Среди них был и Айтон. Неподалёку от этой звёздной системы корабль столкнулся с допотопной гипербомбой, — если бы не холодные глаза Уиддерса, не подрагивание губ, можно было бы подумать, будто он говорит о прелестях погоды. — Месяц назад в соседней звёздной системе, на Мейхоу, был обнаружен спасательный шлюп с корабля. Там нашли двоих спасшихся. Они доложили, что по крайней мере ещё один спасательный шлюп был спущен со взорванного корабля, и что тот шлюп направлялся к звёздной системе Арзора. Их собственный спасательный шлюп был повреждён, вот почему они сели на Мейхоу. Но второй шлюп, направившийся к Арзору, должен был прислать на Мейхоу помощь.

— И пропал вместе с обещанной помощью, — Хостин не спрашивал. Он констатировал факт.

Келсон покачал головой:

— Есть шанс, что этот шлюп достиг Арзора, потерпев аварию в Синем Секторе. Два устройства связи в Пикс зарегистрировали слабые сигналы. Проверка показала, что источник сигналов находился в Синем Секторе.

— А климат на вашей планете таков, что выжившие пассажиры космошлюпа всё равно погибнут в это время года, если к ним не послать помощь, воду, пищу, медикаменты, — продолжил Уиддерс. — Поэтому я хочу добраться туда под твоим руководством и вызволить моего сына.

«Если только твой сын был на том космошлюпе, и если только он до сих пор жив», — подумал Хостин. Вслух же он пояснил:

— Вы просите невозможного, Достопочтенный. Отправиться в Синий Сектор равнозначно самоубийству. К тому

же в сезон Великой Суши преодолеть горы Пикс просто не на чѐм.

— Но ведь туземцы живут в горах круглый год, не так ли? — в голосе Уиддерса появились визгливые нотки.

— Да, Норби живут там. Но они не доверяют нам секретов своей страны.

— Так найми местных проводников, сколько нужно. Наши кредиты не ограничены.

— Никакие кредиты не купят секретов местонахождения источников воды у Норби. И вот что ещё. Именно теперь местные племена собрались для проведения ритуалов магии в горах. Даже в сезон дождей мы не могли проехать по этой местности без разрешения. А теперь — и подавно.

— Да, я слышал, что Норби собираются, — заговорил Келсон. — Интересно было бы разузнать, зачем.

— Только не я буду это разузнавать, — воспротивился Штурм. — И я здесь отчасти как раз для того, чтобы сообщить вам о Норби. Меня послали нанять объездчиков вместо ушедших Норби. На прошлой неделе все аборигены были отозваны в горы. Все.

На Келсона это сообщение не произвело впечатления.

— Да, мы знаем. Норби движутся не северо-восток.

— В Синий Сектор, — уточнил Хостин.

— Точно. Ты почти дошёл до тех мест, когда обнаружил базу десантников с Ксика. И Логан часто охотится в тех местах. Только у вас двоих может появиться полезная для нас информация о той местности.

Хостин наконец решился:

— Нет. Я ещё не сошёл с ума. Прошу извинить меня, Достопочтенный. Каким бы путём вы ни пытались попасть в Синий Сектор, это невозможно.

— А если я не приму твой отказ? — в серых глазах Уиддерса замелькали искорки гнева.

— Это ваше право, Достопочтенный. И ваше личное дело. До свидания, Келсон, как-нибудь свидимся.

И Хостин вышел, оставив позади Уиддерса с его проблемами. А у него и своих забот хватало.

Глава 3

Хостин нервно мерил шагами комнату. Усидеть на месте он почему-то не мог. Наверное, от смущения по поводу мизерных результатов поездки в Гальвади.

— Так вот. Я нанял всего одного наездника. И того пришлось взять на поруки из тюрьмы.

— А за что его упекли? — поинтересовался Брэд Куэйд.

— Таранил мостовую угнанным у валодианского министра авиакаром. Министр огорчился и выразил протест. Хаверсу — это тот, кого я нанял, присудили двадцать дней тюрьмы или сорок кредиток. А он проигрался дочиста в «Звёзды и кометы» и предпочёл двадцать дней отдыха. Но в тюрьме он был всего три дня, тут я его выкупил. Однако он, по-моему, знает ковбойское дело.

— А с Келсоном ты встретился?

— Келсон встретился со мной. Похоже, он расстрелял все свои заряды и теперь ждёт большого подкрепления, — Шторм бессознательно перешёл на армейский жаргон.

В углу комнаты негромко урчала Сурра. Она ловила настроение Хостина на свой манер и выражала собственное недовольство неважным положением дел.

— Так что сказал Келсон?

— У него в гостях важная шишка. Цивильный неуч. Хочет добраться до Синего Сектора прямо сейчас.

— Да ты что! — изумление Куэйда было таким же неподдельным, как то, что почувствовал Хостин в Гальвади, когда услышал это сообщение.

Землянин рассказал историю Уиддерса. Куэйд выслушал и недоверчиво покачал головой.

— Всё это было бы похоже на правду, если бы существовала вероятность, что его сын на борту космошлюпа ждёт, пока его спасут. С помощью Норби можно было бы

добраться до Синего Сектора. Но где ты сейчас отыщешь проводников-Норби? С другой стороны...

Куэйд умолк. Два детёныша-меркота гнездились у него в ладони, третий улёгся на плече. Куэйд продолжал:

— С другой стороны, Синий Сектор — это всего только направление, в котором наблюдается перемещение кланов Норби.

— Что-что?

— Дорт Лансин облетал свои владения на топтере. Он отметил перемещение двух кланов Норби. Они шли так быстро, что даже не устраивали стоянок. Они двигались целеустремленно — настолько, что никто из охотников-Норби не стал ловить дикую кобылку, пробежавшую невдалеке.

Шторм остановился, с интересом глядя на отчима. Чтобы Норби не стали ловить дикую лошадь, нужно было создать прямую угрозу их жизни. Равнодушие Норби к дикой лошади — из ряда тех же феноменов, что и желание Уиддерса пойти в Синий Сектор и вернуться оттуда живым.

— А эти кланы тоже двигались на северо-восток?

Брэд Куэйд кивнул в ответ.

— Я ничего не могу понять, — задумался Хостин. — Они идут в страну, где обитает племя, гораздо худшее, чем Нитра. Там живут те, кто ест ПЛОТЬ. Каннибалы. Никто из Норби — ни Шошонна, ни Вопт, ни Фанг не смели даже соваться туда — их бы прокляли навеки.

— Это так. И всё-таки Норби идут туда. Причём идут не охотничьими отрядами, а целыми кланами. Поэтому я отчасти согласен с Келсоном: нужно узнать, в чём там дело. Норби идут с женщинами и детьми, это очень странно. Однако нам надо подумать, как проникнуть к ним.

Хостин подошёл к карте.

— Если погодные зонды не преувеличивают силу восходящих потоков, топтер там просто развалится.

— Зонды не преувеличивают, — грустно усмехнулся

Брэд Куэйд. — Какой-нибудь сумасшедший пилот ещё смог бы пролететь вдоль границы Сектора при устойчивой погоде. Но долго в тех местах не полетаешь. Любой отряд разведчиков будет вынужден идти пешком или ехать на лошадях.

— Норби знают расположение источников воды.

— Это их клановые тайны, в которые нас не посвящают.

Шторм изучал карту на стене.

— А Логан знает какие-нибудь кличи, обозначающие источники воды?

Речевой аппарат человека не может воспроизвести язык Норби. В свою очередь горло Норби устроено так, что они также не могут освоить среднегалактическую речь. Среди поселенцев Арзора и местных жителей бытовал способ объяснения жестами, так называемая «речь-на-пальцах», понятная каждому. Но некоторые из поселенцев достаточно быстро выучивались понимать чирикающую речь Норби — хотя и не были в состоянии воспроизвести её. Длинные переливчатые кличи-разговоры Норби были немного похожи на человеческое пение. В большинстве своём это короткие наборы звуков, которые обозначают что-либо — тревогу, едущего навстречу воина, местонахождение деревни или источника с водой. Местное население широко использовало это средство общения на расстоянии.

— Наверное, знает.

— Почему ты думаешь, что он уехал с кланом Кротага?

— Ему не позволят ехать с каким-либо другим кланом.

Детёныши-меркоты проснулись и запищали. Из своего угла рыкнула Сурра и метнулась к двери.

— Кто-то идёт.

Это было очевидно. Сурра не стала бы беспокоиться из-за привычных обитателей усадьбы. Её явно встревожило приближение чужаков.

Песчаные кошки обладают очень тонким слухом. Сурра уловила приближение гостей задолго до того, как они ступили на порог. Брэд Куэйд встретил пришельцев у

входа. Только-только занимался новый день. Полоса света из окна осветила гостя — зелёную тунику офицера Корпуса Мира. Раздался голос Келсона:

— Мир вашему хозяйству.

— У очага найдётся место и для вас, — ответил Брэд Куэйд стандартной фразой.

Шторм не удивился, разглядев за спиной Келсона Уиддерса, хотя тот в своей дурацкой одежде выглядел абсолютно не к месту. В свою очередь Уиддерс принялся разглядывать убранство комнаты. На стенах были развешаны военные трофеи Норби, оружие, образчики резьбы по дереву, выполненные поселенцами. Несколько вещей из бывлой амуниции Брэда Куэйда, сохранившиеся со времён его службы офицером топографической Службы.

Уиддерс прошёл внутрь и остановился, наткнувшись на загородившую проход Сурру. Кошка внимательно изучала его. Шторм знал, что теперь образ Уиддерса навеки запечатлён в её мозгу, и что Сурра уже составила мнение об этом человеке, и что мнение Сурры о Достопочтенном Уиддерсе не слишком лестное. Сурра высокомерно прошествовала прочь и взобралась на диванчик, служивший её личным тронem. Она не свернулась клубочком, а сидела прямо, наострив уши, словно прислушиваясь и нервно постукивая лисьим хвостом.

Сам Шторм занялся нагревателем, готовя обязательный сванки. Его тревога усилилась. Келсон привёл с собой Уиддерса неспроста. Значит, ни Уиддерс, ни Келсон не убеждены в безумности затеи добраться до Синего Сектора, они хотят знать мнение Брэда Куэйда. И Хостин не был уверен, что Брэд Куэйд сможет доказать им безумность их затеи.

— Рад видеть вас, — сказал Брэд Куэйд Келсону. — Тут у нас небольшие трудности.

— Это у меня трудности, Достопочтенный, — перебил его Уиддерс. — Насколько я знаю, твой сын хорошо знает здешние места и часто там охотится. Я хочу как можно скорее переговорить с ним.

— У меня двое сыновей, — ответил Брэд Куэйд. — И они оба хорошо знают Пикс. Хостин уже рассказал мне о вашем желании добраться до Синего Сектора.

Куэйд говорил спокойно, но чувствовалось, как в нём нарастает раздражение. Уиддерс тоже кипел внутри: он не привык слышать отказы.

— Твой сын не хочет идти туда.

— Если бы я узнал, что он хочет идти туда, я немедленно вызвал бы скорую психиатрическую помощь, — сухо ответил Брэд Куэйд. — Келсон, уж кому-кому, а вам-то известно, что в Синий Сектор не добраться!

Келсон с интересом разглядывал кофейник из-под сванки.

— Да, я знаю, что существует определённый риск. Но мы должны туда попасть. Это приказ, Брэд! Вожди кланов, Кротаг, например, позволят такую экспедицию, потому что у нас есть уважительная причина: отец разыскивает сына.

Так вот в чём дело! Теперь Хостину стало ясно, почему Келсон так настаивает. В его желании достичь Синего Сектора появился смысл: таков был приказ. И стремление Уиддерса попасть в Синий Сектор могло быть принято каждым Норби, которые очень уважают родственные связи. Отец разыскивает пропавшего сына — да, это убедительный довод, чтобы Уиддерсу были предоставлены местные проводники, грузовые лошади и даже, возможно, сообщены местонахождения источников воды. Но только если бы это происходило в н о р м а л ь н о е время, а не сейчас, в сезон Большой Суши и внезапного сбора всех племён!

— Но у Логана есть братья по крови, или он сам считается братом по крови в клане Кротага, — заметил Келсон. — А ты, Шторм, ты ведь охотишься вместе с Норби Горголом.

— Горгол ушёл.

— И Логан тоже, — добавил Брэд Куэйд. — Пять дней назад он выступил вместе с кланом Кротага.

— В Синий Сектор! — вскричал Келсон.

— Я не знаю.

— Клан Замля уже дошёл до Большого Пальца, — Келсон указал местонахождение длинного каньона на карте. Расщелина каньона уходила прямо в Синий Сектор, словно дорога через Пикс. — Там они останавливались на привал, я проверял.

Шторм подхватил ковыляющего мимо детёныша-меркота и усадил на грудь. Тот закопошился, цепляясь коготками, заурчал. Итак, Логан ушёл с Норби. У него, конечно, были важные причины уйти. Но сейчас гораздо важнее сам факт его ухода. Мальчишка найдёт-таки себе приключения похлеще, чем простые неудобства, причиняемые Великой Сушью.

Хостин посмотрел на карту отсутствующим взглядом. Он размышлял, как быть дальше. Дождь? Нет, Дождя он с собой не возьмёт. Жеребец ещё и года не прожил на Арзоре, к сухому климату не привычен. Шторму для перехода понадобятся местные выносливые лошади. Две-три, а лучше четыре. В сезон Великой Суши лошадей приходится часто менять. На каждого идущего человека нужны две лошади, чтобы везти запасы воды. Ещё необходимо взять с собой пищевые концентраты — не пищу, а специальные продукты, способные поддержать организм в Великую Сушь, снабжая его достаточной энергией.

Сурра. Индеец обернулся, безмолвно советуясь с нею. Да, Сурра пойдёт с ним. На его мысленный вопрос пришел ещё один ответ: Баку. Хинг останется здесь и будет заботиться о малышах. С Баку и Суррой полное отсутствие шансов добраться до Синего Сектора превращалось в небольшой шанс. К тому же его команда обладает чутьём, какого нет даже у Норби. Может быть, они разыщут источники воды.

Тишину прервал Брэд Куэйд. Он задал Хостину вопрос, доказывающий, сколь уважительно отчим воспринимал навыки Шторма:

— Каковы шансы достичь Синего Сектора?

— Не знаю точно, — землянин не спешил с ответом. — Лошади, концентраты, запасы воды...

— Концентраты и запасы воды будут доставлены топтером! — заявил Уиддерс тоном победителя.

— Даже если у вас будет прочнейшая машина и опытейший пилот, вы не сможете забраться далеко в горы, — парировал Брэд Куэйд. — Там просто ураганные восходящие потоки.

— На всём пути следования можно устраивать временные склады, — упорствовал Уиддерс. — Весь путь до предгорий можно оборудовать такими стоянками. Топтер доставит туда воду и припасы.

Частичная транспортировка припасов делала невыполнимую задачу чуть более выполнимой — с этим согласились все. Но перевалочные пункты могли быть организованы только по эту сторону границы, отделяющей Синий Сектор. Да и то, нужно было убедить Норби в необходимости этих складов. Что могло ожидать отряд по ту сторону границы, невозможно было предсказать.

Уиддерс требовательно продолжал:

— Так когда вы сможете выступить? Запасы концентратов и воды вместе с опытным пилотом будут здесь через день. Вместе с топтером.

Хостин снова ощутил растущее чувство протеста. Как и в первые секунды встречи с Уиддерсом, он холодно проговорил:

— Я пока ещё не согласился идти.

И он обратился к Куэйду на языке Навахо:

— Асизи (на наречии Навахо это значило: старший и мудрый), Асизи, как ты думаешь, этот поход может быть удачным?

— Если Высшие Боги будут милостивы, если они дадут воину добрую силу, его осенит удача. Вот моё слово — над трубкой мира, — на том же наречии Навахо ответил Куэйд.

Шторм перешёл на общегалактический, адресуя высказывание Келсону и Уиддерсу:

— Так вот. Вы должны учитывать, что я понимаю размеры величины грозящей мне опасности. Когда я выступлю в путь, только я буду определять, двигаться дальше или вернуться назад.

Уиддерс нахмурился:

— Ты хочешь сказать, что берёшь на себя полное командование и право определять дальнейший путь отряда?

— Именно так. Поскольку я рискую собственной жизнью и жизнями моей команды. Я хорошо знаю, насколько бывают неверны приказы сверху. Так что принимать решения я буду самостоятельно.

Глаза Уиддерса засверкали словно уголья.

— Сколько тебе нужно людей? — спросил землянина Келсон. — Я могу дать тебе двоих или троих ребят из Корпуса Мира.

Шторм покачал головой:

— Только я, Сурра и Баку. Я доберусь до каньона Большой Палец и разыщу клан Кротага, где сейчас находятся Логан и Горгол. Если я смогу упротить их присоединиться к нам, этого будет достаточно. Небольшой отряд в составе трёх разведчиков.

— Но я тоже иду с тобой! — вскипел Уиддерс.

— Вы чужеземец, причём совершенно необученный выживанию в здешней местности. Или я иду без вас или не иду вообще.

Несколько мгновений Уиддерс ошарашенно молчал. Наконец, видя, что Келсон и Куэйд на стороне Хостина, он заговорил:

— Хорошо. Когда ты сможешь выступить?

— Мне нужно согнать стадо на ранчо, подготовиться. В общем, через два дня.

— Через два дня? — Уиддерс вздохнул. — Что ж, я принимаю твоё предложение. Я вынужден его принять.

Однако Шторм уже забыл об Уиддерсе. Сурра выскочила в раскрытые двери, Шторм последовал за нею. Уже

светало, но горы ещё не зажглись искрами взошедших солнечных бликов. Вдали над горизонтом встал первый луч зари — как сияющий меч. Но нет, это была молния! За первой вспышкой последовала ещё одна, и ещё.

Но сейчас же не время гроз, подумал Хостин. Эти вспышки не были небесными молниями. И они исчезли прежде, чем Шторм сумел понять, были ли они вообще и чем они были.

Сурра заворчала, отплёвываясь. А индеец уловил — не звук, нет — отдалённую вибрацию воздуха, еле уловимую, почти несуществующую. За горами что-то происходило. Не поднимаясь с перекладки над корралем, Баку вскрикнула ещё раз. В ответ раздалось ржание Дождя, ему ответили остальные лошади в коррале. Животные тоже уловили вибрацию.

— Что это было? — на крыльцо вышел Куэйд, за ним Уиддерс и Келсон.

— Анана Хвии-хиджи, — землянин сам не знал, почему сказал это на наречии Навахо. — Я думаю, это вырыли томагавк войны, Асизи.

Куэйд тоскливо оглядел горы:

— И Логан — там! Решено: я еду с тобой!

— Нет, Асизи. Делай так, как ты сказал несколько часов назад. Эта земля вот-вот разродится неприятностями. Ты один можешь удержать здешний народ в мире. Со мной будет Баку. Если что-то случится, она вернётся к тебе и передаст сообщение. Логан — друг Норби в большей степени, чем любой из нас. Узы братства по крови способны примирить даже с врагом, стреляющим зелёными стрелами.

Шторм не хвастал своими способностями, тем более перед отчимом. Он знал, что наличие команды даёт ему преимущество, какого не было ни у кого из живущих в предгорьях Пикс, в долине реки. Да, Брэд Куэйд знает эти места и часто выходил туда на охоту. Однако только Куэйд и больше никто другой в состоянии повлиять на поселен-

цев, если они вдруг послушаются Думароя и решат выступить. К опасностям, подстерегающим в Синем Секторе, может добавиться ещё и отряд под предводительством Думароя, чего Шторм никак не желал. Он уже видел, куда может завести Думароя необдуманность поступков, когда тот сгоряча поддержал нападение поселенцев, науськанных десантом с Ксика, на деревню Норби.

Брэд Куэйд сумел улыбнуться:

— Я верю, ты справишься. Может, и Логан послушается ханаии, старшего брата, раз уж его уши закрыты для слов хатаа, отца. Хотя я не понимаю, почему всё так... — Брэд умолк.

Лошади утихомирились, и люди вернулись в дом. Расставив на карте точки временных складов, Келсон и Уиддерс прилегли вздремнуть, поскольку в дневные часы всё равно больше нечем было заняться. Вечером им предстояло улететь в Гальвади, обеспечить отряду продовольствие. Хостин тоже лёг и обнаружил, что не может заснуть от перевозбуждения. Вспышки над горами, отдалённая вибрация — что это было? Неужели всего только погодное явление?

— Анаасази, — прошептал он. — Старые враги.

Полгода назад он вместе с Логаном и Горголом обнаружил в горах Пещеру Ста Садов. В ней были собраны образцы растений из разных миров. Цветущие, пышные, неувядающие, ботанические экземпляры были когда-то доставлены на Арзор загадочной расой, которая поместила этот райский сад в одну из горных пещер. Если судить о тех древних космических путешественниках по оставленному саду, то можно сделать вывод, что древние пришельцы не были ни ужасны, ни жестоки. По крайней мере не было доказательств ни жестокости, ни ужасности. Наличие сада позволяло считать древних путешественников гуманными.

Археологи тщетно искали в руинах в долине близ Пещеры Ста Садов какие-либо другие свидетельства. Ничего не нашли. Но поскольку в одной пещере было

укрыто такое чудо, следовало ожидать, что и в других пещерах спрятано нечто подобное. Горы Синего Сектора составляли значительную часть неизведанного. Шторма не оставляло чувство опасности, проснувшееся в нём сегодня утром. И он подумал, что теперешняя цель похода — далеко не райский сад.

Глава 4

Накануне Хостин оставил позади один из складов, устроенный в расщелине специально для того, чтобы команда могла переждать жару дня. Он не укладывался в расчётное время. Даже полагаясь на чутьё Сурры, на инстинкт лошадей, он не рисковал быстро идти по ночам. А светлых рассветных и закатных часов было слишком мало.

Однако он упорно шёл по следу прошедших здесь Норби. Следы нескольких кланов пересекались, расходились и вновь пересекались. Наконец общий след сошёлся в одну большую тропу. И он нашёл подтверждения тому, что сообщили охотники Дорта Лансина. Норби двигались вперёд с небывалой поспешностью, убийственной в такую жару. Как будто кто-то или что-то неумолимо подгоняло их вперёд.

Следов недавних вспышек в горах не было видно. Сурра и Баку так же не подавали сигналов тревоги. И всё-таки Шторм чувствовал какую-то смутную напряжённость, пока ехал по высохшему руслу, а лошади трясли взмыленными холками.

Шедшая впереди Сурра остановилась. Шторм натянул поводья, останавливая жеребца. Он выжидал, укрыв себя и лошадей за скалой. Сурра должна была подать новый знак. Затем он расслышал тоненький посвист. Это был клич Норби. И Шторм очень надеялся, что это клич клана Шошонна. Однако он всё-таки приготовил к бою станнер. На всякий случай.

Но вот Сурра подала сигнал отбоя. Показавшийся вдали всадник был ей знаком. Хостин надеялся, что ехавший не заметит песчаную кошку, умевшую замирать и абсолютно сливаться с почвой, почти такой же рыже-пятнистой, как и сама Сурра.

Индеец подался вперёд, но не выехал из укрытия в слепящий жар дня. Через час, а может, и ещё раньше, придётся где-нибудь окапываться и пережидать. Сурра вновь встревожилась — Шторм приподнялся в седле. Во время встречи с Норби следовало держаться величественно. Всаднику подобало быть на равных с другим всадником. Тем более, когда в перспективе совместное дело.

Хостин крикнул. Его голос эхом отразился от стен каньона, усиленный многократно, словно кричала целая группа. Издали показалась невысокая черногривая лошадка, на каких ездят Норби. На ней с непроницаемым лицом восседал Горгол. Так могли бы встретиться в пустыне два незнакомца, а не два друга. Горгол не снимал рук с поводьев, показывая, что не намерен вести «речь-на-пальцах». Хостин «заговорил» первым.

«Я ищу Логана. Я знаю, что он с вами».

Вертикальные зрачки глаз Горгола остановились на Шторме, словно Горгол не понял сказанного. Наконец он поднял руку с поводьев и пошевелил большим пальцем. Знак отрицания сказанного.

«Я знаю, что Логан ушёл с кланом», — настойчиво повторил Шторм.

«Логан принадлежит клану», — поправил Горгол, развеивая сомнения Хостина в собственной правоте. Если мальчишка принадлежит клану, значит, его не держат как пленника и принимают за своего.

«Логан принадлежит клану Шошонна, — согласился Шторм. — Но Логан также принадлежит клану Куэйда. И он должен выполнить несколько обязательств перед кланом Куэйда».

«Сейчас не сезон для выпаса якобыков и ловли лошадей,

— сообщил Горгол. — Клан идёт в горы для выполнения ритуалов магии».

«Никто не отрицает необходимости идти вместе с кланом на зов магии. У нас также существует магия. Но я должен обсудить своё дело с Логаном. Разве не магия то, что я, человек, не умеющий вызывать воду из горы, проехал в сезон Великой Суши по этим горам и остался жив?»

На Горгола этот довод произвёл впечатление, однако при попытке Шторма подъехать ближе, Норби перегородил ему дорогу собственной лошастью.

«Пусть решит клан. Пусть скажет Кротаг. До этого — жди».

Возражать и рваться вперёд не было смысла. Хостин огляделся. Ждать придётся не меньше часа. А может быть, и целый день. Следует найти укрытие, пока солнце не превратило землю и камни в духовую печь. Наверное, Горгол понял, чего хочет Шторм, потому что отвёл свою лошадь, уступая дорогу.

«Следуй за мной, — приказал он. — Впереди укрытие. Там ты переждёшь зной. Но не покидай его».

«Не покину», — согласился Шторм.

Место, предложенное Горголом как укрытие от жары, изрядно удивило его. Это была стоянка Норби, временная, не такая, как их шатры, покрытые шкурами, которые служили долговременным пристанищем. На дне каньона были сложены камни, мусор, нанесённый водой, ветки. Такие стены, возведённые довольно высоко, отбрасывали немного тени, достаточной, чтобы переждать в ней день. Хостин поставил лошадей в импровизированном «стойле», оставил Баку наверху стены, а сам с Суррой разместился по соседству. Он роздал команде воду и провизию, взятые накануне на временном складе. Если всё пройдёт так, как он рассчитал, через два дня он сможет пополнить запасы. Однако решения клановых вождей могли сорвать намеченный график.

Он лёг спиной на прохладную землю и в который раз просчитал свои грандиозные планы. Его должен будет ждать топтер, так нужно, чтобы облететь границу Синего Сектора. К тому же топтер необходим, чтобы убедить Норби: ему не нужны Норби-проводники для похода в Синий Сектор. Вот что он должен проделать, когда достигнет последнего перевалочного пункта у самого начала Синего Сектора.

Наверное, он задремал, потому что вскочил, когда обнаружил, как Сурра трогает его лапой. Это был старый сигнал: будь готов. Шторм понимал, что на подходе Горгол. Однако прибывший в укрытие Норби был моложе, у него ещё не было отличий воина.

— Янцзыль! — удивился Шторм. Он поднял оба больших пальца, приветствуя пришедшего. Янцзыль, младший брат Горгола, был польщён жестом — так приветствовали охотников и воинов. И то, что Янцзыля так приветствует воин чужой расы, было всё равно приятно. Мальчик заговорил на языке жестов:

«Вижу тебя, носящий военные шрамы. Я принёс вести от Кротага. Великий вождь, носящий перья священного Замля, говорит тебе: «Во времена ритуалов магии костры дружбы горят тускло. Если брат нашего брата хочет поехать с нами, он должен помнить, что магия избирает достойнейших, тех, кто верит. И она натягивает тетиву лука против неверующих».

Это всего лишь предупреждение, а не отказ, понял Шторм и обрадовался. Он подставил руки в полосу света возле стены — чтобы Янцзыль ясно различал ответные жесты.

«Здесь нет верующих. У каждого своя магия. Мудрость одного не должна умалять веру другого. Мне помогает не магия Кротага, а моя собственная».

После визита Горгола Шторм благоразумно надел амулет на шею и теперь коснулся его. Он также вспомнил, какие вещи помогали ему отразить нападение десанта с

Ксика, и надел браслет-кето и пояс-кончу. Он знал, что Норби считают древние узоры на его украшениях магическими, дающими силу.

«Если брат нашего брата верит, его путь открыт. Он может говорить с Кротагом».

Снаружи уже стемнело. Они тронулись в путь. Но Янцзыль не поехал по каньону, который, казалось бы, вёл прямо через горы. Милей дальше стоянки Янцзыль резко свернул влево, и они оказались в проходе с низко нависшими кромками скал. Сурра шла рядом с индейцем, так как лошадь под Янцзылем пугалась кошки. Баку летела над ними, от неё Хостин узнал: лагерь Норби уже недалеко впереди.

Он обдумывал то, что должен сообщить Кротагу. Орлицу можно не показывать Норби — она летает высоко, её просто не заметят. Сурре можно приказать, и она на время спрячется где-нибудь близ лагеря так, что никто из Норби не заметит её. Зато она разыщет любого. В этом Шторм давно убедился: острое чутьё песчаной кошки не раз выручало его, помогая распознать людей, животных и прочих жителей Арзора.

«Вперёд!» — мысленно приказал он Баку и Сурре.

Тьма сгущалась, после изматывающего дневного пекла стало прохладно. Однако впереди уже сияло пламя. Они прибыли в лагерь Норби. Хостин следовал за Янцзылем. И хотя перед выходом из укрытия он напоил лошадей, теперь они то и дело ускоряли шаг, чувствуя, что впереди их ждёт водопой. Возможно, они чувствовали, что поблизости находится один из тайных клановых источников.

Вокруг передвигались высокие фигуры. Норби сутились возле костра. Никаких хижин не было. Если бы не приглашение, свидетельствующее о пребывании в этом месте вождя, можно было бы принять место стоянки за временную ночёвку рядовых охотников. Янцзыль спрыгнул с коня и выжидающе держал руку на поводьях коня землянина. Если даже он и заметил исчезновение Сурры, то никак не показал этого.

Шторм спешился и, оставив лошадей позади, вошёл в круг света у костра. Его чувствительные ноздри уловили не слишком приятный запах горящих веток. Куча таких же сухих веток была сложена неподалёку. Фолвуд, священное дерево, присутствующее в магических ритуалах, не растёт в горах, вспомнил индеец.

— Хостин! — одна из фигур двинулась к нему навстречу. Как и Норби, шедший был обут в высокие ботинки из кожи йориса. Невыделанные сегменты переливались зелёным в отблесках костра. Широкая кольчуга из выделанной шкуры йориса закрывала всё тело. На широком поясе висел длинный двадцатидюймовый тесак-нож. Такой полагалось носить воину клана Шошонна. Обычное для Норби одеяние дополнял воротник-ожерелье из клыков йориса — украшение покрывало все плечи и грудь Логана. Чёрные волосы были перехвачены красной лентой, из-под ожерелья проступали капли пота, сверкавшие на тёмной коже. Пожалуй, Логан выглядел ещё более диким, нежели сами Норби.

Логан был свободен, он был своим в этом сборище чужаков. Хостин почувствовал, как его тревога уступает место раздражению. Он видел, что Логан тоже не слишком рад этой встрече, полагая, что старший брат приехал, чтобы забрать его домой.

Землянин не ответил Логану. Он вытянул руки так, чтобы пальцы были ясно видны сидящим у костра, и заговорил на языке жестов. Первым он сотворил жест почтительной зависти.

«О, воины, охраняемые священным Замлем, ваши стрелы напоены кровью, и их острия направлены в цель, вы охотитесь на йорисов в их логовах и злых летунов в их гнёздах, охотитесь в одиночку, при помощи собственных рук и магии. Я хочу говорить с тем из вас, кто носит имя Кротаг, с предводителем воинов и охотников».

Норби зашевелились, пропуская вперёд вождя. На нём было больше украшений, пояс был выложен богатыми

светлыми камнями. Рога вождя были не цвета слоновой кости, как у простых Норби, а раскрашены в красную полоску.

«Здесь стоит носящий имя Кротаг, — ответил он жестами. — Кто хочет говорить с ним, и что нужно говорящему?»

«Нужна помощь», — ответил Шторм. нужно было разжечь любопытство.

«В какой помощи нуждается человек из речной долины? Ты пришёл в горы без нашего приглашения, по собственной воле. Ты пришёл в то время, когда наши братья по крови должны быть заняты тайным делом. Ты был предупреждён о том, что здесь делают братья по крови. И всё-таки ты последовал за нами. Теперь ты просишь помощи. Я вновь спрашиваю: о какой помощи ты просишь?»

«Помощь, которую способен оказать твой клан. Помощь, которая понятна живущим в нём. Помощь, которую твоё племя оказывало и оказывает. В горах, считающихся твоими владениями, потерялся человек».

Хостин видел, что Логан изумлён. Не обращая внимания на брата, он продолжал разговор. Кротаг возразил:

«Здесь стоят только те, кто носит перья священного Замля. И ты. Мы не слышали о потерявшихся чужестранцах. Кто мог направиться в безводные горы во время Великой Суши?»

«Хороший вопрос, — парировал Хостин. — Кто идёт в сердце огня? Твои кланы и племя!»

Руки Кротага не пошевелились. Молча стояли воины за его спиной. Уж не ошибся ли он, высказавшись столь откровенно, насторожился Хостин. Однако он помнил: решение Норби зависит от того, насколько он сумеет убедить их в искренности намерений. А полностью игнорировать удивительный исход Норби в горы было бы фальшиво.

«Есть клановые тайны, которые принадлежат только нашему народу. У твоего народа тоже есть свои тайны».

«Это верно. Люди занимаются своей магией. Но я пришёл говорить не о магии. В горах потерялся человек — чужестранец.

Пальцы Кротага зашевелились в жесте, подчёркивающим усиление:

«Вновь говорю тебе. Мы не слышали о таком чужестранце».

«Может быть, он потерялся не здесь, не в этих горах...»

«Но ты приехал сюда. Почему ты ищешь этого человека здесь?»

«Вот те горы, — Шторм обвёл рукой полукруг в направлении горных вершин. — За ними лежит другая страна».

Этот жест, словно какой-то магический приём, заставил Норби застыть в неподвижности. Воины окаменели, словно стали продолжением валунов каньона.

«Вот что произошло», — и Шторм пересказал историю сына Уиддерса, несмотря на недружелюбное внимание Норби. Он изобразил вынужденную посадку спасательного шлюпа, предположения о судьбе выживших при посадке. Жестикуюлируя, Хостин отмечал, как переменялось расположение слушателей. Они поверили сказанному. Но помогут ли они добраться до Синего Сектора? Вряд ли это решится прямо сейчас. Он понял, что прав, увидев ответ Кротага.

«Об этом следует поразмыслить, брат нашего брата. Место у огня ждёт тебя». Кротаг удалился, воины последовали за ним. Остался только огонь, горящие ветки которого удушливо чадили.

Церемония приёма гостя закончилась. Шторм приблизился к огню, стараясь не закашляться. Сидеть у костра было принято в смысле ответа на гостеприимство, но на деле это было сущим мучением. Он оглянулся: Норби ушли. Остался только подозрительно насупленный Логан.

— Быстро ты всех уговорил, — процедил он.

— Если ты считаешь, что вся эта история придумана для того, чтобы вернуть тебя домой, то заблуждаешься, — в тон ему ответил Хостин.

— Всё, что я рассказал здесь, — правда. Люди Уиддерса сейчас устраивают перевалочные пункты в горах. Он клянётся, что его сын находится в Синем Секторе.

— Тебя туда не пустят, понимаешь?

Хостин отрицательно покачал головой:

— Этого наверняка не знаем ни ты, ни я. Кстати, они берут тебя с собой?

К удивлению Хостина, теперь покачал головой Логан.

— Не знаю. Могу только надеяться, что берут.

— Так что же здесь происходит?

— Нечто, до сих пор не случавшееся. То, что раньше не было обычаем племени. Хостин, вспомни-ка, когда ты ходил в Пикс в составе экспедиции, разве с вами не шёл местный шаман, который утверждал, что обитатели Запечатанных Пещер когда-нибудь пожелают открыть свои тайны?

— Да, такой проводник был с нами. Однако ничего подобного не случилось тогда. Десант с Ксика уничтожил шамана. Как и остальных членов экспедиции. Это произошло во время наводнения, когда весь лагерь смыло.

— И всё-таки тайна была раскрыта. Мы нашли пещеру Ста Садов. Так вот, по-моему, теперь обитатели Запечатанных Пещер призывают Норби для чего-то очень важного. Между всеми кланами установлены шесты мира. Прекращена всякая вражда. Причина всего этого спрятана где-то в Синем Секторе. Все говорят о магии. Сюда нельзя подпускать наших ученых. Одно их неосмотрительное слово — и все Норби будут настроены против людей. Мы должны вести себя тихо, двигаться осторожно, пока не выясним, с чем же столкнулись. Думаю, что Кротаг возьмёт меня с собой, тогда я смогу что-нибудь разузнать. Я знаю, что ненавидящие Норби, такие, как Думарой, способны на глупости при одном упоминании о магии.

— Именно поэтому Асизи остался в долине, чтобы умирить горячие головы, если понадобится. Ты не говорил с ним перед тем как отправиться сюда?

— Нет, — покраснел Логан. — Думаешь, с ним надо было поговорить? Только я всё равно ни в чём не убедил бы его. Мы только поссорились бы. Наши пути — разные. Брэд Куэйд прекрасный человек. Он житель долины, он нужен там. Я — я дикий. Я не хочу сидеть в усадьбе, пасти стадо и быть примерным сыном своего отца. Наверное, отец сам был таким же в юности. Ведь он поступил в топографическую Службу и исколесил все планеты, все межзвёздные пути. Когда мне исполнилось столько лет, чтобы можно было предпринять что-нибудь в этом же роде, война с Ксиком ещё не окончилась. И мне сказали, что для Службы я ещё слишком молод. Вот я и ушёл к Норби. Иногда я думаю, что они мне гораздо ближе, чем люди. По крайней мере ближе, чем такие люди, как Джефф или Страль.

Что же касается набора в Службу рейнджеров — его проводил Келсон, — то я, наверное, оказался для них наоборот — слишком стар. Келсон обещал, что меня призовут в числе первых. Ничего подобного! Впрочем, я и не ожидал, что призовут. Хотя мне до сих пор жаль, что не призвали. Так или иначе, я вернулся к охотникам клана.

А когда услышал, что весь клан должен уйти в горы, у меня даже не было времени раздумывать, зачем. Я должен был или ехать вместе со всеми Норби, или не ехать вообще. Там, на равнине, любят говорить, но не любят делать. А я знаю, что поступил верно!

Шторм пожал плечами. Не было смысла тратить время на споры. Отчаяние Логана было понятно. В юноше говорила та же бродяжья струна, которая когда-то увела Брэда Куэйда в космические скитания.

— Я согласен. Ты поступил верно. Однако я здесь только из-за сына Уиддерса.

— И только для того, чтобы разузнать побольше в соответствии с приказом Келсона.

— Если я предоставлю Келсону доклад, это будет не больше того, что ты сам собирался сделать. Отбрось

подозрения, ачууни, — Хостин произвольно назвал Логана словом, обозначающим у Навахо и брата и друга. — Мы оба знаем, что сложившееся положение может вызвать массу неприятностей, посеяв вражду не только между поселенцами и Норби, но и между кланами. Ситуация похожа на ту, с какой мы столкнулись во время вторжения десанта с Ксика. Поиски потерявшегося в горах человека — это уважительный довод для Норби.

— Хорошо. Можешь рассчитывать на мою помощь.

— Ты пойдёшь со мной?

Логан на миг задумался:

— А если они прикажут тебе немедленно повернуть назад?

Они сидели поодаль костра и церемонно пили из одной фляжки. Для наблюдателей такое действие должно было показывать абсолютное согласие между братьями. Когда Хостин допивал содержимое, к ним направился Кротаг.

«Мы обдумали сказанное тобой, — пальцы Кротага двигались отрывисто и чётко. — Ты проедешь с нами часть пути. Позже мы испросим совета у магии».

«Как пожелает Кротаг, — Хостин поклонился, затем поднял взгляд на Кротага и спросил напрямик. — Когда я последую за вами, разрешите ли вы мне...»

Но Кротаг не дослушал и не ответил. Двое мальчиков принялись забрасывать костёр песком. Воины вывели коней и стали грузить поклажу. Клан готовился к выходу в путь.

Глава 5

Хостин вытер ладонью потный подбородок и зашипел от боли, задев потрескавшиеся губы. Он отдал лошадям почти всю воду. Просить же из запасов Норби ему не хотелось. Если в течение часа он не доберётся до перевалочного пункта, им придётся нелегко. Индеец не знал, оказывалось ли со стороны Кротага и его клана намерен-

ное противодействие свободному продвижению человека вместе с ними. Но подозревал, что его оставили без воды умышленно. Впереди его ждал перевалочный пункт, об этом ему подала сигнал Баку. Но лошади тащились из последних сил. Исходя из своего следопытского опыта, Хостин заключил, что такой переход пешему человеку был бы просто не по силам.

Не было смысла выяснять отношения с Норби. Шторм пришпорил лошадь, обогнал всадника Норби и поравнялся с ехавшим впереди Кротагом.

«Пришло время нашим следам лечь отдельно, — зажестиковал Шторм, обращаясь к вождю. — Человек, не умеющий вызывать воду из гор, должен искать её самостоятельно, в других местах».

«Почему же ты не попросишь найти воду тех, кто умеет вызывать её из гор?»

«Разве во время большой Суши берут воду друзей? В это время она драгоценней крови. Тот, кто послал меня разыскивать своего сына, даст мне воду. Он доставит её по воздуху».

«Как бы мне не повредила собственная правдивость», — подумал Шторм. Воздушные полёты считались обычным делом на равнинах, вроде бы, и в горах к перелётам поселенцев относились терпимо. Но во-первых, единственный космопорт на планете был построен вдали от гор по требованию Норби, утверждавших, что на Выбывающих-Гром никак нельзя смотреть свысока. А во-вторых, топтер, летающий в такое время, будет встречен с негодованием.

На лице вождя не отразилось ничего, хотя он продолжал изучать землянина. Наконец пальцы Кротага зашевелились:

«Как далеко находится вода, доставленная с неба?»

Как на его месте сделал бы любой Норби, Хостин указал подбородком направление. К юго-востоку от их маршрута. Кротаг, полуобернувшись, отдал какой-то приказ идущим

за ним. Резкое переливчатое чириканье донеслось до задних рядов шествия. Двое воинов подъехали к Кротагу, за ними Логан.

«Никто не должен отказываться от воды, если её можно найти, — Кротаг повторил первый закон племени. — В этой стране много диких жителей, а ты ведёшь с собой лошадей. Нет особой мудрости в том, чтобы путешествовать в одиночку. К твоему луку мы добавим свои», — и он сделал знак воинам.

Назначенные в сопровождение воины не могли обеспечить Хостину полной безопасности. Это были Горгол и сын Кротага — Кавок. Они оба работали несколько сезонов у Брэда Куэйда и знали обычаи поселенцев. Но не больше. Когда-то индеец думал, что подружился с Горголом. Однако последние события заставили Хостина менее уверенно говорить о том, что на Горгола можно положиться.

К ним приблизился Логан:

«Я тоже поеду».

Кротаг вновь замолчал, оценивая силы. Колонна Норби проходила мимо. Точно также они шли две ночи до приезда землянина.

Он отвёл лошадей в сторонку. Где-то поблизости его наверняка поджидает Сурра. Они вместе проберутся в тот широкий каньон, который, как они с Брэдом Куэйдом предполагали, ведёт прямо к Синему Сектору.

Отряд Хостина двинулся в путь. Ехать было трудно, из-за темноты они двигались довольно медленно. Логан поравнялся с индейцем.

— Долеко до перевалочного пункта?

— Не знаю. Может, даже день езды. Это зависит от того, насколько я отклонился от маршрута, когда шёл с кланом.

— Значит, завтра весь день мы будем прятаться от жары.

Напрасно растратываемое время — вот что огорчало Хостина. Предрассветные часы ушли на поиски убежища, пригодного, чтобы укрыться от зноя. Горгол и Кавок

искали вместе с ними, так они могли охватить большую часть территории. Вскоре от Кавока донёлся переливчатый посвист. Отряд подъехал к нему. Кавок спешился и, припав к земле, водил по почве ладонью. Затем он поднялся и пошёл, ведя за собой лошадь в поводу, словно взял малозаметный след.

Через некоторое время они достигли небольшого разлома в почве. Уходя вдаль, трещина расширялась, переходя в солидный овраг. Вновь Кавок опустился на колено и принялся разрывать засохшую глину охотничьим ножом. Горгол поспешно взялся помогать ему. Логан и Хостин озадаченно наблюдали за Норби.

Откуда-то сбоку вынырнула Сурра. Она остановилась в нескольких ярдах от Норби, которые уже выкопали небольшую ямку. Сурра принюхалась, морща нос, и заворчала. Горгол оглянулся, увидел Сурру и тронул за плечо Кавока. Тот посмотрел на кошку, но не оставил копания. Хостин вдруг уловил охотничий настрой Сурры. За ножами, мелькавшими в руках Норби, она чувала присутствие какого-то живого существа, и ею овладело неодолимое желание настичь и убить это существо.

Внезапно почва под руками Норби исчезла. Оба они отпрянули от образовавшегося провала, уходившего вглубь. Ножи Норби держали наготове — но не для того, чтобы копать дальше, а чтобы обороняться от нападения. Увидев их боевую готовность, землянин вытащил станнер.

Сурра, пригнувшись, по-охотничьи тихо подкрадывалась к провалу. Норби отодвинулись, пропуская кошку вперёд. Хостин заволновался. Сурра не реагировала на его указания, она целиком была поглощена охотничьим инстинктом. Сначала она заглянула в провал — уши наострены, лисья мордочка оскалена. И вот она уже исчезла внутри, словно растворилась меж песка и глины.

Горгол встал на четвереньки, собираясь заглянуть внутрь вслед за Суррой. Шторм требовательно потряс его за плечо.

«Что это такое?»

«Нора джимбута», — ответил Горгол.

«Джимбут?» — Хостин не знал этого слова и никак не мог увязать его с тем, что ему было известно. А потом вспомнил виденную однажды шкуру зверя, чёрную, с завитками, по-своему не уступающую в красоте шкуре якабыка. Шкура этого существа висела на одной из стен в усадьбе Брэда Куэйда. Это была шкура довольно крупного животного, ростом примерно с песчаную кошку. Неужели Сурра решила выгнать зверя из логова и для этого отправилась в нору?

Хостин отодвинул локоть Горгола, сам склонился над норой и, держа наготове станнер, посветил внутрь фонариком. Ничего. Тогда он прыгнул вниз.

И приземлился на кучу песка. Внутри было тихо и холодно. Шторм прислушался, посвечивая фонариком вокруг. Он стоял внутри довольно большого подземелья. Луч высветил впереди проход. Сурра могла пройти там в полный рост. Человеку же понадобится стать на четвереньки, чтобы пробраться по нему. Шторм опустил ся на колени и, прежде чем поползти снова, прислушался.

Звуки, доносившиеся из тёмного лаза, были ему совершенно ясны. Урчание и шипение исходили от песчаной кошки, явно вступившей с кем-то в схватку. В ответ раздавалось равномерное бурчание, перемежавшееся с лаем. Всё это сливалось с шорохом возни, стуком тел. Одним словом, впереди шла драка. По-видимому, узкий лаз впереди значительно расширился, раз уж противникам было где развернуться. Хостин наполовину влез в лаз, когда впереди послышались частые стоны, короткий вопль — и всё стихло. Он живо представил триумф песчаной кошки, в ту же минуту до него донёсся её победный клич.

Три-четыре ярда ползком — и вот он внутри норы. Здесь пахло кровью и мускусом. Свет фонаря поймал в круг Сурру. Она победно драла когтями окровавленный ком чёрного меха. Её жёлтые глаза сияли от нечеловеческого

удовольствия. Хостин склонился, разглядывая царапину на её плече. Сурре был нанесён весьма незначительный урон, она была вполне дееспособна.

Индеец посветил вдоль стен. Он уловил не только запах крови и убитого зверя. Что-то там было дальше, в тёмной глубине. Помещение оказалось довольно большим — разве джимбут роет такие глубокие и широкие норы? Или это не дело лап джимбута? Хостин не знал. Здесь можно было стоять в полный рост, не упираясь головой в потолок. До противоположной стены было не меньше десяти футов.

Сурра зализала царапину на плече, ещё раз пофыркала над убитым зверем, для верности ткнув его лапой. Хостин осветил тушу. Джимбут по размерам превосходил Сурру. У него было четыре лапы, с длинными когтистыми фалангами пальцев. Большое неуклюжее тело венчала до странности гладкая голова. Шторм наклонился поближе, чтобы разглядеть, где у зверя уши, но не различил их под мехом. Глаз также не было видно — только сплошная чёрная шерсть в завитках. Зато широкая пасть с зубастой нижней челюстью оказалась на месте. Землянин не хотел бы встретиться с такой пастью тет-а-тет.

Через лаз в помещение проник Логан. Увидев убитого зверя, он подтвердил:

— Да, это точно джимбут. Сурра, ты хорошая девочка, молодец.

Жёлтые глаза песчаной кошки остановились на Логане, и в ответ на похвалу раздалось умильное мурлыканье.

— Ну и повезло нам, — говорил тем временем Логан. — Мы откопали самую удобную дыру во всей округе.

Да, согласился Хостин, за это стоило побороться. Логово джимбута было не просто двумя большими помещениями, соединяющимися прорытым лазом. Они нашли ещё несколько ответвлений, в том числе и ступенчатый ход в глубину. Там было прохладно, даже когда снаружи стояло адское пекло.

Они подогнули к дыре лошадей и заставили их прыг-

нуть вниз. Хостин решил, что лучшего укрытия не найти во всём горном массиве. Лошади остались близ отверстия, а отряд укрылся в соседнем помещении, где стояла приятная прохлада. Запасливый джимбут нанёс в своё логово солидную кучу местных семян и кореньев. Норби немедленно взялись осматривать запасы зверя и нашли много съедобного.

Хостин выбрал из кучи пад — жёлто-зелёный корнеплод. Откушенная мякоть была кисловатой и освежала иссохшую гортань. Сквозь трещины в почве вниз пробились солнечные блики. Но жара не достигала путников, и они спокойно проспали весь день.

Землянин не понял, что именно заставило его проснуться. Он просто почувствовал приближающуюся опасность. Так часто бывало с ним в дни службы в войсках. Приложив ухо к земле, он уловил отдалённое колебание почвы. Логан спал. Штурм выглянул из провала. От Сурры не поступало никаких предупреждений, значит, либо кошка была вне досягаемости мысленного контакта, либо она сознательно не хотела отвечать. Судя по полосам в небе, был ранний вечер. Издалека к провалу приближались всадники.

Хостин быстро соскользнул вниз и разбудил брата, прикрывая Логану рот рукой, чтобы тот не заговорил. Следовало затаиться. Остальные смотрели на индейца с немым вопросом. Он позвал всех в верхнее помещение.

Там с лошадьми уже был Горгол. Он проворно закрывал тампонами лошадиные ноздри — чтобы какая-нибудь из кобыл не захрапела во время приближения незнакомых всадников. Штурм убедился в правильности своих догадок. Свободной рукой он показал Горголу жест, обозначающий врагов. Горгол кивнул и повёл лошадей подальше от провала.

Расположение отряда было далеко не лучшим, если иметь в перспективе нападение снаружи. Но вытаскивать лошадей, чтобы встретить врага в конном строю... Слишком долго пришлось бы тащить лошадей наверх. Хостин

снова мысленно позвал Сурру. Кошки в норе не было, она куда-то ушла. Баку, наверное, летала где-то снаружи, дожидаясь отряда. Орлицы не было видно с прошлого вечера. А жаль — её зоркие глаза могли бы предупредить об опасности заранее. Из команды у него в пределах досягаемости была только Сурра, в самый нужный момент запропастившаяся невесть куда.

Землянин повернулся к Горголу:

«Кто там, наверху?»

«Дикие».

«Но ведь повсюду установлены шесты мира», — вмешался Логан.

Горгол замотал головой, что было эквивалентом человеческого пожиманию плечами в знак недоумения.

«Может, эти дикие пришли издалека. Они не знают про шесты мира. И им нужны наши лошади».

Равнинные племена, в том числе и Шошонна, собирают табуны своими приёмами. Объездчики-Норби и охотники добывают лошадей, получая их за работу, или отлавливая в степи. Охотники также покупают лошадей на вырученные от продажи шкур йориса деньги. Так создаётся табун каждого равнинного клана. Дикие Норби с гор завидуют своим соседям, но побаиваются совершать набеги на поселенцев. Они собирают табуны не так, как это делали предки Хостина на Великих Американских равнинах. Американские индейцы отлавливали завезённых на континент и одичавших лошадей с величайшим искусством. А дикие горные Норби просто воруют лошадей где повезёт украсть, причём в искусстве кражи они проявляют недюжинное мастерство.

Выследить отряд, ведущий лошадей, для этих воров бывает сущим подарком. Опытный охотник легко мог различить следы отряда Шторма, определив, что наездников четверо, а всего лошадей — девять, вместе с несущими поклажу и запасными. Такую добычу не заслонил бы даже установленный шест мира. Враги могли поджидать беско-

нечно долго у провала — когда-нибудь отряд вышел бы наружу, хотя бы на поиски воды.

Итак, оставалось рассчитывать исключительно на Сурру. Хостин сказал это Горголу, и тот заметил:

«Пушистая сестра ушла. Кавок видел её, когда солнечный алмаз ещё украшал корону неба. Она не откликается на твой зов?»

Землянин прислонился к стене и, собрав все силы, сосредоточился на призыве. Бесшумный, мощный, долгий зов, способный найти Сурру, как бы далеко она ни была.

Он ощутил, как в его голове заработал сигнал ответа. Мир вокруг поплыл — контакт с Суррой налачился. Для кошки дальность расстояния не играет роли, у неё иной способ общения, не человеческий. Хостин не знал, далеко она или близко, долго ли она будет брать след врагов, скоро ли она сможет напасть на них. Но перед началом атаки Сурра предупредит его.

— Она откликнулась? — шёпотом спросил Логан.

Шторм кивнул. Установление контакта ослабило его, отняло силы. Горгол поднял голову, прислушиваясь.

«Они над нами».

«Сколько их?»

«Четыре, пять, — он загибал пальцы, словно отмечая пришельцев встроенным радаром, — ещё один...»

Горгол загнул все десять пальцев на руке и замолк. Отряд оказался пойманным в подземный мешок. Стрелять из луков было бесполезно — здесь негде развернуться, чтобы натянуть тетиву. Так что Кавок не смог бы вступить в бой, хотя Логан и Хостин имели станнеры. У Горгола тоже был станнер, подаренный Штормом, когда они вместе шли по тропе войны несколько месяцев назад. Станнер служит средством защиты, а не орудием убийства у поселенцев, но для топающих наверху мишеней он вполне сгодился бы.

Пришёл сигнал: Сурра готова! Кавок отложил бесполезный лук и вытащил нож. Они оставили лошадей в дальнем углу и подобрались к отверстию наружу.

— Пошли! — скомандовал Шторм. Он знал, что Горгол поймёт его. В тот же миг в бой вступила Сурра.

Тишину разрезал боевой клич кошки. В ответ заржали перепуганные лошади пришельцев, спрятанные под землёй лошади тоже откликнулись. Наверху застучали копыта, зачирикали переговаривающиеся враги.

Хостин выскочил наружу и откатился за ближайший камень. Снова раздалось рычание Сурры. Шторм разглядел воина, стоявшего на открытом пятачке с боевым луком наготове. Рога дикаря были покрашены в синий цвет. Шторм нажал курок станнера, целясь прямо посередине этих синих рогов. Дикарь упал, путаясь в собственных длинных руках и ногах.

Из укрытия выскочил новый дикарь. Он увидел Сурру и испуганно вжал голову в плечи. Нападающая кошка отпрыгнула в сторону, и индеец снова выстрелил из станнера. Так они и продолжали. Сурра выгоняла дикарей под огонь, а Хостин стрелял.

Глава 6

Горгол остановился над одним из неподвижных тел и, взявшись за раскрашенные рога, приподнял голову, загляывая в лицо лежавшего.

«Нитра», — с ходу определил он.

Кавок перевернул тело другого дикаря, пнув его ногой.

«Они всё ещё живы!» — сообщил он, держа нож наготове. Его планы были понятны без перевода на общегалактическое наречие.

Военные трофеи — это, увы, военные трофеи. С другой стороны, распростёртые на глине и песке тела оглушённых врагов должны считаться собственностью того, кто довёл эти тела до такого состояния. Хостин, Логан и Горгол обладали несомненным правом собрать рога врагов на украшение шатров клана и для исполнения барабанного марша победы по возвращении к Шошоннам.

«Пусть останутся как есть, — знаками приказал Шторм. — Норби установили шесты мира. Если Нитра нарушают договор, заключённый с Теми-Кто-Выбивает-Гром, значит ли это, что племя Шошонна должно так же платить злом?»

Кавок спрятал нож в чехол.

«Что же тогда с ними делать? Если они останутся тут лежать, то скоро очнутся от твоего волшебного огня и снова отправятся выслеживать нас».

«Ночь скоро уйдёт. А солнце придёт до того, как они выздоровеют от волшебного огня. К тому же мы заберём лошадей. Они не смогут идти днём — они умрут, если отважатся на это. Они наверняка спрячутся в норе. Вряд ли они станут преследовать нас дальше».

Горгол согласился:

«Верно. Мы не должны нарушать мира. Давайте отправимся в путь к запасам воды, пока солнце не накинuloсь на нас».

Лошади, на которых ехали Нитра, никуда не сбежали, потому что их охраняла Сурра. Лошади храпели и шарахались от неё. Их пристегнули к общей упряжи, и отряд вышел в путь. Оглушённых воинов Нитра оставили в норе джимбута.

На рассвете они достигли дальнего ответвления каньона. Здесь был организован последний перевалочный пункт. Норби изумлённо засвистели, увидев надувной тент из пластаглита, сероголубого жаростойкого материала. С ближайшей скалы к Хостину слетела Баку. Других признаков жизни не было видно. Тент напоминал инопланетный гриб, случайно выросший на арзорской почве. Логан недоверчиво осматривал его:

— Что он думает, этот твой приезжий? Что мы тут сопливые сосунки?

Землянин пожал плечами:

— Что он думает, не столь важно. Может, он хотел сделать нам приятное, оставив красивую и не очень

полезную вещь. Гораздо важнее, что он доставил сюда из припасов.

Однако Шторма тоже поразило присутствие этого необычного, совершенно чужеродного для Арзора сооружения. В планы отряда не входило устройство постоянной базы в этом месте. А тент был больше, чем просто перевалочным пунктом, он подразумевал постоянство укрытия.

«Ты говорил, что мы едем к запасам воды, — пальцы Кавока заработали, выражая протест. — А вместо воды мы нашли вещь с другой планеты».

Хостин почувствовал налёт враждебности. Уиддерс, конечно, совершил идиотский поступок. Теперь Норби пытались отстоять свои права, которые выглядели ущемлёнными. Некоторое оружие и оборудование поселенцев Норби воспринимали как само собой разумеющееся. Но установить без разрешения вождей в центре владений Норби странную и незнакомую вещь — это было уж слишком. Если сейчас Норби станут протестовать дальше, недовольство может закончиться высылкой Шторма из Пикс, как одного из инициаторов конфликта. Индеец не мог понять, почему Келсон разрешил Уиддерсу этот безумный и небезопасный поступок.

Он стукнул кулаком по замку пластаглитового купола. Для замка такого усилия было многовато, но раздалось приветливое гудение и люк открылся.

Доставить такую вещь с других планет стоило, наверное, целого состояния. Бесплезные вещи всегда подозрительны — а присутствие тента в месте, где нельзя устраивать базу, делало его вдвойне бесполезным. Хостин наступил на вторую часть замочного устройства — планку под надутым полом. Защитный барьер отключился, предоставив им возможность войти.

Внутри вполне можно было прожить небольшому коллективу звёздных исследователей. В центре большой комнаты горой высились сложенные припасы, упакован-

ные в ящики и контейнеры. По стенам комнаты были установлены четыре откидные кровати, кухонный блок, устройство для очистки воды и даже кондиционер. Купол явно предназначался не для разового пользования.

Землянин упросил Норби войти и завести внутрь лошадей. Им соорудили временное стойло среди груды припасов — проектировщик дивного тента не предусмотрел в конструкции только одного — стойла. В остальном тент был безупречен. Норби недоверчиво осматривали помещение, но Шторм уже решил: они проведут этот день здесь, в комфорте, превосходящем даже удобства, встреченные в норе джимбута.

Горгол и Кавок от подозрительности перешли к заинтересованности. Кухонная установка и очиститель воды были им знакомы, зато кондиционер, который Логан и Хостин первым делом взялись настраивать, сразу привлёк любопытство Норби.

«Хорошая вещь, — вздохнул под прохладной струёй воздуха Кавок. — Почему такой нет у Норби?»

Хостин понял, что Кавок хочет узнать, сколько товаров, производимых на Арзоре, надо отдать за такую покупку, которой мог бы гордиться весь клан.

«Это хорошая, но очень сложная вещь, — Хостин приподнял панель управления кухонной установки и указал на сплетение проводов. — Если она сломается, всего один человек в Гальвади сумеет её починить. А может быть, и ему придётся заказывать детали для этой вещи на других планетах. Так зачем тебе такая вещь?»

«Незачем, — согласился Кавок. — А сколько шкур якобыков и йорисов надо заплатить за такую вещь?»

«Наш отец Брэд Куэйд, — Шторм сделал жест, обозначающий вождя племени, — держит много лошадей в своём табуне, у него много вещей с других планет в доме. Не так ли?»

«Так. И что?»

«Так вот, наш отец Брэд Куэйд должен был бы отдать всех своих лошадей и половину якобыков на продажу в

Порт. И только тогда он смог бы купить такой дом. А если бы эта вещь, этот дом, сломался, Брэду Куэйду надо было бы отдать всех лошадей и якобыиков, чтобы починить его».

«Значит, эта вещь не больно-то хорошая? Тогда зачем она здесь оказалась?»

«Чужеземец, который разыскивает своего сына, непри-
вычен к Большой Суши. Он думает, что в Большую Сушь невозможно выжить без такой вещи».

«Он чужеземный ребёнок, без всякого разума», — заключил Кавок.

Сидевшая на груде ящиков Баку распустила крылья и заклекотала. Сурра тоже заскреблась в люк.

— Похоже, кто-то хочет составить нам компанию, — сказал Хостин, доставая станнер. Однако это вряд ли были давешние Нитра. Баку подавала сигнал воздушной тревоги, а не наземной. Значит, на подлёте топтер.

Хостин вышел наружу. И вот чего он не ожидал, так это увидеть громадину, кружившую над ним. Обычно поселенцы летают на маленьких топтерах, в которые умещаются три, от силы четыре скрючившихся пассажира вперемежку с поклажей. Маленький топтер дешевле, к нему надо меньше запчастей. Но машина, поднимавшая тучи песка над тентом, была огромной и дорогой. Здесь таких машин ещё не было. Хостин снова отдал должное полномочиям и влиятельности Уиддерса. Один только полёт на такой машине арзорцу обошёлся бы в половину состояния. Понятно, что на такой мощной машине Уиддерс мог доставить сюда не только тент, но и оборудование для целого сафари.

Шторм больше ничему не удивлялся. Появление Уиддерса на сборном трапе он воспринял как само собой разумеющееся. Уиддерс наконец-то переоделся в одежду, подходящую местным жителям. На нём была такая же форма, как и на пилоте. На поясе у него болтался целый набор миниатюрных аппаратов, каких Шторм не помнил со времени службы в армии.

— С прибытием! — довольно сухо поздоровался Уиддерс. Потом огляделся и добавил: — Так где же твои лошади? Ты ведь говорил, что без них никак не обойтись?

— Там, — Хостин махнул в направлении люка.

Уиддерс побагровел:

— Ты!.. Ты заташил своих лошадей!.. В мой тент!!!

— Я не пожалею даже своей жизни за жизнь лошади. От них сейчас зависит всё. Какую лошадь я могу оставить на солнце во время Великой Суши? Да и вам с пилотом лучше улететь, пока не наступил день. Если, конечно, вы не хотите потерять топтер. Через час поблизости не останется вообще никакой тени.

— Я вовсе не собираюсь возвращаться на равнины, — объявил Уиддерс, и Хостин понял, что это действительно так. Оставалось только силком запихнуть его в топтер, другого способа отправить его отсюда на настоящий момент землянин не видел.

С другой стороны, подумал Хостин, после дня, проведённого в душном и тесном тенте, к тому же превращённом в конюшню, Уиддерс, возможно, передумает. Тратить силы на уговоры не имело смысла, обстановка сама заставит Уиддерса изменить решение. Хостин повторил пилоту, что скоро наступит жара и ушёл в купол, оставив люк открытым.

Пилот вошёл вслед за ним. Это был бывший служащий топографической Службы. Он изо всех сил сохранял нейтралитет и старался не проявлять враждебности, по крайней мере, на словах. Вошедший вслед за пилотом Уиддерс огляделся и сменил недовольство на бешенство:

— Что значит этот сумасшедший дом?

— Это значит, что на дворе стоит Великая Сушь. Это значит, что находясь снаружи, вы можете испечься. В буквальном смысле, — Хостин говорил тихо и медленно. — Хотите быть испечённым на скале? Так это запросто. Вы хотели проводников из местных? Вот они — Кавок, сын Кротага, вождя клана Замля племени Шошойна, и Горгол,

воин из того же клана. И мой брат Логан Куэйд. Лучших помощников для поисков в Пикс мы не найдём.

Широкое лицо Уиддерса отразило внутренние колебания. Высокомерие этого человека столкнулось с доводами реальности. Осознав, насколько он зависим от Хостина, Уиддерс наконец-то решил, что ничего поделать нельзя. И смирился.

Норби не жились под кондиционером. Хостин задумался, на сколько человек рассчитан блок жизнеобеспечения? Наверняка Уиддерс купил самый лучший кондиционер. Но даже самое надёжное оборудование не обязано выдерживать Великую Сушь. Впрочем, испытывать его всё равно было негде, кроме как в естественных условиях.

— Шторм! — позвал Уиддерс со своей лежанки. Хостин встал, потянулся к ботинкам. На соседних лежанках расположились Логан и пилот. Норби спали в своих спальнях мешках на полу.

— Что такое? — без особого участия спросил землянин. Наверняка Уиддерсу приспичило на что-нибудь пожаловаться. Гораздо больше Хостина занимало, что он скажет Кротагу, когда тот потребует объяснений. Шошонна мог выслать всю компанию вон из гор Пикс.

— Я хочу знать, как ты планируешь доставить нас в Синий Сектор.

Хостин поднялся. Горгол и Кавок проснулись и смотрели то на Шторма, то на Уиддерса, вслушиваясь в речь. Норби не говорят как люди, но они могут понимать содержание разговора. И, как Хостин убедился позже, умеют весьма неплохо.

— Планирую? Достопочтенный, в такой экспедиции ничего нельзя планировать. Ситуация непредсказуемо меняется за очень короткое время. Даже здесь нам, кажется, скоро нельзя будет оставаться, — и Хостин обрисовал, что произойдёт, когда Кротагу доложат о появлении во владениях Норби предметов и людей, попавших сюда без разрешения. Одно только устройство здесь места для

отдыха послужит причиной гнева Норби. — Вот почему, Достопочтенный, нам лучше всего поступить так, как было намечено вначале. Вам следует вернуться назад.

— Нет! — безапелляционно заявил Уиддерс.

Конечно, подумал Хостин, применив силу, можно заставить этого невежу покинуть лагерь. Но как заставить пилота выполнить приказ и доставить Уиддерса в долину? Пилот не подчинится приказу Шторма. С другой стороны, умыть руки, предоставив событиям развиваться как получится, тоже недопустимо. Как нельзя позволить, чтобы Уиддерс вступил в контакт с Норби, потому что он немедленно вызовет ту самую вражду, против которой предпринимали меры осторожной защиты Брэд Куэйд, Келсон и Логан. Последний даже рисковал жизнью.

Уиддерс, подгоняя Шторма, снова заговорил:

— Ну, так на чём мы остановились, Штурм?

Он достал из отделения пояса маленькую коробочку и прижал сбоку пальцем. На надутой стене тента появилась карта этого района Пикс. На ней было всё, что только поселенцы могли знать о горах. Кавок восторженно зашебетал, а Горгол сузил глаза, сравнивая чудо техники с самодельной картой, которую он как-то составил для охоты.

Время играет нам на руку, решил Хостин. Даже если Кротаг решит выслать всю компанию прочь из гор Пикс, вождь ещё не уведомлён о нарушении территорий, к тому же ему потом надо будет догнать нарушителей. Хостин обратился к пилоту:

— Насколько топтер защищён? Вы сможете вылететь до заката?

— А в чём дело? — вмешался Уиддерс. — У нас не только защитное поле, в машине имеется даже система автопоиска.

Автопоиск! Так вот как Уиддерс разыскал перевалочный пункт. Насколько Хостину помнилось, автопоисковые системы имелись только в специальных подразделениях.

Машина, которая способна самонавестись на определённый объект в пределах некоего радиуса действия, сэкономила массу времени, которое обычно тратят на поиски.

— Так вы сможете вылететь до заката? — повторил Хостин. Теперь его не волновало, сколько отряд потеряет времени на поиски спасательного шлюпа и как проберётся в район поисков. Теперь следовало волноваться, как быстро сюда придут Кротаг или его воины.

— У нас защитное поле двадцатой степени, — ответил пилот. Хостин оценил его мужество. Полёт при включённом поле двадцатой степени означал едва переносимую перегрузку на организм. Но в конце концов, пилот мог отказаться лететь в таких условиях, если бы захотел. Так что пусть Уиддерс и нанятый исполнитель решат между собой, что им нужно.

— К чему эти разговоры о защите? — вновь вмешался Уиддерс.

Хостин объяснил. Если машина защищена достаточно для полёта под солнечными лучами, то пилот, отважившись, мог бы совершить полёт за границу Синего Сектора прямо сейчас, до того как здесь появятся Норби. Уиддерс ухватился за это предложение.

— Мы можем вылететь? — обратился он к Форджи, пилоту.

— Мы? — эхом повторил Хостин. — Вы тоже хотите лететь, Достопочтенный?

— Да, — было видно, что дальше Уиддерс ничего не позволит обсуждать. Он повернулся к карте и ткнул пальцем в участок территории:

— Вот здесь зарегистрировано местоположение спасательного шлюпа. Оно указано с максимальной разрешающей точностью.

Горгол, вскакивая, взволнованно заговорил. Затем перешёл от речи к языку жестов, сердито и протестующе:

«Этот чужеземец хочет попасть ТУДА? Но это место не для чужих. Это магическое место, туда нельзя заходить.

Там царит магия тех, кто ест ПЛОТЬ!» — он жестикулировал подчёркнуто отчётливо, словно боясь, что Хостин не поймёт смысла сказанного.

— Что он говорит? — потребовал объяснений Уиддерс.

— Что там каннибалы, и что там опасно, — однако Хостин понимал, что Горгол напуган отнюдь не каннибалами.

Уиддерс раздражённо возразил:

— Мы это уже знаем. Неужели он думает, что каннибалы собьют топтер, стреляя из луков?

— Послушайте, Достопочтенный, — заговорил Форджи. — Синий Сектор непредсказуем. Никто ещё не измерял силу тамошних восходящих потоков. Всё, что мы знаем о тех местах, — это то, что любой человек дважды подумает, прежде чем рисковать, отправляясь туда.

— У нас все мыслимые и немыслимые устройства безопасности на борту машины. Некоторые из них впервые доставлены на эту планету. Поэтому стартуем! Убедимся воочию, так ли уж страшен этот ваш Синий Сектор, — багровея, приказал Уиддерс.

Но в дверях уже стоял Кавок с ножом в руке. Его намерения были так очевидны, что Хостин оторопел.

«В чём дело?» — жест землянина был адресован Горголу, и тот ответил — замедленно, с выражением загнанного в угол зверя.

«Магия. Очень сильная магия. Если чужеземец полетит туда, мы все умрём».

Впервые за всё время заговорил Логан:

— Разве вы не поняли, в чём дело? Это место священное, говорит Горгол. Вы не должны лететь туда.

Уиддерс ненавидяще смерил взглядом Логана с головы до пят, брезгливо и презрительно оценивая его одежду и всем своим видом показывая, как ничтожен стоящий перед ним человек. Логан покраснел от гнева и встал у двери рядом с Кавоком, держа станнер наготове. Хостин заговорил, больше не надеясь потушить конфликт. Легче

было примирить двух несущихся навстречу самцов-йорисов в разгар брачного сезона.

— Это так. Против «магии» не пойдёшь, нечего и спорить. Если Норби говорят, что туда нельзя идти по этой причине, мы н и к у д а не пойдём.

Он никогда не недооценивал упрямство и безрассудность Уиддерса. Он не оценил лишь способность этого человека действовать не раздумывая. Уиддерс не стал хвататься за станнер — такое движение Штурм ожидал и был готов к ответному броску. Вместо этого Уиддерс разжал ладонь и бросил на пол между дверью и Хостином небольшую капсулу. Яркая вспышка — и больше ничего. Совсем ничего не стало вокруг.

Глава 7

— ...Вызываю Центральную станцию района Пикс — приём — вызываю Центральную станцию района Пикс — приём...

Эти слова отозвались в голове страшной болью. Горло жгло, а по лицу струился холодный пот. Потом появилось ощущение влаги на щеках, сопровождавшееся царапаньем чего-то жесткого. Хостин попытался открыть глаза и увидел склонённую над собой морду Сурры. Кошка облизывала его лицо, приводя человека в чувства собственным методом.

Горгол и Кавок сидели на полу, подперев ладонями головы. Логан склонился над пультом связи, полусидя на табуретке. Одной рукой он тоже поддерживал голову, в другой сжимал микрофон, повторяя задыхавшимся голосом:

— ...Вызываю Центральную станцию района Пикс! Приём!

Хостин умудрился сесть — красная пена боли полоснула по глазам под веками. Ещё одно движение, и в голове полыхнула новая вспышка боли. Землянину доводилось

попадать под выстрел из станнера. Но такого удара он доселе не испытывал. Ни одно известное ему оружие не действовало столь болезненно. Встать на ноги он не мог, это было просто невыносимо. Тогда он кое-как подполз к Логану и опёрся на край стола.

— Что... ты... делаешь?.. — слова буквально застревали под непослушным языком, и он удивился настойчивости, с какой Логан говорил по связи.

Тот обернулся — расширенные от боли зрачки, лицо, отражающее такое же страдание, какое испытывал сам Шторм.

— Уиддерс вылетел — на топтере... в Синий Сектор... беда... — Логан уронил голову на клавиатуру, но не упал, вцепившись в стол так, что костяшки пальцев побелели.

В голове у Хостина несколько прояснилось. Уиддерс лишил их чувств при помощи какого-то приспособления, а сам отдал приказ пилоту лететь в запрещённую местность. Норби наверняка запротестуют: в их священную землю вторглись непрошенные гости. А поселенцы под управлением Думароя будут драться с каждым Норби, который попросит объяснить, в чём дело. Тут и там разгорятся конфликты, способные взорвать эту планету, как была когда-то взорвана Земля в результате вторжения с Ксика.

Шторм оторвался от стола и пополз к Горголу. Каждое движение отдавалось адской болью в черепе. Зрачки Норби были сужены в щелочки, по безволосой голове катились капли пота. Но было понятно, что на каждое действие Хостина Горгол реагирует, хотя и ничего не говорит. Никогда не знаешь, как подействует новое оружие на разные расы. Однако тратить время не стоило, даже на сочувствие. Хостин легко дотронулся до локтя Горгола, тот издал жалобный свист, открыл глаза и попытался сфокусировать зрачки на склонившемся над ним землянине. Повернуть голову Норби не смог. Хостин кое-как усадил Горгола и, жестикуюлируя, стал объяснять:

«Чужеземец ушёл, нам теперь надо...»

Горгол не дослушал. Он откинул голову на стену тента и застонал. Но пальцы его задвигались в ответ:

«Он причинил зло — много зла. И мы допустили это...»

«Это я допустил зло, — вздохнул Хостин. — Потому что именно я послушал его и позволил ему попасть сюда. Но ведь я не знал, что он доберётся до этого места. А на тебе нет никакой вины. Никто не знал, что он нападёт на нас для того, чтобы выполнить то, что задумал».

«Он полетел на железной птице в землю магии. Выбивающие-Гром будут разгневаны. Это не хорошо — это зло. Зло!» — к жестам Горгол добавил несколько несколько непередаваемых звуков.

Тут открыл глаза Кавок. Он зашипел, словно разозлённая Сурра. Но прежде чем он успел что-то сказать, из динамика возле головы Логана раздалось слова на общегалактическом:

— Поисковый топтер вызывает базу. Поисковый топтер вызывает базу.

В голосе вызывавшего слышалась хитрая самодовольная нотка. Хостин с негодованием и стоном добрался до переговорной панели, навалился на пульт и заговорил в микрофон, взятый из рук Логана.

— Уиддерс!

— А, пришёл-таки в себя? — слышно было, что Уиддерс забавляется, говоря это. Насмешка не добавила к взбешённому состоянию Шторма никаких новых эмоций. Он только спросил:

— Вы уже в Синем Секторе, Уиддерс?

— Прямо на пути к заданной точке. Ну, а как твоя головка? Побаливает? Я же предупреждал тебя, Штурм, что свои дела я делаю сам.

— Послушайте, Уиддерс! Поворачивайте обратно. Немедленно возвращайтесь назад! — Штурм знал, что просить бесполезно. Но пилот топтера, Форджи, достаточно долго жил на Арзоре и достаточно долго работал в топографичес-

кой Службе, чтобы отдавать себе отчёт в опасности затеянного.

— Форджи! Не глупите, возвращайтесь назад. Немедленно. Вы идёте против магических обычаев не одного клана, а всего племени! Вернитесь, пока они не заметили вас. За этот поступок вас вышвырнут с планеты...

— Н-да, Шторм, — отозвался Уиддерс. — Видно, голова у тебя ещё не прошла. Туземцы не заметят нас, потому что мы включили защитное поле. И мы идём прямо к заданной точке. Никто, слышишь, Шторм, никто не смеет указывать, что я должен делать, а чего не должен, когда речь идёт о моём сыне, и его жизнь поставлена на карту. Когда прилетим, мы тебе сообщим. А сейчас топтер отключается...

Что-то щёлкнуло и связь оборвалась. Хостин уронил микрофон. Рядом, бессильно уронив голову, опираясь на пульт Логан, бледный и тяжело дышащий.

— Его не остановить...

Поднявшийся на ноги Горгол, пошатываясь, держался одной рукой за стену, а другой жестикулировал:

«Кротаг. Мы едем к Кротагу».

«Нет! — замахал руками Хостин и показал на микрофон. — Мы вызовем офицера Корпуса Мира. Он установит порядок».

«Чужой порядок!» — возразил Горгол, всем телом выражая несогласие.

Логан наконец-то оторвался от пульта и, тоже пошатываясь, вступил в беседу «на-пальцах». Его жесты были красивыми и в чём-то торжественными. Как у вождя племени.

«В прошлом сезоне Норби Хадзап охотился в землях Брэда Куэйда, не испросив разрешения. Обычай говорит, что для охоты в чужих землях следует спрашивать разрешения. Но Хадзап пришёл тайно, он охотился без предупреждения и забирал с собой шкуры убитых животных. Он доставлял их в Порт и менял их у чужеземцев на

вещи, которые, как он думал, станут украшением его самого в глазах клана. Не опозорил ли он тогда тотем Замля? Но люди клана Куэйда не стали отдавать Хадзапа под суд за нарушение. Они не стали судить его по чужим законам. Нет. Куэйд попросил Кротага о беседе. Вождь клана может говорить с вождём другого клана — это тоже обычай. Кротаг ответил — да, мы будем говорить. Кавок, ты сам ездил со мною передавать сообщения от Кротага к Куэиду и обратно — так положено, ведь мы оба сыновья вождей.

И тогда Куэйд приехал к Кротагу и вожди сидели вместе у костра. Но когда Куэйд рассказал Кротагу, в чём дело, он не стал отдавать Хадзапа под суд. Куэйд уехал, оставив Хадзапа в клане. Чтобы Кротаг сам рассудил, как поступить. И после Куэйд не спрашивал, какое наказание понёс Хадзап, и был ли вообще наказан. Потому что вождь доверяет слову другого вождя. Не так ли?»

«Так», — согласились оба Норби.

«Теперь вы можете говорить, что совершённое чужеземцем зло гораздо больше, чем то, что совершил Хадзап. Это верно. Но не думайте, будто мы, люди, не считаем поступок чужеземца злом. И разве этот трус, не имеющий даже тотема, не причинил вред нам — так же как и вам? Ведь он знал, что мы помешаем его планам, не пустим силой. И офицер Корпуса Мира будет судить чужеземца по нашим законам, так же, как Хадзапу выносили наказание по законам Норби. И чужеземец будет наказан сильнее, потому что причинил вред представителям двух рас — и людей, и Норби.

«Это верно, — сказал Горгол. — И всё-таки Кротагу надо сообщить, потому что он разрешил вам проехать здесь. И он тоже отвечает за зло, причинённое чужеземцем».

«Верно, — вставил Хостин. — Пусть один из вас поедет к Кротагу. А мы останемся здесь и попытаемся связаться с офицером Корпуса Мира, говоря по воздуху».

«Клянётесь ли вы на крови, что останетесь ждать здесь? — Горгол посмотрел Хостину и Логану прямо в глаза. — Да, вы не из тех, кто даёт слово и совершает поступки против собственных слов. Поеду я. Кавок должен остаться. Вас могут найти другие воины клана Замля — Кавок расскажет им, что случилось».

И Горгол уехал. А они остались возле пульта связи. Но все попытки вызвать базу Пикс окончились безрезультатно. Связаться с топтером тоже не удалось — ни Уиддерс, ни Форджи не отвечали. Хостин попробовал вычислить, как далеко они углубились в Синий Сектор в условиях дневной температуры. Но расчёты эти были весьма приблизительны.

— Может быть, они уже сели и даже нашли где-нибудь укрытие от жары, — предположил Логан.

Хостин возразил:

— Уиддерс, конечно, дурак и надолго. Но ведь он предупреждён, что там живут людоеды.

— Уиддерс не из тех, кого можно испугать местным населением. И потом, у него собраны все мыслимые средства защиты. Не удивлюсь, если у него на борту припрятан и бластер. Он уверен, что отразит любое нападение туземцев.

Логан, увы, говорил правду. Уиддерс считал себя непобедимым, выступая с арсеналом современного оружия против примитивных местных племён с их примитивными луками. И как все чужеземцы, надеявшиеся на чужеземное оружие, Уиддерс недооценивал Норби, рассчитывая с помощью машин победить тех, кто покорил арзорскую природу.

— Сли-и-и-и...

Оба вздрогнули, когда снаружи донёсся странный хлопаящий звук.

Хостин вышел на порог. Предупреждения от Баку или Сурры не поступало. Значит, те, кто подъезжал, были им знакомы. И всё-таки, укорил он себя, надо было предуп-

редить команду, чтобы дали сигнал о приближении чужих.

Кавалькада выехала из тени со дна каньона на освещённое место, и Хостин разглядел Кротага. Тот ехал впереди. За ним — воины. Шторм не сходил с порога, поджидая, пока Кротаг спешится, и не двигаясь ему навстречу. Не было времени на объяснения и извинения. К тому же, Горгол наверняка всё уже рассказал Кротагу. Вождь, возможно, всё решил по дороге сюда, иначе он не приехал бы столь быстро. Согласно обычаю, следовало выслушать вождя и дожидаться, пока он не огласит своего решения.

Землянин отступил, пропуская Кротага внутрь. Вслед за вождём прошествовал ещё один Норби.

В отличие от остальных воинов, на нём не было пояса с ножом и ожерелья-воротника из клыков йориса. На тощем теле болтался балахон из птичьих перьев, чёрных и белых, искусно вплетённых в шкуру якобыка. Рога его были выкрашены в чёрный цвет, а глубоко сидевшие глаза были обведены чёрными кольцами в дюйм шириной, так что в полутьме лицо его было похоже на череп. Поверх балахона был накинут плащ, тоже из перьев, но бриллиантово-лазурной расцветки. С шеи вошедшего на тонких ремешках свисал небольшой барабан.

«Вижу тебя, носящий имя Кротаг», — отсалютовал Хостин.

«Вижу тебя, чужеземец».

Не слишком обнадеживающее начало беседы. Хостин обратился к Барабанщику:

«Я вижу также того, кто призывает небо метать стрелы. И какое он носит имя?»

Только молчание в ответ, было слышно, как фыркают выведенные наружу лошади. Барабанщик поднял ладони и встал прямо напротив Хостина, устремив свой взгляд в глаза землянина.

Хостин, не очень понимая, что делает, встал и точно так же поднял ладони к ладоням Барабанщика. Лишь однажды до этого индеец сталкивался с Силой, сверхъестественной,

лежащей за пределами понимания любого человека, которая заполнила его и двигала им. Это было, когда он освобождал друзей, пробравшись в лагерь Нитра. Но тогда он черпал силу из магии своего народа, индейцев. А теперь...

Из него полились слова. Слова, которых Барабанщик не мог понять. Или — мог?

*Вот моя песня и моё подношение,
Я иду к Голубому Грому,
Мой путь лежит к небесной стреле,
По дороге, над которой висит радуга...
Моё подношение —
Большому Змею и Голубому Грому!
Вокруг меня белый дождь,
Пусть вернётся удача на мою землю!!!*

Наверное, это Барабанщик придал Хостину силы извлечь слова песни из глубин памяти, где они жили разрозненными осколками. Хостин не был Певцом и спеть настоящую Песню он не сумел бы. Но эти слова пробудили силу, дремавшую глубоко-глубоко в его теле — или разуме.

Шторм заморгал — сполохи размытых красок мелькали перед его глазами — и взглянул прямо в глаза Барабанщику. В них промелькнуло понимание того, что происходит с землянином. Но вот искра контакта исчезла, Хостин снова стал всего лишь поселенцем, который зачем-то стоит, касаясь ладонями рук шамана. Хостин убрал ладони и потупился. Шаман тоже опустил ладони.

«Взывающий к небу носит имя Юкурти. Я слышал, что младший брат может собирать тучи».

«Не совсем, — отрёкся Шторм от какой-либо причастности к магической силе. — На моей планете много лет назад мой дед умел это делать. Может быть, умирая, он передал мне часть своих знаний».

Юкурти кивнул:

«Так должно быть. Мы, обладающие Силой, обязаны эту Силу передавать тем, кто сможет понести ношу, когда настанет их черёд. Поговорим о другом. Чужестранец отправился в Синий Сектор на железной птице. Он проник туда тайно и тем нарушил законы моего племени и твоего. Вот часть твоей ноши, юный брат».

Хостин склонил голову:

«Эту часть ноши я принимаю. Я сам отчасти виноват в том, что этот человек попал сюда. И часть его вины лежит на мне».

«Он уже там, и его не вернуть», — жесты Кротага выдавали волнение. На протяжении всего разговора он смотрел на Хостина то с подозрением, то с восхищением.

«Это не нам решать, — обронил Юкурти. — Если его обнаружат, тебе, младший брат, придётся иметь дело с ним. Мы возлагаем эту ответственность на тебя».

«Я принимаю её».

В переговорном устройстве что-то затрещало. Логан схватил микрофон и нажал кнопку приёма:

— Приём, приём, отвечайте!

— Поисковый топтер вызывает базу.

Хостин одним прыжком достиг пульта и выхватил микрофон у Логана:

— Шторм слушает, приём!

— ...видим спасательный шлюп. Снижаемся по склону...

Слова затерялись в треске электрических разрядов.

Хостин сделал знак Логану, тот включил пеленгатор. Если бы связь с Уиддерсом продержалась ещё хотя бы несколько секунд, им, возможно, удалось бы запеленговать их топтер.

— Шлюп внизу, видим ясно, снижаемся!

— Уиддерс! Уиддерс! Подождите!

Напрасно. Его уже никто не слушал. Логан жестикнул, переводя услышанное Кротагу и компании.

«Значит, он нашёл то, что искал, — проронил Барабанщик. — Может быть, его настойчивость умилюстит Живущих в Горах? Поживём — увидим».

Хостин сжимал в руке микрофон, вызывая поисковый топтер через равные промежутки времени. Наконец после долгого молчания Уиддерс отозвался:

— Ищем следы спасшихся. Форджи! Форджи! — внезапно голос Уиддерса перешёл на крик, в котором смешались удивление и тревога. — О Боже! Вниз по горе к топтеру движется стена огня! Форджи, они приближаются! Шторм! Шторм!

— Я слушаю! — землянин пытался понять, что там происходит.

— Стреляй по ним, Форджи! Огонь!

— Уиддерс! Вас атакуют? Кто?

— Шторм, мы не можем удержать их. Огонь подходит слишком близко. Уходим, укроемся в пещерах.

— Кто напал на вас?

Рация молчала.

Кротаг прожестикнул:

«Им ответили Выбивающие-Гром. Злодею пришёл конец».

«Возможно, они ещё живы! — протестовал Хостин. — Нельзя бросить их так...»

«Всё предрешиено», — ответил Кротаг жестом, не допускающим возражений.

Хостин повернулся к Юкурти:

«Но ведь ты сказал, что чужеземец — моя ноша. Я не могу оставить его там и не выяснить правды о том, что произошло».

И снова словно их только двое в пустоте — Хостин и Барабанщик — вне времени и пространства, странная, необъяснимая близость.

«Это правда. Чужеземец — твоя ноша. И эта ноша ещё не снята с тебя. Чужеземцы не имеют прав на то, что находится в Синем Секторе, и получили по заслугам. Но ты ещё не выполнил предназначённое тебе до конца. Для тебя дорога туда открыта... Вступай на неё без колебаний».

«Если мой брат пойдёт этой дорогой, я пойду с ним», — вмешался Логан.

Юкурти обернулся и смерил его взглядом своих обведённых краской глаз.

«Верно говорят, что брат должен поддерживать плечо брата, когда поют боевые стрелы и дрожит боевая тетива. Ты сам выбрал — дорога твоего брата станет и твоей дорогой. Никто не помешает тебе. Разве что Живущие в Горах».

«Ты говоришь это голосом барабана?» — поинтересовался Кротаг у Юкурти.

«Да, я говорю это голосом барабана. Пусть они пойдут и сделают то, что должны сделать. Никто не знает, какой путь ляжет перед ними. Но ехать им надо».

Пальцы Юкурти принялись легко отстукивать на барабане несложный ритм, но от этого ритма у Хостина по спине пробежал холодок.

И тут в тёмный проём двери вползла Сурра — глаза зажмурены, уши прижаты. За ней, щёлкая от избытка эмоций клювом, появилась Баку. Последним, покачиваясь, показался Горгол, с широко раскрытыми, словно у лунатика, глазами. Барабанщик перестал выбивать ритм и разрушил чары.

«Всё... Идите. Все вы были избраны и призваны».

«Наша ноша на наших плечах», — как ни странно, Хостин был вполне согласен с тем, какая подобралась команда спасателей.

Глава 8

— По-моему, это мираж, — произнёс Логан ошеломлённо, обращаясь даже не к своим измученным спутникам, а ко всему раскинувшемуся перед ними великолепию.

Они преодолели каменные завалы пешком — лошади не смогли бы двигаться среди нагромождений скал. Открывшаяся взору долина была бесконечно широкой, её противоположный край терялся вдали. Всё было покрыто сочной жёлто-зелёной растительностью, словно Большая Сушь никогда не заглядывала сюда. Вдали блестела вода — река или озеро.

Горгол изумлённо вглядывался вдаль. Хостин сидел, прислонившись к скале, всё ещё хранившей дневное тепло, несмотря на вечерний час. Они шли пять дней, прячась от солнца в дневные часы. И вот наконец перед ними Синий Сектор.

Накануне они чуть не погибли. Их спас Горгол. Когда у отряда кончилась вода, Норби отыскал среди сухих корней небольшое углубление, долго вынюхивал, вырывал сухие побеги и пробовал корни, пока наконец не нашёл место, где стал копать. И через полчаса в углублении, выкопанном среди сухой почвы, скопилось немного воды.

Сурра повизгивала, тёрлась о Хостина, её ноздри расширялись от моря запахов, доносившихся из долины внизу. Судя по её поведению, долина была самой настоящей. У кошек галлюцинаций не бывает. Горгол вытащил из-за пояса маленькую зелёную палочку и принялся разрисовывать своё лицо. Изобразив на нём светящимся составом устрашающую полосатую маску, он протянул карандаш Хостину.

«Мы идём с миром и должны показать это».

«Показать дикарям?»

«Нет. Их приходится опасаться. Это знак для Выбывающих-Гром, что мы идём с миром».

Хостин тоже раскрасил лицо, вдоль и поперёк расчертив его линиями, затем передал карандаш Логану. У каждого племени свои обычаи. Горгол знал местные обычаи лучше. От краски лицо стянуло и пощипывало.

Хотя на их лицах была теперь мирная раскраска, они вошли в долину с предосторожностями, какие подобают непрошенным гостям. Хостин видел, что и Горгол не доверяет незнакомой местности. Несмотря на то, что шести мира подняты по всей стране, земли, на которые они ступили, принадлежали племенам людоедов, у которых могли быть свои взгляды.

Баку полетела вперёд, к воде. Сурра тоже заспешила

вниз по склону, теряясь среди жёлто-зелёной травы. Хостин следил за нею только мысленно. Кошка осторожничала и была начеку, но пока ничего подозрительного не обнаружила. Прячась, насколько это было возможно, отряд следовал за ней.

Если в долине живут, то неподалёку от воды. Скорей бы до неё добраться. Жара совершенно измучила их. Горгол срывал по пути мясистые стебли травы, разминал их, клал в рот, и, разжевав, выплёвывал. Хостин сделал то же самое. Сок был горьким, но снимал сухость во рту.

Он оглядывался, раздумывая, за какой из этих гор Уиддерс обнаружил шлюп. Судя по пеленгу, это должно было быть где-то поблизости. Но пока следов аварии не было видно.

Бежавшая впереди Сурра подала сигнал тревоги. Хостин остановился и сделал знак остальным: замрите! У воды кто-то был. Пришлось лечь на землю, и теперь Хостин пожалел, что на их лицах поблескивает предательски светящаяся в темноте краска.

Но их не заметили. Сурра осторожно увела их прочь от опасного места, и они продолжили свой путь на юг. Хостин связался с Баку. В случае опасности орлица была готова придти на помощь.

Отовсюду доносились ночные шорохи. Травяные зверьки ещё не попрятались по норам от Великой Суши. Вокруг раздавалось шипенье, возня, урчание. Хостин лежал, воспринимая каждый шорох, малейшее движение вокруг. Когда-то, ещё в войну, он делал это множество раз: глаза, уши и другие органы чувств всей его разведкоманды передавали ему данные об исследуемой местности.

Туземцы у воды направились в другую сторону и скрылись из виду. Путь к воде был свободен. Хостин дал команду, и друг за другом они осторожно двинулись вниз по тропинке к озеру. Баку сверху разглядела, что вода впереди — озеро.

Заросли тростника поредели. Теперь отряд отбивался от

кровососущих насекомых, облепивших потные тела как облачка колючего тумана. Но их мучения были вознаграждены, когда, продравшись через топкую грязь, отряд добрался до воды. Они вдоволь напились необычной на вкус и своеобразно пахнувшей воды и искупались. Освежившись, отряд подкрепился таблетками из запасов энергетического рациона.

— Как же нам найти ту гору... — пробормотал Логан.

Однако, к их немалому удивлению, Горгол уверенно прожестикулировал: «Она там», и показал на север: «Ритуалы. И огонь». Больше он ничего объяснять не стал.

И Хостин вспомнил, как однажды ночью в усадьбе Пикс он видел сполохи света в горах на севере, и что те сполохи сопровождались колебаниями воздуха. Как давно это было. Хостину почему-то не хотелось идти туда, куда указывал Горгол.

Они наполнили фляжки водой и двинулись вдоль берега. Баку кружила над ними в чаше ночного неба. Сурра рыскала по сторонам, проверяя дорогу. Дважды им пришлось затаиться, пережидая, пока пройдут отряды Норби. Предгорья начались за несколько часов до рассвета. Дорога пошла вверх. Вставшая на пути гора закрывала звёзды своей тёмной громадой.

И тут до них донёсся звук. Глухое буханье перешло в нарастающий рокот. Барабаны! Магические барабаны огромной мощи, гораздо более сильные, чем маленький барабанчик шамана Юкурти. Логан, перекрикивая гул, нагнулся к Хостину:

— Деревня!

Да, и, скорее всего, к востоку отсюда. Гул барабанов означал, что в поселении совершается ритуал. Значит, в оставшееся до рассвета время все жители деревни будут заняты на нём, и отряд сможет беспрепятственно воспользоваться оставшимися до рассвета часами.

Сурра заметила впереди топтер и повела их к месту аварии. На ровной площадке обожжённой земли лежала обугленная, искорёженная машина металла. Неподалёку

они увидели неестественно вывернутое тело пилота. Обломанная и обгорелая стрела торчала между лопатками.

— До утра не так уж много времени. Уиддерс говорил, что они спрячутся в пещере. Надо разделиться и поискать пещеру поблизости, — распорядился Хостин.

Они разошлись по склону горы. Участки выжженной растительности располагалась веером, образуя рассыпающиеся под ногой полосы пепла, словно всю эту местность поливали огнём из фламера, инопланетного оружия чудовищной силы.

Неужели снова десант с Ксика? Не так давно они с Логаном наткнулись в горах на секретную базу захватчиков. Тогда по сбежавшему из плена Логану стреляли из фламера — они не хотели оставлять в живых невольного свидетеля их противозаконной деятельности в этом окраинном мире. Логан в тот раз уцелел, но под обстрел попал табун украденных захватчиками лошадей — и от него мало что осталось. Вполне вероятно, что и в этой местности действовал отряд десантников с Ксика.

Выжженная земля внезапно кончилась, почерневший шлак уступил место обычной траве и высоким кустам, шелестевшим под утренним ветерком. Характер расположения участков выжженной земли заставил Хостина сомневаться в том, что это был фламер. Что же это было? Хостин раздумывал над этой загадкой и внимательно оглядывался вокруг в поисках пещеры.

И вдруг в нескольких шагах от него полыхнула ослепительная вспышка. Куст впереди занялся мгновенно, от его пламени стало совсем светло. Ещё вспышка сбоку. Хостин побежал, языки огня лизали его пятки. Позади взрывались огненные шары. Такого он никогда в жизни не испытывал, но в нём росла уверенность, что его куда-то гонят! Сзади неимоверно жгло огнём, но по спине Хостина побежал холодок. Как объездчики подстёгивают кнутами отбившихся от стада, так и его стегали этими огненными шарами.

Он споткнулся и с трудом удержал равновесие. Местность вокруг была теперь ярко освещена, и он стал осторожнее выбирать путь, чтобы не сгореть заживо в этом неистовстве огня, бушевавшем крутом. Он увидел впереди расщелину в земле, одним прыжком перескочил её и с трудом поднялся на ноги. Рядом с его правой рукой задрожала, воткнувшись в землю, стрела. Намёк достаточно понятный.

Хостин сгруппировался, готовый при первой возможности метнуться в сторону. Он огляделся и увидел, что кольцо сужается. Однако окружали его не огненные шары, а туземцы. Это были воины пониже ростом, чем Норби, ближе к землянам по комплекции. Чёрные рога и чёрные ободки вокруг глаз, вычурная раскраска на лицах.

Если в первые несколько мгновений у него ещё был шанс ускользнуть, то теперь такой возможности не оставалось. В предрассветном сумерке он увидел, как воины разворачивают сеть. Сплетённая из вымоченных волокнистых корней арзорской яссы, такая сеть облепляла тело пойманного плотной плёнкой, делая жертву совершенно беспомощной, будь то йорис или, как на этот раз, Хостин Шторм.

Упакованный самым постыдным образом в эту липкую сеть, он был доставлен в деревню, расположенную у подножья горы. В отличие от поселений Норби с их временными шатрами и тентами из шкур, в этой деревне постройки были долговременными, со сложенными из брёвен до высоты плеч стенами и тростниковыми крышами.

Откуда-то появился Барабанщик в балахоне из перьев и в зелёном переливающимся плаще с красной молнией на груди. Он бил в красный барабан и вёл тащивших Шторма воинов. Путь освещался факелами, дававшими странный голубоватый свет. Хостина втащили в одно из строений и бросили на земляной пол.

Наверное, это был не жилой дом, а нечто вроде молит-

венной хижины. Спальных мешков вдоль стен не было. В центре помещения в углублении горел огонь такого же странного голубоватого цвета, что и факелы. На верёвках вдоль стен и под потолком были развешаны какие-то большие и маленькие предметы.

Дом Грома! Легендарное святилище Выбивающих-Гром! А по стенам развешаны военные трофеи — руки и головы убитых врагов. Хостин знал, что у племени Нитра в обычае отрезать у врагов руки или головы. Но это здание было больше и древнее шаманских шатров Нитра. Хостин старался вспомнить всё, что ему было известно об обычаях этого племени.

Воины, доставившие его в Дом Грома, расселись вокруг огня и пустили по кругу сосуд с какой-то жидкостью, скорее всего, соком клэйвы, обладающим наркотическим действием. Судя по всему, они никуда не торопились.

На высоком сиденье поодаль расположился Барабанщик клана. Он слегка постукивал по лежащему на колене барабану, тот отзывался негромким гулом. Пока всё совпадало с ходом ритуалов у внешних племён: одно возвышение — к северу от огня — для Выбивающего-Гром, другое, пока пустовавшее, — к югу от огня — для вождя клана.

Прикрыв глаза, Хостин настроился на мысленный контакт с командой. Никакого ответа. Ни Баку, ни Сурра не откликнулись. Никогда нельзя было точно определить дальность мысленного контакта с кошкой и орлицей, это каждый раз бывало по-разному. Молчание его беспокоило. Человек, привыкший ходить с тростью, чувствует себя весьма неуверенно, когда эту трость у него вышибают.

Он отогнал страх. За годы совместной работы он стал частью своей команды. Но значит ли это, что он беспомощен вдали от неё? Юноша открыл глаза. И вовремя, потому что происходящее было достойно самого пристального внимания.

В открытую дверь втащили нового пленника. Барабанщик сыграл победный марш, значение которого было

понятно без перевода. Опутанного сетью пленника бросили рядом с Хостином. Это был Логан, весь перемазанный люминесцентной краской и грязью.

— Хостин!

— Да, это я. А где Горгол?

— Не знаю. Я не видел его с того времени, как мы разделились и пошли искать пещеру. Потом они начали взрывать эти огненные шары и загнали меня в сеть. Они просто натянули её между деревьями и ждали...

Они достаточно хорошо организованы, отметил Хостин. Возможно, Уиддерса держат где-нибудь поблизости. Но зачем надо было столь необычным способом ловить их? Просто потому, что каждый пришедший сюда должен быть пойман?

Логан прервал его размышления:

— Я видел шлюп.

— Что?

— Перед тем, как они накнулись на меня с сетью, я видел шлюп. Странно. Он совершенно целый, будто это была не авария, а запланированная посадка.

— У тебя была возможность всё как следует рассмотреть?

— Нет, конечно. И вот ещё что странно. На шлюпе и вокруг развешаны шкуры, луки, копья. Кто-то зарезал лошадь, и она так и лежит там с перерезанным горлом. А на фюзеляже прикрепили череп. И похоже, всё это там появилось совсем недавно.

— Жертвоприношения?

— Наверное. Видимо, решили умиловить пришедшее с неба. Ведь здесь никогда не видели космошлюпов, — предположил Логан.

— Но тогда зачем они обстреляли топтер? Если они не знают, что такое космошлюп и поклоняются ему, то должны были бы с почётом принять и садящийся топтер.

«Если только им не известна разница между топтером и космошлюпом», — подумал землянин.

Логан высказал ту же мысль:

— Скорее всего, они видели равнинные топтеры.

Или, предположил Шторм, они в контакте с прилетевшими на космошлюпе и сознательно не захотели вступить в контакт с прибывшими на топтере. Ведь присутствует же здесь неизвестное оружие, явно не арзорского происхождения.

Логан огляделся и сообщил:

— Эге! Да ведь это Дом Грома!

— Да, и мне показалось, что Нитра повторяют здешние обряды. Ты раньше не видел что-нибудь подобное?

Как знаток арзорских обычаев, Логан мог внести ясность в намерения тех, кто захватил их в плен. Возможно, он знал, какой ритуал последует за их пленением.

— Да, немного похоже на то, как эти церемонии проходят у Нитра, — согласился Логан. — Два высоких сиденья для вождя и шамана, два входа с запада и востока. Смотри, вот вошёл охотник, он идёт зигзагами. Это значит, он хвастает успехами на охоте, хвастается силой. Сейчас начнёт Барабанщик. Точно!

Освещённый синим пламенем Барабанщик лениво постукивал по боку инструмента двумя пальцами, удерживая негромкий ритм. Другой рукой он подбрасывал над пламенем пушистые комочки, улетающие в дымоход вместе с дымом.

— Перья для молений, — пояснил Логан. — Кажется, у этих военные трофеи такие же, как у Нитра. Те тоже обожают развешивать по стенам руки и головы, синерогие мерзавцы.

— А вот так барабанщик Нитра поступает? — встревоженно спросил Шторм.

Шаман поднялся с возвышения, откладывая барабан в сторону. Он встал у костра в пятно света, сидящие вперили в него мутноватые взгляды. Шаман снял с шеи небольшую трубку на кожаном ремешке. Труба была около двенадцати дюймов длины и блестела, причём не только от костра, но и собственным светом.

Согласно ритуалу Барабанщик обвёл трубкой четыре стороны света, начиная с северной. Затем указал прямо в пламя. Из трубки посыпались разноцветные снопы искр. Они сложились в лучи над пламенем костра, лучи сложились в фигуру.

— Пятиконечная звезда! — ахнул Логан.

Но фигура уже изменилась, теперь стало видно, как эти искорки выстраиваются под лучами из трубки в определённой последовательности. Вот они образовали круг, потом треугольник. И наконец, вытянувшись клином, нырнули в огонь и сгорели.

— Нитра так не умеют, — выдохнул Логан.

— Норби тоже, — сказал Хостин. — Это инопланетная вещичка, мне с такой не приходилось иметь дело. Но могу поклясться на крови, что такой магии на Арзоре нет ни у одного племени.

— Так что, это штучки завоевателей с Ксика?

— Не знаю. И подозреваю, что скоро нам объяснят, чьи это штучки.

Глава 9

Хостин попытался расправить затёкшие мышцы. Сеть не позволяла сделать этого. Всю ночь он и Логан, связанные, дрожали от холода, лёжа на полу в Доме Грома. И всю ночь никто из хозяев не удосужился даже взглянуть на пленников. Но по крайней мере ночь им дали прожить.

Сквозь щели в крыше пробился дневной свет. Стало теплее. Но это не был иссушающий жар Великой Суши, просто дневное тепло, как в долине у реки. Кажется, здесь вообще не бывало Большой Суши.

Хостин услышал, как Логан бормочет то же самое:

— Солнце светит. Но не жарко. Наверное, это потому что близко озеро.

— Нет, — возразил Хостин. — Озеро не даст столько прохлады. В Пикс множество озёр, речушек, колодцев.

Тем не менее днём надо укрываться, чтобы не изжариться. Озеро на погоду не влияет.

— Значит, влияет кто-то другой, — упрямо твердил Логан.

Кто-то влияет на погоду, это было понятно. Или — что-то? На Арзоре пока было известно единственное место, где существовал контроль над погодой и растениями. Во время отражения десанта с Ксика Хостин и Логан открыли Пещеру Ста Садов, спрятанную в горах. Обитатели Запечатанных Пещер собрали образцы растительности различных миров, поместили эти растения в пещеру и оставили их там цвести и расти на века. Умение управлять погодой было частью знаний обитателей Запечатанных Пещер, а вовсе не завоевателей с Ксика.

Хостин повторил вслух:

— Это знания обитателей Запечатанных Пещер.

— Но здешний контроль погоды осуществляется не внутри помещения, а на открытом воздухе. Как этого можно достичь? — Логан гнул своё.

— А как они устроили то же самое в пещере? Мы, кажется, нашли новые свидетельства существования той цивилизации. Эти доказательства многое объясняют.

— Ты подразумеваешь магию? — Логан стал невыносимо насмешлив.

— Да, и, возможно, сильные восходящие потоки на границах Синего Сектора, которые воспрепятствовали обследованию этого района.

— Но ведь и Норби, не летающие на топтерах, всегда сторонились Синего Сектора.

— В предгорьях Пикс — да. Но нельзя уверенно утверждать, будто этот запрет выполняется везде. Мы даже не можем утверждать, что обитатели Запечатанных Пещер покинули планету. Может быть, они спокойно живут где-нибудь в Синем Секторе, неподалёку отсюда. Ведь легенды гласят, что обитатели Запечатанных Пещер, Древняя Раса, ушли в Пещеры, закрыв за собой входы. Но обязательно выйдут наружу когда-нибудь в будущем.

Однако сам Хостин в это не верил. Чтобы Норби постигли тайны обитателей Запечатанных Пещер — нет, невозможно! Таинственная и древняя звёздная раса не могла передать свои знания примитивным племенам. Или — племени. В таком предположении что-то не сходилось. Живые существа, создавшие систему Запечатанных Пещер и Пещеру Ста Садов, не могли иметь ничего общего с обычаем украшать молельные дома черепами и руками убитых врагов. Такой обычай противоречил опыту разума.

Логан словно уловил его мысли:

— Я не верю, чтобы Норби унаследовали знания древних.

— Да, я тоже думаю, что они не удостоились передачи знаний. Может быть, разгадка спрятана где-нибудь в этих горах.

— И мы её вот-вот разгадаем, — слабо усмехнулся Логан. — Жаль только, что нас выделили среди общего стада, чтобы украсить нашим присутствием завтрашний ритуал Празднества Барабанов.

Увы, Хостин тоже пришел к такому же выводу. Его попытки высвободиться из сети ни к чему не привели. Норби умеют держать пленников, не давая никакой надежды на спасение. От одной мысли, что надеяться не на что, можно было впасть в отчаяние.

Логан попытался приподняться с пола, но упал.

— Слышишь?

Снова загремели барабаны. Они грохотали отрывисто, с частыми паузами. Каждый новый гром немного отличался от предыдущего по тону.

Всё утро в Дом Грома входили Норби, они сновали тут и там, не задерживаясь надолго. Но теперь в южный вход вошла целая толпа. Затем в одиночестве прошеествовал ещё один дикарь — с чёрными рогами, худой, лохматый. На его плечах не было воротника-ожерелья из клыков йориса. Вместо обычного украшения он носил связку костей, хорошо отполированных и мелких. Он занял сиденье вождя.

Наблюдая действо с уровня пола, Хостин разглядел ещё одну большую группу Норби, входящую через западный вход. Они несли шест мира. За ними шли клановые барабанщики и Вождь. Третья делегация прошла в восточный вход, четвёртая — в южный. Хостин понял, что здесь происходит не сбор всех кланов, а только собрание высших представителей от каждого клана, независимо, враждебные это кланы или нет.

Вошли ещё две группы, всего делегаций оказалось шесть, каждую возглавляли Вождь и Барабанщик. Предводителями седьмой делегации оказались Кротаг и Юкурти.

Барабанщик, которого Хостин видел здесь вчера, занял возвышение с северной стороны Дома Грома. Его барабан оглушительно загрохотал. Из шеренг воинов вышли двое, неся в руках длинное бревно блестящее от многочисленных прикосновений. Они положили его возле огня, набросали ароматических трав в пламя и отошли прочь, в темноту шеренг. Гул барабана ненадолго стих, и Логан успел вставить словечко:

— Сейчас начнутся речи. Это речевое бревно.

И пошли речи. Хостин пожалел, что не может перевести это чириканье. Наконец настала очередь Высшего Вождя и Барабанщика. Они встали возле отполированного дерева и заговорили, для важности ударяя в деревянную плоскость веткой фолвуда. Остальные вожди и барабанщики тоже застучали ветками фолвуда вокруг себя, выказывая согласие со сказанным.

Хостин задыхался. Голова кружилась, рот пересох. Он лежал посредине Дома Грома и хотел только одного — пить. И есть. Он вновь попробовал связаться с Баку и с Суррой — бесполезно. Может, кошка и орлица всё-таки спаслись во время обстрела. Он очень хотел, чтобы так и было.

Его и Логана шансы на спасение теперь почти исчезли. Он надеялся, что Кротаг и Шошонна заступятся за них. Но Кротаг говорил вторым, и всё равно пленники остались

лежать связанными. То, что удерживало вместе кланы в Доме Грома, стояло выше интересов дружбы с людьми.

Ни Хостин, ни Логан не знали, сколько длилась эта конференция. Они впали в забытие, одурманенные дымом и голодом. Хостина вывел из забытия грубый тычок в рёбра. Солнечный свет больше не пробивался сквозь щели, но внутри Дома Грома было светло от синих огней факелов.

Один из юных Норби, тащивших речевое бревно, склонился над Хостином, просунув сквозь ячейки сети узкую трубку прямо ко рту пленника. Хостин раскрыл рот и глотнул густую жидкость. Это была вода с примесью ещё каких-то компонентов, у питья был кисло-горький вкус, как у алкогольных напитков. Хостин жадно пил, чувствуя как уходит голод и усталость. Но вот трубку грубо отняли. Хостин слизнул с губ последнюю каплю. Теперь его мозг работал совершенно чётко. Точно таким же способом Норби напоили Логана. За процессом кормления наблюдали стоящие здесь же Верховный Вождь и Барабанщик. Они равнодушно взирали на пленников, ожидая более важной процедуры.

Под барабанный бой вошли воины — высокие, крепкие, поднаторевшие в искусстве боя — так рассудил Хостин, увидев их выправку и амулеты. Путы несколько ослабили, однако пленники по-прежнему оставались беспомощными, лишь немного свободнее шевелясь под сетью. Их откатали как брёвна в кружок света от костра и факелов.

Из темноты вышел новый воин, неся в руках пояса и фляжки, принадлежащие Хостину и Логану. Увы, никто не собирался возвращать пленным амуницию. Хостин вспомнил сказанное Логаном о космошлюпе: Норби увешали его приношениями. Видимо, вещи пленников предназначались для того же — чтобы умиловить вещь с неба. Интересно, лошадь, принадлежавшую пленникам, Норби тоже принесут в жертву?

С пленников наполовину сняли сеть и вывели их наружу. Шатаясь и заставляя затёкшие мышцы повино-

ваться, они прошли по деревне. Сеть сняли так, чтобы спутанными оставались тело и руки, поэтому двое караульных придерживали пленников, одновременно подталкивая их в нужном направлении.

За рядами воинов Хостин разглядел женщин. Раньше их не было видно. Значит, его и Логана вели на какую-то церемонию, одинаково значимую для каждого жителя племени и для гостей, для всех, кто поднял шесты мира и явился в Дом Грома, для всех, кто теперь заполнил деревню и жаждал зрелища.

Караульные провели их через всю деревню. По широкой выбитой дороге они приблизились к тёмной громаде горы. Это был тот самый склон, где их обстреляли. Хостин оглянулся, пытаясь различить в толпе Кротага, но позади стеной шли незнакомые кланы, чадя поднятыми факелами.

Теперь удушливый дым от горящего фолвуда смешался с запахом обугленных от недавних выстрелов кустов на склоне. Вокруг зияли воронки, выбитые огнём. Правда, было неясно, появились ли эти воронки в результате вчерашнего обстрела или на этом месте постоянно практикуют стрельбу.

Барабанный бой сливался в единый гул. Это старались все явившиеся барабанщики кланов во главе с Верховным Барабанщиком. Такт шагов совпадал с ритмом барабанов. И это вызвало внезапную тяжесть в голове.

«Да ведь нас гипнотизируют!» — вскинулся Хостин. Он осознал всю меру опасности. Когда-то давно его собственный народ умел доводить воинов до состояния, когда они безропотно шли убивать. Это достигалось верой в непоколебимость магии. Здесь, на Арзоре, боевой настрой поднимали несколько отличным способом, но этот способ наверняка был не менее действенным.

И индеец зашагал, стараясь не попадать в такт барабанному ритму. Наверное, сказались годы армейских тренировок — ему удалось избежать ловушки гипноза.

Шедшие вокруг Норби ступали в соответствии с ударами барабанов, так что сама гора содрогалась вместе с их поступью.

По крайней мере, ему показалось, будто почва пришла в резонанс. Или это был только звук? Запредельное, не касающееся разума или плоти воздействие породило ответ: всё вокруг зашевелилось, приходя в разбуженное выжидание. Хостин не знал природы этого явления, такое действие магии не было ему неизвестно. Впрочем, никому из чужеземцев эта местная магия не была известна. Разве что её действию несколько раньше подвергли Уиддерса.

Грохот, грохот, грохот. Хостина держали руки воинов, шагавших в такт. Землянин упорно сопротивлялся и спотыкался. Это был довольно слабый способ защиты, но больше защищаться было нечем. Удар-удар — шаг. Удар-удар — шаг. И вновь гора задышала. Даже, кажется, неприязненно вздохнула, словно не была нагромождением камней и скал, а жила своей собственной жизнью разбуженного зверя.

Дым стал ещё удушливее. Послышался последний барабанный аккорд. Гром прокатился по горам, вызывая долгое эхо. Процессия остановилась. Впереди чернела гора. Факелы унесли назад и вокруг пленников стало совсем темно. Лишь высоко в небе колюче блестели звёзды.

И пришёл звук. Это было не эхо и не бой барабанов. Наверное, чудовище, притворявшееся горой, проснулось и отозвалось. Хостин вообразил себе это существо — громадное, неподвижно поджидающее жертву. Как порой, затаившись, ждут Баку и Сурра, по-охотничьи терпеливо, нечеловечески долго и неотвязно.

Все в ожидании замерли — Норби, пленники, сама гора.

И снова тот же звук, уловимый не слухом, а скорее, клетками тел.

И вдруг — молния! Громадная, прямая как лезвие бритвы, молния разрезала небо надвое и ударила в склон

горы. Она попала прямо в круглый буторок, обрисовавшийся над гребнем. Хостин видел его во время обстрела, но не успел разглядеть, отметив только, что столь совершенно круглая вещь выглядит неестественной в диких горах. Теперь чудовище-гора как бы примеривало корону из молний. Донёсся грохот — отзвуки повторились ещё и ещё. Процессию окутал дым новых разрывов. Хостин был полностью оглушён и ослеплён. Этот обстрел не нёс и намёка на некое природное явление. Это было совершенно разумное и осмысленное действие.

И это не могли быть завоеватели с Ксика. Оружие, из которого производилась столь впечатляющая стрельба, не было фламером, а значит, обстрел вели не завоеватели. Хостин не знал, что за оружие работает сейчас, во время войны он с таким не сталкивался. Может быть, здесь проявляло свою угрожающую мощь тайное оружие древних обитателей Запечатанных Пещер, цивилизации, которая создала Пещеру Ста Садов.

Стрельба закончилась. Веер молний рассыпался искрами и потух. Подождённой растительности оказалось немного и огонь не распространился далеко. Теперь вновь загремели барабаны. Хостина толкнули, принуждая идти вперёд. Но теперь его не вели караульные, он шёл свободно, а сбоку и чуть позади шествовали шаманы и вождь одного из кланов. Так же вели и Логана.

Они оставили позади обгоревший остов топтера, в который попали несколько зарядов недавнего обстрела. Теперь хвост аппарата был напрочь оплавлен.

Где-то на свободе оставались Горгол, Сурра и Баку. Может, им удалось скрыться от преследования и обстрелов. Хостин послал мысленный сигнал команде. Никто не отозвался, словно он и не знал, словно он никогда не вступал в контакт с инородными разумами.

— Впереди космошлюп, — сказал Логан.

Хостин принялся. Пахло тухлятиной. Это разлагались принесённые в жертву животные и растения.

Разумеется, если они верно истолковали сложенные возле космошлюпа туши, решив, что их действительно принесли в жертву. Но не собираются ли Норби дополнить жертвоприношения свежими? Не для этого ли привели сюда пленников? Ах, пусть только ему развяжут руки! Хостин помнил пару-тройку приёмов со времени службы. И он сумеет их применить.

Свет горящих кустов выхватил из темноты бок лошади с перерезанным горлом. Труп лежал возле космошлюпа. Логан был прав: космошлюп совершил нормальную, а не вынужденную посадку. Никаких следов повреждений не было. Но тогда где-то должны быть и пассажиры космошлюпа. Или они попали в руки Выбивающих-Гром, и несчастных спасшихся постигла та же участь, какая теперь грозит Хостину и Логану?

Но, к разочарованию Хостина, их провели мимо космошлюпа: а он уже было приготовился к последнему бою. Барабанщик сыграл почтительную дробь, вымолвил что-то наподобие благоговейной молитвы в сторону космошлюпа и больше никто не обращал внимания на священную вещь. Пленников повели дальше. Чудовище ожидало жертв.

Склон стал отвесным, приходилось пробираться через высокие камни. Логан и Хостин, припадая, тащились впереди. Охранники дёргали сеть, порой почти дружелюбно подтаскивая падающих пленников. Хостин не торопился вставать, совмещая необходимость оглядеться и ориентироваться с попытками ослабить связку.

Отойдя от космошлюпа, они прошли мимо нескольких воронок более раннего происхождения, так как вокруг них не было дымящихся и горящих растений. Простая растительность осталась внизу, и вскоре они выбрались на каменистую площадку, от которой вверх вели ступеньки. Но пленников не стали подталкивать к ним, процессия свернула направо, понукая их идти вдоль вьющегося по горе уступа. Зачем нужно было идти этим серпантином,

Хостин не понял. По его разумению, проще было поднять-ся вверх по ступеням на те же несколько футов.

Занимался рассвет. Хостин надеялся, что солнце на вершине горы не будет столь беспощадным, что и в предгорьях, объятых Великой Сушью. Возможно, здесь, на вершине, такой же мягкий климат, как и в деревне внизу. Тогда, если пленников предполагают оставить жариться под солнцем, они смогут выжить.

Но нет, их собирались повести внутрь горы! Они подошли ко входу в пещеру, чёрный зев которой был бездонным и пугающим. Под ногами были уже не камни, а нечто пружинящее. Хостин вспомнил — так же мягок был под ногами путь в Пещеру Ста Садов. Тогда, в горах возле Запечатанных Пещер, Хостин едва не был убит завоевателем с Ксика, одним из последних оставшихся десантников на Арзоре.

Путь внезапно оборвался. Слева располагалось большое отверстие в скале. Оно было закрыто большой каменной плитой. Барабанщик вновь прикоснулся к барабану, издавая дробь.

Вождь принял у охранников оружие и пояса пленников, тщательно разбил оба станнера, вынул ножи из чехлов и сломал их лезвия, затем вытряхнул наземь содержимое отделений поясов. После чего подал знак охранникам. Те налегли на каменную плиту, напряглись и дверь сдвинулась.

Вождь бросил в образовавшуюся щель сломанное оружие и разодранные пояса. Туда же втолкнули и пленников. Они упали в темноту, и узкая полоска света за ними исчезла.

Глава 10

Хостин врезался в стену со всего разбега. Упав на колени, он перевёл дыхание и тут же на него налетел падающий Логан. Так они и лежали в темноте, в то время как Норби рядом закрывали вход в пещеру.

Хостину было знакомо ощущение спёртости воздуха, после чего наступает острая нехватка кислорода, которая может закончиться смертью от удушья. Точно такой же воздух, не предназначенный для дыхания людей, был в Запечатанных Пещерах. Несомненно, это место так же было делом рук древних обитателей Запечатанных Пещер.

Хостин старался дышать экономней.

— По-моему, это одна из Запечатанных Пещер, — заговорил Логан. — Здесь такой же воздух.

— Ага.

— Как ты думаешь, мы выберемся отсюда?

Хостин возился внутри своей сети.

— Хотелось бы.

Логан вдруг победно воскликнул:

— Ха! Сработало! Где ты, брат?

В темноте на плечо Хостина легла рука Логана и скользнула вниз, к узлам завязок.

— Сеть не могут завязать как следует, воины! — ворчал Логан, распутывая связки за спиной Хостина.

— Я так не думаю, — проговорил Хостин, растирая онемевшие мышцы рук. — Значит, предполагается, что мы погибнем не от голода или удушья в темноте. Давай-ка поищем выход.

Они не знали, есть ли у этой пещеры другой выход, кроме того, что остался позади. В темноте человек теряет чувство ориентации. Но Хостин всё же надеялся, что они сумеют выбрать правильное направление. Секунду-другую он раздумывал, затем приказал Логану не двигаться, а сам стал ощупывать землю вокруг.

— Что это ты затеял? — поинтересовался Логан.

— Ищу наши пояса. Вождь бросил их куда-то сюда. И по-моему, он не слишком усердно их ломал. Может, в моём поясе уцелел фонарик.

Он и впрямь нащупал кожаный пояс. Это был пояс Логана. Хостин, продолжая двигать руками, наткнулся на сломанный станнер и чуть дальше — о чудо! Рядом лежал

его невредимый пояс, и фонарик в одном из отделений был целёхонек! Неразбитым остался и радар-компас, не вывалились во время встряхивания таблетки энергетического рациона, даже аптечка была на месте. Фонарик с готовностью испустил дружелюбный лучик.

— Ура! — воскликнул Логан.

Теперь можно было оглядеться. Пещера была покрыта тёмным материалом, таким же, каким были покрыты виденные ими раньше Запечатанные Пещеры. Всё это принадлежало к технике древней расы, ушедшей, согласно легендам, в Запечатанные Пещеры.

Однако возле каменной плиты, заdraившей наглухо недавний вход, были разбросаны предметы явно более позднего происхождения. Кроме изломанных станнеров Хостина и Логана, там нашлись и другие обломки, ещё чей-то тяжёлый пояс, предназначенный, кажется, для ношения массы амуниции.

Хостин поднял пояс из пыли:

— Это вещь Уиддерса!

Хостин посветил вокруг. Следов Достопочтенного Уиддерса в пещере не было. Если, конечно, он вообще появлялся в этом месте.

— А что если где-нибудь там есть выход? — Логан указал на затемнённый участок пещеры. Там и в самом деле мог скрываться очередной туннель. И действительно — там зиял тёмный проход.

Они подпоясались верёвками, которыми недавно были связаны, прицепили пояса и ощутили себя вполне готовыми к приключениям. Вот только оружия у них не было. Впрочем... Хостин осмотрел ремень, принадлежавший Уиддерсу. Нож и станнер исчезли вместе с ножнами. Но Уиддрес, помнится, применял разное мини-оружие, с которым Норби не были знакомы, а значит, могли пропустить во время обыска. Логан уже нетепеливо поглядывал на него, стоя возле тёмного провала:

— Так мы идём?

Но Хостин методично ощупывал пояс Уиддерса. И обнаружил внутри шарик диаметром в дюйм или полтора. На его гладкой поверхности была небольшая кнопка. Судя по всему, им попалась небольшая осколочная граната. Хостин задумчиво поглядел на закрытый каменной плитой выход. Правильно установленная граната способна высадить бронированную дверь. А землянин со своей стороны ещё помнил, как их правильно устанавливать. Но эта граната была втрое меньше обычных противопехотных гранат — сработает ли она против камня?

— Нашёл что-нибудь симпатичное? — поинтересовался Логан.

— Как знать, — Хостин показал гранату.

— Думаешь, она сумеет разнести дверь?

— Боюсь, что нет, — пожал плечами Хостин. — И потом, вокруг нас тот же чёрный материал, как в Запечатанных Пещерах. А он от сотрясений может оплавиться. Помнишь, как было в тот раз, когда нас чуть не запечатало?

Несколько месяцев назад они спрятались от десантников с Ксика в одной из Запечатанных Пещер. Десантники, преследовавшие братьев, обстреляли лежавшую рядом с пещерой долину из мощного вибрационного оружия. И чёрный материал под действием вибрации растёкся с потолка и стен Пещеры так, что укрывшиеся в ней беглецы едва не оказались замурованными в естественном склепе. Тогда им удалось выбраться. Но в теперешнем положении лучше не рассчитывать на новый волшебный случай.

Логан указал на чёрный туннель:

— Для начала я попробовал бы пройтись.

Это звучало разумно хотя бы потому, что Уиддерса не было поблизости. Значит, он сумел куда-то уйти. К тому же из прошлого опыта было известно, что обитатели Запечатанных Пещер строили их ветвистыми, обожая многочисленные проходы.

Они ещё раз просмотрели свои припасы. Таблетки энергетического рациона, граната, фонарик. Ни в одной

фляжке не было воды, но так как в пещере не было и лучей палящего солнца, то они решили, что некоторое время можно обойтись и без неё.

Проход, который они освещали по мере продвижения, не был обычным. Он уходил в глубину, окаймлённый всё тем же чёрным пружинящим материалом безо всяких следов пыли или глины. Хостин медленно шёл, держа в одной руке фонарик, в другой — гранату.

Логан принюхался, будто учуяв опасность.

— Где-то впереди вода.

Хорошо бы там оказался какой-нибудь маленький рай, наподобие того, который они нашли тогда в Пещере Ста Садов, подумалось Хостину. Хотя там, в Пещере Ста Садов, стояло благоухание всех мыслимых ароматов лучших растений Галактики. А из прохода впереди доносились запахи весьма неприятные. Даже противные.

На стенах проступила влага. Видимо, она текла здесь вечно, образуя призматические солевые кристаллы, меж которых натекала новая влага. Логан влез пальцем в такой ручеек на стене и брезгливо отёрнул руку:

— Слизь какая-то! — он поднёс палец к носу и сморщился. — Воняет! А впереди всё точно такое же, наверняка натекло вниз.

Он был прав. Ручейки слизи со стен сбегали, образуя приличные потоки, стекавшие вниз. Усилился аммиачный запах, а воздух колыхался от едких испарений.

Не было следов никого, кто шёл бы до них. Ручьи под ногами достигли пологой впадины и сливались в ней в один бурный водоворот. Низкий каменный барьер не позволял омуту из слизи течь ниже.

— Это сделано не слишком давно, — сказал Логан, протягивая руку к стене, но не касаясь её: кто-то или что-то двигалось здесь, поскользнулось и упало.

Хостин посветил вниз. Там были отчётливо видны мокрые отпечатки. Логан указал на каменный барьер, где остались следы слизи:

— И этот кто-то был обут в ботинки.

Он снова угадал. Отпечаток слизи был с рисунком, такой бывает на подошвах инопланетной обуви. Но шёл ли здесь Уиддерс или кто-то ещё? Возможно, это была тропа тех, кто уцелел при посадке космошлюпа и пытался уйти от погони местного племени.

— Кто бы тут ни шёл, — заключил Логан, — этот человек прошёл только туда, но никак не обратно.

— Но это означает, что ему, возможно, удалось найти выход. Тогда и мы можем пойти дальше. Или, может, вернуться и попытаться взорвать дверь гранатой? Есть какие-либо соображения по этому поводу?

Логан высказал предложение:

— Пошли дальше. Гранату мы ещё найдём, куда бросить.

И он подбросил гранату и ловко поймал её.

Они двигались, высматривая под ногами новые следы тех, кто шёл здесь раньше. Однако больше следов не попадалось. Стало тепло, хотя у входа в пещеру было довольно прохладно. В воздухе появился новый запах, мускусный. Хостин подозревал, что это признак неких живых существ, которые ещё выйдут им навстречу.

Теперь ход резко обрывался вниз. Ручейки слизи, образуя один поток, устремлялись с обрыва, край которого был освещён фонариком. Хостин переключил свет с рассеянного пятна на узкий пучок большой дальности. Он посветил вниз, надеясь увидеть, где же кончается обрыв. Но не было видно ни берега, ни стен, только вода, в которой плавала переливающаяся слизь. А прямо из воды торчал плоский уступ, на нём были укреплены канаты для переправы. Такие плоские выступы шли дальше по всей поверхности воды. Но кто мог переправляться через подземное озеро. И куда?

Так, с уступа на уступ, они и пробирались по озеру. Вокруг каждого островка билась зловонная вода. Если Пещера Ста Садов была чужеродным творением, то она по

крайней мере была приятным творением. Это же место было совершенно другим — не просто чужим, но злое-щим. Хостин снова подумал, что не может отнести это озеро и Пещеру Ста Садов к делу рук одной цивилизации. Логан словно читал его мысли.

— Интересно, кому нужно было здесь переправляться? Это сооружение совсем не похоже на Пещеру Ста Садов.

— Не похоже, — согласился Хостин, — это совершенно разные сооружения. Квии хальчинигии антиихнии.

— Что-что?

— Я сказал, что по этому озеру могут плавать только злые духи на своих лодках.

— Это верно. А мы-то куда теперь? Мне что-то не хочется плавать сегодня.

Они добрались до последнего плоского выступа. Дальше натянутых канатов не было. И в неярком свете фонарика нельзя было различить какого-нибудь доступного берега. Справа лежала только неясная тьма.

Однако когда Хостин посветил фонариком влево, он увидел возможный путь. Несколькими ярдами дальше от плоскости камня, на котором они стояли, тянулся своеобразный пляж — полоска мелкого гравия и песка. Туда можно было допрыгнуть через плещущую жидкость. Лучше добираться посуху, рассудил Хостин. Логан совершенно верно заметил, что в этой жидкости совсем не хочется плавать. Казалось, мутная вода кишмя кишит какими-нибудь мерзкими существами.

Они допрыгнули до «пляжа». В песке тут и там возвышались какие-то круглые камни, полусасыпанные и странные на вид. Хостин пнул один, разрыхляя песок, чтобы получше разглядеть кругляш. И на него уставились пустые глазницы черепа. Судя по загнутым вдоль черепа рогам, здесь погиб некий Норби, причём, исходя из того, что кости были довольно чистые, погиб достаточно давно.

— Господи, Семь Громов, что же это! — Логан подался вперёд и отпрянул, ухватив Хостина за руку. Свет фонарика тускло отразился от бледной кости другого черепа.

Но это был череп не Норби. Кости скелета были слишком велики. Хостин попробовал представить существо с таким скелетом во плоти. Большая клыкастая челюсть, клыки длиной с руку человека, глазницы просто огромны. Таких существ ему не доводилось встречать ни на Арзоре, ни в других пятидесяти мирах.

— Да у него три глаза! — воскликнул Логан.

Да, у неизвестного существа когда-то было три глаза. По крайней мере именно столько глазниц темнело на черепе. Два глазных отверстия, разведённых очень широко, и над ними ещё одно такое же отверстие.

Когда-то на Земле жили жуткие чудовища. Потом они вымерли, а кости скелетов пролежали в земле до эпохи зарождения человечества и были в конце концов обнаружены археологами. Люди выставили древние находки в музеи на всеобщее обозрение как свидетельство древних форм жизни.

Возможно, найденный здесь скелет был таким же свидетельством древней жизни Арзора. В чём, впрочем, Хостин сомневался. Три глаза были чужеродным явлением для арзорских форм жизни.

Логан принялся раскапывать песок вокруг скелета.

— Вот это было чудовище, так чудовище!

Оглядев громадный череп, Хостин вернулся к черепу Норби, поднял его за рога и поднёс ближе к черепу монстра, чтобы сравнить.

— Что это ты делаешь? — поинтересовался Логан.

— Шил хажих...

— Ты не мог бы выражаться яснее, а?

Хостин перевёл:

— Не понимаю. Этого не может быть.

— Чего не может быть?

Хостин указал на череп Норби:

— Вот этот череп почти рассыпается от прикосновения. Он пролежал долго, успел истлеть. Но он принадлежит местному жителю, арзорцу. Этот вид жизни на Арзоре

присутствует по сей день. А теперь сравни: трёхглазый череп явно того же возраста, что и череп Норби.

— Ну и что?

Хостин рассказал о древних ящерах, обитавших когда-то на Земле. Может, предками арзорских Норби были как раз те трёхглазые чудовища, как то, чей скелет они сегодня нашли.

— Так что, по-твоему, — допытывался Логан, — этот трёхглазый недостаточно стар? Может быть, Норби сами по себе очень старая раса.

— Возможно. Каждая планета имеет собственную историю. Только на Земле гигантские ящеры исчезли до появления человека. А если такие чудовища населяли древний Арзор, то легенды Норби должны были обязательно их упоминать.

— Возможно, жители равнины всегда боялись Синего Сектора именно из-за чудовищ.

— Нет. Равнинные Норби говорят только о гигантских птицах-убийцах и других известных каждому тварях.

— Но тогда...

— Но тогда получается, что трёхглазые существа обитали на Арзоре сравнительно недавно. Может, лет сто назад. При этом они обитали под землёй и про них знали только жертвы ритуальных приношений, попавшие в подземелья.

Логан встал, отряхивая песок с ладоней.

— А тогда вполне возможно, что кто-нибудь из трёхглазых дожил до наших дней и поджидает несчастных жертв ритуальных приношений где-нибудь за углом, — он оглянулся и добавил: — Не самая приятная новость в этой жизни.

— Может быть, я ошибся... — сказал Хостин успокаивающе. Но сам насторожился. Что может сделать одна маленькая граната против такого чудовища? Против потенциальной трёхглазой смерти у них не было никаких средств борьбы.

Они двинулись вдоль «пляжа», надеясь найти какой-

нибудь проход. Но за темнотой никаких новых ответвлений туннеля не появлялось. Фонарик высвечивал каждое тёмное пятно впереди. Приходилось вслушиваться в каждый шорох, но вокруг только зловонные волны бились в галечный «пляж». Внезапно Логан остановил руку землянина, державшую лампу, и направил свет выше:

— Вон там! Кто-то шевелится!

Луч света выхватил из темноты крылатое существо, издавшее низкий мяукающий вой. Крылья существа были желтовато-белыми.

— Это фифра! — Логан узнал арзорскую птицу, обитающую в горах. Безобидный аналог земного дрозда, питающийся ягодами.

— Интересно, что здесь делает мирная птичка? — задумчиво проговорил Логан.

— Указывает нам путь отсюда, — Хостин осветил уступ, на котором сидела фифра. За уступом в стене открылась щель. Видимо, фифра попала сюда именно через эту расщелину.

Птица закутилась под лучом и скрылась в темноте прохода, словно приглашая последовать за её мяукающим щебетанием.

— Поищем выход там? — предложил Логан.

— Думаю, вреда от наших поисков не будет.

Узкая расщелина имела несомненное преимущество перед широкими туннелями. По ней можно было продвигаться, не опасаясь, что сзади подкрадётся громадное трёхглазое чудовище. Оно просто не пролезло бы в эту щель. Хостин закрепил фонарик в нагрудном кармане и полез вверх, в спасительную нишу.

Глава 11

Так, полуползком, они добрались до входа в новую пещеру. Только присутствие птицы давало надежду, что эта пещера может вывести к свету, наружу, в живой мир.

Здесь не было видно свидетельств работы обитателей Запечатанных Пещер. Никакого чёрного материала вдоль стен. Обычные красно-бурые скальные породы, столь характерные для Арзора. Но можно было продвигаться дальше, что они и сделали. Фифра летела перед ними в луче света. Пещера не расширялась, а наоборот, в некоторых местах сужалась так, что им приходилось протискиваться между камнями. Но воздух здесь не был неподвижен, и в нём не было чужеродных запахов. Однако Логан вскоре с подозрением принялся:

— Что-то здесь не так.

До них снова донёсся запах мускуса. Такой же запах витал над озером, от которого они ушли. Но не могли же они сделать круг по пещерам и вернуться к озеру с другой стороны, рассудил Хостин.

Фифра продолжала метаться в луче света. Но вот мяуканье стало громче, она ринулась вперёд и пропала в темноте. Хостин погасил фонарик — они вышли в пространство, залитое сумеречным светом. Сцена, представшая перед братьями, напоминала видение из ночных кошмаров.

Они стояли на небольшом каменном выступе, вдававшемся в очередную пещеру. Эта новая пещера была столь обширна, что всю её можно было, пожалуй, облететь только на топтере. Здесь тоже присутствовала вода, текли ручейки и речушки, имелось даже озеро. Но водное пространство было разделено стенами. Насколько можно было разглядеть уходящий вдаль ландшафт, дно пещеры было расчерчено на ячейки, образуемые прямоугольниками стен, словно это было поле для неизвестной гигантской настольной игры. В одном квадрате помещался прудик и немного берега, в другом — откос и кусочек реки. Непонятно было, для чего такие сооружения могли предназначаться, потому что никаких возделываемых растений не было видно, то есть фермой эти квадраты назвать было никак нельзя.

— Кажется, это загоны, — предположение Логана колебалось между возможностью и вероятностью.

Эти квадратные кусочки действительно могли быть загонами, наподобие корралей, столь распространённых наверху. Но для кого эти загоны? И зачем они здесь, под землёй?

Они всматривались, пытаясь уловить хоть какое-нибудь движение внизу. Нет, всё было тихо, только немного колыхалась растительность в загонах — обычная серо-красная высокая мясистая трава с низкими стеблями. В целом же пейзаж был отталкивающим, особенно по сравнению с приветливостью Пещеры Ста Садов.

— Эта штука существует уже очень давно, — сказал Логан и повернул Хостина, — посмотри-ка на ту стену...

В направлении, куда указывал Логан, несколько стен были обрушены, образованные проломы соединяли несколько загонов между собой. Хостин достал спрятанные в поясе линзы дальновизора. При таком тусклом освещении вряд ли он сумеет увидеть что-то действительно далёкое, но всё же...

Он методично осмотрел разгороженное поле, справа налево. Загоны, вода, растительность, всё одинаково. Только один загон выглядел каким-то пустынным, потому что в нём не было травы. Кроме того, Хостин разглядел, что стены загонов не были единственной постройкой в долине. Вдали по левую сторону обнаружилась ещё одна постройка. Он протянул Логану линзы, тот посмотрел в дальновизор и предложил:

— Пойдём туда?

Пойти туда было самым логичным. Но почему-то, вновь и вновь осматривая «загоны», Хостин колебался. Что-то не нравилось ему в этих провалах, в самой мысли идти мимо стен, прокладывая путь по странным загонам. Логан высказал такое же опасение более открыто:

— Непривлекательное местечко для прокладывания тропы.

Хостин ещё раз взял линзы и всмотрелся в далёкую постройку. В сумеречном свете силуэт дальних стен был размыт, невозможно было даже приблизительно оценить размеры постройки. Словно он смотрел на вещь, закрытую льющейся по стеклу струей воды. Неподвижный воздух тоже не внушал доверия, мало чем отличаясь от обыкновенного тумана.

В долине определённо не было никакого движения, в загонах — тоже. Лишь качались в тумане ветки растений да текла вода. Вряд ли здесь присутствует чужеродный разум, решил Хостин, хотя различные формы жизни вполне возможны. Те, кто возвёл эти сооружения, наверняка попадали в долину совсем другим, более удобным путём, нежели узкий проход в скалах, по которому только что проползли братья.

— Всё-таки попробуем добраться туда, — выговорил Хостин и сам удивился подозрительности своего тона.

— Да, страна дьявола, — засмеялся Логан. — Хорошо бы нас вёл кто-нибудь из Норби, да куда-то наши ребята разбежались. Но будем надеяться, что наш друг, длиннозубый трёхглаз, не сидит где-нибудь поблизости в ожидании ужина. В любом случае нам здесь оставаться незачем, так что давай-ка стартовать.

Они спрыгнули вниз и стали пробираться из одного квадрата в другой через разломы в стенах. Постройка и впрямь была совсем старой, рушащейся от времени. Но если бы не разрушенные стены, выбираться из «загонов» было бы невозможно: стены были не менее десяти футов в высоту и за их гладкую поверхность нельзя было даже уцепиться.

Утопая в мягкой почве, они упорно шли вперёд. Там, где стены были не разрушены, они подсаживали друг друга наверх, затем взобравшийся втаскивал оставшегося внизу. В одном из «загонов» они наткнулись на скелет какого-то животного, кости и череп которого не принадлежали ни к одному из знакомых Хостину видов. Узкая голова, почти

отсутствующий отдел головного мозга, длинная челюсть с мелкими зубами. На носовой части черепа красовался закрученный назад рог. Логан присвистнул:

— Ещё один чёрт-те-кто.

Он взялся за рог. Костяное образование оказалось твёрдым и острым как клык йориса. Рог легко отделился от черепа, и Логан повертел его в руках, примеряя как оружие для драки.

— Кто-то собрал здесь целую коллекцию зверей, — подумал вслух Хостин. — А потом ушёл и забыл их. Звери постепенно умерли.

В этой догадке был свой резон: каждый «загон» имел источник воды для питья. Кто знает, не содержались ли здесь рептилии, единороги, прочие животные. Если в пещере Ста Садов жили растения, почему в этой пещере не могло быть зверинца, пусть даже и очень давно. Правда, сад был ухожен, несмотря на вековое отсутствие садоводов. А это место разрушалось само собой.

— Радоваться надо, что здесь всё разрушилось, — прокомментировал версию землянина Логан. — Очень бы не хотелось, чтобы все эти зверюшки оказались живы и принялись охотиться за нами. Тем более, что нам совершенно нечем было бы ответить на их внимание. И стали бы мы с тобой простыми охотничьими трофеями.

Он повертел в руке рог и, пряча его в пустой чехол для ножа, сообщил:

— Покажу Кротагу. Наверняка он таких не видел ни у кого в своём клане.

Хостин тем временем размышлял:

— Эти развалившиеся стены... Как будто кто-то жил здесь, а потом внезапно покинул пещеру.

— А звери поголодали, поголодали и постепенно вымерли? Очень возможно. С другой стороны, может быть, кто-то или что-то преднамеренно проделали эти дыры в стенах, — Логан показал на очередной пролом. — Представляешь, с какой силой надо было бить? Такую стену мог

сломать разве что дикий крашер. В ярости он, пожалуй, мог наломать здесь дров. И хорошо, что мы его уже не застали, иначе не было бы никаких поселенцев и поселений, никаких праздников памяти Первого Корабля.

Они пробирались всё дальше, время от времени подкрепляясь таблетками энергетического рациона. Поэтому сил идти пока хватало и спать не хотелось. Но Хостин знал, что рано или поздно одними таблетками они не смогут обходиться. Наступит обязательная усталость, потому что организм исчерпает лимит искусственной поддержки. Хорошо бы укрыться в здании и хоть немного поспать. Энергетический рацион мог прекратить своё действие в любой момент, и они просто свалились бы сонные где-нибудь посреди очередного «загона».

Они взобрались на последнюю стену перед зданием, и Хостин осветил фонариком долгожданное строение. Вдоль всего здания проходил ряд вкопанных столбиков.

Ровные верхушки столбиков на несколько дюймов возвышались над почвой, словно кто-то собирался отгородить здание, вкопал столбы, а потом передумал и спилил их. За несостоявшейся изгородью была видна открытая дверь.

Братья слезли со стены. Однако почти дойдя до столбиков, Хостин вдруг замер и заставил остановиться и Логана. Невидимость барьера не означала, будто его нет, говорило Хостину старое армейское чутьё. Если обитатели «загонов» могли разбивать стены, жители здания должны были иметь нечто, способное остановить эту слепую мощь, должны были чем-то защищаться. Скорее всего, между этими столбиками пропущено защитное поле. Логан тоже так думал.

— Да, наверное, — он поднял камушек и бросил его между столбиками. Камушек ударился в стену дома, пролетев беспрепятственно.

— Даже если поле и было здесь — оно давно уже должно было истощиться.

Они вновь двинулись к зданию. Но Хостин, несмотря на очевидный полёт камня, был начеку. Многолетний инстинкт предупреждал об опасности. Инстинкт, выработанный в результате общения с командой, гнал его прочь из этого места. Юноша нехотя шагнул в пространство между столбиками и...

Его словно кто-то ударил по голове... Хостин закрыл глаза и уши ладонями и рухнул как подкошенный вперёд, забившись в агонии, заполнившей его страшной болью, тряской, шумом — чем-то чужим и злобным, чему не было имени. Мир наполнился мучительным криком, рвущим тело на части, клетку за клеткой. Землянину доводилось молчать под пытками — но это была пытка пыток, раньше его так не мучили. По крайней мере, не мучили столь безумно.

Когда он пришёл в себя, вокруг было уже совсем темно. Юноша боялся даже вздохнуть, чтобы боль не вернулась. Наконец он приподнялся на локте, осматриваясь. Позади него показался какой-то серый прямоугольник. Дверь здания! Он всё-таки перебрался через барьер. Но какой барьер? Хостин силился вспомнить, боль отпустила его лишь отчасти.

Между столбиками точно было какое-то поле, своего рода звуковой барьер. Да, но с ним же шёл Логан — где он? Хостин со стоном поднялся. Логан лежал на ведущей к дому дорожке и тихо постанывал, обхватив голову. Хостин помог брату встать и они вошли в дом.

— Что это было? — еле выдавил из себя Логан.

— По-моему, звуковой барьер, обычный включённый соник.

— А-а. Похоже.

Соники были известны среди скотоводов. С их помощью можно загонять скот, хотя особым почётом эти устройства не пользовались. Нужно обладать очень точной рукой, чтобы загонять скот соником. Чуть промахнувшись в регулировке луча, можно было насмерть перепугать

животных и заставить их разбежаться по всей степи в крайней степени безумия.

— И ведь до сих пор работает, чуть нас не убило! — заметил Логан.

— Видимо, соник настроен не на земные формы жизни, — догадался Хостин. — Хотя, возможно, другие формы жизни соник тоже не должен был убивать, а только оглушать. Впрочем, новую дозу что-то не очень хочется получить.

Эксперимент с пересечением соник-барьера отнял у братьев последние силы. Несколько часов подряд Хостин и Логан просто спали; поднимаясь, только чтобы попить набранной в ручьях «загонов» воды, принять таблетки энергетического рациона, и вновь погружаясь в сон. Сколько прошло времени, определить было невозможно. Однако наконец они проснулись, полные восстановленных сил.

С отвращением пережёвывая таблетки энергетического рациона, Логан заметил:

— Всё-таки есть вещи, о которых человек не в состоянии забыть. Например, что он пуст изнутри. Я с удовольствием вместо этих таблеток сжевал бы какой-нибудь примитивный бифштекс.

— Таблетки помогут нам идти.

— А теперь-то куда?

— Надо выбираться отсюда. Будем искать выход.

Но вначале они осмотрели здание. Возможно, те, кто заботился о зверинце, покидали жильё в спешке. Но даже если это было так, вещи из здания они забрали с собой до последней мелочи. Не осталось ничего, никаких свидетельств проживания здесь человека, либо других существ. Только голые стены. Единственным доказательством того, что здесь когда-то жили, был обнаруженный в одной из комнат умывальник и нечто встроенное, в чём землянин признал кухонный блок. Всё остальное, присущее цивилизованному быту, отсутствовало. Зияли только отверстия в стенах, где когда-то висело оборудование, изъятые в несомненной спешке.

Так они добрались до верхнего этажа и, открыв люк на плоскую крышу, выбрались, чтобы осмотреть долину.

С обратной стороны здания ландшафт оказался совершенно иным. «Загонов» не было. Небольшая и неширокая дорожка от здания вела в тёмное отверстие пещеры, довольно высокой.

— Значит, со стороны пещеры в этом доме парадный подъезд, — высказался Логан. — Прямой путь...

— Да, но между пещерой и парадным подъездом имеется кое-что ещё, — перебил его Хостин. — Барьер на месте.

И действительно. Столбики соник-барьера окружали весь дом сплошным кольцом. Невозможно было покинуть здание, не пересекая соник-барьера. А совершить такое вторично...

Нет, всё-таки не зря он никак не мог отделаться от ощущения какой-то затаившейся угрозы. Хотя единственным встретившимся им живым существом была безобидная птичка фифра, залетевшая под землю неизвестно как. Скелет чудовища на «пляже» был настолько стар, что его кости рассыпались в труху. И тем не менее он вглядывался в отвесные стены, слушая кричащий внутри голос инстинкта. Опасность была невидима. И она никуда не уходила отсюда, выжидая.

Логан ухватился за его плечо и вскрикнул:

— Смотри, смотри! Вон там, около камней!

Возле входа в пещеру высились нагромождения камней. Возле одной из таких груд обломков лежало нечто наподобие большого тюка. Хостин навёл линзы дальнови́зора. Полумрак на входе в пещеру был густ не настолько, чтобы Хостин не смог точно определить, что же там лежит. Это мог быть только человек.

— Уиддерс? — выпалил Логан.

— Может быть, и он.

Хостину показалось, будто лежавший взмахнул рукой. Может, Уиддерс преодолел соник-барьер и теперь лежит там, оглушённый?

— Пойдём туда, — приказал Хостин.

— Да, поспешим, — отозвался Логан.

Они сделали лучшее, что можно только предпринять против работающего соник-барьера: пробежали сквозь него с максимально возможной скоростью. Другого способа пересечь барьер наименее болезненно у них всё равно не было. Но сначала они перебросили за барьер все свои вещи — чтобы не возвращаться. Вещи пролетели нетронутыми.

...Хостин свалился в траву, борясь с обмороком, который вызывает соник. Рядом упал Логан. Он держался за голову, но на этот раз остался в сознании. Землянин приподнялся. Кажется, на этот раз удар был слабее. И когда он подползал к Логану, тот уже мог самостоятельно сесть и даже заговорить хриплым шёпотом:

— Прорвались...

Они попробовали встать, поддерживая друг друга. Наконец в головах прояснилось настолько, что они смогли идти. Хостин направился прямо к лежавшему человеку. Он уже мог различить униформу, принадлежавшую Уиддерсу. И сразу его взгляд приковала неестественно вывернутая рука лежавшего.

— Уиддерс! — позвал Хостин.

Содранная до костей кожа суставов, разорванная в клочья одежда. Поборов страх перед мёртвым телом, Хостин нагнулся и перевернул тело.

— Нет! — в ужасе отшатнулся Логан.

Это на самом деле был Уиддерс. Точнее, то, что осталось от него. Неясно было, какая звериная сила могла превратить человека в лежавшую перед ними бесформенную грудку месива из костей и плоти. Хостин вытер пальцы о песок, стараясь стереть прикосновение к этому ужасу.

— Кто же его так? — прошептал Логан.

— Не знаю.

Хостин поднялся, прижимая ладонь ко рту. Его тошнило. Но инстинкт говорил правду: где-то поблизости затаился

выжидающий охотник, чей кровожадный метод убийства превосходил любое придуманное человеком безумие. Надо было как можно скорее убраться прочь из опасного места.

Хостин схватил Логана за руку, и они помчались по туннелю вглубь пещеры. Наверное, Уиддерс тоже шёл этим путём, когда на него напало неизвестное существо. Древний ужас, обитавший здесь, не умер сотни лет назад, он до сих пор жил и охотился за добычей.

Они пулей проскочили вход, вбежали в туннель и неслись по нему, не включая лампу, пока под рёбрами не закололо, а дышать стало невозможно. Даже паника не могла больше заставить измученные тела двигаться. Тогда они опустились наземь, обнявшись, будто прикосновение друг к другу могло обезопасить, и замерли, отрывисто вдыхая тяжёлый застоявшийся воздух.

Глава 12

Логан справился с дыханием и отрывисто заговорил:

— Это... открытое... место...

Да, здесь они были незащищены со всех сторон. Существо, подкараулившее Уиддерса, могло напасть на них откуда угодно. Возможно, оно уже поджидало в темноте туннеля.

Хостин почувствовал, как под его рукой сотрясается плечо брата. Хватит паниковать, приказал себе индеец: страх приведёт их прямо в зубы смерти. Надо обдумать ситуацию.

— У нас есть граната и фонарь, — ободрил он Логана. — Уиддерс же шёл без всего. Он чудом забрался так далеко.

Логан перестал дрожать, переборол страх, и в его словах стал снова слышен юмор:

— Перетрусил, как крыса, застигнутая в закроме. Знаешь, я ещё никогда не бегал так быстро.

— У нас были причины пробежаться, — подтвердил Хостин. — Разве ты не заметил, по-моему, я не отставал

от тебя? Но полагаю, мы уже перестали чувствовать себя крысами?

Логан схватил брата за руку:

— Верно. Мы немножко пробежались. Но теперь-то мы чувствуем себя как самцы якобыка. А уж если нам встретится то чудовище, мы вообще станем как йорис в гневе!

— Как два йориса в гневе, — согласился Хостин. — Так что, пошли дальше, только не так быстро.

Он с сомнением включил фонарик. Не привлечёт ли свет чудовище? Но идти в темноте было ещё опаснее. Освещённый враг станет различим, тогда можно будет хотя бы бросить гранату.

Туннель всё тянулся и тянулся. Казалось, он шёл сквозь всю гору. Хостин в очередной раз поразился грандиозности подземных сооружений. Судя по времени, которое они затратили только на обход внутренних гор, она вся была изрыта лабиринтами туннелей. Землянин не сомневался, что Норби сюда никогда не заглядывали, довольствуясь пещерами, расположенными близ поверхности.

Не видно было, чтобы кто-то ходил здесь до них. Потрясение от вида искалеченного Уиддерса потихоньку проходило. Хостин рассмотрел впереди какой-то металлический отблеск и включил фонарик на полную мощность.

За поворотом туннель стал несколько иным. С потолка до самого пола тянулись стволы сталактитов. Они были толщиной с небольшое дерево, так что братьям пришлось продирается между рядами этих огромных сосулек. И вскоре они вышли к искривлённой стене, где перед ними открылись три овальных провала, из которых клиньями расходились казавшиеся кроваво-красными лучи света.

Снаружи был только раскалённый воздух, было солнце, был мир, в котором свирепствовала Великая Сушь.

Братья, прикрыв глаза ладонями, отступили назад в каменные колонны, пытаясь разглядеть какой-нибудь путь в этой иссушённой стране.

В мареве волн жара им удалось разглядеть тонкую цепочку столбиков, стоящих через такие же промежутки, как и те, на которых возле покинутого здания в пещере был установлен соник-барьер. Правда, здесь кое-где зияли прорехи — столбиков явно не хватало.

Хостин навёл линзы дальнови́зора, но мерцание нестерпимого света было так же обманчиво, как и туман в предыдущей пещере.

Логан присел, упёрся подбородком в колени и предложил:

— Давай посидим, подождём, пока солнце зайдёт. Никто не может выдержать там сейчас более получаса.

Как далеко тянется эта линия столбов? Смогут ли они найти укрытие от жары до наступления следующего дня? И на самом ли деле это путь наружу?

— Открытое пространство... — с тоской произнёс Хостин.

— Думаешь, это опять какая-нибудь огромная пещера, где ждут дурачков вроде нас, которые любят, чтобы их поджаривали? — спросил Логан.

— Там же столбики — здесь тоже должен быть соник-барьер, — сказал Хостин.

— Ага, и в нём теперь куча дыр, — усмехнулся Логан. — Так что, пойдём назад? Или попробуем выбраться?

— Я бы попробовал сходить, по крайней мере, хоть недалеко. Подождём ночи, и пойдём дальше. А вернёмся, если не увидим конца пути на безопасном расстоянии.

— Разумно, — согласился Логан. — Давай подождём.

Надаться было в общем-то не на что. Всё зависело от того, куда вели эти провалы — в новую пещеру с управляемой погодой, причём совершенно неподходящей для человека, или на открытое пространство. Изнутри невозможно было разглядеть в слепящем сиянии, что же там светит — нечто искусственное или наверху раскинулось настоящее небо. Оставалось только дожидаться ночи, которая могла и не настать. Хостин рассудил, что если принять свечение над головами за сияние арзорского дня,

то сейчас разгар полуденного зноя. Через несколько часов, если свет не уменьшится, можно будет уверенно шагать назад, в Запечатанную Пещеру, чтобы попытаться взорвать каменную дверь.

Они с трудом заснули, кое-как спрятавшись от нестерпимого жара. Разбудил землянина возглас Логана:

— Смотри, смотри!

Ослепительное сияние немного изменило оттенок. Вместо бело-жёлтого, к которому глаза уже чуть привыкли, в льющемся потоке света появился пурпурный оттенок. Хостин столько раз наблюдал эту смену красок, что ошибиться было невозможно. За отверстием наступал вечер. Надо было подождать ещё совсем немного, до сумерек, и двигаться вверх.

Они перекусили и сделали пару глотков воды, экономя её на будущее. Хостин прошёлся вдоль сталактитов. Он чего-то опасался, хотя и сам не понимал, чего именно. Вокруг было тихо, не наблюдалось никакого движения.

Он вновь осмотрел прерывистую линию столбиков соник-барьера в линзы дальновизора. За столбиками не было ничего, похожего на арзорский ландшафт, ни растений, ни какой-либо живности. И всё-таки он предчувствовал какую-то опасность именно там, а не позади. И эта опасность была значительно больше той, с какой они столкнулись в подземных лабиринтах.

— Ну, что там новенького? — через плечо Хостины выглянул Логан. Всматриваясь вдаль, он пристёгивал фляжки к поясу.

— Не знаю, — выговорил Хостин. — Всё это как-то странно.

Хостин сравнивал ужас, который он испытывал во время бегства с того места, где они обнаружили убитого и растерзанного Уиддерса, с теперешим состоянием. Тот, прошедший страх, был каким-то физиологическим. А нынешнее ощущение беспокойства затрагивало скорее разум.

— Но мы идём, — Логан не спрашивал, он утверждал, заранее радуясь возможности бросить вызов неблагоприятным обстоятельствам. Он упрямо выпятил челюсть и стал похож на своего отца, которого тоже трудно было переубедить не делать того, что он решил обязательно сделать.

— Идём, — подтвeдил Хостин. Но всё в нём восставало против этого решения. Его железная решимость трещала под напором растущего ощущения близкой, огромной опасности. Он знал, что не пойти нельзя. В противном случае он будет так же изувечен душевно, как если бы физически потерял руку или ногу.

Они дождались сумерек и двинулись вперёд, плечом к плечу, к отверстию выхода. Внезапно Логан схватил Хостина и развернул его.

На какой-то ужасный миг землянин решил, что перед ним источник его таинственного страха. И только потом разобрал: выход из туннеля был оформлен как огромная голова зверя. Они вышли из пасти, увенчанной мощными клыками, над которой мерцали три глаза. Это был портрет того самого зверя, череп которого они нашли на «пляже» у зловонного озера. Глаза слабо светились — это и были три провала, которые они видели изнутри. Не было сомнений, что художник, работавший над портретом, писал его с натуры.

Чувство юмора не изменило Логану:

— Интересно, это портрет в натуральную величину?

— Как бы то ни было, хорошо, что мы вышли, а не входим внутрь этого зверя.

— Кто знает, может, мы ещё пожалеем об этом.

Они стояли теперь на гладкой поверхности, огороженной цепочкой столбиков. Хостин посветил фонариком. Ни намёка на дорогу под ногами не было. Однако идти по такому покрытию будет наверняка легко, пока в середине ночи не станет ясно — удастся ли им найти новое убежище или придётся возвращаться в пасть трёхглазого.

Было тихо. Ни ветерка, ни звука. Однако землянин резко повернул световой пучок фонарика на столбик сбоку. Там не было ничего. Хотя в то мгновение, когда луч достиг камня, Хостин был полностью уверен, что от столбика отделилась смутная тень, метнувшаяся в сторону. Хостин мог поклясться, что слышал сопенье, скрежет когтей по камню.

— Там ничего нет, — сказал Логан разочарованно. Кажется, он тоже успел что-то разглядеть. — Слева, вон там!

Схватив Хостина за руку, он повернул луч прямо на расщелину в скале. Там кто-то прячется!

Но никто там не прятался. Пусто.

— Но там что-то было! — упорствовал Логан. — А ведь вокруг соник-барьер, как же он пропускает живое?

— Если только он работает... — подумал вслух Хостин.

Может, это призраки. Души строителей Пещер, душа художника, изобразившего портрет чудовища. А может быть, это была неизвестная форма жизни — полуневидимки, обитающие на выжженной скале. Те, от которых древние строители защищали себя.

Хостин зашагал вперёд, Логан за ним. Нужно было миновать эти странные камни, эту подозрительную расщелину.

Хриплое дыхание, скрежет. Где-то рядом! Хостин засёк на слух точку, откуда доносился звук: из тени под большим камнем. Он вытащил гранату и направил луч света на звук, словно направлял не фонарик, а мощный станнер.

Опять никого, только камень.

— Спокойно, — Хостин даже не понял, что сказал это вслух.

Будь он в лучшей форме, он мог бы повернуть ситуацию в свою пользу. Какое-то существо явно морочило им голову, делая вид, что находится в одном месте, а на самом деле поджидало в стороне. У Хостина был достаточный опыт мысленного общения с животными. Кто знает,

может быть, это поможет ему установить контакт с чужаком?

Он умел достигать полного взаимопонимания с Суррой, Хингом, Баку, частичного — с жеребцом Дождём и другими обычными животными, поможет ли это умение ему сейчас определить, что же лежит за этой атакой на их самообладание? В том, что существо нападало на них, Хостин не сомневался. И атака эта была более изощрённой и губительной, чем просто бросок из темноты.

Как человек с завязанными глазами осторожно шарит перед собой прежде чем ступить, так и Хостин осторожно потянулся мысленно к тому, что ждало впереди. Разумно ли оно? Чуждо, непонятно, но разумно? Или это какое-нибудь устройство для отпугивания непрошенных гостей, сооружённое древними строителями, что-то вроде соник-барьера?

Он уловил нечто вроде отклика, какой-то оттенок чувства, с которым он сталкивался раньше. Хостин так никогда и не понял, показалось ему, или нет, но в то мгновение он был уверен, что вступил в контакт с существом, бывшим когда-то членом его команды.

Он ухватился за эту тоненькую ниточку, изо всех сил передавая неизвестному существу стремление продолжить контакт. Но он оборвался так же внезапно, как и начался.

Вместо него хлынул такой поток ярости и гнева, словно они разбудили невидимого часового и тот разъярился от их внезапного вторжения. Удар по разуму и чувствам был столь силён, что, продолжись он ещё немного, люди могли бы не выдержать.

Над ними метались тени, то сгущаясь, то пропадая в луче света. Логан хрипло вскрикнул и принялся колотить кулаками по воздуху, по камням, загребая пыль и грязь и ни в кого не попадая.

А невидимая волна злобы всё прибывала, всё крепла. Словно за невидимым барьером бесновался трёхглазый, готовый наброситься на людей. Но Хостин почувствовал перемену и выдохнул:

❧

— Стой, не шевелись.

Логан застыл. Хостин тоже замер, повинувшись собственной команде. Он по-прежнему вслушивался, ловя чужую мысль. Впереди, в темноте, росло тревожное и злобное выжидание. Два всплеска таких же мыслей слева, там, куда братья собирались идти. Их окружили.

Логан размахивал фонарём. Тени выскакивали из-под луча, уносясь прочь. Мысленное давление снова усилилось. Хостин беспокоился, будет ли он в силах отражать этот натиск и дальше.

Логан метнулся влево, вскрикнул и швырнул в темноту гранату. Вспышка ослепила их.

И — всё кончилось. Последовавший за взрывом гранаты взрыв ярости в их головах стих, и осталась пустота под ночным небом.

Они остолбенели. Затем, тяжело дыша, они бросились бежать и не остановились, пока не достигли подножия горы. Близился восход.

Дорога слегка забирала вверх. Хостин посветил под ноги и увидел, что они шагают по чёрному материалу, излюбленному покрытию обитателей Запечатанных Пещер.

Они поднялись довольно высоко над долиной, когда дорога упёрлась в скалу, покрытую тем же чёрным материалом. Дальше пути не было. Ни отверстий в скале, ни закрытых входов в спрятанные пещеры.

— Как считаешь, это посадочная площадка для топте-ров? — заговорил Логан. Он сидел, скрестив ноги, и наблюдал, как Хостин повторно обходит площадку в поисках чего-нибудь обнадёживающего. — И куда теперь?

Хостин сомневался, что им удастся вернуться до восхода солнца. Путь они проделали небольшой, но битва с тенями измотала их. Хостин понимал, что им руководит усталость ума и тела, но об обратной дороге и речи быть не могло. Тем не менее до восхода солнца надо было придумать, где спрятаться. Разумеется, если они по-прежнему хотят жить.

Он присел рядом с Логаном, размышляя, что же делать,

и посвечивая фонариком то туда, то сюда. Он водил и водил лучём по поверхности дороги возле самого обрыва, пока вдруг не сообразил, что повторяет рисунок на поверхности материала. Он пригляделся. Чёрная неширокая глянцевая полоса начиналась большим крутом и шла к центру по спирали. Центральный круг, различимый слабее, был достаточной ширины, чтобы на нём устоял человек.

Что заставило его сделать это, Хостин не знал. И никогда потом не мог объяснить. Возможно, странное колдовское настроение самого места подсказало ему, что делать. Он просто понял, что должен делать.

Он ступил на спиральную полосу и зашагал кругами, сужающимися к центру, обращая внимание только на то, чтобы не заступать за границы глянцевой полосы, пока наконец не достиг центра.

Он смутно слышал, как Логан его о чём-то спрашивал, требовал ответа. Но слова, звуки не имели значения. Самое важное сейчас было пройти по полосе, не оступившись, не ошибаясь. В центральный круг можно было попасть только так, а это и была дверь.

Дверь? Но куда? И для кого?

Хостин отбросил все вопросы. Надо было сосредоточиться и идти, осторожно и точно ступая прямо по чёрной полосе. Он чувствовал себя канатоходцем, и в то же время чувствовал, что это единственный безопасный путь. Что теперь он понимал под «безопасным»? И этот вопрос он отбросил.

Хостин достиг центра. Он стоял сейчас лицом в ту сторону, откуда они пришли, в сторону темнеющих гор, полных тайн позабытых пришельцев из других миров. Он стоял и ждал. Чего?

Темнота обступала его. Вдруг его охватило чувство абсолютной свободы от времени и пространства, без которых немыслима жизнь человека.

Затем он увидел свет. И снова дорогу. Это была новая

спираль, из света. По ней предстояло пройти не пешком, а мысленно. Хостин сосредоточился — и пошёл. Он снова шёл к центру спирали, а вокруг него разгорался сияющий свет.

Глава 13

Он словно просыпался после крепкого сна, когда не понимаешь, где ты находишься, и кто ты, собственно, есть.

Хостин по-прежнему стоял на тёмном кругу из неизвестного материала. Вокруг сиял свет, лившийся из непонятого источника, потому что солнце ещё не взошло. Впрочем, Хостин больше не находился под открытым небом.

— Логан! — позвал он.

Никто не отозвался. Хостин был один, и это незнакомое место явно предназначалось не для человека, не для человеческих понятий о времени и пространстве.

Ему не дала впасть в панику военная выучка. Он увидел незнакомую дорогу, ведущую куда-то, и пошёл по ней, потому что у него наконец-то появился путь, и оставалось только выяснить, куда он приведёт.

Путь привёл землянина в очень маленькое помещение. Три стены образовывали треугольник. Ни дверей, ни окон, стены были совершенно гладкими. Кажется, ему выпало добровольное заточение в этой коробке с тремя углами. Спиральная дорожка, по которой он пришёл сюда, исчезла. Никаких трещин или проёмов, ни в стенах, ни в потолке, к великому огорчению Хостина, не было видно.

Но, в конце концов, зрение — это только один из органов чувств. Хостин подошёл к стене, осторожно дотронулся. Материал был гладкий как стекло и тёплый, словно Хостин коснулся чего-то живого.

Проводя рукой по стене, он дошёл до угла, повернулся, чтобы пройти вдоль другой стены, и краем глаза уловил изменение в поверхности первой. В середине стены обра-

зовались три углубления. Они были довольно большими, и пальцы Хостина утонули в этих ямках, когда он вернулся и дотронулся до них. Он знал о замках, которые срабатывают на определённые отпечатки пальцев. Вряд ли его отпечатки пальцев совпадут с рисунком папилляров инопланетного жителя, строившего этот ход. Но Хостин всё-таки прижал пальцы к углублениям. Ни на что особенно не надеясь.

Однако от углублений в пальцы пошло странное покалывание, медленно поднимаясь от пальцев до локтя. Руку словно засасывало внутрь стены, будто кто-то или что-то тащило его туда. Хостин дёрнул руку — она осталась неподвижной. Он рванулся, схватил засасываемую руку другой, упёрся ногой и стал отталкиваться, опасаясь, как бы рука не оторвалась. Он чувствовал, как из него что-то уходит. Нечто в стене буквально высасывало из него энергию.

Рука не оторвалась. Вместо этого стена разломилась, от потолка до пола по ней пробежала трещина. Хостин бросился в неё и упал. Землянин оказался в помещении гораздо большего размера, чем треугольная тюрьма.

Но где же Логан? Неужели до сих пор ожидает рассвета там, наверху? Если он не пошёл вслед за Хостином по спирали, значит, наверное, остался на горном плато. Хорошо бы он нашёл укрытие от жары; Великая Сушь в безводных горах — не меньшее испытание, чем встреча с трёхглазым.

Хостин встал, поддерживая онемевшую руку. Пальцы не гнулись, кожа на суставах была содрана. Он спрятал замороженную руку за пазуху рубашки, пытаясь уложить её поудобнее.

В новом помещении было заметно светлее. Красноватый полумрак треугольной коробки сменился золотистым светом, как в Пещере Ста Садов. Хостин увидел в нескольких шагах от себя невысокий барьер из камня. Может, за ним найдутся новые сады, подумал он, подходя ближе и заглядывая за барьер.

Землянин стоял на балконе, отделённом невысокой балюстрадой от огромного зала, заполненного различной техникой. Внизу раздавался деловитый гул. Собранные там чудеса инженерии находились не просто в рабочей готовности — они работали!

Но среди рядов работающей техники не было видно ни зрителей-операторов, ни роботов-наладчиков, вообще никакого персонала.

«Может ли быть, чтобы эти машины включили когда-то, а потом бросили? — подумал Хостин. — Впрочем, зачем такое могло кому-то понадобиться?»

Он прошёл по балкону в поисках спуска. Он шёл и поглядывал в овальный зал, где мерно гудели непонятные машины.

Он совсем не разбирался в технике. Его образование имело иное направление и свойство — психо-биологическую специализацию. Американские индейцы всегда жили в гармонии с природой, в мире с её силами. В то же время другие расы строили машины, чтобы покорять природу. Поэтому симпатии Хостина лежали вне знаний о машинах, техника всегда казалась ему подозрительней и коварней, чем любое живое существо. Нелюбовь к технике Хостин с лихвой компенсировал любовью к животным и умением управлять ими. Вот и теперь, глядя на машинный зал, Хостин испытывал что-то вроде сожаления о напрасно потраченных средствах. Создателей Пещеры Ста Садов он мог понять, как мог предполагать цели создателей «загонов» — зоопарка. Там всё было построено для живых существ. А здесь была собрана мёртвая техника, и неизвестно, кому и зачем её понадобилось так много.

При этом он не забывал поглядывать вокруг. Казалось, что из имеющейся в зале коллекции работают далеко не все машины. Он нашёл лестницу, ведущую в зал, спустился и зашагал между рядами механизмов. Пройдя несколько секций, он увидел подиум, а на нём пульт управления, расположенный на высоте около фута над полом.

Стойки с экранами и панелями по высоте достигали балкона, уже обследованного Хостином. Край подиума был неровным, образуя волнистую окружность. По нему вился какой-то световой узор. Свет был розовый, оттенка арзорского неба. Один из экранов на пульте светился сильнее. Свечение там чередовалось появлением различных фигур и знаков, меняющих цвет. Вот на экране появился ветвистый рисунок тёмного цвета — казалось, кто-то изобразил схему туннелей, по которым шли братья. А вот пульсирующие точки сложились в спираль, и яркая точка пробежала от начала спирали к центру. Затем точка остановилась, нестерпимо ярко мигая. Следом за ней от начала спирали двинулась к центру вторая точка.

Хостин понял. Логан тоже идёт по спиральной чёрной полосе. Значит, он скоро будет здесь. Хостин повернулся и пустился бежать к треугольному отсеку, чтобы встретить Логана. Он ударил по стене, словно перед ним была дверь вроде той, которую Норби закрыли, когда втолкнули пленников в тёмную пещеру.

— Логан! — крикнул он. В ответ — ничего. Крик утонул в мягкой поверхности стены. Хостин нащупал углубления для пальцев. Правая рука всё ещё ничего не чувствовала. Пришлось пробовать левую руку. Логана нужно было выручить, для этого и рук не жалко!

Хостин подождал, пока не ощутил «высасывание». На этот раз всё произошло быстрее, замок стал привыкать к новому хозяину. Стена впустила его в треугольную коробку. Логана там не было.

Хостин не верил своим глазам: он же видел на панели движение точки, значит, Логан должен быть здесь!

Он на всякий случай позвал:

— Логан!

Конечно, звать было бесполезно. Никого не было. А раздвинутая стена снова вставала на место. Хостин поднял руку и задумчиво поскрёб затылок онемевшими пальцами.

Машинам он не доверял. Экран на пульте управления

показал движение по спиральному входу — сначала его, Хостина, потом — Логана. Может быть, это было изображение какой-то другой тропы? Он решил вернуться к пульта.

Хостин вновь вышел на балкон и пошёл по другой его стороне вдоль машинного зала. Там он увидел другой спуск. Придерживаясь за поручень, юноша стал спускаться. Рука горела, скользя по поручню. Но и поднять руку было тяжело, словно она была чугуновой. Он спустился и поспешил к подиуму, пробираясь сквозь ряды устройств.

Нигде, как и в туннелях, не было ни пылинки. Ни намёка на то, что этот зал, эта коллекция машин существует столетия. Несомненно, это было творение обитателей Запечатанных Пещер.

Хостин уже почти добежал до пульта управления, как вдруг сообразил, что следовало бы спрятаться. Незнакомое гудение раздалось над его головой, низкий звук отличался от равномерного гула машин. Гул и машинное лязгание в этой обстановке были нормальны, человеческий голос — нет. Пришедший звук был так же чужд этому месту, как давешние крики Хостина, когда он с балкона звал Логана.

Экран на пульте снова ожил, по нему забегали линии, синее свечение перешло в белое, столь ослепительное, что Хостин зажмурился. Когда он вновь открыл глаза, за пультом, наблюдая за экранами, стоял человек.

— Логан! — чуть было не закричал Хостин.

Но это был не Логан.

Незнакомец был выше Логана. И он был одет не как Норби. Собственно, такие зелёные комбинезоны Хостин уже встречал; он сам носил такой, когда был в реабилитационном Центре. Там потерявшие дом земляне, вчерашние военнослужащие разных родов войск, проходили курс восстановления, прежде чем выбрать новое место поселения.

Хостин медленно крался к пульта. Севший в горах космошлюп вёз группу бывших военнослужащих, то есть,

пациентов реабилитационного Центра. Скорее всего, Хостину повезло наткнуться на одного из тех, кто сумел уцелеть при посадке. Видимо, этот парень также доведён до сумасшествия своим отчаянным положением, как и Хостин с Логаном.

Впрочем, нет! Стоявший за пультом не проявлял никаких признаков нервозности. Его действия были целенаправлены, а движения точны. словно технический персонал выполнял свои дежурные обязанности среди машин.

Поворачивая голову, незнакомец изучал хитросплетения трубок и ламп. Вот он повернулся в профиль. Несомненно, это был землянин. Только на его лицо была нанесена раскраска, как у Барабанщика Норби. Красные круги возле глаз, полосы на щеках. Ещё так раскрашивали лица воины Синего Сектора. Однако стоявший за пультом не был диким воином. На его шее висел небольшой барабан, символ магии, символ высшей принадлежности. Хостин восхитился: неподалёку стоял человек, овладевший магией Барабанщиков, управляющих Норби, племенами Арзора, и в то же время умеющий управлять машинами, которые были изобретены древними обитателями Запечатанных Пещер.

Незнакомец склонился к приборной доске со множеством ламп. На взгляд Хостина, он ни до чего там не дотрагивался, а только распростёр ладони над лампами. Однако приборная доска замигала, засияла жёлтым с одного края, в лампах засветились спирали накала, всё новые и новые лампы приходили в действие, так что вся приборная доска вскоре стала похожа на светящиеся ветки странного дерева. Излучаемый лампами свет заполнил весь пульт. Хостин почувствовал, как вокруг концентрируется, ища объект приложения, огромная сила.

Где-то вдалеке раздался раскат грома. Хостин пригнулся, прячась за ближайшей машиной. Он прикрыл глаза, представляя себя в эпицентре бури, вообразив молнии,

рвущие чёрное небо и бьющие в скалы. А он, слабый человек, так нуждался в защите от равнодушных сил природы.

Хостин открыл глаза. Поблизости не было никого, кроме человека в комбинезоне. Незнакомец по-прежнему рассматривал приборную доску. Вот он опять протянул ладонь к лампам, те стали угасать, светящееся дерево увяло. Буря миновала.

Однако незнакомец не оставил приборную панель в покое. Он отступил на шаг, глядя на огоньки. Затем вновь коснулся нескольких клавиш. Может, подумал Хостин, он просто изучает собственное воздействие на малознакомую технику?

Незнакомец подошёл к краю пульты, ближе к Хостину, и остановился на небольшой платформе с рядом светящихся индикаторов. Здесь он наклонился и хлопнул в ладоши прямо над огоньками. Будто аплодировал собственному умению овладевать чужой техникой.

Хостин отступил подальше в тень механизмов, бессознательно чувствуя необходимость спрятаться. Незнакомец за пультом исчез! Он испарился, как призраки, охотившиеся за Хостином в тех жарких горах наверху.

Вряд ли исчезновение незнакомца было связано со спиральным переходом, хотя Хостин не исключал и такой возможности. Правда, чтобы реализовать такой переход, следовало овладеть магией, подобной по силе той, какой владел дед Хостина задолго до того, как Землю превратили в обугленный шлак.

Хостин заставил себя подняться и подойти к пульту. В полу не было ниши или ступенек, по которым незнакомец мог бы улетучиться. Значит, следовало повторить то, что сделал незнакомец, чтобы исчезнуть. В индейце снова проснулась неприязнь к машинам. Но он должен выбраться отсюда, вновь попасть в ту иссушённую долину. И руки Хостина, едва он встал на заветную платформу, поднялись сами собой. Он хлопнул в ладоши прямо над огоньками индикаторов.

Его охватило головокружение. Снова слабость, снова пустота от чувства отсутствия пространства. Но он был рад тому, что сумел воспользоваться чужим мастерством, и страха не было.

Хостин открыл глаза. Он перенёсся к выходу из туннеля, ведущего на открытую местность. Никакого искусственного освещения, солнечный свет арзорского дня разливался над ним. Хостин пригнулся, прячась от возможной опасности, потому что расслышал какой-то шорох.

Снаружи, видимо, было раннее утро, так как солнце ещё не жгло, как это бывает в безводных горах днём, как это было в той выжженной долине. Впрочем, возможно, таинственные устройства древних обитателей Запечатанных Пещер и в этом месте управляли погодой, делая жару вполне переносимой, точно так же, как в глубине Пещер. Рассуждать дальше не было времени. Хостин ползком добрался до ровной площадки возле входа в пещеру и осторожно выглянул из-за камня.

Весь склон горы был запружен пришедшими сюда Норби. Они стояли небольшими отрядами, построенными вокруг шестов мира. Каждый отряд возглавляли вождь и Барабанщик. Такое единство кланов и племён поразило любого поселенца, однако Хостин уже наблюдал аналогичное, когда его самого вели вместе с Логаном в жертву Пещерным духам. Хостин разглядел шесты мира, принадлежавшие племенам и кланам, враждовавшим промеж собой со времён Первого Корабля. Только величайшая магия могла собрать вместе этих закоренелых неприятелей.

Шошонна, Нитра, Уопт, Ранаг из южных степей, даже Глуссак — все эти кланы обитали на далёких равнинах и проделали неблизкий путь, добираясь в Синий Сектор, через бездорожье, через тяготы Великой Суши. А дальше, за ними, высились шесты мира племён, которые и вовсе были неизвестны Хостину.

Из своего укрытия он насчитал около двадцати шестов

мира. На самом деле здесь собралось гораздо больше кланов, просто он не мог сосчитать всех, оставаясь по-прежнему незамеченным. Можно было точно утверждать: здесь представлены все племена Арзора.

Барабанщики уже взялись за привычную работу, выбивая леденящий кровь ритм. В такт музыке тощие загорелые тела воинов покачивались в стороны. До землянина донёлся традиционный удушливый дым горящих растений. Над горами, как и в прошлый раз, пронеслась громадная молния.

Грохот, грохот, грохот, нарастая и нарастая. И вдруг — тишина. Зловещая и выжидательная тишина. Такая бывает, когда после грома падают первые капли тяжёлого дождя.

Внезапно немного ниже того места, где прятался Хостин, появился тот самый незнакомец из машинного зала. Он держал над головой барабан, отбивая на нём собственный ритм. И в такт ему заговорили всё новые и новые барабаны клановых Барабанщиков.

Глава 14

Незнакомец распростёр обе руки над толпой. В лучах поднявшегося солнца над головой незнакомца что-то ярко светилось, почти с тем же блеском, что и падающие молнии.

Незнакомец начал речь, обращённую к собравшимся. И он не объяснялся на языке жестов, он говорил как Норби! А ведь учёные авторитеты утверждали, будто голосовые связки человека неспособны воспроизвести речь Норби.

Едва незнакомец умолк, послышались крики одобрения. Норби потрясали тотемными шестами, на которых развевались клановые вымпелы. Речь незнакомца была речью повелителя, вот что следовало из поведения Норби.

Из своего укрытия Хостин пристально следил за событиями. Ему было не по себе. Слова говорившего были

такими же, какие произносят вожди перед подданными всех рас, перед всеми видами так называемой разумной жизни во всех мирах. Оратор желал от Норби безоговорочного выполнения приказа. И оратор желал от Норби немедленных действий во исполнение приказа. Магия, большая магия жила и действовала. Но ей мешали жить и действовать отдельные люди. Мало того, что Куэйд и Келсон совали свой нос в дела равнинных Норби, так теперь их лазутчики безнаказанно проникли в Синий Сектор! Они пробрались в святыню!

Дальнейшую речь заглушили удары множества барабанов.

Хостин не мог понять всю речь, более того, он в основном улавливал только общий эмоциональный настрой. Но теперь его сомнения удвоились.

Враждебное отношение Норби к пришедшим в Синий Сектор людям подогревалось не только желанием сохранить в тайне магические ритуалы. Кроме тайн магии, оно умножалось воздействием этого незнакомца в зелёном комбинезоне землянина и с лицом, раскрашенным в боевую раскраску Норби.

— Ани-иихии, — выдохнул Хостин. — Старый враг.

Когда-то на Земле предки Хостина умели наслать беду при помощи слов и ритуалов. Старые ведьмы умели довести человека до смерти, закопав, скажем, прядь волос обречённого на кладбище. Этот незнакомец, благословляющий Норби на войну, вполне мог называться злым заклинателем.

А в ответ на размышления Хостина уже гремели барабаны, ещё больше нагнетая сумасшедшее желание убивать. Так когда-то воины племени Навахо одурманенно танцевали перед тем, как выступить на тропу войны.

Общим для собравшихся здесь племён мог быть только один враг: люди. Рассыпанные по арзорским равнинам и предгорьям мирные поселенцы. Скачущие по арзорским степям или мирно живущие на своих удалённых от цен-

тральных усадеб ранчо, люди вряд ли смогут организовать серьёзный отпор напавшим Норби. Тем более, что Норби — воины с младенчества, согласно их образу жизни. А поселенцы были в большинстве ковбоями и пастухами. Если же вспомнить, как Норби умело маскируются, как наносят молниеносные удары и быстро скрываются незамеченными, то становилось понятно: арзорские поселенцы могут быть уничтожены в течение нескольких часов, не успев даже сообразить, что им грозит беда.

В это время года все преимущества будут на стороне Норби, сама жара выступит их союзником. Тщательно охраняя секреты скрытых источников воды, Норби могут передвигаться по всей стране беспрепятственно. Что касается людей, то даже патруль Корпуса Мира не сможет оперативно выйти на помощь поселенцам, так как вынужден будет двигаться медленно из-за необходимости транспортировать запасы воды.

Хостин вытер вспотевший лоб. Кошмар прошлой жизни вновь коснулся его души. Он столько лет жил и работал, балансируя на грани войны. Его служба заключалась в том, чтобы предотвращать войну — не только на отдельных планетах, но и на целых звёздных системах, между космическими расами. Несомненно, вызванный патруль Корпуса Мира наведёт порядок на этой планете в случае, если война между местным населением и пришлыми землянами всё же разгорится. Но когда порядок будет наведён, прежний мирный Арзор канет в прошлое вместе с большинством живущих на нём людей.

Но вот умолк последний удар барабанов. Незнакомец возвращался к туннелю. А Норби двинулись вниз, в долину. Что же дальше — куда они? По своим деревням, чтобы вооружить воинов и вывести их на поселенцев? Из их чириканья землянин не смог уловить ответа на этот вопрос.

Хостин ждал, пока возвращавшийся в пещеру незнакомец не заметит его, и приготовился к схватке, достав

гранату. Однако тот, глядя прямо перед собой, прошествовал мимо словно сомнамбула с широко раскрытыми глазами. Видимо, он не только напустил чары на Норби, но и сам поддался собственному гипнозу. Пошатываясь и по-прежнему глядя вперёд невидящим взглядом, он прошёл мимо Хостина в туннель.

Хостину оставалось только наблюдать, как уходят Норби. Это была та самая гора, на которой приземлился спасательный космошлюп. Уиддерс говорил, что сигналы севшего космошлюпа были зарегистрированы переговорным устройством на чьём-то ранчо. Но это значит, что передатчиком можно воспользоваться! И если Хостин сумеет добраться до космошлюпа, то, возможно, ему удастся передать сообщение немедленно, пока Норби ещё не вышли из Синего Сектора. Незнакомец, ушедший в пещеру, вряд ли исчезнет куда-нибудь, им можно будет заняться позже. Вначале — передать сообщение об опасности.

Сурра... Баку... Горгол... Никто из них не появлялся в пределах досягаемости Хостина уже несколько дней. Где они сейчас? Живы ли?

Хостин беззвучно призвал команду к сбору. Он должен был вступить в мысленный контакт с кошкой и орлицей, втроём они сумели бы проникнуть в космошлюп. Втроём они были не набором индивидуальностей, а совокупной силой и оружием защиты. Арзор, со всеми его тайнами, таким оружием не располагал.

«Баку!» — зов ушёл в небо как тоненькая нить. Нет ответа.

«Сурра!» — он звал теперь в пространство горных склонов, пещер, долин. И словно искорка вспыхнула внутри его головы — пришёл ответ. «Где ты?» — продолжил Хостин. И ощутил темноту каменного хода, по которому шагали мягкие лапы. Наверное, Сурра была где-то в пещерах. Чтобы выбраться, ей нужно залечь и дожидаться, чтобы нечто, преграждающее дорогу в данный момент,

убралось. Может быть, она где-нибудь рядом с тем незнакомцем в зелёном комбинезоне?

Теперь положение Хостина не было столь отчаянным. Возобновившийся контакт с Суррой значил для него очень многое. Без команды он был как бы лишён дополнительных органов чувств. Теперь, поддерживаемый дальним присутствием Сурры, он знал, что ей тоже недоставало контакта с ним.

«Следи за тем, кто идёт неподалёку, — приказал он мысленно. — Только не трогай его».

Теперь Сурра не упустит незнакомца из виду. А Хостин в это время займётся космошлюпом. Он выглянул из-за камней, осмотрел склон горы и наметил путь, по которому нужно было подобраться к комошлюпу, используя в качестве укрытия скалы и кусты.

Донёсся грохот барабанов, это завершалось сборище внизу, в деревне. Прячась за кустами, Хостин подобрался к космошлюпу. Стал ощутим запах разлагающихся жертвоприношений; они по-прежнему нетронутыми лежали вокруг. Люк наверху был закрыт, войти в космошлюп не было возможности.

Наверное, его закрыли те, кто покинул космошлюп после посадки. Или никто из них не выходил, и там, внутри, только трупы? Нет, судя по встреченному незнакомцу, хотя бы один из пассажиров космошлюпа всё-таки вышел наружу.

Хостин взобрался по лесенке в хвостовой части шлюпа. Лестница прогибалась под его тяжестью. Оказавшись рядом с люком, он с силой прижал ладонь к защёлке молекулярного замка.

С протестующим скрипом люк приоткрылся; Хостин навалился на него всем телом, толкая сильнее. Люк открывали уже после посадки на Арзор. Значит, внутри нет мёртвых, значит, живые люди ушли из космошлюпа.

Ещё в дни службы в войсках Хостин летал на таких космошлюпах и был хорошо знаком с их устройством.

Мимо двух рядов кресел, снабжённых противоударным демпфером, он прошёл в носовой отсек. Там была кабина ручного управления, автопилот, передающее устройство. Хостин открыл кабину и понял, что приборы в полной исправности, потому что немедленно загорелись индикаторы включения бортовых огней. Хостин повернул ключ переговорного устройства и услышал слабое гудение, сменившееся посвистыванием радиации. Он нажал кнопку передачи и наговорил сообщение, которое должны были принять все поселенцы.

Посадочные сигналы космошлюпа, зарегистрированные два месяца назад, были приняты двумя поселенцами, слушавшими тогда сообщения по своим переговорным устройствам на ранчо. Впрочем, сигналы космошлюпа долго не идентифицировали, потому что владельцы ранчо наезжали в свои владения редко. Но теперь ситуация была иной: Келсон и Брэд Куэйд ждали его сообщений, наказав слушать эфир каждому поселенцу, дежурящему возле переговорных устройств. Хостин дважды повторил сообщение, записал его в памяти передающего устройства и включил автоматическую передачу. Теперь сообщение будет передаваться каждые десять минут, пока не сломается передатчик. Или пока не выйдет вся энергия.

Потом Хостин осмотрел космошлюп в слабой надежде отыскать какое-нибудь оружие. Но ничего не нашёл. Покинувшие космошлюп взяли с собой всё ценное.

Хостин уже пробирался к люку, когда удар грома раздался где-то совсем рядом, сотрясая космошлюп. Землянин еле успел включить защитное поле, инстинктивно дотянувшись до нужной кнопки. А включив экран обзора, он увидел снаружи огненную бурю. В предыдущих обстрелах молнии не задевали космошлюп. Теперь неточность стрельбы, кажется, устранили. Сидя в пилотском кресле, Хостин наблюдал за бушующим пламенем и надеялся, что защита космошлюпа, рассчитанная на космическое излучение, выдержит и обстрел из неизвестного концентратора

энергии. Ураганный огонь вполне мог если не сжечь, то просто смести космошлюп со склона.

Неужели его сообщение по передатчику засекли те, кто стрелял? Понятно, что обстрел вели из оружия, принадлежащего арсеналу обитателей Запечатанных Пещер. Не значит ли это, что переданное сообщение привело в ярость принявших его представителей чуждой цивилизации?

Сурра! Хостин послал мысленный зов к кошке. Но она не откликнулась. Может, сплошная стена пламени вокруг вздрагивавшего космошлюпа мешала наладить мысленный контакт. Неплохое утешение для пойманного в ловушку человека.

Космошлюп ощутимо накренился. В экран внешнего обзора Хостин видел: он в самом центре обстрела, вокруг бушует пламя, и от огня его защищает только защита космошлюпа. Пытаясь сохранить равновесие, Хостин включил двигатель, чтобы отвести шлюп с линии огня за ближайший утёс. Тогда выстрелы были бы не так страшны.

Однако всё произошло не так, как хотел Хостин. Корабль резко наклонился и со страшным скрежетом покатился вниз по склону, кувыркаясь, ударяясь о камни. Сделав несколько кувырков, космошлюп остановился, очевидно, зацепившись за что-то снаружи. Хостин не мог видеть, за что именно — экран внешнего обзора погас. Молчало и переговорное устройство. Неизвестно даже было, успел землянин передать сколько-нибудь вызовов, чтобы быть услышанным поселенцами по ту сторону гор Пикс.

Космошлюп лежал на боку, так что под ногами Хостина теперь была стена с переборками. Он добрался до выхода, потянул ручку люка. Та не поддавалась, видимо, её заклинило во время падения.

В пилотской кабине всё было разбито. Приборы не работали. Что ж, если противник затеял обстрел для того, чтобы прекратить передаваемые Хостиным сигналы бедствия, то первый раунд остался за ним. Впрочем, Хостин был уверен, что всю схватку его враг не выиграет.

Без экрана внешнего обзора он не мог определить, продолжается обстрел или нет. Хостин уселся на одно из уцелевших кресел, подпер всё ещё ничего не чувствующей рукой голову и постарался вступить в контакт с Суррой.

«Я слышу», — вспыхнула в его мозгу ласковая искорка.

«Где тот, за кем ты следишь?»

«Здесь».

Это значило, что Сурра продолжает наблюдать за незнакомцем.

«Вы в пещере?»

«Да».

«Оставайся, следи за ним».

Возобновление контакта с Суррой скорее всего означало, что снаружи больше нет огненной завесы. Путём сложных акробатических трюков из космошлюпа всё-таки можно было выбраться через иллюминатор. Если только иллюминаторы не оплавилась под огнём. Люк мог не открываться, возможно, именно потому, что был оплавлен снаружи. Хостин разбежался и изо всех сил ударил ногой в замок люка. Со страшным скрипом люк сдвинулся, впуская внутрь синий удушливый дым. Шторм закашлялся, на глаза навернулись слёзы. К счастью, фильтр-автомат внутри космошлюпа не испортился, и дым скоро рассосался.

Несмотря на то, что снаружи всё заволокло дымом, открытого огня больше не было. Хостин вытащил найденный в шкафчике сифон с пластиковой пеной и, поливая ею из открытого люка, соорудил ступеньки вместо сожжённого трапа. Идти вниз нужно было не касаясь бортов космошлюпа, так как тот раскалился докрасна. Остатки пены Хостин прихватил с собой.

Земля вокруг космошлюпа почернела от обстрела. В тлеющих кустах потрескивали искорки. Там, где почва была слишком горяча, Хостин прокладывал перед собой дорожку из пластиковой пены, только тогда можно было идти без опасений обжечь ноги. Дополнительно Хостин

соорудил «сапоги» и «перчатки», покрыв пеной собственные ступни и ладони. Он миновал обугленную хвостовую часть космошлюпа и стал пробираться ко входу в пещеру, которая была, как он помнил, чуть выше по склону.

Где-то в глубине горы, в машинном зале, зоркая Сурра следит за незнакомцем. На неё Хостин всегда мог положиться. Они выследят незнакомца. Может быть, Сурра поможет найти и Логана.

Да, найти Логана! Всё, что в эту минуту мог Хостин, — это только строить планы. В свою очередь задуманное надо будет выполнять, несмотря на опасности, грозящие из-за каждого поворота.

— Бум-бум-бум...

Словно застигнутое врасплох животное, Хостин замер, прислушиваясь, откуда идёт звук, несущий ему опасность. Он насторожился и угрожающе оскалил зубы, как Сурра в боевой стойке. Из-за дальней скалы вышел некто, пока неразличимый за дымом.

На идущем был плащ из перьев, развевающийся, будто крылья. Барабанщик! А у Хостина не было даже ножа. Только голые руки.

Однако идущий также был безоружен. Такова была традиция Норби: Барабанщик обходится без оружия, потому что его защищают свыше силы волшебства. Ни один Норби не отважится поднять руку на Барабанщика, пусть даже из вражеского племени. Расправа, насылаемая магией за покушение на Барабанщика, будет скорой и неизбежной.

Придётся нарушить запрет, решил Хостин. Другого выхода у него просто не было, оставалось только напасть на Барабанщика. И в первую очередь следует вырвать из его рук барабан. Тогда идущий не сможет грохотом созвать на подмогу воинов.

Хостин приготовился к прыжку, сжав в руке увесистую, наполовину сгоревшую головешку.

— Бум-бум-бум...

Хостин удивился. Он ожидал барабанного грохота, который возвестил бы, что в стане Норби опять обнаружен незванный гость. Но постукивание по барабану было таким же ровным, как и вначале. Как будто владелец барабана тихонько приветствовал старого друга. И Хостин не стал бросаться на идущего, а выпрямился и встал к Барабанщику лицом.

«Юкурти!»

Постукивание по барабану прекратилось — Юкурти поднял руки и жестаи ответил:

«Да, это я. А куда идёшь ты?»

Хостин сдёрнул с онемевшей руки повязку — чтобы легче было жестикулировать.

«В пещеру», — он не хотел объяснять подробнее. Всё равно у Юкурти не было полномочий решать за всех Норби.

«Ты уж побывал там, внутри горы», — сказал Юкурти.

«Да. И снова должен быть там. В этой горе живёт зло».

Юкурти согласился:

«Да, в этой горе живёт зло...»

Хостина такая осведомлённость просто поразила, и он на всякий случай уточнил сказанное:

«Барабанщик из клана Замля знает про зло внутри горы?»

«Выбивающий-Гром обязан говорить правду. Иначе он лишается магии. Внутри горы живёт Барабанщик, который говорит, что выбивает гром. Он говорит, что молнии служат ему».

«Да, все видели и слышали эти громы и молнии», — Хостин тоже говорил правду.

«Конечно, этот Выбивающий-Гром говорит правду. Ведь ему служат гром и молнии. Но теперь по велению Выбивающего-Гром воины поют песни летящих стрел, теперь в Доме Грома молятся о богатых военных трофеях, теперь там жгут священный фолвуд, помогающий воинам сражаться».

«Это плохо».

Юкурти склонил голову, становясь похожим на Баку, та тоже любит смотреть искоса круглыми чёрными глазами.

«Да, это плохо. Юкурти был здесь, когда опустилась та круглая вещь с неба. Юкурти видел, какой мощью обладали прилетевшие жители небес. Они тоже умели выбивать гром. И молнии тоже служили им. Но у них не было настоящей магии Арзора. До них сюда, на Арзор, прилетали и другие. И побывавшие здесь раньше тех, кто прилетел на этой вещи с небес, тоже располагали магией и силой. Но у жителей неба своя мощь, а у жителей Арзора — своя магия. Так было всегда, так случилось с последними пришедшими с неба. По этой дороге шли многие, и она не привела их к миру, а завела в лабиринт. Я, носящий в этой жизни имя Юкурти, имею право выбивать гром, — Юкурти провёл пальцами по барабану, который отозвался мягким гулом, — и я говорю: нет добра на пути кровопролития, нельзя убивать тех, с кем делили воду, охотничьи угоды и мясо убитого животного. Нельзя воевать с теми, кто делил с тобой ночлег».

«Но Верховный Выбивающий-Гром говорит, что надо начинать войну с поселенцами, что стрела войны должна быть пущена в людей. За что?»

«Не знаю».

«Почему он хочет нашей крови?»

«Он говорит, что Верховные Правители обрадуются этой жертве и сделают его самого и подвластный ему народ ещё сильнее. Ещё могущественнее».

«Но его сила — это не его сила».

«Да. Это просто вещь, которая служит злу. Поэтому я говорю с тобой, человеком, которому тоже дана сила, не сила Арзора, а другая, живущая среди звёзд. Иди к тому, кто принадлежит к твоему племени, и останови его злую силу, поставив на его пути свою».

«А ты не собираешься бить в барабан и звать воинов, чтобы они поймали меня?»

«Нет. Мы подняли шест мира. Я сам поднимал его. Иди, и да будет твой путь гладким».

«Значит, ты знал, что я здесь, и ждал меня?»

«Да, знал. Я не могу объяснить, как действует моя магия. Просто я это умею».

«Да, Выбивающий-Гром, — Хостин сделал жест, обозначающий извинения. — Не сердись. Я не хочу проникнуть в тайны твоей магии».

«Отсюда твоя тропа будет одинокой», — продолжал Юкурти.

Хостин задал вопрос, волновавший его больше всего:

«А что делают Норби? Все кланы выступили на тропу войны?»

«Не все».

«Но я, как ты утверждаешь, должен идти в гору один?»

«Один».

«Тогда пошли мне в помощь немного твоей магии, Выбивающий-Гром».

Хостин сделал прощальный жест и замер в ожидании ответа. Для него почему-то было важно получить благословение у этого Барабанщика. Словно обычной силы землянина могло не хватить в условиях Арзора.

Глава 15

Налетевший ветерок закружил пепел, поднимая гарь и ключья дыма, раздувая плащ Барабанщика. Юкурти приподнял барабан, словно готовился сыграть боевой марш. Он заговорил, сопровождая сказанное резкими короткими ударами по коже барабана. Хостин не понимал смысла произнесённого, улавливая один лишь эмоциональный настрой. Его действительно благословляли. Юкурти отступил и, сделав сначала несколько жестов, которые были незнакомы Хостину, так завершил свою речь:

«Иди, и пусть сила пребудет с тобой, о ты, знающий пение ветра, шёпот растущих трав, проникающий в созна-

ние птиц и зверей. Иди, и пусть сила идёт с тобой, да будет так. Делай то, что должен делать. Сейчас на твоих пальцах балансирует стрела войны. Не дай ей упасть и убить этот мир».

Такого доверия Хостин не ожидал. Барабанщик не только благословил его, как мог бы благословить идущего в сражение воина. Хостину была обещана защита свыше — от сил арзорской магии, от волшебника, располагающего собственной мощью.

В ответ он поднял обе ладони, салютуя Барабанщику, приветствуя Юкурти как равный равного. Затем повернулся и пошёл к пещере.

Он спешил, но не терял бдительности. Юкурти ничего не сказал о том, остались ли в горах другие Норби. Значит, нельзя было исключать, что к расстрелянному космошлюпу могут собраться и другие Барабанщики или воины.

Хостин добрался до входа в пещеру беспрепятственно. И здесь уловил сигнал от Сурры. Незнакомец поспешно шёл к выходу из пещеры. Может быть, ему захотелось взглянуть на результаты произведённого обстрела?

Хостин, конечно, мог забросать незнакомца гранатами. Но убитый не расскажет ему ничего. Кроме того, убийство Верховного Выбивающего-Гром послужило бы толчком к скорейшему развязыванию кровопролития на равнинах, среди поселенцев. Нет, незнакомца надо было взять в плен, но не убивать. С помощью Сурры Хостин рассчитывал провести захват в плен. Если только...

Он вдруг остановился. Но не по своей воле. Словно дальше его не пускала невидимая стена. Мельтешения в голове, как при прохождении через незнакомые нуль-переходы не было. Боли в голове, как при пересечении соник-барьера, тоже не появилось. Но он был скован, ледяная неподвижность охватила Хостина, и некуда было деться от неё. Он беспомощно оглянулся вокруг, ожидая невидимого врага.

Впрочем, беспомощным было только тело, такое же

неподвижное, как недавно, когда Хостина поймали в сеть. Разум отчаянно искал выход. Землянин послал сигнал Сурре. Но неизвестно, как далеко была она от того, кто сейчас держал Хостина в неподвижности. Конечно, когда-нибудь Сурра прибежит сюда, откликнувшись на зов. Хорошо бы она сделала это не слишком поздно.

Позади Хостин услышал речь Норби. Юкурти и впрямь пришёл сюда не один. Утренний ветер донёс пересвистывание. Наверное, это пришли для ритуала Барабанщики других кланов. Хостин не имел никаких оснований доверять воинам племени Шошонна тайну лже-Барабанщика из машинного зала. Ему самому, Хостину с друзьями, была обещана безопасность продвижения по Синему Сектору, а вместо этого Норби чуть не убили его. И всё-таки Хостин знал, что не Юкурти был инициатором расправы, а самозванный Выбивающий-Гром.

У него оставались Сурра и Баку. Теперь они станут его оружием. Он послал сигнал Баку. Но отвечала только Сурра, от Баку ответа так и не приходило. А из темноты пещерного туннеля вскоре вышел незнакомец в зелёном комбинезоне.

Он был выше индейца ростом, белокожий и белокурый. Из-под боевой раскраски Норби на лице незнакомца пробивалась светлая щетина. В руках он нёс небольшой круглый прозрачный шар. Хостин внимательно присмотрелся к шару, слишком напоминающему гранату.

Но шар не стоил того внимания, какое следовало обратить на глаза Незнакомца.

Глаза идущего были особенными, завораживающими. Год с лишним назад в реабилитационном Центре Хостин много раз встречал такой взгляд. Оставшиеся без дома, без родины, без собственной планеты, земляне в реабилитационном Центре смотрели именно так. У них отняли всё: семьи, детей, близких. И совсем ещё недавно крепкие солдаты спецслужб смотрели именно таким опустошённым и невидящим взглядом. Они часто впадали в неистовую

безумную ярость и направляли оружие против лечащих врачей. Или убивали таких же реабилитируемых. Или убивали себя. Хостин помнил, как с ними нужно было обращаться, чтобы не допустить срыва в сумасшествие. Реабилитируемые признавали и подчинялись только приказам, простым и требовательным.

— Имя, ранг, серийный номер, планета! Быстро!

Горящие безумным огнём глаза блеснули пониманием. Незнакомец зашевелил губами, будто вспоминая забытые слова, и наконец выговорил на общегалактическом:

— Дин Фарвер, техник третьего ранга, ЕУ-790, космос.

Техник третьего ранга! Это не просто учёный, это мастер гениального уровня. Теперь понятно, как ему удалось овладеть секретами Машинной Пещеры, с её неземной техникой.

Дин подошёл поближе, озадаченно разглядывая Хостина. Лицо под раскраской было непроницаемым, но любопытство всё же проступало.

— А ты кто такой?

— Хостин Шторм, Повелитель зверей, АМ-25, Земля.

— Ах, Повелитель зверей! Так ты из этих, из психозологов!

— Да.

— Тогда тебе здесь нечего ловить, приятель! Здесь техника, натуралистам она не по зубам.

Натуралистами в войсках дразнили спецподразделения, отвечающие за психологическую, а не за техническую подготовку. Дразнили, разумеется, технари. Хостина не испугал враждебный тон Дина: в конце концов, на то у Хостина и психологическая подготовка, чтобы находить общий язык даже с сумасшедшими. К тому же Дин всё-таки вступил в словесный контакт, а это уже признак коммуникативности больного.

— Мне относительно тебя тоже не поступало никаких указаний, — сообщил технику Хостин. Если этот технарь думает, что до сих пор находится в войсках, пусть себе

думает. А Хостин в это время должен решить, как освободиться от штуки, которой тот его держит. Скорее всего круглый шар у Дина в руках — это генератор стасис-поля. Увы, если в руках у этого сумасшедшего действительно генератор, то уговорить его освободить пойманную жертву ничуть не легче, чем, скажем, уговорить какую-нибудь машину из подземного зала.

В ответ на слова Хостины Дин пожал плечами:

— Вообще-то, твоё руководство не имеет права распоряжаться мной. Зато я имею право распоряжаться тобою. Так вот, ты должен поскорее убраться отсюда. Здесь место для технарей, а не для натуралистов.

Хостин уловил угрозу в его интонации. Всего два или три раза в жизни он чувствовал такую же неотвязную опасность. Вслух он сказал:

— Как это я уберусь, если ты меня держишь в стасис-поле?

Дин ухмыльнулся так, что полосы раскраски на его лице разошлись весёлым веером:

— Ах, вот оно что! Натуралисты не любят стасис-поля! — он захохотал, затем снова заговорил, уже спокойно. — Ты, видно, решил, что я клюну на твой обман? Ошибаешься. Мне известно, что война кончилась. Так что ты здесь не по чьему-то приказу, ты просто шпионишь за мной. Не выйдет у тебя ничего. Для меня здесь вся жизнь, понимаешь? В этой пещере есть всё, о чём может только мечтать любой технарь. И я буду владеть этим вечно.

Дин величественно взмахнул рукой и снова захохотал. Серьёзность речи и внезапные срывы в смех были явным признаком пациента из Центра реабилитации.

— Да-да! Я буду владеть этим вечно, — продолжал Дин. — А ты завидуешь и хочешь отнять, я знаю! Вечная жизнь, и вся мощь мира в твоих руках! Ещё бы! Вот только первым пришёл технарь, а не ты. Технарь лучше тебя разбирается, что к чему. И как убирать с дороги таких как ты, я тоже знаю. Не ты первый лезешь в мои дела, — он поднял шар

повыше и Хостин ощутил спазм в горле: стасис-поле поднялось чуть выше.

— Я могу раздавить тебя одним движением, дорогой натуралист, — монотонно бубнил Дин. — Раздавлю, как насекомое под каблуком. Но я не любитель таких дурных поступков. Тобой займутся мои друзья снизу — они обожают играть с людьми.

Дин притронулся к широкому металлическому кольцу вокруг шеи, нажал на него и издал чирикающий клич, созывая Норби.

«Пора!» — подал мысленный сигнал Хостин.

Из темноты туннеля вылетела чёрно-жёлтая пушистая стрела. Всем своим весом Сурра навалилась на стоящего технаря. Он перестал верещать на языке Норби и выругался на общегалактическом. Генератор стасис-поля выпал из рук Дина, однако освобождённый Хостин не успел подхватить его: покотившийся шар упал в расщелину между камнями.

«Не убивай!» — мысленно предупредил Сурру Хостин. Ошарашенный внезапной атакой Дин упал наземь. Хостин не мог двигаться быстро после стасис-поля, его шатало, тело сводили судороги. Сурра ослабила хватку и перестала драть плечо Дина когтями.

Дин снова заверещал на языке Норби, но быстро умолк, увидев надвигающуюся истекающую слюной от ярости морду Сурры. Лицо Дина было не менее яростным. Он вскрикнул и бросился в туннель. Хостин — за ним. Но Дин бежал быстрее, Хостин же никак не мог совладать с негнушимися ногами.

И всё-таки он догнал его и последним отчаянным прыжком кинулся на убегающего. Но прыжок не получился, Хостин только зацепил ногу. Дин зло стряхнул слабые пальцы индейца и помчался дальше.

Вскоре он скрылся в туннеле, а Хостин обернулся, чтобы убедиться, что с Суррой всё в порядке. Она почему-то ожесточённо тёрла глаза лапами, словно засорила веки.

Может, это Дин брызнул чем-нибудь едким? Хостин взял кошку на руки.

Им следовало поскорее уходить, потому что созванные Дином Норби должны были нагрянуть с минуты на минуту. Единственное, что может удержать их от входа в пещеру, это какое-нибудь табу, запрещающее простым смертным вступать в святилище Выбивающего-Гром. Хостин очень надеялся, что такое табу есть у Норби, и что они его соблюдают на этот раз.

Справа из-за камня показалась голова, увенчанная чёрными рогами. Норби напал молниеносно. В руке он сжимал охотничий нож. Они схватились возле самого входа в пещеру. Хостин боролся изо всех сил. Применяя обманные приёмы, которые помнил со времени службы, он уворачивался и отходил в глубь пещеры, подальше от входа, в темноту. Норби не отставал. В какой-то миг Хостин не успел увернуться и его бок царапнул нож, нацеленный в сердце. Промахнувшийся Норби потерял равновесие, пошатнулся, и Хостин вцепился ему в горло. Норби упал, увлекая за собой Хостина. Рядом просвистела стрела, задев край рубашки землянина. Он успел выхватить нож из руки потерявшего сознание Норби, вскочил и услышал, как рядом стонет Сурра.

У входа в пещеру появились несколько лучников, целившихся в него. Он бросился в спасительную темноту пещеры, лучники остановились у входа. Они не могли преследовать его дальше — сработал запрет.

Хостин добежал до поворота, остановился и позвал Сурру. Он не знал, что сделал с нею Дин. Кошачьи глаза слезились, она шаталась, но видимых повреждений не было. Здесь, за поворотом, они были в темноте, а значит, вне досягаемости стрел Норби. Сурра уже пришла в себя и была готова преследовать Дина дальше. У Хостина также не было сомнений, что сумасшедшего технаря нужно догнать. К тому же теперь у Хостина был нож Норби, что давало ему некоторое преимущество. Впрочем, узкая по-

лоска металла вряд ли могла считаться решающим преимуществом по сравнению с техническими средствами, которыми располагал Дин.

Сурра решительно встряхнулась. Она осознавала опасность преследования, но не собиралась отступать. И всё-таки ей пришлось признать поражение. Она остановилась возле ровной стены, покрутилась, нюхая следы, и озадаченно подняла мордочку. Преследуемый скрылся, и она не могла понять, куда же он делся.

Хостин осветил стену фонарём. И не увидел никаких дверей, никаких спиральных спусков или подъёмов, которые могли бы указать на странные внепространственные переходные устройства, созданные обитателями Запечатанных Пещер. Дин воспользовался каким-то тайным укрытием, которое надёжно упрятало его от преследователей.

Может быть, технарь знал способ появляться и исчезать в разных участках туннеля? Или, может быть, в туннеле было несколько таких «точек переходов». У Хостина не было времени искать переходы, и не было возможности определять их местонахождение. Оставалось только идти по туннелю дальше, заглядывая в ответвления, в надежде отыскать вход в пещеру. Ещё можно было вернуться к выходу, где, несомненно, их поджидали Норби. Однако Сурра вышла из туннеля на его зов, значит, она знает, куда идти, чтобы достичь машинного зала. Хостин подозвал кошку и приказал отвести их в машинный зал.

Командная выучка Сурры не помогла. Кошка была озадачена исчезновением преследуемого и жаждала только одного: найти его. Ей было не до пустых прогулок по туннелям. Хостин был терпелив и внял её настроению, утихомирив собственное желание добраться до машинного зала как можно скорее.

Где-то неподалёку в темноте прятался маньяк, владеющий секретами древних обитателей Запечатанных Пещер. И где-то в неизвестности пропадает Логан. Воспоминание

о Логане обожгло Хостина словно луч бластера. Единственным свидетельством того, что Логан жив, было то схематическое изображение движущейся точки на экране пульта управления, которое Хостин видел в машинном зале. Но если Логан не попал в машинный зал, значит, он всё-таки остался снаружи и должен был как-нибудь укрыться от дневной жары. Если бы он был жив!

«Баку?.. Горгол?» — Хостин сформулировал вопрос не для себя, для кошки. Сурра, отвлечённая мыслью Хостина от задачи преследования, ответила:

«Там, наверху». Её мысль была слаба, не мысль, а, скорее, чувство.

«Где — там?» — настаивал Хостин.

Этот вопрос был слишком тяжёл для кошки. Она подняла кверху разумные глаза, приняв себя и не умея ответить. Ей хотелось продолжать погоню.

«Мы догоним Дина, — мысленно пообещал ей Хостин. — Но для того, чтобы победить его, нужна команда. Где они? Где Баку?»

Этот довод повлиял на настроение Сурры. Они достаточно долго были вместе, они хорошо умели решать задачи, поставленные перед командой как перед единым целым. Сурра выскользнула из-под ладони Хостина и устремилась в одно из ответвлений туннеля с такой решимостью, с какой несколько минут назад рвалась преследовать Дина.

Человек не смог бы запомнить сложного пути в том подземном лабиринте, по которому Хостина вела Сурра. За поворотом следовал поворот, они проходили пещеры и подземные залы, набитые оборудованием древних обитателей. Хостин не понимал, мимо чего они проходят, но у него не было времени рассматривать неизвестные устройства. А Сурра и подавно не обращала на них внимания, целеустремлённо указывая путь.

Они шли то вверх, то вниз. Хостин сбился, считая повороты, и мог только предполагать, что, исходя из

длительности перехода, они уже миновали одну гору и находились внутри другой. Наконец Сурра свернула в туннель, где кончилось привычное для Запечатанных Пещер покрытие из чёрного материала и начался обычный путь по скалистым обломкам. Проход сузился настолько, что Хостину пришлось ползти за кошкой на четвереньках.

Узкий разлом в скале вывел Хостина наружу, на открытое пространство. Здесь был свежий воздух и ароматы трав. Хостин оказался в небольшой долине, зелёной и безо всяких признаков Великой Суши. Он сел, чтобы отдышаться и сориентироваться.

Растительность долины была непохожа на обычную для Арзора: трава и деревья были другого цвета. Для Арзора характерно сочетание жёлто-зелёного, красно-зелёного, коричнево-зелёного. Сплошного ровного зелёного цвета на этой планете не встречается. Хостин никак не мог вспомнить, где же он раньше видел такие листья, такие растения.

С неба упала чёрная стрела, просвистев тугими крыльями. Баку! Она уселась на траву перед Хостином и распустила крылья, приветственно заклекотала. Баку обрадовалась хозяину.

К орлиному клёкоту добавился новый звук. Он донёсся из-за кустов. Это был посвист Норби. Значит, рядом была новая опасность. Хостин приготовил нож и вскочил на ноги.

Однако Сурра безмятежно растянулась в солнечном пятне на траве, не выказывая никакого беспокойства. На дорожку из-за кустов вышел Горгол. Его левая рука была перевязана, из-под повязки виднелись листья какого-то растения — Норби прикладывают эти листья к ранам, чтобы те скорее затягивались. Пол-лица Норби покрывал огромный кровоподтёк, так что Горгол мог смотреть только одним глазом. Где он так пострадал, было неясно, однако урон был значителен. Часть амулета на шее Горгола была вырвана, целая секция нагрудника из зубов йориса исчезла.

Горгол заговорил «на пальцах», жестикулируя здоровой рукой:

«Шторм! Это ты!» — он дотронулся до Хостина, словно желая удостовериться, что перед ним на самом деле Шторм, а не его призрак.

Баку взлетела и уселась на плечо Хостину. Она потёрлась клювом о его щеку, не замечая, как человек гнётся под её тяжестью.

Хостин обвёл рукой долину, указал на близкие зубцы гор.

«Где мы?» — спросил он. Местность была незнакомой, Хостин не мог сориентироваться, в какой стороне гора с Машинной Пещерой.

«В горах, — ответил Горгол. — Мы бежали сюда от огня».

«Мы?»

Горгол повернулся к кустам и засвистел. У Хостина вдруг появилась безумная надежда, что сейчас из кустов появится Логан. Но вышедший человек не был Логаном. Зелёный комбинезон пациента реабилитационного Центра висел на нём ключьями. Лицо было так же избито, как и у Горгола. Но это был на самом деле человек, безо всяких рогов на голове.

— Значит, Золти был прав, — заговорил он чуточку дрожащим голосом. — За нами выслали помощь, нас искали. И мы все могли бы добраться домой.

Его колени безвольно подогнулись. Он упал, закрыв лицо ладонями. Худые плечи затряслись в тихих рыданиях.

Глава 16

«Кто это?»

«Не знаю, — ответил Горгол, — он не понимает «речь-на-пальцах». Когда начался огонь, он пришёл и привёл меня сюда по горам. Но я не думаю, что он так долго бежал от испуга. Он по виду хороший воин».

Хостин пошевелил плечом. Баку слетела на ближайший камень. Присев и положив ладонь на руку лежащего человека, Хостин участливо заговорил на общегалактическом:

— Кто ты, дружище?

— Нейджер. Мики Нейджер. Квалификация — разведчик, Наземный корпус-500, — говоривший отнял руку от лица и обернулся к Хостину. Он изучающе взглянул на склонившегося к нему человека.

— А я — Хостин Шторм, Повелитель зверей. Кстати, война кончилась, ты слышал об этом?

Нейджер кивнул:

— Слышал. Мы на оккупированной планете, да? Вот почему ты здесь?

— Нет. Это Арзор, пограничная планета, почти необжитая. У нас высаживался десант с Ксика несколько месяцев назад, но мы его быстро изгнали. У них был всего один корабль, и он взорвался при попытке стартовать. А я не на службе, у меня теперь тут дом.

— Значит, Дин врал, — горькая складочка обозначилась в углу рта Нейджера. — Но ты сам с Земли, так?

— Теперь я живу на Арзоре. У меня здесь участок земли.

— Так эта планета принадлежит Конфедерации? Это не подчинённый Ксику сектор Галактики?

— Эта планета принадлежит Конфедерации.

— Давно?

— Двести лет. Первое поколение поселенцев, называющих себя кланом Первого Корабля, завладело большей частью здешних освоенных земель. А ты прилетел сюда на космошлюпе с корабля реабилитационного Центра?

— Да, — голос Нейджера снова стал печальным. — Космошлюпом управлял Лефдейл. Он хороший пилот, сели мы вполне благополучно. А когда мы вышли, то попали прямо под стрелы местных жителей. Но они никого не убили. Хотя, наверное, лучше бы сразу убили. Но нет, нас загнали в пещеру и закрыли там. Дальше было

подземное озеро, грязное, вонючее. Что-то выскочило из воды и утащило в глубину Лефдейла. Мы так и не узнали, что это было. Потом пропал Рустав, это было уже в пещере с разломанными клетками-стенами. Дин подгонял оставшихся, говорил, что надо идти, что мы обязательно найдём что-нибудь грандиозное. А Золти — он до войны был историком-технарём — сказал, что мы снова должны подать сигнал бедствия, тогда нас найдут и спасут. А для этого надо было вернуться в космошлюп. Мы послали сигнал бедствия, когда садились на планету. Но никто не знал, принят этот сигнал кем-нибудь разумным или нет. А Дин приказал Золти заткнуться, потому что он один знает, куда идти. Он сказал, что мы находимся на вражеской территории, принадлежащей Ксику, что враждебные туземцы поддерживают Ксик, и нам нечего и думать высовываться из пещер.

Мы с Уиддерсом не знали, кому верить. Золти с Дином оба большие авторитеты. И они оба говорили, что мы попали в место, где хранятся свидетельства жизни и деятельности древней цивилизации. А Дин к тому же... Мы ведь летели из реабилитационного Центра, ты же знаешь, что это? — Нейджер вдруг остановил рассказ, обращаясь к Хостину.

— Знаю-знаю, — успокоил тот. — Все земляне, уцелевшие в войне, прошли через Центр.

— Да. Так вот, Дин просто помешался на войне. Он никуда не хотел возвращаться. На Службе ему нравилось, там он был большая шишка. Может быть, ему некуда было возвращаться, а может, его не окончательно восстановили в Центре. Но после того, как мы сели здесь, Дина словно подменили. Он ожил. Он стал командовать. Он говорил, что наш долг — узнать всё об этой планете, об этой пещере, и применить наши знания против Ксика. Он клялся, что Золти ошибся, что космошлюп сбился с курса, что мы не на планете поселенцев, а во вражеском тылу.

Нейджер замолчал, видно было, что он не знает, как объяснить то, чего и сам не мог уразуметь.

— А потом мы нашли такой ход... Что-то вроде винтовой лестницы...

— Спиральный переход? — вскинулся Хостин. — Вы нашли его?

— Да. Ты тоже, наверное, его видел?

— И прошёл по нему.

— Дин сказал, что мы сумеем выбраться по этому переходу. Ума не приложу, как он всё это понимает, кажется, он черпает информацию прямо из воздуха. Вот он, так же, как мы все, смотрит на вещь. А через секунду он уже говорит, как она действует. И ведь он всегда оказывается прав!

Но что самое смешное, он ни за что не хотел идти по той спиральной дорожке первым. Тогда вызвался пойти Золти. Он шёл, шёл кругами. И вдруг исчез! Потом пошёл Уиддерс. Он был вообще немного не в себе от всех этих ужасов. Ему всё мерещилось, будто за камнями прячутся живые существа, он кидал в них булыжниками. А когда Золти исчез, Уиддерс страшно закричал и кинулся следом. И тоже исчез. Потом пошёл Дин. Ну, а мне ничего не оставалось, как отправиться следом за ним — иначе я остался бы совсем один. Я не знаю, почему так получилось, но я оказался в треугольной комнате...

— А в машинный зал ты сумел попасть?

— Да, я добрался и туда. Дин уже хлопотал там. Он просто с ума сошёл от радости, бегал взад-вперёд и рассказывал, что чуял это место, что голоса внутри него звали сюда, что эти же голоса говорят о сосредоточении в его руках всей галактической мощи. Он говорил так, будто только-только поступил в Центр и ему даже не оказали первую медицинскую помощь. Когда наконец Дин утихомирился, он улёгся спать в одну найденную им штуку, вроде кольца на полу. Он там свёртывался калачиком и переступить к нему внутрь становилось невозможно. Так вот, он улёгся спать, а я отправился искать Золти с Уиддерсом. Только если они и попали в машинный зал, то

куда-то ушли и не вернулись назад. Я их больше не видел. Вернее, я так и не увидел их тогда.

— Но видел позже?

— Может быть — одного. Я не могу точно сказать, кто это был. Просто кости, которые недавно обглодали, — Нейджер закрыл глаза, содрогаясь от воспоминания. — Я не мог оставаться т а м охотиться. Каким-то чудом мне удалось выбраться сюда, в эту долину. Здесь было не так страшно. Всё настоящее, почти как дома. Потом я нашёл путь вниз, в другую долину, которая там, за той горой. Но когда я разведывал новую дорогу, то увидел, что туда, в ту долину, собирается множество местных жителей. Мне ещё подумалось почему-то: не Дин ли затеял какую-нибудь авантюру? Я так подумал потому, что из горы, где он сидел в своём машинном зале, вылетали молнии, что-то громыхало как гром. И это были не природные молнии.

— Ты больше не разговаривал с ним?

— Нет. Я просто не хотел с ним связываться. Понимаешь, Шторм, он совершенно помешался на идее мирового господства. Когда я с ним говорил в последний раз, то понял, что тоже скоро помешаюсь от этих разговоров, от его идей. Нет, я не стал больше разговаривать с ним.

Хостин согласился. Встреченный в пещере человек был настолько нездоров душевно, что поладить с ним и вернуть ему коммуникабельность сумел бы только психотехник высочайшего уровня.

Нейджер продолжал рассказ:

— Я служил разведчиком, и все навыки у меня сохранились. Местные не заметили меня, они даже не подозревали, что я прячусь неподалёку. Они проходили рядом, а я отмечал их тропы. Но никто из них не заметил меня. А потом я увидел топтер, и он был наш! Его появление не оставляло от истории Дина, что мы на планете, принадлежащей Ксику, камня на камне; я решил, что наши ребята высадились здесь и почистили всё.

Так вот, когда я увидел топтер, я побежал к нему. Но

едва он опустился, как по нему стали лупить огненными шарами. Я не мог подойти, пока весь этот кошмар не кончился. Топтер сгорел дотла, рядом валялся труп пилота... А я так надеялся выбраться отсюда! Мне было тошно, так тошно, что я решил — пусть хоть кто-то из людей будет со мной, и отправился искать Дина. Мне пришлось очень долго плутать по пещерам. Ещё дважды я побывал в машинном зале. Только там не было никого. Ты, Шторм, представить себе не можешь, какие там внизу длинные туннели и переходы, какое множество пещер и больших помещений. Там столько диких вещей, совершенно непонятных. Я смотрел на них и думал: может быть, я, как и Дин, свихнулся, и мне всё это мерещится.

Но сам Дин больше не попадался на моём пути до той самой ночи, когда с горы снова принялись стрелять молниями. Тогда я увидел этого аборигена, — Нейджер указал на Горгола, — он шёл с большой кошкой и птицей. А Дин — я заметил его издали — наводил на них какую-то трубу. Я показал этому парню, что на них охотятся, что надо спрятаться. Там поблизости как раз проходит очень удобное ущелье, ведущее прямо сюда.

— Что же было дальше?

— Ну, мы спрятались в том ущелье, а проклятые прирученные молнии падали совсем рядом. Всё вокруг плавилось. Начался камнепад, лавина полностью запечатала ущелье, да и нас изрядно помяло. Так мы спаслись, но были побиты так сильно, что несколько дней почти не могли двигаться. К счастью здесь есть источник воды и растут какие-то съедобные фрукты. Птица, между тем, попыталась улететь отсюда, но не смогла. По-моему, надо всей этой долиной что-то вроде защитного экрана. Потом куда-то исчезла кошка. Мы надеялись, что она нашла выход отсюда. Потом пришёл ты. Вот и всё.

— Понятно, — сказал Хостин. В рассказе Нейджера был один обнадёживающий пункт. Все пассажиры космошлюпа прошли по спиральному переходу, но не все попали в

один и тот же пункт — в машинный зал. Значит, Логан вполне мог находиться где-то ещё, живой и здоровый. Хостин повернулся к Нейджеру:

— А если ты попадёшь в пещеры, то сумеешь отыскать дорогу в машинный зал?

— Не знаю, — ответил Нейджер. — Честно, не знаю. Хостин обратился жестами к Горголу:

«Есть ли отсюда выход через горы?»

«Мы можем посмотреть — но не можем пройти, — ответил Норби. — Взгляни сам».

Он подвёл Хостина к обрыву, который начинался чуть ниже расщелины, послужившей недавно лазом наружу для Хостина и Сурры. От вида жуткой глубины закружилась голова. Никакой верёвки не хватило бы, чтобы достать до дна пропасти. Чуть выше, рядом с другой вершиной дорога была засыпана крупными обломками.

«Гора обвалилась, — пояснил Горгол. — Здесь мы тоже не пройдем».

От обрыва была хорошо видна другая долина. Она была совсем выжжена, а здесь зеленела трава и солнце не было таким беспощадным. То есть, некий защитный барьер над этой долиной действительно существовал.

Хостин сопоставил рассказанное Нейджером с тем, что знал сам. Горгол с интересом воспринял его рассказ «на пальцах» и, кажется, не удивился сказанному.

«Если Юкурти говорит, что поведение Верховного Выбивающего-Гром несправедливо, то Кротаг и воины Кротага обязаны выслушать Юкурти. Он несёт мудрость, и мы обязаны слушать голос его Грома. Надо рассказать Кротагу, что некто, чей разум помутился, использует магию Древних, ушедших в Запечатанные Пещеры, для своей выгоды. Кротаг поймёт, что это правда, что безумец ворует магию в корыстных целях. Кротага послушают остальные кланы, они не станут прислушиваться к фальшивому голосу самозванного Выбивающего-Гром».

«Но как доказать Норби, что Верховный Выбивающий-

Гром — самозванец? — возразил Хостин. — Ведь его Гром слушают племена. По его повелению племена выступили на тропу войны с равнинными поселенцами. Если самозванногого Выбивающего-Гром не станет, значит ли это, что не будет войны между твоим и моим народами? Ведь недоверие всё равно останется. К тому же у нас нет возможности найти его и доказать, что он человек, а не Норби».

«Это так, — согласился Горгол. — Когда стрела выпущена, можно ли вернуть её в колчан? И ещё. За пределами этой маленькой долины царит Великая Сушь. Мне известны секретные источники воды. Но их не так много, чтобы наш отряд выдержал переход по горам до предгорий Пикс. Нужно будет идти от одного источника до другого, это сделает путь непрямым и многодневным. Если даже мы выйдем в путь сейчас же, идти придётся очень долго».

И Горгол растопырил пальцы, показывая, сколько дней придётся идти.

«Когда ты доберёшься до Кротага, выслушает ли он тебя?» — спросил Хостин.

«Горгол — воин, носящий шрамы сражений. У Горгола есть право голоса перед кланом. Кротаг выслушает меня».

«Тогда, если мы выберемся отсюда и попадём на ту сторону горы, где ты сможешь встретиться с Кротагом и Юкурти?»

«Меня выслушает не только Кротаг. За Кротагом пойдёт Кустиг из клана Йориса, за Кустигом пойдёт Данкгу, из тотема Ксото».

«И если все они выслушают тебя, то Шошонна могут сломать шесты мира и заявить, что они в войне участвовать не будут».

«И тогда за ними пойдут Варпт на севере и Глуссак на побережье».

«И созданная Дином армия будет расколота!» — обрадовался Хостин. Однако лицо Горгола оставалось бесстрастным.

«Но в этом случае война всё равно может начаться. Ведь Норби, живущие в Синем Секторе, встанут на защиту своих святынь».

«Тогда нужно доказать им, что Дин — самозванец, а не Выбывающий-Гром».

«Да. И для этого нужно сделать вот что. Я найду Норби из клана Замля. А ты разыщешь человека, осквернившего Верховную магию».

«То есть, нам придётся вернуться и снова пройти через гору и пещеры», — подвёл итог Хостин.

Далее военный совет проходил уже при участии Нейджера. Хостин переводил ему жесты Горгола и наоборот, переводил Горголу слова Нейджера. Сурра и Баку отдыхали поблизости на зелёной траве. Нейджер вызвался провести отряд сквозь горные лабиринты, ведь у него было время разведать этот путь. Они поели фруктов с неизвестного дерева и Хостин заснул, положив голову на пушистый бок Сурры. Под кошачье мурлыканье он окончательно успокоился и спал крепко, как не спал уже давно.

Его разбудил Горгол. Настал вечер. Через трещину, которую обнаружила Сурра, отряд пополз к туннелю. Хуже всех пришлось Баку: она никак не хотела лезть в расщелину, и Хостину пришлось взять её на руки и вместе с нею протискиваться через узкий лаз. Баку протестующе клекотала и пыталась вырваться. Хостину удалось повлиять на неё только тем, что он попытался внушить ей, что они уходят навсегда и в долину больше не вернуться, и что надо идти вперёд всем вместе по единственно возможному пути. Баку повиновалась, и когда они достигли туннеля, где можно было встать в полный рост, спокойно уселась на плечо Хостина, посверкивая в темноте жёлтыми глазами. Сурра как всегда неслышно шла впереди, разведывая дорогу.

Так они и добрались до места, где Дин исчез в никуда. Нейджер оживился: он узнал этот проход, он бывал здесь.

— Вот сюда! — указал он, хватая Хостина за руку.

Хостин позвал Сурру. Отряд свернул в сторону, в узкий туннель. Теперь вёл Нейджер. Хостину все эти переходы и повороты казались одинаковыми, но он доверял Нейджеру, ведь тот имел подготовку разведчика-первопроходца и находить дорогу было его специальностью.

Нейджер уверенно поворачивал из одного перехода в другой, словно следуя за невидимым указателем. Они миновали несколько небольших пещер и остановились в объёмистом подземном помещении, куда сверху проникал свет.

— Разлом, образовавшийся после обвала, — пояснил Нейджер. — Это естественная пещера, она ведёт на открытое место в горах.

Хостин искал выступ на скале, чтобы начать подъём к разлому, когда раздался крик Нейджера. Хостин обернулся и глянул на него в свете фонаря, который держал Горгол. С искажённым от бешенства лицом Нейджер метнулся к Хостину, и припечатал его к стене.

Хостин как мог уклонялся от ударов, ведь разведчики могут убить в рукопашном бою. Тут потух фонарь и стало абсолютно темно.

— Предатель! — хрипел Нейджер, вцепившись в горло Хостину. — Грязный ксиканский шпион! Тварь!

Он вдруг осёкся и обмяк. Хостин хватал ртом воздух, Нейджер умело наносил удары, метя в жизненно важные центры, и сейчас Повелитель Зверей с трудом приходил в себя. Что-то пушистое потёрлось о ногу Хостина. В зубах у кошки был выпавший фонарь. Хостин включил его.

Горгол стоял, обхватив рукой горло Нейджера, который ещё сопротивлялся, на глазах слабея.

«Не убивай его», — сделал знак Хостин.

Горгол ослабил хватку. Однако он не отпустил Нейджера окончательно. Тот пришёл в себя и хрипло застонал.

— Почему ты напал на меня? — спросил Хостин.

— Ты же сказал... мы на планете поселенцев... война кончилась... Ксик разбит... А я слышу, как работает поисковый маяк! — закончил он.

Хостин озадаченно глянул на Нейджера. Тот, несомненно, говорил правду. Подразделения разведчиков готовят по специальной программе. Эти парни могут улавливать малейшие колебания высокочастотных излучений, им имплантируют специальные датчики, чтобы они всегда могли найти дорогу к базе. И если Нейджер говорит, что где-то работает такой маяк, значит, так оно и есть. Хостин знал, что ближайшие маяки расположены в Гальвади и в Порту. Разве что Келсон или кто-то другой добрались до Синего Сектора.

— Я не лгал тебе, — сказал Хостин. — Просто мы, похоже, опоздали. Наверное, сюда движется Патруль.

Глава 17

— Теперь на запад, — указал направление Нейджер.

Хостин отдал приказ Баку. Орлица взлетела и скрылась в небе. Наконец-то она могла порадоваться свободному полёту. В долине, накрытой невидимым колпаком, летать ей было негде. Паря в небе, орлица оглядывала окрестности. А Шторм слушал её мысли.

Баку обнаружила отряд, ставший на дневную стоянку в специальном укрытии из сваленных в кучу камней. Хостин сообщил об этом Горголу и спросил:

«Сумеет ли мы дойти до них, пока не началась дневная жара?»

Горгол сомневался, потому что не знал, как далеко расположена та расщелина. Нейджер уверял, что чувствует излучение их поискового маяка, и что до них не более пяти миль. Но пройти пять миль по безводным иссушённым горам — это совсем не то, что совершить пятимильную прогулку по равнине.

«Но если эти люди успеют войти в Синий Сектор, то все племена объединятся против них, — напомнил Горгол. — И тогда нам не удастся расколоть племена».

«Да, это так. Но если ты пойдёшь к своему племени, а

я — к своему, то, может быть, мы сумеем урезонить их до того, как стрелы запоют песню войны. Может быть, у твоего племени и у моего найдутся мудрые люди, желающие мира».

Горгол взобрался на высокий камень и осмотрел дорогу вдали. Он прожестикуюлировал:

«Для меня этот путь не будет трудным. Но для вас он может оказаться непреодолимым. Вам решать».

— Что будем делать? — Хостин обернулся к Нейджеру. — До темноты они будут отдыхать, а потом двинутся дальше. У них наверняка есть свои разведчики, иначе бы ты не уловил сигналов маяка. Как только они войдут в долину, Дин обязательно обстреляет их, едва обнаружит присутствие чужаков. Это и послужит сигналом к началу войны.

— Что же делать?

— Полагаю, надо дойти до них, пока не наступил вечер и они не вышли.

Может быть, их решение было неверным. Может быть, надо было отправляться искать Дина в его подземных лабиринтах. Но во-первых, нет никакой уверенности, что Дин дастся в руки живым и вообще будет найден, а во-вторых, столкновения в долине и война на равнинах начнутся, как только Норби обнаружат, что в Синий Сектор вновь проникли чужаки.

Нейджер вытер ладонью потное лицо:

— Без меня вы их не найдёте.

— Меня доведут Сурра и Баку, — на всякий случай сказал Хостин. Вообще-то Нейджер был прав: именно разведчик, улавливающий луч маяка, выберет самый короткий путь.

Нейджер поправил ремень с подвешенной к плечу фляжкой:

— Давайте поторапливаться. Если, конечно, мы хотим дойти.

Они обогнули очередную скалу. Хостин помахал рукой

Горголу. Тот спускался по скале чуть ниже. Ему предстояло идти в другую сторону — в деревню Выбивающих-Гром. Там Горгол отыщет Юкурти и Кротага, или, если они уже ушли, других воинов клана. И расскажет им о лже-Барабаншике. Если, конечно, клан Замля ещё не вышел на тропу войны.

Утро ещё не перешло в день, и жара была вполне переносима. Хостин посмотрел на поднимающееся всё выше солнце. Два или два с половиной часа ещё можно будет идти. При удачно сложившихся обстоятельствах после захода солнца можно будет двигаться ещё около часа. Но вечером отправятся в путь те, с кем Хостин хотел встретиться, пока их не увидели Норби. Так что надо спешить, не рассчитывая на лишний час ходьбы вечером.

Так они и шли вперёд. Солнце поднималось всё выше, Нейджер и Хостин двигались перебежками от одной тени до другой. Сурра не ждала людей, она рыскала впереди, но оставалась в мысленном контакте с Хостином. В очередной раз остановившись отдохнуть и отдышаться в тени нависающей скалы, Хостин спросил Сурру, далеко ли ещё до той расщелины, где укрылись незнакомые люди. Но Сурра не знала точно. Перед ними лежала голая выжженная поверхность. Точно такой она и виделась от Запечатанных Пещер.

Нейджер вдруг указал вправо:

— Луч стал мощнее! Идём туда!

Бежавшая вдали Сурра тоже отозвалась: она учуяла лагерь.

Они увидели расщелину, а в ней — укрытие наподобие того, что строят Норби и поселенцы-охотники в предгорьях Пикс: нагромождение камней над углублением в земле, в котором вполне можно пересидеть дневную жару. Сурра забыла об осторожности и приветственно заурчала.

Хостин бросился вперёд и откинул шкуру, закрывавшую вход в укрытие. Из-за неё показался офицер Корпуса Мира Келсон.

— Шторм! Мы знали, что ты идёшь. Баку прилетела несколько минут назад, — Келсон махнул рукой в сторону идущего позади Нейджера. — Это Логан с тобой? Пусть подойдёт ближе, что же он?

— Это не Логан.

Нейджер, Хостин и Сурра вошли в укратие. Там царил полумрак.

Место для лагеря было выбрано с умом, углубление в земле соединялось с пещерой. Но у Хостина не было времени рассматривать его, он оказался лицом к лицу с Брэдом Куэйдом.

— Где Логан?

Хостин задавал себе такой же вопрос вот уже вечность, с тех самых пор, как потерял брата во время перехода по спирали. Единственное, что подогревало тлевшую в нём надежду, так это рассказ Нейджера: не каждый, прошедший по переходу, попадает обязательно в машинный зал. Скорее всего Логан где-то в туннелях. Только бы он был жив...

— Не знаю.

— Но ведь вы были вместе?

— Да, но не всё время.

Келсон похлопал Хостина по плечу:

— Шторм! Твоё сообщение было принято нашими ребятами.

Все опасения Хостина, все его страхи оправдались, и его словно прорвало:

— Так какого дьявола вы потащились в Синий Сектор! Вы же сами спровоцируете эту войну! — его просто колотило от ярости. Его колотило от злости на всю эту планету, на неуловимого Дина, на пещеры и туннели, на древнюю технику. Ему хотелось зарычать, как это делала Сурра в моменты отчаяния. В ту же минуту раздалось ворчание Сурры и клёкот Баку. Кошка и орлица почувствовали состояние своего хозяина.

Хостина усадили на тюк, служивший сиденьем. Его

усталое тело не подчинялось ему. К губам кто-то поднёс фляжку с водой, и он жадно стал глотать.

— Послушай, малыш, — ласково заговорил Брэд Куэйд, — неужели ты думаешь, что мы начнём заранее безнадежное дело? У нас высланы разведчики, они докладывают, нет ли опасности со стороны Норби. Да никто из нас и не собирался идти в долину. Так что не волнуйся, а лучше расскажи, что там, по-твоему, происходит?

Этот спокойный, сильный голос подействовал на Хостина умиротворяюще. Куэйд обтирал ему лицо и грудь жидкостью, запах которой вернул Хостина к спокойным дням его прежней жизни.

И землянин собрался с силами и рассказал всё, что знал, а потом указал на Нейджера:

— Он здесь пробыл дольше и знает больше нас.

Нейджер ответил на вопросы Келсона и Куэйда.

— Так, — задумался Келсон. — Значит, всё дело в этом самом Дине. Сумасшедший гений-технарь освоил древние устройства обитателей Запечатанных Пещер. Господи, да если он доберётся до их арсенала, не понадобится никаких бомб Три-Икс, чтобы уничтожить Арзор!

— Вы уже вызвали Патруль? — спросил Хостин.

— Официально — нет. Просто захватили с собой несколько тренированных вояк. Но, может быть, теперь, в свете новых сведений, Консул несколько образумится. На этой планете нужно было учредить Патрульный пост ещё пять, а лучше десять лет назад.

— Но это расценили бы как нарушение прав наций, — напомнил Куэйд.

— Нарушение прав, нарушение прав! Никто не собирается нарушать права Норби. По крайней мере, я не собираюсь, и, как мне кажется, вы тоже. Правда, некоторые в Пикс на это смотрят по-другому, но всё же, думаю, здесь нужен контроль за взаимоотношениями между Норби и людьми. Такая контролирующая организация должна была бы появиться на Арзоре с самого начала. В прошлом

году я предлагал создать её, но налогоплательщики не захотели. А будь у меня ребята для такой работы, они обнаружили бы десант с Ксика в два счёта.

Ты говоришь, Шторм, что Юкурти против того, к чему подстрекает Дин, что воины Кротага должны будут выслушать Юкурти и повернуть по домам. Это хорошо, мы ценим миролюбие кланов. И не будем нарушать права тех, кто не нарушает наши права. Не думай, что я тихо сижу в Гальвади и ничего не знаю. Но сейчас мы в очень трудной ситуации. Если и вправду придётся вызывать Патруль, чтобы выкурить отсюда этого Дина...

Келсон не стал говорить, что будет тогда. Все и так знали.

И люди-поселенцы, и Норби получают по всей планете надсмотрщиков, которых раньше не было, комендантский час и чувство общей несвободы.

— Сколько у нас времени до того, как большие шишки наверху зашевелиятся? — спросил Хостин.

— Это зависит от того, как быстро Дин поднимет племена на войну против людей. Как только наши разведчики сообщат, что из Синего Сектора в направлении равнин выступили вооружённые Норби, мы вынуждены будем останавливать перемещение воинов. Но мы не располагаем достаточными силами, чтобы остановить Норби.

— Вооружёнными силами, — уточнил Хостин. — Дин влияет на умы Норби, потому что те верят в магию, потому что Норби повинуются указаниям Верховного Выбивающего-Гром. Наверняка Норби, живущие в Синем Секторе, пользуются некоторыми устройствами, оставшимися от древних обитателей Запечатанных Пещёр. Тот же контроль погоды действует по сей день, значит, механизмы этого контроля работают. И потом, я видел, как Главный Барабанщик проводил ряд трюков с неизвестными устройствами во время обряда жертвоприношения. Это была не арзорская техника, и Барабанщик вряд ли понимал, поче-

му она так действует, он просто считал это проявлением магии. Дин только усилил веру Норби в магию, а окрепшая вера сделала его неприкосновенным для них, ведь в их глазах он высший из всех владеющих магией.

— Значит, первым делом надо нейтрализовать Дина, — сказал Келсон.

— Однако его нельзя убивать, — вмешался Куэйд, и Хостин согласно кивнул. — Исчезновение Дина только усилит веру Норби, и само по себе сможет послужить поводом к войне, так как Норби посчитают, будто у них отняли главную святыню. Дина должны разоблачить сами Норби.

— Но это же невозможно! — запротестовал Келсон.

— Возможно, Юкурти сумеет убедить воинов клана Земля, — раздумывал Куэйд. — Кроме того, сам Дин может выдать себя. Нужно попытаться выманить его, пока он считает себя неуязвимым и спровоцировать его на некое действие, которым он выдаст своё самозванство перед Норби.

— Надо разыскать его в машинном зале, — сказал Хостин.

— Да, надо найти его там.

— Но туда сложно добраться. Большое число переходов по запутанным пещерам и туннелям. А Дину известны точки внепространственных переходов, которые неизвестны нам, — Хостин понимал невыполнимость такой задачи, но он также понимал, что другого пути нет. Нужно захватить Дина в машинном зале, там, где Норби ни за что не появятся из-за табу. Тогда у людей будет время продумать, как разоблачить Дина перед Норби.

К Нейджеру обернулся Брэд Куэйд:

— А ты сумеешь найти дорогу в машинный зал?

— Попробую. Но Шторм правильно сказал о долгих переходах в подземных туннелях. Там легко заблудиться.

— И всё же придётся выйти в путь, как только жара спадёт, — решил Келсон.

— Вам, Келсон, придётся остаться, — внёс коррективы Брэд Куэйд. — Выйдем в пещеры мы. А вы будете посылать сообщения вооружённому отряду. Не останавливайте меня, прошу вас. Вы, Джон, уполномоченный офицер, вам и надлежит распоряжаться ракетами и ракетчиками. Они больше никого и не послушают. А я для них обычный ковбой, пасущий стада якобыков. Так что, если Нейджер согласен отвести нас в машинную пещеру, надо идти.

Нейджер опустил глаза. Ещё не услышав его ответа, Хостин уже знал, что тот хочет сказать. Переживший кошмар нескольких месяцев скитаний по Синему Сектору в качестве непойманного беглеца, Нейджер вдруг получил шанс прекратить этот ужас и выбраться отсюда. В перспективе даже появилась возможность попасть наконец-то домой. Впрочем, Нейджер тоже потерял дом — ведь Земля больше не существовала...

Нейджер вытер руки о ключья одежды.

— Хорошо, — сказал он, — я проведу вас. Но нет никакой гарантии, что мы разыщем Дина.

— Это понятно. И всё-таки, спасибо за согласие помочь в поисках.

Келсон принялся энергично собирать поклажу для похода. Он выносил из укрытия упаковки с таблетками энергетического рациона, комплекты униформы, станнеры, другое оружие.

Хостин прилёг вздремнуть и проспал весь остаток дня. Куэйд больше не спрашивал о Логане, но было ясно, что думает он только о сыне. И во сне Хостин искал Логана, и никак не мог догнать его, уходившего по спиральному переходу. Хостин проснулся, чувствуя себя виноватым. Ну почему он, совершенно позабыв о брате, поспешил тогда по странной спиральной дорожке? Почему не позвал Логана, не приказал идти следом? Он спрашивал себя и не находил ни слова в оправдание.

Баку оставили с Келсоном. Она должна была осуществлять связь постов разведчиков с координатором —

Келсоном. Сурра, наоборот, нужна была для отыскивания дороги, по которой Хостин с Нейджером пришли в маленькую долину через горные туннели. Сурра была готова к работе. Она помнила взрыв отчаяния Хостина и хотела помочь ему избавиться от гнетущей неопределённости. Они снова были на войне. Они должны были выполнить боевую задачу, и время было их противником.

Они уже входили в тёмный туннель. Хостин погладил Сурру между ушей.

«Ищи, ищи!» — он вызвал в памяти облик Дина и ощутил, как мурлыканье Сурры сменилось ворчаньем. Она была готова к работе. Неизвестно, чем обернётся их поход к машинному залу, кто кого поймает на этой охоте. На их стороне нет ничего, кроме веры в удачу. А на стороне Дина магия и мощь машин. Хостин обратился к Нейджеру:

— Теперь надо искать дорогу в главный туннель.

— Насколько я знаю, здесь много главных туннелей, — отозвался Нейджер. Его голос был не слишком оптимистичен.

Сурра не бежала впереди, а ступала рядом с Хостином, и тот доверял кошачьему чутью больше, чем способности Нейджера находить дорогу. Когда Сурра замерла, Хостин сделал остальным знак остановиться.

Куэйд, знающий как Сурра предупреждает об опасности, стоял неподвижно. А Нейджер недоумённо оглянулся:

— В чём дело?

Хостин знаком приказал ему замолчать. Поведение Сурры было таким же, как в момент исчезновения Дина прямо в туннеле. Хостин понял, что где-то рядом точка внепространственного перехода.

Кошка, склонив голову, казалось, вслушивалась в недоступные человеческому уху звуки. Хостин включил фонарь на полную мощность и провёл лучом по полу и стенам туннеля. Нигде не было видно никаких отметок. Но Сурра продолжала прислушиваться. Вот она подняла мордочку вверх, привстала на задние лапы и заворчала. Хостин тут же направил луч вверх.

Вот оно что! Там, наверху, проходила спиральная чёрная дорожка! Только эта спираль была перевёрнутой и было непонятно, как по ней идти: человек же не может идти вниз головой.

— Это оно? — прошептал Брэд Куэйд.

— Да. Только я не знаю, как мы...

И вдруг Хостин понял, что знает! Он встал прямо под спиралью и дотронулся ладонью до внешней стороны дорожки. Там, в долине, ступая впервые на такую дорожку, Хостин ещё не знал, как завораживающе она действует. Но теперь он не дал себе забыть о тех, кто рядом с ним.

— Мы пройдем по переходу, — прошептал он Куэйду и Нейджеру. — Я покажу, как это сделать.

Сурра потёрлась об его ногу. У Сурры не было рук, чтобы держаться за чёрную спираль. Но оставить кошку в туннеле они не могли. Хостин отдал фонарь Куэйду и подхватил Сурру. С Суррой в одной руке, другой прикасаясь к спирали, он шёл на цыпочках, виток за витком. Его пальцы дошли до центральной точки. И темнота... И ужас от полёта в никуда...

Вокруг засиял свет. Хостин понял, что стоит на подиуме около пульта управления в машинном зале. Сурра сползла с его рук и, сморщив нос, угрожающе зарычала, обернувшись в сторону ближайшего прохода между рядами машин.

Глава 18

Хостин вытащил станнер. Сурра передала ему, что среди рядов машин идёт охота. И охотились на их друга. Но кто же там? Может быть, Горгол привёл своих, они преодолели страх перед клановым табу, проникли в зал и стали дичью? Или это Логан?

Сурра прыгнула с подиума и скользнула в щель между двумя установками. Хостин — за нею.

Кроме обычного машинного гула он различил новые звуки, какое-то металлическое тиканье, не похожее на

глуховатые удары барабана. Сурра крадучись пробиралась вдоль установок, шерсть у неё на загривке стояла дыбом. Хостин смог уловить, что Сурра не считает живым существом то, что она сейчас выслеживала. Но тогда что же там такое? Очередной призрак?

Хостин снова услышал необычное ритмичное тиканье-постукивание. Что-то блестящее метнулось из-под одной машины под другую. На призрак это было совсем не похоже. Хостин чуть повернулся и еле успел отклониться от напавшего сзади. Это уж точно была гуманоидная форма жизни.

— Логан!

Да, это был Логан, столь же разъярённый, как и Сурра, оскалившийся в гримасе ненависти, готовый убивать. Бросок Логана не достиг намеченной жертвы. Логан проскочил на шаг вперёд, обернулся и узнал Хостина. Он отрывисто вздохнул, попробовал улыбнуться, но вместо этого, указывая за спину Хостина, закричал:

— Сзади! Вот она!

Туда же, куда показывал Логан, бросилась рычащая Сурра. И откатилась клубком, будто её ударили. Теперь стало хорошо видно, что же там такое. Длинная серебристая лента извивалась по полу. От неё исходили почти физически ощутимые волны ненависти. Один конец ленты приподнялся и с шипением нацелился на людей.

— Бей! Скорее! — закричал Логан.

Хостин выпустил в змею полный заряд. Змея взорвалась ослепительной вспышкой.

Логан истерично рассмеялся:

— Всё, убили гада!

— Откуда здесь змеи? — недоумённо спросил Хостин.

— Это не змея. Это ползающий механизм. Живая машина, сделанная наподобие змеи.

Логан подошёл к дымящимся металлическим сегментам на полу и пошевелил их носком ботинка. Металл со звяканьем развалился.

— Я от них прячусь уже несколько часов, — сообщил он Хостину. — Здесь их, между прочим, несколько, надо быть начеку. Но во имя Семи Солнц, откуда ты взял станнер?

— Я привёл подкрепление.

С этими словами Хостин вспомнил о Нейджере и Брэде Куэйде. Где же они? Или они прошли по спиральному переходу, но попали в другое место?

— Послушай-ка! — сказал он Логану, отводя его от дымящихся останков «змеи». — Я хочу тебя спросить про тот переход, в долине, когда я ушёл по спиральной дорожке. Разве ты не пошёл тогда следом за мной?

— Пошёл. Ты растаял прямо на глазах. И я без колебаний пошёл следом.

— И куда ты попал?

— О, это было ещё то местечко! Я даже и не подозревал, что такие бывают на свете. Настоящее чёртово логово. Что-то вроде казармы со множеством отсеков. И я там столкнулся с одним типом, которому не понравилось моё появление. Он там вроде хозяина. И он гонялся за мной все эти дни — сколько же дней прошло-то? Но я всё-таки удрал и спрятался в пещерах, а этот парень наслал на меня своих заводных змеёнышей. Я бросал в них камни. Одну, между прочим, в реку спихнул. Там, где я прятался, текла река.

Над головой братьев прогрохотало:

— Эй ты, ворюга!

Братья оглянулись. Вокруг никого не было.

— Можешь прятаться, если тебе так хочется. От меня всё равно не спрячешься. Мои ленточки всё равно пригонят тебя ко мне. У них приказ. Но, может быть, ты уже набегался и придёшь сам?

Сурра никак не прореагировала. Значит, Дин говорил не рядом. Может, он использует какое-то устройство наблюдения?

Голос из пустоты продолжал вещать:

— Не трать время, слышишь, вор! У тебя под рукой

только камни. А у меня настоящее оружие. Хочешь, я пришлѣпну тебя целой горой? Я сделаю это, если захочу.

Над машинным залом пронёслась молния.

Дин считает, что у Логана по-прежнему нет оружия, кроме камней. Значит, Дин не видит, что делается в машинном зале. Значит, ему неизвестно, что здесь уже Хостин и Сурра.

— Советую поторопиться, — вещал голос свыше, — и не злить меня. А то мои ползучие крошки зададут тебе по полной программе. Считаю до пяти. Или ты хочешь быть мёртвым героем? Ну, выходи к пульта управления, слышишь? Я начинаю считать. Раз, два...

Логан на языке жестов передал:

«Пойду к нему. Отвлеку внимание».

«Хорошо. Слева зайдёт Сурра, а я — справа».

— ...три, четыре...

И Логан, скрестив пальцы на удачу, шагнул в проход между машинами, так, чтобы его стало видно от пульта управления. Дин уже ждал его.

Хостин пробирался по параллельному ряду, прячась за машинами. К тому же следовало остерегаться заводных змей.

На пульте управления радужно переливались экраны. Дин стоял рядом, и видно было, как он доволен собой. Хостин подозревал, что у Дина под рукой наверняка припрятано что-то наподобие генератора стасис-поля или чего-то в этом роде.

— Ну что, вор! Не удалось убежать?

— Я никакой не вор! — с жаром возразил Логан. — Я тебе уже говорил. Я не знаю, как попал в то помещение, где был ты. Понятия не имею, как меня туда занесло. И всё, чего я хочу — это выбраться отсюда.

— Ну, если ты не успел ничего украсть, это не значит, что ты не хотел этого сделать. Неужели ты не хочешь украсть у меня секреты управления этими машинами? Держу пари, ты потратил бы годы, чтобы овладеть этой

мощью. Но я ни с кем не намерен делить свою власть. Я — Повелитель Грома, Господин Молний. Так называют меня туземцы. И они правы. Эта планета — моя. Объединённым силам двадцати систем Конфедерации потребовалось десять лет, чтобы расправиться с Ксиком. Я был среди тех, кого после победы отправили в их Генеральный Штаб на Райбо разбираться в их секретах. И там было, чему поучиться! Но по сравнению с тем, что я нашёл здесь, это всё детский лепет! И всё это ждало меня, меня одного, а ты пришёл и хочешь всё украсть?!

Хостин ускорил шаг, держа контакт с Суррой.

— Так почему же ты не приказал своим заводным змеям или ручным молниям сразу убить меня? — тянул время Логан.

Дин был рад поговорить. Он соскучился по аудитории.

— Некуда торопиться. Я всего лишь хочу запереть тебя где-нибудь в безопасном месте. А то ты обязательно влезешь в какое-нибудь приключение и помешаешь выполнению моих планов.

Логан уже подобрался к самому пульта.

— Твои планы — завладеть Арзором, а потом и другими мирами? Идея не нова. Посмотри, что стало с Ксиком.

На пульте лежал круглый генератор стасис-поля. Другого оружия Хостин не разглядел. Дин обвёл рукой пространство машинного зала:

— Те, кто создал эти машины, располагали знаниями и силой, с которыми не сравниться ни Конфедерации, ни Ксику. Эти мудрые существа предвидели, что когда-нибудь обязательно наступит их конец. И они создали что-то вроде склада. Все их знания хранятся здесь.

Дин поднял шар генератора. Хостин выстрелил, но, видимо, промахнулся. Дин на секунду смешался, Логан бросился на него и замер, попав в стасис-поле.

Хостин не отважился выстрелить во второй раз — луч мог задеть приборы на пульте и не известно, чем бы всё кончилось. Следовало дать возможность Сурре проявить себя.

Кошка выскочила из укрытия и бросилась на Дина. Но наткнувшись на невидимую преграду, Сурра отлетела и, распластавшись, упала на пол.

Прижавшись спиной к панели пульта управления, Дин ухватился за рычаг. Сурра колотила лапами по невидимой преграде, яростно шипела и ничего нельзя было сделать. Впрочем... Хостин приблизился к пульту с другой стороны, пока внимание Дина было привлечено к кошке.

Там он протянул руку к нижней части пульта, утыканной лампочками и рычажками:

— Только попробуй, Дин! Я тоже тут кое-что включу!

Дин обернулся к Хостину. В глазах технаря светилось невыразимое безумие. Землянин вовсе не был уверен, имела ли его угроза какую-нибудь почву под собой. Приходилось рассчитывать на удачу.

— Куда ты лезешь, идиот! Это — смерть!

— Не сомневаюсь, — ответил Хостин. — Но лучше погибнем мы, чем целая планета, — очень красиво прозвучало, но не хотелось бы, чтобы это случилось. — А теперь освободи, пожалуйста, моего друга от стасис-поля.

Надо было сбить Дина с толку. Дин не шевелился. Хостин протянул руку ближе к пульту. Дин, увидев это, закричал:

— Что ты делаешь! Ты хочешь обрушить на нас гору? — и он швырнул генератор стасис-поля в проход. Теперь Хостин мог снова стрелять из станнера и их работа будет сделана.

Но тут он почуял движение воздуха, сзади что-то происходило. Он оглянулся. На подиуме рядом с пультом возникли две фигуры. Логан вскрикнул, узнав отца. Хостин почувствовал, как что-то обожгло ему руки и грудь. Станнер упал на пол.

А Дин опять сбежал, он теперь мелькал за установками. Сурра метнулась за ним. Хостин покачнулся, но устоял на ногах. Он увидел, как Сурра упала, наверное, Дин сумел поднять генератор стасис-поля.

Куэйд промчался мимо. Однако Логан опередил его, на секунду замер и опытной рукой метнул что-то в Дина. Раздался вопль.

Хостин плохо воспринимал окружающее. Его руку и грудь раздирала грызущая боль. Он осел на пол и тупо смотрел, как Логан и его отец тащат брыкающегося Дина. Логан держал в руке то оружие, которым он поразил Дина: рог, оторванный им от черепа в пещере с загонами.

В это время пульт ожил, светящиеся трубки стали менять цвет. Дин вдруг перестал вырываться, его лицо приняло выражение человека, озабоченного техническими неполадками в своей епархии.

— Объясни, что это значит? — потребовал Брэд Куэйд.

— Не знаю я, — огрызнулся Дин.

Подоспевший Нейджер помог Хостину подняться. Хостин не ошибся, и Сурра подтвердила его опасения: эти изменения на пульте были не к добру.

— Надо поскорее выбираться отсюда, — сказал Хостин.

Три пары глаз смотрели на него. Сурра стояла рядом.

— Ты знаешь, что это значит? — на этот раз Куэйд спрашивал не Дина, а своего пасынка.

— Не знаю, — повторил Хостин ответ Дина. Тем не менее в нём росла паника, подобная той, что охватила его в долине, когда они с Логаном сражались с тенями.

Логан шевельнулся:

— Ладно.

— Ты сам напророчился, — Куэйд дёрнул Дина, и тот снова начал ожесточённо отбиваться.

Нейджер тренированным ударом коммандо бросил его на пол. Дин обмяк. Между тем индикаторы на пульте вместо ровного розового загорелись тревожным бордовым. Всё больше лампочек оживало на пульте.

Они сгрудились на подиуме, Дина под руки держали Куэйд и Нейджер. Хостин попытался поднять руки, но они его не слушались. Тогда он сказал Логану:

— Разведи руки и хлопни ими.

Всё завертелось перед глазами.

И они очутились у выхода из пещеры. Вокруг них снова гудело, но теперь это были не машины. Били барабаны. Где-то совсем рядом были Норби.

Люди не могли выбраться из пещеры, пока Норби совершают свои ритуалы. Сурра тоже не выказала желания продвигаться к выходу. Там было опасно. И всё-таки Хостин, который уже как-то раз наблюдал за Дином от этого же входа, пробрался к знакомой скале и выглянул из-за неё, стараясь разглядеть в подступающих сумерках, что происходит снаружи.

На небе собирались громадные тяжёлые пурпурные кучевые облака. Если бы сейчас не стояла Великая Сушь, Хостин сказал бы, что вот-вот начнётся страшный ливень. Под пылающим небом в долине стояли ряды Барабанщиков, за ними выстроились вожди кланов и лучшие воины. Прямо перед ними стоял Юкурти.

Нейджер и Куэйд, державшие всё ещё тихого Дина, потом Логан и Хостин. Пять человек вышли к собравшимся Норби. Собрались ли они, чтобы освободить своего Повелителя Грома? Логан сделал жест мира.

Ряды воинов не дрогнули. Никто из Барабанщиков не прекратил бить в барабаны. Секунды складывались в минуты, и Хостин ощутил, как этот ритм притупляет чувства. Куэйд и Нейджер, словно загипнотизированные, отпустили Дина, и тот, двинувшись к рядам Норби, остановился рядом с Юкурти. Хостин попытался сдвинуться с места и обнаружил, что не может сделать ни шагу.

Дин дотронулся до шеи, ища металлическую ленту автопереводчика, и заговорил — но не на языке Норби!

— Сюда, сюда, взять этих!

Юкурти поднял руки и, продолжая выбивать пальцами ритм, медленно изобразил несколько жестов. Логан, Куэйд и Хостин повторили это сообщение вслух, не в силах понять, как это произошло.

«Мы, Выбивающие-Гром, силами своей магии вызвали

огонь с небес. Разгони тучи своей властью, фальшивый Выбивающий-Гром!»

Несомненно, это был вызов.

Едва он прозвучал, красно-пурпурное облако над горой взорвалось молниями. Дин беспомощно заозирался, не находя слов.

Это была магия, но не магия техники, а древняя магия самой планеты, подобная магии народа Хостина; индеец знал её и верил в неё. Он почувствовал радостную лёгкость в теле и на душе и победно засмеялся.

Синие вспышки в темноте достигли вершины горы, под которой скрывалась машинная пещера. Вершина засветилась голубоватым свечением. Откуда-то с неба пришла гигантская молния, ударившая в самую вершину.

Точно так же когда-то стрелял молниями Дин. Но на этот раз стрелял не он. Гора осела вниз, донёсся страшный грохот землетрясения и падающих глыб. Взметнулось пламя адского взрыва. Люди и Норби упали навзничь, в ужасе закрыв лица руками.

Где-то горела трава, трещали искры. Но воздух был свеж, пахло озоном. Хостин поднял голову. Чёрное облако уходило за горизонт. Логан и Брэд Куэйд отряхивали пыль с одежды. Только Нейджер лежал и постанывал. Кажется, его задело камнем.

Нсвдалекс над неподвижно лежащим человеком стоял шаман Юкурти. Его руки были подняты к небу в благодарственной молитве. Четверо Барабанщиков рядом с ним били в барабаны благоговейный марш.

Вход в пещеру был завален оплавленной массой камней. А вся верхушка горы осела куда-то внутрь.

Юкурти заговорил пальцами:

«Сила планеты решила изгнать фальшивого Повелителя Грома. Да будет так».

Он повернулся и пошёл в долину. За ним последовали воины и Барабанщики. Нейджер склонился к неподвижному человеку:

— По-моему, Дина убило молнией.

— Юкурти сказал правду, — отозвался Брэд Куэйд. — Сила планеты убила фальшивого Повелителя Грома. Да будет так.

Гора теперь вновь была запечатана. Может быть, кто-нибудь когда-нибудь вновь придёт сюда и попытается разгадать секреты управления молниями. Может быть, учёные найдут объяснение этим феноменам и поставят управление молниями на службу человеку. Но это — в будущем. А сейчас Хостин был согласен с Юкурти, что есть силы и силы, и иногда они встречаются в битве. И сила, которой он верил, — победила. Это победа здравого смысла, а не сумасшедших амбиций. Люди и Норби сохранили мир. Никогда над Арзором не проявит свою злую волю фальшивый Повелитель Грома. И в других мирах — тоже.

Содержание

ПОВЕЛИТЕЛЬ ЗВЕРЕЙ 3

Перевод Валентины Щербаковой

ПОВЕЛИТЕЛЬ ГРОМА 205

*Перевод Валентины Щербаковой и
Константина Прилипка*

Книготорговый
отдел
издательства
«СИГМА-ПРЕСС»

107140, г. Москва, Россия,
Б. Краснопрудный тупик, дом 8/12
☐ Факс 264 99 54

☐ Телефоны 264 2976
264 30 87

**предлагает книжную продукцию
в ассортименте.**

*Покупая книги по нашим ценам,
Вы покупаете их у себя в городе.*

Если Вы получаете книги
в железнодорожных контейнерах,
ЗНАЙТЕ — так работали ВЧЕРА.
СЕГОДНЯ есть более оперативный
способ доставки.

**В ЛЮБОЙ ГОРОД РОССИИ
МЫ ДОСТАВИМ
КУПЛЕННЫЕ У НАС КНИГИ
В ТОЧНО ОГОВОРЕННЫЙ СРОК.**

Форма оплаты по договоренности.
Минимальная партия — **500 пачек.**

МЫ ЖДЕМ ВАС!

Агентство Андре Нортон

**представляет права на публикацию
произведений зарубежных авторов и
художников. Тематическое и жанровое
составление, детективы, фантастика,
триллеры, ужасы, вестерны,
музыкальная литература...**

**Майкл МУРКОК, Глен КУК, Джеймс УАЙТ,
Сара ПАРЕЦКИ, Тед ВУД,
Джеймс ГРАНТ, Эдвард ЛИ,
Эрл МЭРФИ, Майкл БЕЛАН,
Родни МЭТТЮ
и др.**

(095) 264-30-87, (095) 264-99-54

Андрэ Нортон
ПОВЕЛИТЕЛЬ ЗВЕРЕЙ

Литературно-художественное издание

Ответственный за выпуск
Гусейнов И. З.

Ответственный редактор
Голованёв М. В.

Редактор
Прилипко К. В.

Художник
Аввакумов Д. И.

Технический редактор
Казачек В. Н.

Издательская лицензия ЛР № 070157 от 02.10. 91 г.

Сдано в набор 05.01.94 г. Подписано в печать 04.03.94 г.

Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная № 1.

Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Уч. изд. л. 23,1.

Физ. п. л. 12. Тираж 50 000 экз. Заказ 1901. «С» — 24.

Издательство «Зеленоградская книга».
103489, Москва, Зеленоград, корп. 448, кв. 1

Подготовлено к печати издательством «Новинтех-Пресс», г. Тверь, а/я 0605

Отпечатано в АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

